This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

XXI.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1908 ГОДЪ

КНИГА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

24127 отд. т

СОДЕРЖАНІЕ:

М. Горькій. Мать.
Э. Верхарнъ. Монастырь.
С. Гусевъ-Оренбургскій. Судъ.
Л. Дейчъ. Четыре побѣга.
Ив. Бунинъ. Русь.
А. Купринъ. Ученикъ.
Шоломъ Ашъ. Съ волной.
А. Серафимовичъ. Какъ было.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

PG3227
S33
v. 54
21

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JAN

СОДЕРЖАНІЕ:

	стран.
М. Горькій. Мать. (*Окончаніе*)	1
Э. Верхарнъ. Монастырь.	65
С. Гусевъ-Оренбургскій. Судъ	115
Л. Дейчъ. Четыре побѣга.	131
Ив. Бунинъ. Русь. Стихи.	303
А. Купринъ. Ученикъ.	311
Шоломъ Ашъ. Съ волной.	329
А. Серафимовичъ. Какъ было	361

М. ГОРЬКІЙ.

МАТЬ.

(Окончаніе).

М. Горькій. Мать.

За англійскимъ изданіемъ этой повѣсти, вышущеннымъ фирмой

Appleton and Company,

436 Fifth Avenue, New-York,

или ея уполномоченными,

закрѣплены всѣ права оригинала. Оно пользуется защитой законовъ объ авторскихъ правахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, въ Великобританіи и другихъ странахъ, гдѣ говорятъ по-англійски.

Во избѣжаніе недоразумѣній, гг. переводчиковъ просятъ предварительно обращаться къ указанной фирмѣ, или къ представителю автора внѣ Россіи, Ив. Павл. Ладыжникову, адресъ котораго:

Berlin W, 15, Uhlandstrasse, 145;
„Bühnen-und-Buch-Verlag russischer Autoren
J. Ladyschnikow“.

XXX.

Дома дверь ей отперъ Николай, растрепанный, съ книгой въ рукахъ.

— Уже?—воскликнулъ онъ радостно.—Скоро вы... Ну, чудесно! Я радъ... очень!

Глаза его ласково и живо мигали подъ очками, онъ помогалъ ей раздѣваться и, съ ласковой улыбкой заглядывая въ лицо, говорилъ:

— А у меня ночью, видите ли, обыскъ былъ, я подумалъ—какая причина? Не случилось ли чего съ вами?.. Но—не арестовали... Вѣдь если бы васъ арестовали, такъ и меня не оставили бы!..

Онъ ввелъ ее въ столовую, оживленно продолжая:

— Однако—предложили прогнать меня со службы. Это—не огорчаетъ... Мнѣ уже надоѣло считать безлошадныхъ крестьянъ и—некогда...

Комната имѣла такой видъ, точно кто-то сильный въ глупомъ припадкѣ озорства толкалъ съ улицы въ стѣны дома, пока не растрясъ все внутри его. Портреты валялись на полу, обои были отодраны и торчали клочьями, въ одномъ мѣстѣ приподнята доска пола, вывороченъ подоконникъ, на полу у печи разсыпана зола. Мать покачала головой при видѣ знакомой картины и пристально посмотрѣла на Николая, чувствуя въ немъ что-то новое.

На столѣ стоялъ погасшій самоваръ, немытая посуда, колбаса и сыръ на бумагѣ вмѣсто тарелки, валялись

куски и крошки хлѣба, книги и самоварные угли. Мать усмѣхнулась, Николай тоже сконфуженно улыбнулся.

— Это ужъ я дополнилъ картину погрома... но ничего, Ниловна, ничего! Я думаю, они опять придутъ, оттого и не убиралъ все это. Ну, какъ вы съѣздили?

Вопросъ тяжело толкнулъ ее въ грудь—передъ нею всталъ Рыбинъ и она почувствовала себя виноватой, что сразу не заговорила о немъ. Наклонясь на стулѣ, она подвинулась къ Николаю и стараясь сохранить спокойствіе, боясь позабыть что-нибудь, начала разсказывать.

— Схватили его...

Лицо Николая дрогнуло.

— Да? Какъ?

Мать остановила его вопросъ движеніемъ руки и продолжала такъ, точно она сидѣла предъ лицомъ самой справедливости, принося ей жалобу на истязаніе человѣка. Николай откинулся на спинку стула, поблѣднѣлъ и, закусивъ губу, слушалъ. Онъ медленно снялъ очки, положилъ ихъ на столъ, провелъ по лицу рукой, точно стирая съ него невидимую паутину. Лицо его сдѣлалось острымъ, странно высунулись скулы, вздрагивали ноздри—мать впервые видѣла его такимъ, и онъ немного пугалъ ее.

Когда она кончила, онъ всталъ, съ минуту молча ходилъ по комнатѣ, сунувъ кулаки глубоко въ карманы. Потомъ сквозь зубы пробормоталъ:

— Крупный человѣкъ, должно быть... такая красота! Ему будетъ трудно въ тюрьмѣ, такіе, какъ онъ, плохо чувствуютъ себя тамъ!..

Онъ все глубже пряталъ руки, сдерживая свое волненіе, но все-таки оно чувствовалось матерью. Глаза у него стали узкими, точно концы ножей...

. . . . . .

Но, овладѣвъ своимъ возбужденіемъ, почти спокойно, *съ твердымъ* блескомъ въ глазахъ, взглянулъ въ лицо *матери, залитое безмолвными* слезами.

— Намъ, однако, нельзя терять времени, Ниловна... Давайте, дорогой товарищъ, попробуемъ взять себя въ руки...

Грустно улыбаясь, онъ подошелъ къ ней и, наклонясь, спросилъ, пожимая ея руку:

— Гдѣ вашъ чемоданъ?

— Въ кухнѣ!—отвѣтила она.

— У нашихъ воротъ стоятъ шпіоны—такую массу бумаги мы не сумѣемъ вынести изъ дому незамѣтно... спрятать негдѣ, а я думаю, они снова придутъ сегодня ночью. Я не хочу, чтобы васъ арестовали... Значитъ, какъ ни жаль труда—давайте, сожжемъ все это.

— Что?—спросила мать.

— Все, что въ чемоданѣ.

Она поняла его и—какъ ни грустно было ей—чувство гордости своею удачей вызвало на лицѣ у нея улыбку.

— Ничего тамъ нѣтъ, ни листика!—сказала она и, постепенно оживляясь, начала разсказывать о своей встрѣчѣ съ Чумаковымъ. Николай слушалъ ее сначала безпокойно, хмуря брови, потомъ съ удивленіемъ и наконецъ вскричалъ, перебивая разсказъ:

— Слушайте—да это отлично! Вы удивительно счастливый человѣкъ... Какъ я радъ!

Онъ смущенно замялся и, стиснувъ ея руку, тихо воскликнулъ:

— Вы такъ трогаете вашей вѣрой въ людей, у васъ такая хорошая душа... я, право, люблю васъ, какъ мать родную не любилъ...

Она обняла его за шею, счастливо всхлипнувъ, прижала его голову къ своимъ губамъ.

— Можетъ быть...—бормоталъ онъ, взволнованный и смущенный новизной своего чувства,—можетъ быть я говорю очень глупо...

Видя, что онъ обновился, чувствуя въ немъ большую радость, она съ мягкимъ любопытствомъ, улыбаясь

слѣдила за нимъ и хотѣла понять, отчего онъ сталъ такой яркій и живой.

— Вообще—чудесно!—потирая руки говорилъ онъ и смѣялся тихимъ, ласковымъ смѣхомъ.—Я, знаете, въ эти дни страшно хорошо жилъ—все время съ рабочими, читалъ, говорилъ, смотрѣлъ... И въ душѣ накопилось такое... удивительно здоровое, чистое... Какіе хорошіе люди, Ниловна! Точно майскіе дни! Я говорю о молодыхъ рабочихъ—крѣпкіе, чуткіе... полные жажды все понять... Смотришь на нихъ и видишь—Россія будетъ самой яркой демократіей земли!

Онъ утвердительно поднялъ руку, точно давалъ клятву и, помолчавъ, продолжалъ:

— Я, знаете, сидѣлъ тутъ, писалъ и—какъ-то окисъ, заплѣснѣвѣлъ на книжкахъ и цифрахъ... Почти годъ такой жизни—это уродство... Я вѣдь привыкъ быть среди рабочаго народа и когда отрываюсь отъ него, мнѣ дѣлается неловко... знаете, натягиваюсь я, напрягаюсь для этой жизни... А теперь я снова могу жить свободно, буду съ ними видѣться, заниматься... Вы понимаете—буду у колыбели новорожденныхъ мыслей, предъ лицомъ юной, творческой энергіи. Это удивительно просто, красиво и страшно возбуждаетъ... дѣлаешься молодымъ и твердымъ, свѣтлѣешь и живешь богато!

Онъ засмѣялся, смущенно и весело, и его радость захватывала сердце матери, понятная ей.

— А потомъ—ужасно вы хорошій человѣкъ!—воскликнулъ Николай.—Есть у васъ какая-то великая, мягкая сила... она властно влечетъ къ вамъ сердце... Какъ вы ярко рисуете людей... какъ хорошо ихъ видите!..

— Я вижу вашу жизнь, понимаю, дорогой мой...

— Васъ—любишь... а это такъ чудесно любить человѣка... такъ хорошо... вы знаете!..

— Это вы воскрешаете людей изъ мертвыхъ, вы!—*горячо шептала* мать, гладя его руку.—Дорогой мой, *думаю я, вижу*—*много* труда, много терпѣнія надо! И

хочу, чтобы не падали силы ваши... Вы послушайте-ка какъ дальше было... Женщина тамъ, говорю, жена этого...

Николай сѣлъ рядомъ съ ней, смущенно отвернувъ всторону радостное лицо и приглаживая волосы, но скоро повернулся и, глядя на мать, жадно слушалъ ея плавный, простой и яркій разсказъ.

— Удивительная удача!—воскликнулъ онъ.—У васъ была полная возможность попасть въ тюрьму и вдругъ... Да, видимо, пошевеливается и крестьянинъ... это естественно, впрочемъ. Эта женщина—удивительно четко вижу я ее!.. чувствую гнѣвное сердце... вы вѣрно сказали: она—не погаснетъ... никогда!..

— Вотъ бы Пашѣ-то выйти на волю... и Андрюшѣ!— тихонько сказала она.

Онъ взглянулъ на нее и опустилъ голову.

— Видите ли, Ниловна... это вамъ тяжело будетъ слышать, но я, все-таки, скажу... я хорошо знаю Павла— изъ тюрьмы онъ не уйдетъ! Ему нуженъ судъ, ему нужно встать во весь ростъ... онъ отъ этого не откажется. И не надо!.. Онъ уйдетъ изъ Сибири.

Мать вздохнула и тихо отвѣтила:

— Ну, что же... Онъ знаетъ какъ лучше...

Николай быстро вскочилъ на ноги и вдругъ, снова охваченный радостью, сказалъ, наклонивъ голову:

— Благодаря вамъ, Ниловна, я сегодня пережилъ великолѣпныя минуты... можетъ быть лучшія въ моей жизни... Спасибо вамъ... и давайте—поцѣлуемся!

Они обнялись, молча глядя въ глаза другъ другу.

— Вотъ—хорошо!—тихо сказалъ онъ.

Мать разжала руки, обнимавшія его шею, и засмѣялась счастливымъ смѣхомъ.

— Гмъ!—говорилъ Николай въ слѣдующую минуту, глядя на нее черезъ очки.—Кабы этотъ вашъ мужичекъ поторопился придти къ намъ!.. Видите ли, о Рыбинѣ *необходимо написать* бумажку для деревни, ему это не

повредитъ, разъ онъ ведетъ себя такъ смѣло, а дѣлу—поможетъ... Я сегодня же напишу, Людмила живо ее напечатаетъ... А вотъ какъ она, бумажка, попадетъ туда?

— Я свезу...

— Нѣтъ, благодарю!..—быстро воскликнулъ Николай.—Я думаю—не годится ли Вѣсовщиковъ для этого, а?

— Поговорить съ нимъ?

— Вотъ пробуйте-ка!.. И поучите его.

— А что же я-то буду дѣлать?

— Не безпокойтесь!

Онъ сѣлъ писать. Она прибирала на столѣ, поглядывая на него, и видѣла какъ дрожитъ перо въ его рукѣ, покрывая бумагу рядами черныхъ словъ. Иногда кожа на шеѣ у него вздрагивала, онъ откидывалъ голову, закрывъ глаза, у него дрожалъ подбородокъ. Это волновало ее.

— Вотъ и готово! — сказалъ онъ, вставая. — Вы спрячьте эту бумажку гдѣ-нибудь на себѣ... Но знайте, если придутъ жандармы, васъ тоже обыщутъ...

— Пусъ съ ними!—спокойно отвѣтила она.

Вечеромъ пріѣхалъ докторъ Иванъ Даниловичъ.

— Почему это начальство вдругъ такъ обезпокоилось?—говорилъ онъ, бѣгая по комнатѣ. – Семь обысковъ было ночью. Гдѣ же больной, а?

— Онъ ушелъ еще вчера!—отвѣтилъ Николай.—Сегодня, видишь ли, суббота, у него чтеніе... такъ онъ не можетъ пропустить...

— Ну, это глупо съ расколотой головой на чтеніе сидѣть...

— Доказывалъ я ему, но безуспѣшно...

— Похвастаться охота передъ товарищами,—замѣтила мать,—вотъ, молъ, глядите—я уже кровь свою пролилъ...

Докторъ взглянулъ на нее, сдѣлалъ свирѣпое лицо и сказалъ, стиснувъ зубы:

— У, кровожадная...

— Ну, Иванъ, тебѣ здѣсь дѣлать нечего, а мы ждемъ гостей—уходи! Ниловна, дайте-ка ему бумажку...

— Еще бумажка?—воскликнулъ докторъ.

— Вотъ! Возьми и передай въ типографію.

— Взялъ. Передамъ. Все?

— Все. У воротъ шпіонъ.

— Видѣлъ. У моей двери тоже. Ну, до свиданья! До свиданья, свирѣпая женщина... А знаете, друзья, драка на кладбищѣ—хорошая вещь, въ концѣ концовъ! О ней говоритъ весь городъ, она волнуетъ, заставляетъ думать... Твоя бумажка по этому поводу очень хороша и поспѣла во-время... Я всегда говорилъ, что хорошая ссора лучше худого мира...

— Ладно, ты иди...

— Не весьма любезно! Ручку, Ниловна! А паренекъ поступилъ глупо, все-таки... Ты знаешь гдѣ онъ живетъ?

Николай далъ адресъ.

— Завтра надо съѣздить къ нему... славный ребенокъ, а?

— Очень... Чудесное сердце...

— Надо его поберечь... у него мозги здоровые!—говорилъ докторъ уходя. — Именно изъ такихъ ребятъ должна вырости истинно пролетарская интеллигенція, которая смѣнитъ насъ, когда мы отыдемъ туда, гдѣ, вѣроятно, нѣтъ уже классовыхъ противорѣчій...

— Ты сталъ много болтать, Иванъ...

— А мнѣ весело, это потому... Ну, иду... Значитъ—ожидаешь тюрьмы? Желаю тебѣ отдохнуть тамъ.

— Благодарю. Я не усталъ.

Мать слушала ихъ разговоръ, и ей была пріятна забота о рабочемъ.

Проводивъ доктора, Николай и мать стали пить чай и закусывать, ожидая ночныхъ гостей и тихо разговаривая. Николай долго разсказывалъ ей о своихъ товарищахъ, жившихъ въ ссылкѣ, о тѣхъ, которые уже

жали оттуда и продолжаютъ свою работу подъ чужими именами. Голыя стѣны комнаты отталкивали тихій звукъ его голоса, какъ бы изумляясь и не довѣряя этимъ исторіямъ о скромныхъ геройхъ, безкорыстно отдавшихъ свои силы великому дѣлу обновленія міра. Теплая тѣнь ласково окружала женщину, грѣя сердце чувствомъ любви къ невѣдомымъ людямъ, и они складывались въ ея воображеніи всѣ—въ одного огромнаго человѣка, полнаго неисчерпаемой мужественной силы. Онъ медленно, но неустанно идетъ по землѣ, очищая съ нея влюбленными въ свой трудъ руками вѣковую плѣсень лжи, обнажая передъ глазами людей простую и ясную правду жизни. И великая правда, воскресая, всѣхъ одинаково привѣтно зоветъ къ себѣ, всѣмъ равно обѣщаетъ свободу отъ жадности, злобы и лжи, трехъ чудовищъ, которыя поработили и запугали своей циничной, жесткой силой весь міръ... Этотъ образъ вызывалъ въ душѣ ея чувство, подобное тому, съ которымъ она, бывало, становилась передъ иконой, заканчивая радостной и благодарной молитвой тотъ день, который казался ей легче другихъ дней ея жизни. Теперь она забыла эти дни, а чувство, вызываемое ими, расширилось, стало болѣе свѣтлымъ и радостнымъ, глубже вросло въ душу и, живое, разгоралось все ярче.

— А жандармы не идутъ!—вдругъ прерывая свой разсказъ, воскликнулъ Николай.

Мать взглянула, на него и, помолчавъ, съ досадой отозвалась:

— А ну ихъ ко псамъ!

— Разумѣется! Но вамъ пора спать, Ниловна, вы, должно быть, отчаянно устали... удивительно крѣпкая вы, слѣдуетъ сказать! Сколько волненій, тревогъ... и такъ легко вы переживаете все! Только вотъ волосы [illegible]о сѣдѣютъ... Ну, идите, отдыхайте.

[illegible]кали другъ другу руки и разошлись.

[illegible]ъ заснула быстро, спокойно и проснулась утромъ,

разбуженная громкимъ стукомъ въ дверь кухни. Стучали непрерывно, съ терпѣливымъ упорствомъ. Было еще темно, тихо и въ тишинѣ упрямая дробь стука текла быстрымъ, мутнымъ ручьемъ, вызывая тревогу. Наскоро одѣвшись, мать быстро вышла въ кухню и, стоя передъ дверью, спросила:

— Кто тамъ?

— Я!—отвѣтилъ незнакомый голосъ.

— Кто?

— Отоприте!—просительно и тихо отвѣтили изъ-за двери.

Мать подняла крючокъ, толкнула дверь ногой—вошелъ Игнатъ и радостно сказалъ:

— Ну, не ошибся! Попалъ...

Онъ былъ по поясъ забрызганъ грязью, лицо у него посѣрѣло, глаза ввалились и только кудрявые волосы буйно торчали во всѣ стороны, выбиваясь изъ-подъ шапки.

— У насъ—бѣда!—заперевъ дверь, шопотомъ произнесъ онъ.

— Я знаю...

Это удивило парня. Мигнувъ глазами, онъ спросилъ:

— Какъ... Откуда?

Она кратко и торопливо разсказала.

— А тѣхъ двухъ взяли? Товарищей-то?

— Ихъ не было. Они на явку пошли... рекрута! Пятерыхъ взяли, считая дядю Михайла...

Онъ потянулъ воздухъ носомъ и, ухмыляясь, сказалъ:

— А я остался... Должно — ищутъ меня. Пускай ищутъ! Я ужъ туда не пойду... ни за что! Тамъ еще есть народъ—человѣкъ семь парней и дѣвица одна... ничего! Все надежные...

— Какъ же ты уцѣлѣлъ? — спросила мать. Дверь изъ комнаты тихо пріотворилась.

— Я?—сидя на лавкѣ и оглядываясь, воскликнулъ Игнатъ. — А они ночью прилѣзли, на заводъ прямо... ну, за минуту передъ ними лѣсникъ прибѣгъ — стучитъ въ окно — держись, ребята, говоритъ, лѣзутъ на васъ...

Онъ тихонько засмѣялся, вытеръ лицо полой кафтана и продолжалъ:

— Ну, дядю Михайла и молоткомъ не оглушишь, не то что!.. Сейчасъ онъ мнѣ — Игнатъ, въ городъ, живо!.. Помнишь женщину пожилую? А самъ записку строчитъ...—На, иди... Прощай, братъ!—Толкнулъ меня въ спину. Я, значитъ, выбросился изъ избы, да ползкомъ, да кустами, а слышу — лѣзутъ! Много ихъ, должно быть, со всѣхъ сторонъ шумятъ, дьяволы. Петлей вокругъ завода.. я легъ въ кустахъ... прошли мимо! Тутъ я всталъ и давай шагать, и давай! Двѣ ночи шелъ и весь день безъ отдыха. Вотъ до чего усталъ на недѣлю! Ноги—гудутъ...

Видно было, что онъ доволенъ собой, въ его карихъ глазахъ свѣтилась улыбка, крупныя красныя губы вздрагивали.

— Сейчасъ я тебя чаемъ напою!—торопливо говорила мать, схвативъ самоваръ. — Ты умойся пока... легче будетъ...

— Вы записку-то получите...

Онъ съ трудомъ поднялъ ногу, согнулъ ее, морщась и покрякивая, поставилъ на лавку и сталъ развязывать онучу.

— Испугался я... ну, думаю, пропалъ!..

Въ дверяхъ явился Николай. Игнатъ конфузливо спустилъ ногу на полъ, хотѣлъ встать, но пошатнулся и снова грузно сѣлъ, упираясь руками въ лавку.

— Ну и усталъ... ахъ ты...

- Здравствуйте, товарищъ!—сказалъ Николай, лащуря глаза и кивая головой.—Позвольте, я вамъ

Опустившись передъ нимъ на полъ, онъ сталъ быстро разматывать грязную онучу.

— Ну!—тихо воскликнулъ парень, дергая ногой и, удивленно мигая глазами, поглядѣлъ на мать.

Не замѣчая его взгляда, она сказала:

— Надо ему водкой ноги-то растереть... это помогаетъ!

— Конечно!—молвилъ Николай.

Игнатъ смущенно фыркнулъ.

Николай нашелъ записку, расправилъ ее, посмотрѣлъ и протянулъ матери.

— Вамъ.

— Читайте...

Приблизивъ сѣрую, измятую бумажку къ лицу, Николай прочиталъ:

„Не оставляй дѣла мать безъ вниманія скажи высокой барынѣ чтобы не забывала чтобы больше писали про наши дѣла прошу. Прощай. Рыбинъ“.

— Голубчикъ мой!—грустно сказала мать.—Его уже за горло взяли, а онъ...

Николай медленно опустилъ руку съ запиской и негромко молвилъ:

— Это.. великолѣпно!..

Игнатъ смотрѣлъ на нихъ, тихонько шевеля грязными пальцами разутой ноги; мать, скрывая лицо, смоченное слезами, подошла къ нему съ тазомъ воды, сѣла на полъ и протянула руки къ его ногѣ — онъ быстро сунулъ ее подъ лавку, испуганно воскликнувъ:

— Чего? Напрасно... это...

— А ты давай скорѣе ногу...

— Сейчасъ я принесу спиртъ, — сказалъ Николай.

Парень засовывалъ ногу все дальше подъ лавку и бормоталъ:

— Что вы?.. Это не полагается...

Тогда она молча начала разувать другую. Круглое лицо Игната удивленно вытянулось, онъ безпомощно оглянулся широко открытыми глазами и тихо заявилъ

— Да вѣдь мнѣ... щекотно будетъ!..

— Потерпишь! — отвѣтила мать, принимаясь мыть. Игнатъ громко сапнулъ носомъ и, неуклюже двигая шеей, смотрѣлъ на нее сверху внизъ, смѣшно распустивъ губы.

— А ты знаешь,—заговорила она вздрагивающимъ голосомъ,—били Михаила Ивановича...

— Ну?—тихо и пугливо воскликнулъ парень.

— Да. И привели его избитаго, и въ Никольскомъ урядникъ билъ, становой... и по лицу, и пинками... въ кровь!

Мать замолчала, сдавленная воспоминаніями.

— Они это умѣютъ!—отозвался парень, хмуря брови. Плечи у него вздрогнули. — То есть — боюсь я ихъ — какъ чертей!.. А мужики... не били?

— Одинъ ударилъ, становой приказалъ ему. А всѣ— ничего, вступились даже—нельзя, говорятъ, бить...

— Н-да-а... мужики-то начинаютъ понимать, гдѣ кто стоитъ и зачѣмъ...

— Тамъ тоже есть разумные...

— Гдѣ ихъ нѣтъ? Нужда! Вездѣ они есть — найти трудно... Позабились въ щели и сосутъ себѣ сердце, каждый свое. А собраться въ кучу — не хватаетъ рѣшимости...

Николай принесъ бутылку спирта, положилъ углей въ самоваръ и молча ушелъ. Проводивъ его любопытными глазами, Игнатъ спросилъ мать тихонько:

— Баринъ?

— Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ господъ, всѣ — товарищи...

— Чудно мнѣ! — сказалъ Игнатъ, недовѣрчиво и растеряпно улыбаясь.

— Что чудно?

— Да такъ... На одномъ концѣ рожи бьютъ, на другомъ — ноги моютъ... а середина есть какая-нибудь?

. . . . . .

— Ниловна, — сказалъ Николай, — вы устали, давайте я...

Парень тревожно дернулъ ногами...

— Будетъ ужъ!—отвѣтила мать, вставая.—Ну, Игнатій, ты теперь умывайся...

Парень всталъ, переступилъ съ ноги на ногу, твердо упираясь ими въ полъ и замѣтилъ:

— Какъ новыя стали! Спасибо вамъ... ну, такое спасибо...

Лицо у него скривилось, губы дрогнули и покраснѣли глаза. Помолчавъ и глядя въ тазъ съ черной водой, онъ тихо прошепталъ:

— И даже не знаю--какое...

Потомъ сидѣли въ столовой и пили чай, а Игнатъ разсказывалъ солиднымъ голосомъ:

— Я разносчикомъ былъ, ходить я очень здоровъ. Мнѣ дядя Михайло препоручилъ — неси ты! И пропадешь, такъ одинъ...

— Много народа читаетъ?—спросилъ Николай.

— Всѣ, которые грамотные... даже богачи нѣкоторые читаютъ... они, конечно, не у насъ берутъ... насъ бы они живо связали! Они вѣдь понимаютъ — петля имъ это...

. . . . . .

Николай задумчиво воскликнулъ:

— Какъ бы намъ поскорѣе направить туда листокъ объ арестѣ Рыбина!

Игнатъ насторожился.

— Я сегодня поговорю!—сказала мать.

— А ужъ есть листокъ?—спросилъ Игнатъ.

— Да.

— Давайте—я снесу!—предложилъ парень, потирая руки и блестя глазами.—Я знаю куда и какъ... давайте!

Мать тихонько засмѣялась, не глядя на него.

— Да вѣдь усталъ ты и боишься, и сказалъ, что *никогда ужъ не* пойдешь туда...

Игнатъ чмокнулъ губами и, приглаживая широкой ладонью кудрявые волосы на головѣ, дѣловито и спокойно говорилъ:

— Усталъ—отдохну... А, конечно, боюсь!.. Они вонъ какъ — въ кровь бьютъ, сами вы говорите... кому же охота увѣчье получить? Ну, я ночью какъ-нибудь... пройду, ничего! Давайте... вечеркомъ сегодня и двинусь...

Онъ помолчалъ, подумалъ, хмуря брови.

— Я дойду до лѣса и тамъ спрячу, а потомъ извѣщу своихъ—идите, берите! Это—лучше... А ежели самому разносить, да попадешься—жалко будетъ бумажку-то... Тутъ надо осторожно дѣлать, ихъ не больно много, бумажекъ-то...

— А какъ же страхъ твой? — снова замѣтила мать съ улыбкой. Ее веселилъ этотъ кудрявый, крѣпкій парень искренностью, звучавшей въ каждомъ словѣ его, и своимъ круглымъ упрямымъ лицомъ.

— Страхъ—страхомъ, а дѣло—дѣломъ! — отвѣтилъ онъ, оскаливая зубы.—Вы чего надо мной насмѣхаетесь? Ишь вы, тоже... Развѣ не боязно? Ну, а надо будетъ—и въ огонь полѣзешь... такое дѣло!.. Требуетъ...

— Эхъ ты... дитя ты мое! — невольно воскликнула мать, поддаваясь чувству радости, вызванному имъ.

Онъ ухмыльнулся сконфуженный.

— Ну, вотъ... дитя!

Заговорилъ Николай, все время разглядывавшій парня добродушно прищуренными глазами.

— Вы не пойдете туда...

— А что мнѣ дѣлать? Куда же я? — безпокойно спросилъ Игнатъ.

— Вмѣсто васъ пойдетъ другой, а вы ему подробно разскажете, что надо дѣлать и какъ—хорошо?

— Ладно!—сказалъ Игнатъ, не вдругъ и неохотно.

— А вамъ мы достанемъ хорошій паспортъ и устро-

имъ васъ лѣсникомъ...

Парень быстро вскинулъ голову и спросилъ обезпокоенный:

— А ежели мужики за дровами пріѣдутъ или тамъ... вообще... какъ же я? Вязать? Это—не подойдетъ мнѣ...

Мать засмѣялась и Николай тоже; это снова смутило и огорчило парня.

— Не безпокойтесь! — утѣшилъ его Николай. — Не придется вамъ вязать мужиковъ... вы ужъ повѣрьте!..

— Ну, то-то!—молвилъ Игнатъ и успокоился, довѣрчиво и весело улыбаясь Николаю. — Мнѣ бы вотъ на фабрику, тамъ, говорятъ, ребята довольно умные...

Въ немъ, въ его широкой груди все время точно горѣлъ огонь, неровный, еще неувѣренный въ своей силѣ. Онъ ярко мелькалъ въ его глазахъ, отражаясь изнутри и вдругъ, пугливо угасая, покрывалъ ихъ дымомъ недоумѣнной тревоги и растерянности.

Мать поднялась изъ-за стола и, задумчиво глядя въ окно, проговорила:

— Эхъ, жизнь... пять разъ въ день насмѣешься, пять наплачешься... хорошо! Ну, кончилъ, Игнатій? Иди спать...

— Да я не хочу...

— Иди, иди...

— Строго у васъ! Ну, иду... Спасибо за чай-сахаръ... за ласку...

Ложась на постель матери, онъ бормоталъ, почесывая голову:

— Теперь ото всего дегтемъ будетъ вонять у васъ... эхъ! Напрасно все это... баловство одно... спать мнѣ не хочется... А хорошіе люди... Даже какъ-то непонятно... словно за сто тысячъ верстъ отъ деревни-то ушелъ...

И вдругъ, громко всхрапнувъ, онъ заснулъ съ высоко-поднятыми бровями и полуоткрытымъ ртомъ...

Поздно вечеромъ онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ подвальнаго этажа на стулѣ противъ Вѣсовщикова и пониженнымъ тономъ, наморщивъ брови, говорилъ ему:

— *Въ среднее окошко* четыре разъ...

— Четыре?—озабоченно повторилъ Николай.

— Сначала—три, вотъ такъ...

И ударилъ согнутымъ пальцемъ по столу, считая:

— Разъ, два, три. Потомъ, обождавъ, еще разъ.

— Понимаю.

— Отопретъ рыжій мужикъ, спроситъ—за повитухой? Вы ему скажете—да, отъ заводчика.—Больше ничего, ужъ онъ пойметъ дѣло.

Они сидѣли, наклонясь другъ къ другу головами, оба плотные, твердые и, сдерживая голоса, разговаривали, а мать, сложивъ руки на груди, стояла у стола, разглядывая ихъ. Всѣ эти тайные стуки, условные вопросы и отвѣты заставляли ее внутренно улыбаться и она думала:

— Дѣти еще...

На стѣнѣ горѣла лампа, освѣщая темныя пятна сырости и картинки изъ журналовъ, на полу валялись измятыя ведра, обрѣзки кровельнаго желѣза, въ окно, изъ темной высоты, смотрѣла большая, яркая звѣзда.

Запахъ ржавчины, масляной краски и сырости наполнялъ комнату.

Игнатъ былъ одѣтъ въ толстое осеннее пальто изъ мохнатой матеріи и оно ему нравилось; мать видѣла, какъ любовно гладилъ онъ ладонью рукавъ, какъ осматривалъ себя, тяжело ворочая крѣпкой шеей. И въ груди ея мягко билось.

— Дѣти... милые... родные мои...

— Вотъ!—сказалъ Игнатъ вставая.—Значитъ, помните—сначала къ Муратову, спросите дѣдушку...

— Я запомнилъ!—отвѣтилъ Вѣсовщиковъ.

Но Игнатъ, повидимому, не повѣрилъ ему, снова повторилъ всѣ стуки, слова и знаки и, наконецъ, протянулъ руку.

— Теперь кончено! Прощайте, товарищъ! Кланяйтесь имъ.—*Игнатъ*, молъ, живъ, здоровъ! Народы хорошіе—*увидите*...

Онъ окинулъ себя довольнымъ взглядомъ, погладилъ пальто руками и спросилъ мать:

— Идти?

— Найдешь дорогу-то?

— Ну! Найду... До свиданья, значитъ, дорогіе товарищи!

И ушелъ, высоко приподнявъ плечи, выпятивъ грудь, въ новой шапкѣ набекрень, солидно засунувъ руки въ карманы. А на лбу и на вискахъ у него весело дрожали свѣтлыя, юныя кудри.

— Ну вотъ и я при дѣлѣ!—сказалъ Вѣсовщиковъ, мягко подходя къ матери.—Мнѣ ужъ скучно стало... выскочилъ изъ тюрьмы—зачѣмъ? Только и дѣлаю, что прячусь... А тамъ я учился... Тамъ Павелъ такъ нажималъ на мозги – одно удовольствіе! И Андрей шлифовалъ нашего брата тоже усердно... А что, Ниловна, не слыхала какъ насчетъ побѣга рѣшили—будутъ устраивать?

— Послѣ завтра узнаю!—отвѣтила она и, невольно вздохнувъ, повторила:—Послѣ завтра еще...

Положивъ ей на плечо тяжелую руку и приблизивъ къ ней лицо, Николай заговорилъ:

— Ты скажи имъ, старшимъ-то, они тебя послушаютъ, ужъ очень легко это! Ты погляди сама, вотъ—стѣна тюрьмы... около фонарь. Напротивъ пустырь, налѣво кладбище, направо улицы, городъ. Къ фонарю подходитъ фонарщикъ—днемъ, лампы чистить—ставитъ лѣстницу къ стѣнѣ, влѣзъ, зацѣпилъ за гребень стѣны крючья веревочной лѣстницы, спустилъ ее во дворъ тюрьмы и маршъ! Тамъ за стѣной знаютъ время, когда это будетъ сдѣлано, попросятъ уголовныхъ устроить шумъ или сами устроятъ, а тѣ, кому надо, въ это время по лѣстницѣ черезъ стѣнку—разъ, два—готово! И спокойно идутъ въ городъ, потому что погоня прежде всего бросится на пустырь, на кладбище...

Онъ быстро размахивалъ передъ лицомъ матери руками, *рисуя свой планъ*, и все у него выходило просто,

молчи, бьютъ—терпи, убили—лежи... Это извѣстно... А я Савку вытащу. Вытащу.

Его короткія, лающія фразы возбуждали у матери недоумѣніе, а послѣднія слова вызвали зависть.

Идя по улицѣ встрѣчу холодному вѣтру и дождю, она думала о Николаѣ.

— Какой сталъ... поди-ка ты!

И вспоминая Годуна, почти молитвенно размышляла:

— Видно не одна я заново живу!..

А вслѣдъ за этимъ въ сердцѣ ея выросла дума о сынѣ.

— Кабы онъ согласился...

XXXI.

Въ воскресенье, прощаясь съ Павломъ въ канцеляріи тюрьмы, она ощутила въ своей рукѣ маленькій бумажный шарикъ. Вздрогнувъ, точно онъ ожогъ ей кожу ладони, она взглянула въ лицо сына, прося и спрашивая, но не нашла отвѣта. Голубые глаза Павла улыбались обычной, знакомой ей улыбкой, спокойной и твердой.

— Прощай!—сказала она вздыхая.

Сынъ снова протянулъ ей руку и что-то ласковое, милое дрогнуло въ его лицѣ.

— Прощай, мама!

Она ждала, не выпуская руки.

— Не безпокойся... не сердись! — проговорилъ онъ.

Эти слова и упрямая складка на лбу отвѣтили ей.

— Ну, что ты?—бормотала она, опустивъ голову.— Чего тамъ...

И торопливо ушла, не взглянувъ на него, чтобы не выдать своего чувства слезами на глазахъ и дрожью губъ. Дорогой ей казалось, что кости руки, въ которой *она крѣпко сжала* отвѣтъ сына, ноютъ и вся рука отяжелѣла, *точно отъ удара* по плечу. Дома, сунувъ записку

въ руку Николая, она встала передъ нимъ и, ожидая когда онъ расправитъ туго скатанную бумажку, вдругъ снова ощутила трепетъ надежды. Но Николай сказалъ:

— Конечно!—Вотъ, что онъ пишетъ:—„Мы не уйдемъ, товарищи, не можемъ. Никто изъ насъ. Потеряли бы уваженіе къ себѣ. Обратите вниманіе на крестьянина, арестованнаго недавно. Онъ заслужилъ ваши заботы, достоинъ траты силъ. Ему здѣсь слишкомъ трудно. Ежедневныя столкновенія съ начальствомъ. Уже имѣлъ сутки карцера. Его замучаютъ. Мы всѣ просимъ за него. Утѣшьте, приласкайте мою мать. Разскажите ей, она все пойметъ. Павелъ".

Мать подняла голову и тихо, вздрогнувшимъ голосомъ, сказала:

— Ну... чего же разсказывать мнѣ? Я понимаю!

Николай быстро отвернулся всторону, вынулъ платокъ, громко высморкался и пробормоталъ:

— Схватилъ насморкъ, видите ли...

Потомъ, закрывъ глаза руками, чтобы поправить очки и расхаживая по комнатѣ, онъ заговорилъ:

— Видите ли, мы не успѣли бы, все равно...

— Ничего! Пусть судятъ!—говорила мать, нахмуривъ брови, а грудь наливалась сырой, туманной тоской.

— Вотъ, я получилъ письмо отъ товарища изъ Петербурга...

— Вѣдь онъ и изъ Сибири можетъ уйти... можетъ?

— Конечно!.. Товарищъ пишетъ—дѣло скоро назначатъ...

— Вы оставьте это, Николай Ивановичъ! — рѣшительно сказала мать.—Не надо меня утѣшать, не надо объяснять... Паша худо не сдѣлаетъ... даромъ мучить ни себя...

Она остановилась, передохнула.

— Ни другихъ — онъ не будетъ!.. И меня онъ любитъ... да! Вы видите — думаетъ обо мнѣ... Разъясните, *пишетъ, утѣшьте*, а?..

Сердце у нея стучало быстро, а голова немного кружилась отъ возбужденія.

— Вашъ сынъ прекрасный человѣкъ!—воскликнулъ Николай несвойственно громко. — И я очень люблю... уважаю его!

— Вотъ что, давайте-ка насчетъ Рыбина подумаемъ!— предложила она.

Ей хотѣлось что-нибудь дѣлать сейчасъ же, идти куда-то, ходить до усталости и потомъ уснуть, довольной работой дня.

— Да... хорошо! — отвѣтилъ Николай, все расхаживая по комнатѣ.—Такъ что же?.. Нужно бы Сашеньку...

— Она придетъ сейчасъ... Она всегда приходитъ въ тотъ день, когда я вижу Пашу...

Задумчиво опустивъ голову, покусывая губы и крутя бородку, Николай сѣлъ на диванъ рядомъ съ матерью.

— Жаль, нѣтъ сестры... она бы должна заняться дѣломъ Рыбина...

— Хорошо устроить это сейчасъ, пока Паша тамъ... ему пріятно будетъ!—говорила мать.

Помолчали и вдругъ мать сказала, медленно и тихо:

— Не понимаю... отчего онъ не хочетъ... если можно?

Николай вскочилъ на ноги, но раздался звонокъ. Они сразу взглянули другъ на друга.

— Это Саша... гм!—тихонько произнесъ Николай.

— Какъ ей скажешь?—такъ же тихо спросила мать.

— Да-а, знаете...

— Очень жалко ее...

Звонокъ повторился менѣе громко, точно человѣкъ за дверью тоже задумался и не рѣшался. Николай и мать встали и пошли вмѣстѣ, но у двери въ кухню Николай отшатнулся всторону, сказавъ:

— Лучше—вы...

— Не согласенъ?—твердо спросила дѣвушка, когда мать открыла ей дверь.

— *Нѣтъ.*

— Я знала это!—просто выговорила Саша, но лицо у нея поблѣднѣло. Она разстегнула пуговицы пальто и, снова застегнувъ двѣ, попробовала снять его съ плечъ. Это не удалось ей. Тогда она сказала:

— Дождь, вѣтеръ... противно! Онъ—здоровъ?

— Да.

— Здоровъ и веселъ... И только!—негромко сказала Саша, разсматривая свою руку.

— Пишетъ, чтобы Рыбина освободить! — сообщила мать, не глядя на дѣвушку.

— Да? Мнѣ кажется—мы должны использовать этотъ планъ!—медленно проговорила дѣвушка.

— Я тоже такъ думаю!—сказалъ Николай, появляясь въ двери.—Здравствуйте, Саша!

Протянувъ руку, дѣвушка спросила:

— Въ чемъ же дѣло? Вѣдь всѣ согласны, что планъ удаченъ? Я знаю—всѣ...

— А кто организуетъ? Всѣ заняты...

— Давайте мнѣ!—быстро сказала Саша, вставая на ноги.—У меня есть время.

— Берите! Но надо спросить другихъ...

— Хорошо... я спрошу! Я сейчасъ же и пойду.

И снова начала застегивать пуговицы пальто увѣренными движеніями тонкихъ пальцевъ.

— Вы отдохнули бы...—предложила мать.

Она тихонько улыбнулась и отвѣтила, смягчая голосъ:

— Не безпокойтесь обо мнѣ, я не устала...

И, молча пожавъ имъ руки, ушла, снова холодная и строгая.

Мать и Николай, подойдя къ окну, смотрѣли, какъ дѣвушка прошла по двору и скрылась подъ воротами. Николай тихонько засвисталъ, сѣлъ за столъ и началъ что-то писать.

— Займется этимъ дѣломъ и будетъ легче ей! — сказала мать, задумчиво и тихо.

— Да, конечно... — отозвался Николай и, обернувшись къ матери, съ улыбкой на добромъ лицѣ спросилъ:—А васъ, Ниловна, миновала эта чаша... вы не знали тоски по любимомъ человѣкѣ?

— Ну! — воскликнула она, махнувъ рукой. — Какая тамъ тоска? Страхъ былъ — какъ бы вотъ за того или этого замужъ не выдали.

— И никто не нравился?

Она подумала и отвѣтила:

— Не помню, дорогой мой... Какъ не нравиться?.. Вѣрно кто-нибудь нравился... но—не помню!

Посмотрѣла на него и просто, со спокойной грустью закончила:

— Много билъ меня мужъ и все, что до него было— какъ-то стерлось въ душѣ...

Онъ отвернулся къ столу, а она на минуту вышла изъ комнаты и когда вернулась, Николай, ласково поглядывая на нее, заговорилъ, тихонько и любовно гладя словами свои воспоминанія.

— А у меня, видите ли, тоже, вотъ какъ у Саши, была... исторія! Любилъ дѣвушку—удивительный человѣкъ она, чудесный... какъ звѣзда путеводная была она мнѣ... Лѣтъ двадцати встрѣтилъ я ее и съ той поры люблю... и сейчасъ люблю, говоря правду! Люблю все такъ же... всей душой, благодарно и навсегда...

Стоя рядомъ съ нимъ, мать видѣла глаза, освѣщенные теплымъ и яснымъ свѣтомъ. Положивъ руки на спинку стула, а на нихъ голову свою, онъ смотрѣлъ куда-то далеко и все тѣло его, худое и тонкое, но сильное, казалось, стремится впередъ, точно стебель растенія къ свѣту солнца.

— Что же вы... женились бы!—посовѣтовала мать.

— О! Она уже пятый годъ замужемъ.

— А раньше-то чего же? Не любила?

Подумавъ, онъ отвѣтилъ:

Нѣтъ, вѣроятно любила... я даже увѣренъ въ

этомъ! Но, видите ли, у насъ все какъ-то такъ выходило—она въ тюрьмѣ—я на волѣ, я на волѣ—она въ тюрьмѣ или въ ссылкѣ. Это очень похоже на положеніе Саши, право! Наконецъ, ее сослали на десять лѣтъ въ Сибирь, страшно далеко! Я хотѣлъ ѣхать за ней даже... Но стало совѣстно и ей, и мнѣ... И я остался. А она тамъ встрѣтила другого человѣка... товарищъ мой, очень хорошій парень! Потомъ они бѣжали вмѣстѣ... теперь живутъ за границей. Да...

Николай кончилъ говорить, снялъ очки, вытеръ ихъ, посмотрѣлъ стекла на свѣтъ и сталъ вытирать снова.

— Эхъ, милый вы мой!—покачивая головой, любовно воскликнула женщина. Ей было жалко его и въ то же время что-то въ немъ заставляло ее улыбаться теплой, материнской улыбкой. А онъ перемѣнилъ позу, снова взялъ въ руку перо и заговорилъ, отмѣчая взмахами руки ритмъ своей рѣчи.

— Семейная жизнь понижаетъ энергію революціонера, всегда понижаетъ! Дѣти, необезпеченность, необходимость много работать для хлѣба...

Голосъ у него сталъ крѣпкимъ, лицо поблѣднѣло и въ глазахъ загорѣлась обычная, сдержанная и ровная сила. Снова громко позвонили, прервавъ на полусловѣ рѣчь Николая—это пришла Людмила, въ легкомъ не по времени пальто, съ покраснѣвшими отъ холода щеками. Снимая рваныя калоши, она сердитымъ голосомъ сказала:

— Назначенъ судъ... черезъ недѣлю!

— Это вѣрно?—крикнулъ Николай изъ комнаты.

Мать быстро пошла къ нему, не понимая испугъ или радость волнуютъ ее...

Она не могла себѣ представить, что будетъ, какъ судьи станутъ обращаться съ Павломъ, но вдругъ почувствовала приближеніе чего-то неумолимаго, не *человѣчески строгаго*, жесткаго. Думы мутили ей голову,

застилали глаза сѣрой дымкой, погружая ее во что-то липкое и вязкое, вызывавшее въ тѣлѣ ознобъ и недомоганіе. Это ощущеніе росло, всасывалось въ кровь, охватывало сердце и тяжело давило его, отравляя въ немъ все живое и доброе.

Такъ, въ этой тучѣ недоумѣнія и унынія, подъ тяжестью тоскливыхъ ожиданій, она молча жила день, два, а на третій явилась Саша и сказала Николаю:

— Все готово. Сегодня въ часъ...

— Уже готово?—удивился онъ.

— Да вѣдь чего же? Мнѣ нужно было только достать мѣсто и одежду для Рыбина, все остальное взялъ на себя Годунъ... Рыбину придется пройти всего одинъ кварталъ. Его на улицѣ встрѣтитъ Вѣсовщиковъ—загримированный, конечно, накинетъ на него пальто, дастъ шапку и укажетъ путь... Я буду ждать его, переодѣну и увезу.

— Недурно! А кто это Годунъ? — спросилъ Николай.

— Вы видѣли его. Въ его квартирѣ вы занимались со слесарями.

— А! Помню... Чудаковатый старикъ...

— Онъ отставной солдатъ, кровельщикъ... Мало развитой человѣкъ, съ неисчерпаемой ненавистью ко всякому насилію... и ко всѣмъ насильникамъ. Философъ немножко,—задумчиво говорила Саша, глядя въ окно. Мать молча слушала ее, и что-то неясное медленно назрѣвало въ ней.

— Годунъ хочетъ освободить племянника своего, помните, вамъ нравился кузнецъ Евченко, такой щеголь и чистюля?

Николай кивнулъ головой.

— У него все налажено хорошо, — продолжала Саша,—но я начинаю сомнѣваться въ успѣхѣ... Промѣлки общія, я думаю, что когда заключенные увидятъ *тницу—многіе* захотятъ бѣжать...

Она, закрывъ глаза, помолчала, мать подвинулась ближе къ ней.

— И помѣшаютъ другъ другу...

Они всѣ трое стояли передъ окномъ, мать—позади Николая и Саши. Ихъ быстрый говоръ все будилъ и будилъ въ сердцѣ ея смутное чувство...

— Я пойду туда!—вдругъ сказала она.

— Зачѣмъ?—спросила Саша.

— Не ходите, голубчикъ! Еще какъ-нибудь попадетесь! Не надо!—посовѣтовалъ Николай.

Мать посмотрѣла на него и тише, но настойчивѣе повторила:

— Нѣтъ, я пойду...

Они быстро переглянулись и Саша, пожимая плечами, сказала:

— Это понятно...

Обернувшись къ матери, она взяла ее подъ руку, покачнулась къ ней и заговорила простымъ и близкимъ сердцу матери голосомъ:

— Я, все-таки, скажу вамъ, вы напрасно ждете.

— Голубушка!—воскликнула мать, прижавъ ее къ себѣ дрожащей рукой.—Возьмите меня... не помѣшаю! Мнѣ—нужно. Не вѣрю я, что можно это... убѣжать!

— Она пойдетъ!—просто сказала дѣвушка Николаю.

— Это ваше дѣло!—отвѣтилъ онъ, наклоняя голову.

— Намъ нельзя быть вмѣстѣ, мама. Вы идите въ поле, къ огородамъ... Оттуда видно стѣну тюрьмы... Но—если спросятъ васъ, что вы тамъ дѣлаете?

Обрадованная, мать увѣренно отвѣтила:

— Найду что сказать!..

— Не забывайте, что васъ знаютъ тюремные надзиратели! — говорила Саша: — И если они увидятъ васъ тамъ...

— Не увидятъ!—воскликнула мать.

Въ ея груди вдругъ болѣзненно ярко вспыхнула все *время незамѣтно* тлѣвшая надежда и оживила ее...

— А, можетъ быть, и онъ... тоже... — думала она, поспѣшно одѣваясь.

Черезъ часъ мать была въ полѣ за тюрьмой... Рѣзкій вѣтеръ леталъ вокругъ нея, раздувалъ ей платье, бился о мерзлую землю, раскачивалъ ветхій заборъ огорода, мимо котораго шла она и съ размаха ударялся о невысокую стѣну тюрьмы. Опрокинувшись за стѣну, взметалъ со двора чьи-то крики, разбрасывалъ ихъ по воздуху, уносилъ въ небо. Тамъ быстро бѣжали облака, открывая маленькіе просвѣты въ синюю высоту.

Сзади матери былъ городъ, впереди кладбище, а направо, саженяхъ въ десяти, тюрьма. Около кладбища солдатъ гонялъ на кордѣ лошадь, а другой, стоя рядомъ съ нимъ, громко топалъ въ землю ногами, кричалъ, свистѣлъ и смѣялся... Больше никого не было около тюрьмы.

Повинуясь неощутимому толчку инстинкта, мать пошла прямо на солдатъ, и подойдя близко, крикнула:

— Служивые! Вы не видали — коза не проходила тутъ?

Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Не видали...

Она медленно пошла дальше мимо нихъ къ оградѣ кладбища, искоса поглядывая направо и назадъ. И вдругъ почувствовала, что ноги у нея дрогнули, отяжелѣли, точно примерзли къ землѣ — изъ-за угла тюрьмы спѣшно, какъ всегда ходятъ фонарщики, вышелъ сутулый человѣкъ съ маленькой лѣстницей на плечѣ. Мать, испуганно мигнувъ, быстро взглянула на солдатъ — они топтались на одномъ мѣстѣ, а лошадь бѣгала вокругъ нихъ, посмотрѣла на человѣка съ лѣстницей—онъ уже поставилъ ее къ стѣнѣ и влѣзалъ не торопясь... Махнувъ во дворъ рукой, быстро спустился, исчезъ за угломъ. Сердце матери билось торопливо, *секунды шли* медленно... На темной стѣнѣ тюрьмы *линіи лѣстницы* были едва замѣтны въ пятнахъ грязи

и осыпавшейся штукатурки, обнажившей кирпичъ... И вдругъ надъ стѣной явилась черная голова Михайлы, выросло все его тѣло, перевалилось черезъ стѣну, сползло по ней... Показалась другая голова въ мохнатой шапкѣ, на землю скатился черный комъ, быстро исчезъ за уголъ... Михайло выпрямился, оглянулся, тряхнулъ головой...

— Бѣги, бѣги,—шептала мать, топая ногой.

Въ ушахъ у нея гудѣло, доносились громкіе крики— вотъ надъ стѣной явилась третья голова... Мать, схватившись руками за грудь, смотрѣла, замирая... ждала... Свѣтловолосая голова безъ бороды рвалась вверхъ, точно хотѣла оторваться и вдругъ—исчезла за стѣной. Кричали все громче, буйнѣе, вѣтеръ разносилъ по воздуху тонкія трели свистковъ... Михайло шелъ вдоль стѣны; вотъ онъ уже миновалъ ее, переходилъ открытое пространство между тюрьмой и домами города. Ей казалось, что онъ идетъ слишкомъ медленно и напрасно такъ высоко поднялъ голову — всякій, кто взглянетъ въ лицо его, запомнитъ это лицо навсегда... И она зашептала:

— Скорѣе... скорѣе...

За стѣною тюрьмы сухо хлопнуло что-то... былъ слышенъ тонкій звонъ разбитаго стекла. Солдатъ, упираясь ногами въ землю, тянулъ къ себѣ лошадь, другой, приложивъ ко рту кулакъ, что-то кричалъ по направленію тюрьмы и, крикнувъ, поворачивалъ туда голову бокомъ, подставляя ухо.

Напрягаясь, мать вертѣла шеей во всѣ стороны, ея глаза, видя все, ничему не вѣрили—слишкомъ просто и быстро совершилось то, что она представляла себѣ страшнымъ и сложнымъ и эта быстрота, ошеломивъ ее, усыпляла сознаніе. Въ улицѣ уже не видно было Рыбина, шелъ какой-то высокій человѣкъ, въ длинномъ пальто, бѣжала дѣвочка... Изъ-за угла тюрьмы выскочило трое *надзирателей*, они бѣжали тѣсно другъ къ

другу и всѣ вытягивали впередъ правыя руки. Одинъ изъ солдатъ бросился имъ встрѣчу, другой бѣгалъ вокругъ лошади, стараясь вскочить на нее, она не давалась, прыгала и все вокругъ тоже подпрыгивало вмѣстѣ съ нею. Непрерывно, захлебываясь звукомъ, воздухъ рѣзали свистки. Ихъ тревожные, отчаянные крики разбудили у женщины сознаніе опасности; вздрогнувъ, она пошла вдоль ограды кладбища, слѣдя за надзирателями; но они и солдаты забѣжали за другой уголъ тюрьмы и скрылись. Туда же слѣдомъ за ними пробѣжалъ знакомый ей помощникъ смотрителя тюрьмы въ разстегнутомъ мундирѣ... Откуда-то появилась полиція, сбѣгался народъ.

Вѣтеръ кружился, метался, точно радуясь чему-то и доносилъ до слуха женщины разорванные, спутанные крики.

— Она все время тутъ стоитъ!

— Лѣстница?

— Такъ что же вы, чортъ васъ побери...

И снова свистъ... Эта сумятица радовала ее и она зашагала быстрѣе, думая:

— Значитъ—можно... могъ бы и онъ!

Навстрѣчу ей изъ-за угла ограды вдругъ вынырнулъ околоточный и двое полицейскихъ.

— Стой!—крикнулъ околоточный тяжело дыша.— Человѣка... съ бородой—не видала? Не пробѣгалъ?

Она указала рукой на ограды и спокойно отвѣтила:

— Туда прошелъ...

— Егоровъ! Бѣги... свисти! — закричалъ околоточный.—Давно?

— Да такъ, минутъ...

Но голосъ ея заглушилъ свистъ, околоточный, не ожидая отвѣта, бросился бѣжать по кочкамъ мерзлой грязи, махая руками по направленію къ огородамъ За *нимъ, наклонивъ* головы и свистя, помчались полицей*скіе...*

Она кивнула головой вслѣдъ имъ и пошла домой. Было ей жалко чего-то, но ни о чемъ не думалось, а просто на сердцѣ лежало нѣчто горькое, досадное. Когда она входила съ поля въ улицу, дорогу ей перерѣзалъ извозчикъ. Поднявъ голову, она увидала въ пролеткѣ молодого человѣка съ свѣтлыми усами и блѣднымъ, усталымъ лицомъ. Онъ тоже посмотрѣлъ на нее. Сидѣлъ онъ косо и, должно быть отъ этого, правое плечо у него было выше лѣваго.

Николай встрѣтилъ ее радостно.

— Жива! Ну, что тамъ?

— Какъ будто удалось...

Стараясь возстановить въ своей памяти всѣ мелочи, она начала разсказывать о бѣгствѣ и говорила такъ, точно передавала чей-то разсказъ, сомнѣваясь въ правдѣ его.

— Видите—намъ везетъ!—сказалъ Николай, потирая руки.—Но—какъ я боялся за васъ! Чортъ знаетъ какъ! Знаете, Ниловна, примите мой дружескій совѣтъ—не бойтесь суда! Чѣмъ скорѣе онъ, тѣмъ ближе свобода Павла, повѣрьте! Можетъ быть—онъ уйдетъ съ дороги... А судъ, это, приблизительно, такая штука...

Онъ началъ рисовать ей картину засѣданія суда, она слушала и понимала, что онъ чего-то боится, хочетъ ободрить ее.

— Можетъ, вы думаете, я тамъ скажу что-нибудь судьямъ?—вдругъ спросила она.—Попрошу ихъ о чемъ-нибудь?

Онъ вскочилъ, замахалъ на нее руками и обиженно вскричалъ:

— Что вы! Вы обижаете меня...

— Я боюсь, вѣрно! Чего боюсь—не знаю!..—она помолчала, блуждая глазами по компатѣ.

— Иной разъ кажется—начнутъ они Пашу обижать, измываться надъ нимъ... Ахъ ты, мужикъ, скажутъ, мужицкій ты сынъ! Что затѣялъ? А Паша — гордый... онъ имъ такъ отвѣтитъ... Или—Андрей посмѣется надъ

ними... И всѣ они тамъ горячіе, честные... Вотъ и думаешь — вдругъ что-нибудь... одинъ не стерпитъ, другіе поддержатъ... и засудятъ ихъ... такъ, что ужъ и не увидишь никогда!

Николай хмуро молчалъ, дергая свою бородку.

— Этихъ думъ не выгонишь изъ головы!—тихо сказала мать.—Страшно это—судъ! Какъ начнутъ все разбирать, да взвѣшивать гдѣ правда?.. Очень страшно! Не наказаніе страшно, а—судъ—оцѣнка правды—страшна мнѣ... Не умѣю я этого сказать...

Николай, она чувствовала, не понимаетъ ея страха, и это еще болѣе затрудняло ея желаніе разсказать о страхѣ своемъ.

XXXII.

Этотъ страхъ, подобный плѣсени, стѣснявшій дыханіе тяжелой сыростью, разросся въ ея груди за три дня, и когда насталъ день суда, она внесла съ собою въ залъ засѣданія тяжелый, темный грузъ, согнувшій ей спину и шею.

На улицѣ съ нею здоровались слободскіе знакомые; она молча кланялась, спѣшно пробираясь сквозь ихъ угрюмую толпу. Въ коридорахъ суда и въ залѣ ее встрѣ[illegible]ли родственники подсудимыхъ и тоже что-то говорили ниженными голосами. Слова казались ей ненужными она не понимала ихъ. Всѣ люди были угрюмы, охва[illegible]ены однимъ и тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ—это не[illegible]валось матери и еще болѣе угнетало ее.

[illegible]ъ рядомъ!—сказалъ Сизовъ, подвигаясь на

[illegible]ла, оправила платье, взглянула вокругъ...
[illegible]у нея слитно поплыли какія-то зеле[illegible]ныя полосы, пятна, засверкали тонкія,

[illegible]вой сынъ нашего Гришу!—тихо про[illegible]а, сидѣвшая рядомъ съ ней.

— А ты молчи ужъ, Наталья! — отвѣтилъ Сизовъ угрюмо.

Мать посмотрѣла на женщину, это была Самойлова, дальше сидѣлъ ея мужъ, лысый, благообразный человѣкъ, съ окладистой рыжей бородой. Лицо у него было костлявое; прищуривъ глаза, онъ смотрѣлъ впередъ и борода его дрожала.

Сквозь высокія окна залъ ровно наливался мутнымъ свѣтомъ, снаружи по стекламъ скользилъ снѣгъ. Между окнами висѣлъ большой портретъ царя въ толстой, жирно блестѣвшей золотой рамѣ, тяжелыя малиновыя драпировки оконъ прикрывали раму съ боковъ прямыми складками. Передъ портретомъ, почти во всю ширину зала, вытянулся столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, направо у стѣны стояли за рѣшеткой двѣ деревянныя скамьи, налѣво два ряда малиновыхъ креселъ. По залу безшумно бѣгали служащіе съ зелеными воротниками и золотыми пуговицами на груди и животѣ. Въ мутномъ воздухѣ робко блуждалъ тихій шопотъ, носился смѣшанный запахъ аптеки. Все это — цвѣта, блестки, звуки и запахи — давило на глаза, вторгалось вмѣстѣ съ дыханіемъ въ грудь и, вытѣсняя живыя чувства, наполняло опустошенное сердце неподвижной, пестрой мутью унылой боязни.

Вдругъ одинъ изъ людей громко сказалъ что-то, мать вздрогнула, всѣ встали, она тоже поднялась, схватившись за руку Сизова.

Въ лѣвомъ углу зала отворилась высокая дверь, изъ нея, качаясь, вышелъ старичекъ въ очкахъ. На его сѣромъ личикѣ тряслись бѣлыя рѣдкія баки, верхняя бритая губа завалилась въ ротъ, острыя скулы и подбородокъ опирались на высокій воротникъ мундира, казалось, что подъ воротникомъ нѣтъ шеи. Его поддерживалъ сзади подъ руку высокій молодой человѣкъ съ фарфоровымъ лицомъ, румянымъ и круглымъ, а *вслѣдъ за ними* медленно двигались еще трое людей

въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и трое штатскихъ.

Они долго возились за столомъ, усаживаясь въ кресла, а когда сѣли, одинъ изъ нихъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ лѣпивымъ, бритымъ лицомъ, что-то началъ говорить старичку, беззвучно и тяжело шевеля пухлыми губами. Старичекъ слушалъ, сидя странно прямо и неподвижно, за стеклами его очковъ мать видѣла два маленькія, безцвѣтныя пятнышка.

На концѣ стола у конторки стоялъ высокій лысоватый человѣкъ, покашливалъ, шелестѣлъ бумагами.

Старичекъ покачнулся впередъ, заговорилъ. Первое слово онъ выговаривалъ ясно, а слѣдующія какъ бы расползались у него по губамъ, тонкимъ и сѣрымъ.

— Открываю...

— Гляди!—шепнулъ Сизовъ, тихонько толкая мать и всталъ.

Въ стѣнѣ за рѣшеткой открылась дверь, вышелъ солдатъ съ обнаженной шашкой на плечѣ, за нимъ явился Павелъ, Андрей, Федя Мазинъ, оба Гусевы, Самойловъ, Букинъ, Сомовъ и еще человѣкъ пять молодежи, незнакомой матери по именамъ. Павелъ ласково улыбался, Андрей тоже, оскаливъ зубы, кивалъ ей головой—въ залѣ стало какъ-то свѣтлѣе и проще отъ ихъ улыбокъ, оживленныхъ лицъ и движенія, внесеннаго ими въ натянутое, чопорное молчаніе. Жирный блескъ золота на мундирахъ потускнѣлъ, сталъ мягче, вѣяніе бодрой увѣренности, дуновеніе живой силы коснулось сердца матери, будя его. И на скамьяхъ сзади нея, гдѣ до той поры люди подавленно ожидали, теперь тоже выросъ отвѣтный, негромкій гулъ.

— Не трусятъ!—услыхала она шопотъ Сизова, а съ правой стороны тихо всхлипнула мать Самойлова.

— Тише!—раздался суровый окрикъ.

— Предупреждаю...—сказалъ старичекъ.

Павелъ и Андрей сѣли рядомъ, вмѣстѣ съ ними на

первой скамьѣ сѣли Мазинъ, Самойловъ и Гусевы. Андрей обрилъ себѣ бороду, усы у него отросли и свѣшивались внизъ, придавая его круглой головѣ сходство съ головой кошки. Что-то новое появилось на его лицѣ, острое и ѣдкое въ складкахъ рта, темное въ глазахъ. На верхней губѣ Мазина чернѣли двѣ полоски, лицо стало полнѣе, Самойловъ былъ такой же кудрявый, какъ и раньше, и такъ же широко ухмылялся Иванъ Гусевъ.

— Эхъ, Федьга, Федьга!—шепталъ Сизовъ, опустивъ голову.

Мать замѣтила, что ей дышется свободнѣе. Она слушала невнятные вопросы старичка — онъ спрашивалъ не глядя на подсудимыхъ и голова его лежала на воротникѣ мундира неподвижно — слышала спокойные, короткіе отвѣты сына. Ей казалось, что старшій судья и всѣ его товарищи не могутъ быть ни злыми, ни жестокими людьми. Внимательно осматривая лица судей, она, пытаясь что-то предугадать, тихонько прислушивалась къ росту новой надежды въ своей груди.

Фарфоровый человѣкъ безучастно читалъ бумагу; его ровный голосъ наполнялъ залъ скукой, и люди, облитые ею, сидѣли неподвижно, какъ бы оцѣпенѣвъ. Четверо адвокатовъ тихо, но оживленно разговаривали съ подсудимыми, всѣ они двигались сильно, быстро и напоминали собой большихъ, черныхъ птицъ.

По одну сторону старичка наполнялъ кресло своимъ тѣломъ толстый, пухлый судья, съ маленькими, заплывшими глазами, по другую — сутулый, съ рыжеватыми усами на блѣдномъ лицѣ. Онъ устало откинулъ голову на спинку стула и, полуприкрывъ глаза, о чемъ-то думалъ. У прокурора лицо было тоже утомленное, скучное и ничего не ожидавшее. Сзади судей сидѣлъ, задумчиво поглаживая щеку, городской голова, полный, солидный мужчина; предводитель дворянства, сѣдой, большебородый и краснолицый человѣкъ, съ большими,

добрыми глазами; волостной старшина въ поддевкѣ, съ огромнымъ животомъ, который, видимо, конфузилъ его—онъ все старался прикрыть его полой поддевки, а она сползала.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XXXIV.

Она вышла изъ суда и удивилась, что уже ночь надъ городомъ, фонари горятъ на улицѣ и звѣзды въ небѣ. Около суда толпились кучки людей, въ морозномъ воздухѣ хрустѣлъ снѣгъ, звучали молодые голоса, пересѣкая другъ друга. Человѣкъ въ сѣромъ башлыкѣ заглянулъ въ лицо Сизова и торопливо спросилъ:

— Какой приговоръ?

— Поселеніе.

— Всѣмъ?

— Всѣмъ.

— Спасибо!

Человѣкъ отошелъ.

— Видишь?—сказалъ Сизовъ.—Спрашиваютъ...

Вдругъ ихъ окружило человѣкъ десять юношей и дѣвушекъ и быстро посыпались восклицанія, привлекавшія людей. Мать и Сизовъ остановились. Спрашивали о приговорѣ, о томъ, какъ держались подсудимые, кто говорилъ рѣчи, о чемъ — и во всѣхъ вопросахъ звучала одна и та же нота жаднаго любопытства — искреннее и горячее, оно возбуждало желаніе удовлетворить его.

— Господа! Это мать Павла Власова! — негромко крикнулъ кто-то и не сразу, но быстро всѣ замолчали.

— Позвольте пожать вамъ руку!

Чья-то крѣпкая рука стиснула пальцы матери, чей-то голосъ взволнованно заговорилъ:

— Вашъ сынъ будетъ примѣромъ мужества для всѣхъ насъ...

— Да здравствуетъ русскій рабочій!—раздался звонкій крикъ.

Крики росли, умножались, вспыхивали тамъ и тутъ, отовсюду бѣжали люди, сталкиваясь вокругъ Сизова и матери. Запрыгали по воздуху свистки полиціи, но трели ихъ не заглушали криковъ. Старикъ смѣялся, а матери все это казалось милымъ сномъ. Она улыбалась, пожимала руки, кланялась и хорошія, свѣтлыя слезы сжимали горло, ноги ея дрожали отъ усталости, но сердце, полно насыщенное радостью, все поглощая, отражало впечатлѣнія подобно свѣтлому лику озера.

— Однако, мать, идемъ!—сказалъ Сизовъ.

И въ то же время откуда-то явилась Саша, взяла мать подъ руку и быстро потащила за собой на другую сторону улицы, говоря:

— Идите... пожалуй будутъ бить... Или арестуютъ... Что? Поселеніе? Въ Сибирь?

— Да, да...

— А какъ онъ.. говорилъ? Я, впрочемъ, знаю. Онъ былъ всѣхъ сильнѣе и проще... всѣхъ суровѣе, конечно, да! Онъ чуткій, нѣжный, но только стыдится открыть себя... И прямой, ясный, твердый, какъ сама правда... Онъ очень великъ и въ немъ все есть... все! Но во многомъ онъ нарочно сжимаетъ себя... боясь, что это помѣшаетъ дѣлу, я вѣдь знаю...

Ея горячій полушопотъ, слова любви ея, успокаивая волненія матери, поднимали и ея упавшія силы.

— Когда поѣдете къ нему? — тихонько и ласково спросила она Сашу, прижимая ея руку къ своему тѣлу. Увѣренно глядя впередъ, дѣвушка отвѣтила:

— Какъ только найду кого-нибудь, кто бы взялъ мою работу... Вѣдь я тоже жду приговора. Вѣроятно они меня тоже въ Сибирь... я заявлю тогда, что *желаю быть поселенной* въ той мѣстности, гдѣ будетъ онъ.

Сзади раздался голосъ Сизова:

— Клапяйтесь тогда ему отъ меня!.. Сизовъ, молъ... Онъ знаетъ... Дядя Федора Мазина...

Саша остановилась, обернулась, протягивая руку.

— Я знакома съ Федей. Меня зовутъ Александра.

— А по батюшкѣ?

Она взглянула на него и отвѣтила:

— У меня нѣтъ отца.

— Померъ, значитъ...

— Нѣтъ, онъ живъ! — возбужденно отвѣтила дѣвушка и что-то упрямое, настойчивое прозвучало въ ея голосѣ, явилось на лицѣ.—Онъ помѣщикъ, теперь—земскій начальникъ, онъ обворовываетъ крестьянъ... бьетъ ихъ.

— Та-акъ!—подавленно отозвался Сизовъ и помолчавъ сказалъ, идя рядомъ съ дѣвушкой и поглядывая на нее сбоку.

— Ну, мать, прощай! Мнѣ налѣво идти... Зайди когда потолковать, чайку попить... До свиданья, барышня... строго вы пасчетъ отца-то... Конечно, ваше дѣло...

— Вѣдь если вашъ сынъ—дрянной человѣкъ, вредный людямъ, противный вамъ—вы это скажете?—страстно крикнула Саша.

— Ну... скажу!—не вдругъ отвѣтилъ старикъ.

— Значитъ, вамъ справедливость дороже сына... а мнѣ она дороже отца...

Сизовъ улыбнулся качая головой, потомъ сказалъ, вздохнувъ:

— Ну-ну! Ловко вы! Коли надолго васъ хватитъ—одолѣете вы стариковъ... напоръ у васъ большой!.. Прощайте, желаю вамъ всякаго добраго... И къ людямъ подобрѣе, а? Ну, Господь съ вами... Прощай, Ниловна! Увидишь Павла, скажи — слышалъ, молъ, рѣчь твою. Не все понятно... даже страшно иное, но, скажи,—вѣрно!

Онъ приподнялъ шапку и степенно повернулъ за *уголъ улицы.*

— Хорошій, должно быть, человѣкъ!—замѣтила Саша, проводивъ его улыбающимся взглядомъ своихъ большихъ глазъ.

Матери показалось, что сегодня лицо дѣвушки мягче и добрѣе, чѣмъ всегда.

Дома онѣ сѣли на диванъ, плотно прижавшись другъ къ другу, и мать, отдыхая въ тишинѣ, снова заговорила о поѣздкѣ Саши къ Павлу. Задумчиво приподнявъ густыя брови, дѣвушка смотрѣла вдаль большими, мечтающими глазами, по ея блѣдному лицу разлилось спокойное созерцаніе.

— Потомъ, когда родятся у васъ дѣти—пріѣду я къ вамъ, буду няньчиться съ ними. И заживемъ мы тамъ не хуже здѣшняго-то... Работу Паша найдетъ, руки у него золотыя...

Окинувъ мать пытливымъ взглядомъ, Саша спросила:

— А вамъ развѣ не хочется сейчасъ ѣхать за нимъ?

Вздохнувъ, мать сказала:

— На что я ему? Только помѣшаю, въ случаѣ побѣга... Да и не согласился бы онъ...

Саша кивнула головой.

— Не согласится...

— Къ тому же я—при дѣлѣ!—добавила мать съ легкой гордостью.

— Да!—задумчиво отозвалась Саша.—Это хорошо...

И вдругъ, вздрогнувъ, какъ бы сбрасывая съ себя что-то, заговорила просто и негромко:

— Жить онъ тамъ не станетъ. Онъ — уйдетъ, конечно...

— А какъ же вы?.. И дитя въ случаѣ?..

— Я не знаю. Тамъ увидимъ. Онъ не долженъ считаться со мной и я не буду стѣснять его. Онъ свободенъ въ любой моментъ, я — его товарищъ... Мнѣ будетъ, я это знаю, тяжело разстаться съ нимъ, но, *разумѣется, я справлюсь*... Я не стѣсню его, нѣтъ.

Мать почувствовала, что Саша способна сдѣлать такъ, какъ говоритъ, ей стало жалко дѣвушку. Обнявъ ее, она сказала:

— Милая вы моя... трудно вамъ будетъ!

Саша мягко улыбнулась, прижимаясь къ ней всѣмъ тѣломъ. Голосъ у нея звучалъ тихо, но сильно и на лицѣ явился румянецъ.

— До этого далеко... но вы не думайте, тутъ нѣтъ жертвъ... я знаю, что дѣлаю, знаю, чего могу ждать... я буду счастлива, если ему будетъ хорошо со мной. Моя задача, мое желаніе—увеличить его энергію, дать ему столько счастья, сколько я могу.. много! Я очень люблю его... и онъ меня... я знаю. Мы обмѣняемся чувствомъ, обогатимъ другъ друга всѣмъ, чѣмъ можемъ и, если будетъ нужно, разстанемся друзьями...

Счастливо улыбаясь, мать медленно проговорила:

— Пріѣду я къ вамъ... а, можетъ, тоже пошлютъ...

И долго обѣ онѣ молча, тѣсно прижавшись другъ къ другу, думали о любимомъ человѣкѣ. Было тихо, сладко-грустно и тепло.

... Явился Николай, усталый и раздѣваясь торопливо заговорилъ:

— Ну, Сашенька, вы убирайтесь, пока цѣлы! За мной съ утра гуляютъ два шпіона и такъ открыто-скрыто, что дѣло пахнетъ арестомъ... У меня предчувствіе... Что-то гдѣ-то случилось... Кстати, вотъ у меня рѣчь Павла, ее рѣшено напечатать... Несите ее къ Людмилѣ, умоляйте работать быстрѣе... Павелъ говорилъ славно, Ниловна! Берегитесь шпіоновъ, Саша... Подождите, эти бумажки тоже спрячьте... Ивану ихъ, напримѣръ...

Говоря, онъ крѣпко растеръ озябшія руки и, подойдя къ столу, началъ поспѣшно выдвигать ящики, *выбирая изъ нихъ бумаги*, однѣ рвалъ, другія *откладывалъ въ сторону*, озабоченный и растрепанный.

— Давно ли я все вычистилъ, а ужъ опять вотъ сколько накопилось всякой всячины... чортъ! Видите ли, Ниловна, вамъ, пожалуй, тоже лучше не ночевать дома, а? Присутствовать при этой музыкѣ довольно скучно, а они могутъ и васъ посадить... вамъ же необходимо будетъ поѣздить туда и сюда съ рѣчью Павла...

— Ну, на что я имъ?—сказала мать.—Да и вы, можетъ, еще ошибаетесь...

Николай, помахивая кистью руки передъ глазами, увѣренно сказалъ:

— У меня есть нюхъ... Къ тому же вы могли бы помочь Людмилѣ, а? Идите-ка подальше отъ грѣха...

Возможность принять участіе въ печатаніи рѣчи сына была пріятна ей, она отвѣтила:

— Коли такъ—я уйду... Только я—не боюсь...

И неожиданно для себя самой, сказала увѣренно, но негромко:

— Теперь я ничего не боюсь... слава тебѣ Христе! Вѣдь теперь ужъ знаю...

То, что она знала, вызвало на ея лицѣ спокойную, гордую улыбку.

— Чудесно! — воскликнулъ Николай, не глядя на нее.—Вотъ что—вы мнѣ скажите, гдѣ чемоданъ мой и мое бѣлье... а то вы забрали все въ свои хищническія руки и я совершенно лишенъ возможности свободно распоряжаться личной собственностью... Я приготовлюсь вполнѣ, это ихъ непріятно поразитъ...

Саша молча жгла въ печкѣ обрывки бумагъ, и когда они сгорали—тщательно мѣшала пепелъ съ золой.

— Вы, Саша, уходите!—сказалъ Николай, протянувъ ей руку. — До свиданья! Не забывайте книгами, если явится что-нибудь новое, интересное... Ну, до свиданья, дорогой товарищъ! Будьте осторожнѣе...

— Вы разсчитываете надолго?—спросила Саша.

— *А чортъ ихъ* знаетъ! Вѣроятно... за мной кое-что

есть... Ниловна, идите вмѣстѣ, а? За двоими труднѣе слѣдить... хорошо?

— Иду! — отвѣтила мать. — Сейчасъ одѣнусь...

Она внимательно слѣдила за Николаемъ, но кромѣ озабоченности, заслонившей обычное доброе и мягкое выраженіе глазъ, не замѣчала ничего. Ни лишней суетливости движеній, никакого признака волненія не видѣла она въ этомъ человѣкѣ, дорогомъ ей болѣе другихъ. Ко всѣмъ одинаково внимательный, со всѣми ласковый и ровный, всегда спокойно одинокій, онъ для всѣхъ оставался такимъ же, какъ и прежде, живущимъ тайною жизнью внутри себя и гдѣ-то впереди людей. Но она знала, что онъ подошелъ къ ней ближе всѣхъ и любила его осторожной и какъ бы въ самое себя невѣрящей любовью. Теперь ей было нестерпимо жаль его, но она сдерживала свое чувство, зная, что если покажетъ его—Николай растеряется, скопфузится и станетъ, какъ всегда, смѣшнымъ немного—ей не хотѣлось видѣть его такимъ.

Она снова вошла въ комнату; онъ, пожимая руку Саши, говорилъ:

— Чудесно! Это, я увѣренъ, очень хорошо для него и для васъ. Немножко личнаго счастья это не вредно... но немпого, знаете ли, чтобы не потерять ему цѣну... Вы готовы, Ниловна?

Онъ подошелъ къ ней, улыбаясь и поправляя очки.— Ну, до свиданья... я хочу думать — мѣсяца на три, на четыре... на полгода наконецъ! Полгода — это очень много жизни... въ полгода можно передѣлать массу дѣла!.. Берегите себя, пожалуйста, а? Давайте, обнимемся...

Худой и тонкій, онъ охватилъ ея шею своими крѣпкими руками, взглянулъ въ ея глаза и засмѣялся, *говоря:*

— *Я, кажется,* влюбился въ васъ... все обнимаюсь! *Она молчала,* цѣлуя его лобъ и щеки, а руки у

нея тряслись. Чтобы онъ не замѣтилъ этого, она разжала ихъ.

— Идете?.. Отлично! Смотрите, завтра осторожнѣе! Вы вотъ что,—пошлите утромъ мальчика—тамъ у Людмилы есть такой мальчуганъ—пускай онъ посмотритъ... Ну, до свиданья, товарищи! Все хорошо!..

На улицѣ Саша тихонько сказала матери:

— Вотъ такъ же просто онъ пойдетъ на смерть, если будетъ нужно... и такъ же, вѣроятно, немножко заторопится... А когда смерть взглянетъ въ его лицо, онъ поправитъ очки, скажетъ: чудесно—и умретъ.

— Люблю я его!—прошептала мать.

— Я удивляюсь... а любить... нѣтъ! Уважаю—очень. Онъ какъ-то сухъ, хотя добръ и даже, пожалуй, нѣженъ иногда, но все это—недостаточно человѣческое... Кажется, за нами слѣдятъ? Давайте разойдемся.. И не входите къ Людмилѣ, если вамъ покажется, что есть шпіонъ.

— Я знаю!—сказала мать. Но Саша настойчиво прибавила:

— Не входите... Тогда—ко мнѣ. Прощайте, пока.

Она быстро повернулась и пошла обратно.

Мать крикнула вслѣдъ ей:

— Прощайте!

И черезъ нѣсколько минутъ сидѣла, грѣясь у печки въ маленькой комнаткѣ Людмилы. Хозяйка въ черномъ платьѣ, подпоясанномъ ремнемъ, медленно расхаживала по комнатѣ, наполняя ее шелестомъ и звуками своего командующаго голоса.

Въ печи трещалъ и вылъ огонь, втягивая воздухъ изъ комнаты, ровно звучала рѣчь женщины.

— Люди гораздо болѣе глупы, чѣмъ злы. Они умѣютъ видѣть только то, что близко къ нимъ, что можно взять сейчасъ... А все близкое—дешево, дорого—далекое. Вѣдь, *въ сущности*, всѣмъ было бы выгодно и *пріятно, если бы жизнь* стала иной, болѣе легкой, лю-

ди—болѣе разумными. Но для этого сейчасъ же необходимо побезпокоить себя...

Вдругъ, остановясь противъ матери, она сказала тише и какъ бы извиняясь:

— Рѣдко вижу людей... и когда кто-нибудь заходитъ, начинаю говорить... Смѣшно?

— Почему же?—отозвалась мать. Она старалась догадаться, гдѣ эта женщина печатаетъ, и не видѣла ничего необычнаго. Въ комнатѣ, съ тремя окнами на улицу, стоялъ диванъ и шкафъ для книгъ, столъ, стулья, у стѣны постель, въ углу около нея умывальникъ, въ другомъ—печь, на стѣнахъ фотографіи. Все было новое, крѣпкое, чистое и на все суровая, монашеская фигура хозяйки бросала холодную тѣнь. Въ этой комнатѣ чувствовалось что-то затаенное, спрятанное, но было непонятно гдѣ. Мать осмотрѣла двери — черезъ одну она вошла сюда изъ маленькой прихожей, около печи была другая дверь, узкая и высокая.

— Я къ вамъ по дѣлу!—смущенно сказала она, замѣтивъ, что хозяйка наблюдаетъ за нею.

— Я знаю. Ко мнѣ не ходятъ иначе...

Что-то странное почудилось матери въ голосѣ Людмилы; она взглянула ей въ лицо, та улыбалась углами тонкихъ губъ, за стеклами очковъ блестѣли матовые глаза. Отводя свой взглядъ всторону, мать подала ей рѣчь Павла.

— Вотъ, просятъ напечатать поскорѣе...

И стала разсказывать о приготовленіяхъ Николая къ аресту.

Людмила, молча сунувъ бумагу за поясъ, сѣла на стулъ, на стеклахъ ея очковъ отразился красный блескъ огня, его горячія улыбки заиграли на неподвижномъ лицѣ.

— *Когда* они придутъ ко мнѣ—я буду стрѣлять въ *нихъ! — негромко* и рѣшительно проговорила она, выслушавъ *разсказъ* матери.

Отблески огня соскользнули съ лица ея и снова оно сдѣлалось суровымъ, немного надменнымъ.

— Нехорошо тебѣ живется!—вдругъ ласково подумала мать.

Людмила начала читать рѣчь Павла нехотя, потомъ все ближе наклоняясь надъ бумагой, быстро откидывая прочь прочитанные листки всторону, а прочитавъ, встала, выпрямилась, подошла къ матери.

— Это—хорошо! Такъ—я люблю! Все—ясно...

Она подумала, опустивъ на минуту голову.

— Я не хотѣла говорить съ вами о вашемъ сынѣ—не встрѣчалась съ нимъ и не люблю печальныхъ разговоровъ... Я знаю, что это значитъ, когда близкій идетъ въ ссылку! Но—мнѣ хочется спросить васъ—хорошо имѣть такого сына?..

— Да, хорошо!—сказала мать.

— И—страшно, да?

Спокойно улыбаясь, мать отвѣтила:

— Теперь ужъ—не страшно...

Людмила, поправляя смуглой рукой гладко причесанные волосы, отвернулась къ окну. Легкая тѣнь трепетала на ея щекахъ, можетъ быть, тѣнь подавленной улыбки.

— Мы это напечатаемъ... Вы мнѣ поможете?

— Конечно!

— Я живо наберу... Вы ложитесь, у васъ былъ трудный день, устали. Ложитесь здѣсь, на кровати, я не буду спать и ночью, можетъ быть, разбужу васъ помочь мнѣ... Когда ляжете, погасите лампу.

Она подбросила въ печь два полѣна дровъ, выпрямилась и ушла въ узкую дверь около печи, плотно притворивъ ее за собой. Мать посмотрѣла вслѣдъ ей и стала раздѣваться, неохотно думая о хозяйкѣ.

— Строга... о чемъ-то тоскуетъ...

Усталость кружила ей голову, а на душѣ было странно спокойно и все въ глазахъ освѣщалось мяг-

кимъ и ласковымъ свѣтомъ, тихо и ровно наполнявшимъ грудь. Она уже знала это спокойствіе, оно являлось къ ней всегда послѣ большихъ волненій и раньше немного тревожило ее, но теперь только расширяло душу, укрѣпляя ее большимъ и сильнымъ чувствомъ. Передъ нею все время вставали лица сына, Андрея, Николая, Саши и проходили куда-то, не возбуждая думъ, легко и грустно касаясь сердца. Потомъ она погасила лампу, легла въ холодную постель, съежилась подъ одѣяломъ и быстро уснула крѣпкимъ сномъ...

А когда открыла глаза—комната была полна холоднымъ бѣлымъ блескомъ яснаго зимняго дня, хозяйка съ книгою въ рукахъ лежала на диванѣ и, улыбаясь непохоже на себя, смотрѣла ей въ лицо.

— Ой, батюшки! — смущенно воскликнула мать. — Вотъ какъ я... много время-то, а?

— Доброе утро!—отозвалась Людмила. — Скоро десять, вставайте, будемъ чай пить.

— Что же вы меня не разбудили?

— Хотѣла. Подошла къ вамъ, а вы такъ хорошо улыбались во снѣ...

Гибкимъ движеніемъ всего тѣла она поднялась съ дивана, подошла къ постели, наклонилась къ лицу матери и въ ея матовыхъ глазахъ мать увидала нѣчто родное, близкое и понятное.

— Мнѣ стало жалко помѣшать вамъ... можетъ быть вы видѣли счастливый сонъ...

— Ничего не видѣла!

— Ну, все равно... Но мнѣ понравилась ваша улыбка. Спокойная такая, добрая... большая!

Людмила засмѣялась и смѣхъ ея звучалъ негромко, бархатисто...

— Я и задумалась о васъ... о вашей жизни! Вѣдь трудно вамъ живется?

Мать, двигая бровями, молчала, думая.

— *Конечно, трудно*!—воскликнула Людмила.

— Не знаю ужъ!—осторожно сказала мать. — Иной разъ покажется трудно... какъ будто. А всего такъ много... все такое серьезное, удивительное... и двигается одно за другимъ скоро, скоро такъ...

Знакомая ей волна бодраго возбужденія поднималась въ груди, наполняя сердце образами и мыслями. Она сѣла на постели, торопливо одѣвая мысли словами.

— Идетъ, идетъ, идетъ — все къ одному и точно огонь, когда домъ загорѣлся — вверхъ! — Тутъ пробивается, тамъ заблеститъ, все свѣтлѣе, все сильнѣе... Много тяжелаго, знаете! Люди страдаютъ, бьютъ ихъ, жестоко бьютъ и всѣмъ стѣсняютъ, стерегутъ... прячутся они, живутъ монахами... и многія радости запретны имъ... очень это тяжело!

Людмила, быстро вскинувъ голову, взглянула на нее обнимающимъ взглядомъ и замѣтила:

— Вы говорите не о себѣ!

Мать посмотрѣла на нее, встала съ постели и одѣваясь говорила, спрашивая:

— Не о себѣ?.. Да какъ же отодвинешь себя всторону, когда и того любишь, и этотъ дорогъ, и за всѣхъ боязно, каждаго жалко... все толкается въ сердце... и ко всѣмъ его тянетъ... Какъ отойдешь всторону? Гдѣ ты?

Стоя среди комнаты полуодѣтая, она на минуту задумалась. Ей вдругъ показалось, что нѣтъ ея, той, которая жила тревогами и страхомъ за сына, мыслями объ охранѣ его тѣла, нѣтъ ея теперь такой, она отдѣлилась, отошла далеко куда-то, а, можетъ быть, совсѣмъ сгорѣла на огнѣ волненія, и это облегчило, очистило ее, со смутнымъ чувствомъ благодарности кому-то неизвѣстному за все, что сошло въ душу и рдѣло тамъ вечернимъ предзакатнымъ свѣтомъ. Давно не возникавшее желаніе молиться волновало ее. Чье-то молодое лицо вспомнилось, звонкій голосъ крикнулъ въ памяти— „это мать Павла Власова!..“ Сверкнули радостно и

нѣжно глаза Саши, встала темная фигура Рыбина, улыбалось бронзовое, твердое лицо сына, смущенно мигалъ Николай и вдругъ все всколыхнулось глубокимъ легкимъ вздохомъ, слилось и спуталось въ прозрачное, разноцвѣтное облако, обнявшее всѣ мысли чувствомъ покоя.

— Николай былъ правъ!—сказала Людмила входя.— Его арестовали, несомнѣнно. Я посылала туда мальчика, какъ вы сказали. Онъ говоритъ, что на дворѣ спрятана полиція, видѣлъ полицейскаго, который прятался за воротами. И ходятъ сыщики, мальчикъ ихъ знаетъ.

— Такъ! — сказала мать, кивая головой. — Ахъ, бѣдный...

И вздохнула, но безъ печали и тутъ же тихонько удивилась этому.

— Онъ послѣднее время страшно много читалъ среди городскихъ рабочихъ и вообще ему пора было провалиться!—хмуро и спокойно замѣтила Людмила.—Товарищи говорили—уѣзжай. Не послушалъ! По моему—въ такихъ случаяхъ надо заставлять, а не уговаривать...

Въ двери всталъ черноволосый и румяный мальчикъ съ красивыми синими глазами и горбатымъ носомъ.

— Я внесу самоваръ?—звонко спросилъ онъ.

— Пожалуйста, Сережа!.. Мой воспитанникъ. Вы его видали раньше?

— Нѣтъ.

— Онъ иногда заходилъ къ Николаю, я посылала...

Матери казалось, что Людмила сегодня иная, проще и ближе ей. Въ гибкихъ колебаніяхъ ея стройнаго тѣла было много красоты и силы, нѣсколько смягчавшей строгое и блѣдное лицо. За ночь увеличились круги подъ ея глазами. И чувствовалось въ ней напряженное усиліе, туго натянутая струна въ душѣ

Мальчикъ внесъ самоваръ.

— Знакомься, Сережа,—Пелагея Ниловна, мать того *рабочаго,* котораго вчера осудили.

Сережа молча поклонился, пожалъ руку матери,

вышелъ, принесъ булки и сѣлъ за столъ. Людмила, наливая чай, убѣждала мать не ходить домой до поры, пока не выяснится, кого тамъ ждетъ полиція.

— Можетъ быть —васъ... Васъ, навѣрное, будутъ допрашивать...

— Пускай допрашиваютъ!—отозвалась мать.—И арестуютъ — не велика бѣда. Только бы сначала Пашину рѣчь разослать.

— Она уже набрана. Завтра можно будетъ имѣть ее для города и слободы... Да и въ уѣздъ хватитъ. Вы знаете Наташу?

— Какъ же!

— Вотъ отвезете ей...

Мальчикъ читалъ газету и какъ будто не слышалъ ничего, но порою глаза его смотрѣли изъ-за листа въ лицо матери и когда она встрѣчала ихъ живой взглядъ, ей было пріятно, она улыбалась. Людмила снова вспоминала Николая безъ сожалѣнія объ его арестѣ, а матери казался вполнѣ естественнымъ ея тонъ. Время шло быстрѣе, чѣмъ въ другіе дни,—когда кончили пить чай, было уже около полудня.

— Однако!—воскликнула Людмила.

И въ то же время торопливо постучали. Мальчикъ всталъ, вопросительно взглянулъ на хозяйку, красиво прищуривъ глаза.

— Отопри, Сережа. Кто бы это?

И спокойнымъ движеніемъ она опустила руку въ карманъ юбки, говоря матери:

— Если жандармы,—вы, Пелагея Ниловна, встаньте вотъ сюда, въ этотъ уголъ... А ты, Сережа...

— Я знаю!—тихо отвѣтилъ мальчикъ исчезая.

Мать улыбнулась. Ее эти приготовленія не взволновали—въ ней не было предчувствія бѣды.

Вошелъ маленькій докторъ. Онъ торопливо говорилъ:

— Во-первыхъ, Николай арестованъ... Ага, вы здѣсь, *Ниловна?.. Васъ* не было во время ареста?

— Онъ меня отправилъ сюда.

— Гм... я не думаю, что это полезно для васъ! Во-вторыхъ, сегодня въ ночь разные молодые люди напечатали на гектографахъ штукъ пятьсотъ рѣчи... Я видѣлъ — сдѣлано не дурно, четко, ясно. Они хотятъ вечеромъ разбросать по городу. Я противъ — для города удобнѣе печатные листки, а эти слѣдуетъ отправить куда-нибудь.

— Вотъ я и отвезу ихъ Наташѣ!—живо воскликнула мать.—Давайте-ка!

Ей страшно захотѣлось скорѣе распространить рѣчь Павла, осыпать всю землю словами сына и она смотрѣла въ лицо доктора ожидающими отвѣта глазами, готовая просить.

— Чортъ знаетъ насколько удобно вамъ теперь взяться за это!—нерѣшительно сказалъ докторъ и вынулъ часы.— Теперь одиннадцать сорокъ три.. поѣздъ въ два, пять, дорога туда—пять, пятнадцать... Вы пріѣдете вечеромъ, но недостаточно поздно... И не въ этомъ дѣло...

— Не въ этомъ! — повторила хозяйка, нахмуривъ брови.

— А въ чемъ? — спросила мать, подвигаясь къ нимъ.—Только въ томъ, чтобы хорошо сдѣлать... а ужъ я сумѣю!

Людмила пристально взглянула на нее и потирая лобъ замѣтила:

— Вамъ—опасно...

— Почему? — горячо и требовательно воскликнула мать.

— Вотъ почему!—заговорилъ докторъ, быстро и нервно. — Вы исчезли изъ дому за часъ до ареста Николая. Вы уѣхали на заводъ, гдѣ васъ знаютъ, какъ тетку учительницы. Послѣ вашего пріѣзда на заводѣ *явились вредные листки*. Все это захлестывается въ *петлю вокругъ вашей* шеи.

— Меня тамъ не замѣтятъ!—убѣждала мать, разгораясь.—А ворочусь, арестуютъ, спросятъ гдѣ была...

Остановясь на секунду, она воскликнула:

— Я знаю какъ сказать! Оттуда я проѣду прямо въ слободу, тамъ у меня знакомый есть, Снзовъ, такъ я скажу, что, молъ, прямо изъ суда пришла къ нему.., горе, молъ, привело... а у него тоже горе – племянника осудили... И все время была у него... Онъ покажетъ такъ же... Видите?

Чувствуя, что они уступятъ силѣ ея желанія, стремясь скорѣе побудить ихъ къ этому, она говорила все болѣе настойчиво. И они уступили.

— Что жъ, поѣзжайте!—неохотно согласился докторъ.

Людмила молчала, задумчиво прохаживаясь по комнатѣ. Лицо у нея потускнѣло, осунулось, а голову она держала замѣтно напрягая мускулы шеи, какъ будто голова вдругъ стала тяжелой и невольно опускалась на грудь. Мать замѣтила это. Неохотное согласіе доктора заставило ее вздохнуть.

— Все вы бережете меня!—улыбаясь сказала она.—Себя не бережете...

— Не вѣрно! — отвѣтилъ докторъ.—Мы себя бережемъ, должны беречь! И очень ругаемъ того, кто безполезно тратитъ силу свою, да-съ! Теперь вотъ что—рѣчь вы получите на вокзалѣ...

Онъ объяснилъ ей, какъ это будетъ сдѣлано, потомъ, взглянувъ въ лицо ея, сказалъ:

— Ну, желаю успѣха! Вы счастливая, да?

И ушелъ, все-таки недовольный чѣмъ-то. Когда дверь закрылась за нимъ, Людмила подошла къ матери, беззвучно смѣясь:

— Славная вы... Я понимаю васъ...

Взявъ ее подъ руку, она снова тихо зашагала по комнатѣ.

— *У меня тоже* есть сынъ. Ему уже тринадцать

лѣтъ, но онъ живетъ у отца. Мой мужъ товарищъ прокурора, можетъ быть, прокуроръ уже теперь. И мальчикъ—съ нимъ... Чѣмъ онъ будетъ?—часто думаю я...

Ея влажный голосъ дрогнулъ, потомъ снова задумчиво и тихо полилась рѣчь.

— Его воспитываетъ сознательный врагъ тѣхъ людей, которые мнѣ близки, которыхъ я считаю лучшими людьми земли. И мальчикъ можетъ вырости врагомъ моимъ... Со мною жить ему нельзя, я живу подъ чужимъ именемъ. Восемь лѣтъ не видѣла я его... это много—восемь лѣтъ!

Остановясь у окна, она смотрѣла въ блѣдное, пустынное небо, продолжая:

— Если бы онъ былъ со мной—я была бы сильнѣе, не имѣла бы этой раны въ сердцѣ, которая всегда болитъ. И даже если бы онъ умеръ—мнѣ легче было бы...

И помолчавъ, добавила громко:

— Тогда я знала бы, что онъ — только мертвъ, но не врагъ того, что выше чувства матери, всего нужнѣе и дороже въ жизни.

— Голубушка вы моя!—тихонько сказала мать, чувствуя, какъ состраданіе жжетъ ей сердце.

— Вы счастливая! — съ усмѣшкой молвила Людмила. — Это великолѣпно — мать и сынъ рядомъ... это рѣдко!

Власова неожиданно для себя самой воскликнула:

— Да, хорошо! И точно сообщая тайну, понизивъ голосъ, продолжала:—Другая жизнь!.. Всѣ—вы, Николай Ивановичъ, всѣ люди дѣла правды—тоже рядомъ!.. Вдругъ люди стали родными... понимаю всѣхъ... словъ не понимаю, а все другое—понимаю... все!..

— Вотъ какъ!—промолвила Людмила.—Вотъ какъ...

Мать положила руку на грудь ей и, тихонько толкая ее, говорила почти шопотомъ и точно сама созерцая то, о чемъ говоритъ:

— *Міромъ идутъ* дѣти! Вотъ, что я понимаю — въ

мірѣ идутъ дѣти, по всей землѣ, всѣ, отовсюду — къ одному! Идутъ лучшія сердца, честнаго ума люди, наступаютъ неуклонно на все злое, на все темное, идутъ, топчутъ ложь крѣпкими ногами... Молодые, здоровые несутъ силы свои, необоримыя силы свои всѣ къ одному — къ справедливости! Идутъ на побѣду всего горя человѣческаго, на уничтоженіе несчастій всей земли ополчились, идутъ одолѣть безобразное и—одолѣютъ! Новое солнце зажгемъ, говорилъ мнѣ одинъ, и—зажгутъ! Создадимъ одно сердце въ жизни, соединимъ разбитыя сердца всѣ въ одно—соединятъ!

Она взмахнула рукой въ небо.

— Тамъ—солнце!

И ударила себя въ грудь.

— Здѣсь зажгутъ другое, величайшее небеснаго, солнце счастья человѣческаго и навѣки оно освѣтитъ землю—всю ее и всѣхъ живущихъ на ней — свѣтомъ любви каждаго человѣка ко всѣмъ и ко всему!

Ей вспоминались слова забытыхъ молитвъ; зажигая новой вѣрой, она бросала ихъ изъ своего сердца точно искры.

— Ко всему несутъ любовь дѣти, идущія путями правды и разума и все облачаютъ новыми небесами, все освѣщаютъ огнемъ нетлѣннымъ — отъ души, изъ глубинъ ея исходящимъ. Такъ совершается жизнь новая, въ пламени любви дѣтей ко всему міру. И кто погаситъ эту любовь, кто? Какая сила выше этой, кто поборетъ ее? Земля ее родила и вся жизнь хочетъ побѣды ея... вся жизнь!

Она отшатнулась отъ Людмилы, утомленная волненіемъ и сѣла, тяжело дыша. Людмила тоже отошла, безшумно, осторожно, точно боясь разрушить что-то. Она гибко двигалась по комнатѣ, смотрѣла передъ собой глубокимъ взглядомъ матовыхъ глазъ и стала какъ будто еще выше, прямѣе, тоньше. Худое, строгое лицо *ея было сосредоточено* и губы нервно сжаты. Тишина

въ комнатѣ быстро успокоила мать; замѣтивъ настроеніе Людмилы, она спросила виновато и негромко:

— Я, можетъ, что-нибудь не такъ сказала?..

Людмила быстро обернулась, взглянула на нее какъ бы въ испугѣ и торопливо заговорила, протянувъ руки къ матери, точно желая остановить нѣчто:

— Все такъ... такъ!.. Но—не будемъ больше говорить объ этомъ... Пусть оно останется такимъ, какъ сказалось... пусть останется... да? — И болѣе спокойно продолжала: — Вамъ уже скоро ѣхать надо... далеко вѣдь!

— Да, скоро! Рада я! Ахъ какъ рада, кабы вы знали! Слово сына повезу, слово крови моей! Вѣдь это—какъ своя душа!

Она улыбалась, но ея улыбка неясно отразилась на лицѣ Людмилы. Мать чувствовала, что Людмила охлаждаетъ ея радость своей сдержанностью и у нея вдругъ возникло упрямое желаніе перелить въ эту суровую душу огонь свой, зажечь ее, пусть она тоже звучитъ согласно строю сердца, полнаго радостью. Она взяла руки Людмилы, крѣпко стиснула ихъ, говоря:

— Дорогая вы моя! Какъ хорошо это, когда знаешь, что уже есть въ жизни свѣтъ для всѣхъ людей и — будетъ время—увидятъ они его, обнимутся съ нимъ душой и всѣ всѣ — загорятся въ ней пламенемъ неугасимымъ...

Ея доброе большое лицо вздрагивало, глаза лучисто улыбались и брови трепетали надъ ними, какъ бы окрыляя ихъ блескъ. Ее охмелили большія мысли, она влагала въ нихъ все, чѣмъ горѣло ея сердце, все, что успѣла пережить и она сжимала мысли въ твердые, емкіе кристаллы свѣтлыхъ словъ. Онѣ все сильнѣе рождались въ осеннемъ сердцѣ, освѣщенномъ творческой силой солнца весны, все ярче цвѣли и рдѣли въ немъ.

— Вѣдь это—какъ новый Богъ родится намъ, людямъ! Все—для всѣхъ, всѣ—для всего, вся жизнь—въ

одномъ, въ каждомъ—вся жизнь! И каждый—для всей жизни! Такъ понимаю я всѣхъ васъ, для этого вы есть на землѣ, вижу я! Вопстину—всѣ вы—товарищи, всѣ—родные, ибо всѣ—дѣти одной матери—правды, правда родила васъ и ея силою живете вы!

Снова захлестнутая волной возбужденія своего она остановилась, перевела духъ и широкимъ жестомъ разведя руки, какъ бы для объятія, сказала:

— И когда я говорю про себя слово это—товарищи—то слышу сердцемъ — идутъ! Идутъ отовсюду, множество, всѣ—къ одному! Слышу шумъ такой, гулкій и радостный, какъ звонъ праздничный со всѣхъ церквей земли...

Она добилась, чего хотѣла лицо Людмилы удивленно вспыхнуло, дрожали губы и одна за другой изъ ея матовыхъ глазъ по щекамъ катились слезы, большія, прозрачныя.

Мать крѣпко обняла ее, беззвучно засмѣялась, мягко гордясь побѣдою своего сердца,..

Когда онѣ прощались, Людмила заглянула въ лицо ей и тихо спросила:

— Вы знаете, что съ вами—хорошо?

И сама себѣ отвѣтила:

— Очень! Точно—утромъ, высоко на горѣ...

XXXV.

На улицѣ морозный воздухъ сухо и крѣпко обнялъ тѣло, проникъ въ горло, защекоталъ въ носу и на секунду сжалъ дыханіе въ груди. Остановясь, мать оглянулась: близко отъ нея на углу стоялъ извозчикъ въ мохнатой шапкѣ, далеко—шелъ какой-то человѣкъ, согнувшись, втягивая голову въ плечи, а впереди него вприпрыжку бѣжалъ солдатъ, потирая уши.

— Должно быть въ лавочку послали солдатика! — *подумала она и пошла,* съ удовольствіемъ слушая, какъ

молодо и звучно скрипитъ снѣгъ подъ ея ногами. На вокзалъ она пришла рано, еще не былъ готовъ ея поѣздъ, но въ грязномъ, закопченомъ дымомъ залѣ третьяго класса уже собралось много народа — холодъ согналъ сюда путейскихъ рабочихъ, пришли погрѣться извозчики и какіе-то плохо одѣтые, бездомные люди, мелькали сторожа. Были и пассажиры, нѣсколько крестьянъ, толстый купецъ въ епотовой шубѣ, священникъ съ дочерью, рябой дѣвицей, человѣкъ пять солдатъ, суетливые мѣщане. Люди курили, разговаривали, пили чай, водку. У буфета кто-то раскатисто смѣялся, надъ головами носились волны дыма. Визжала открываясь дверь, дрожали и звенѣли стекла, когда ее съ шумомъ захлопывали. Запахъ табаку, машиннаго масла и соленой рыбы густо билъ въ носъ.

Мать сѣла у входа на виду и ждала. Когда открывалась дверь — на нее налетало облако холоднаго воздуха, это было пріятно ей и она глубоко вдыхала его полною грудью. Входили люди съ узлами въ рукахъ — тяжело одѣтые, они неуклюже застревали въ двери, ругались и, бросивъ на полъ или на лавку вещи, стряхивали сухой иней съ воротниковъ пальто и съ рукавовъ, отирали его съ бороды, усовъ, крякали...

Вошелъ молодой человѣкъ съ желтымъ чемоданомъ въ рукахъ, быстро оглянулся и пошелъ прямо къ матери.

— Въ Москву?—негромко спросилъ онъ.

— Да. Къ Танѣ.

— Вотъ.

Онъ поставилъ чемоданъ около нея на лавку, быстро вынулъ папиросу, закурилъ ее и, приподнявъ шапку, молча ушелъ къ другой двери. Мать погладила рукой холодную кожу чемодана, облокотилась на него и, довольная, начала разсматривать публику. Черезъ *минуту она встала* и пошла на другую скамью ближе *къ выходу на* перронъ. Чемоданъ она легко держала

въ рукѣ, онъ былъ не великъ и шла, поднявъ голову, разсматривая лица, мелькавшія передъ ней.

Какой-то молодой человѣкъ въ короткомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ столкнулся съ нею и молча отскочилъ, взмахнувъ рукою къ головѣ. Ей показалось что-то знакомое въ немъ, она оглянулась и увидала, что онъ однимъ свѣтлымъ глазомъ смотритъ на нее изъ-за воротника. Этотъ внимательный глазъ укололъ ее, рука, въ которой она держала чемоданъ, вздрогнула и ноша вдругъ отяжелѣла.

— Я гдѣ-то видѣла его! — подумала она, заминая этой думой непріятное и смутное ощущеніе въ груди, не давая другимъ словамъ опредѣлить чувство, тихонько, но властно сжимавшее сердце холодомъ. А оно росло и поднималось къ горлу, наполняло ротъ сухой горечью, ей нестерпимо захотѣлось обернуться, взглянуть еще разъ. Она сдѣлала это—человѣкъ, осторожно переступая съ ноги на ногу, стоялъ на томъ же мѣстѣ; казалось, онъ чего-то хочетъ и не рѣшается. Правая рука у него была засунута между пуговицъ пальто, другую онъ держалъ въ карманѣ; отъ этого правое плечо казалось выше лѣваго.

Она не торопясь подошла къ лавкѣ и сѣла, осторожно, медленно, точно боясь что-то порвать въ себѣ. Память, разбуженная острымъ предчувствіемъ бѣды, дважды поставила передъ нею этого человѣка—одинъ разъ въ полѣ, за городомъ, послѣ побѣга Рыбина, другой—вчера, въ судѣ. Тамъ рядомъ съ нимъ стоялъ тотъ околоточный, которому она ложно указала путь Рыбина. Ее знали, за нею слѣдили—это было ясно.

— Попалась?—спросила она себя. А въ слѣдующій мигъ отвѣтила вздрагивая:

— Можетъ еще...

И тутъ же, сдѣлавъ надъ собой усиліе, строго сказала:

— *Попалась, нечего ужъ...*

Она оглядывалась и ничего не видѣла, а мысли одна за другою искрами вспыхивали и гасли въ ея мозгу.

— Оставить чемоданъ... уйти...

Но болѣе ярко тотчасъ же мелькнула другая искра:

— Сколько пропадетъ! Сыновнее слово... бросить? Въ такія руки...

Она прижала къ себѣ чемоданъ...

— А — съ нимъ уйти... Бѣжать...

Эти мысли казались ей чужими, точно ихъ кто-то извнѣ насильно втыкалъ въ нее. Онѣ ее жгли, ожоги ихъ больно кололи мозгъ, хлестали по сердцу, какъ огненныя нити. И возбуждая боль, обижали женщину, отгоняя ее прочь отъ самой себя, отъ Павла и всего, что уже срослось съ ея сердцемъ. Она чувствовала, что ее настойчиво сжимаетъ враждебная сила, давитъ ей на плечи и грудь, унижаетъ ее, погружая въ мертвый страхъ; на вискахъ у нея сильно забились жилы и корнямъ волосъ стало тепло.

Тогда, однимъ большимъ и рѣзкимъ усиліемъ сердца, которое какъ бы встряхнуло ее всю, она погасила всѣ эти хитрые, маленькіе, слабые огоньки, повелительно сказавъ себѣ:

— Стыдись!..

Ей сразу стало лучше и она совсѣмъ окрѣпла, добавивъ:

— Не позорь сына-то! Никто не боится.

Глаза ея встрѣтили чей-то унылый, робкій взглядъ. Потомъ въ памяти мелькнуло лицо Рыбина... Нѣсколько секундъ колебаній точно уплотнили все въ ней. Сердце забилось спокойнѣе.

— Что жъ теперь будетъ?—думала она, наблюдая.

Шпіонъ подозвалъ сторожа и что-то шепталъ ему, указывая на нее глазами. Сторожъ оглядывалъ его и пятился назадъ. Подошелъ другой сторожъ, прислушался, усмѣхнулся, нахмурилъ брови. Онъ былъ ста-

рикъ, крупный, сѣдой, небритый. Вотъ—онъ кивнулъ шпіону головой и пошелъ къ лавкѣ, гдѣ сидѣла мать, а шпіонъ быстро исчезъ куда-то.

Старикъ шагалъ не торопясь, внимательно щупая сердитыми глазами лицо ея. Она подвинулась вглубь скамьи.

— Только бы не билъ... не били...

Онъ остановился рядомъ съ нею, помолчалъ и негромко, сурово спросилъ:

— Что глядишь?

— Ничего...

— То-то... воровка!.. Старая ужъ, а туда же...

Ей показалось, что его слова ударили ее по лицу, разъ и два. Злыя, хриплыя, они дѣлали больно, какъ будто рвали щеки, выхлестывали глаза...

— Я? Я не воровка, врешь! — крикнула она всею грудью и все передъ нею запрыгало и закружилось въ вихрѣ ея возмущенія, опьяняя сердце горечью обиды. Она рванула чемоданъ и онъ открылся.

— Гляди! Глядите всѣ! — кричала она, вставая и взмахнувъ надъ головою пачкою выхваченныхъ прокламацій. Сквозь шумъ въ ушахъ, она слышала восклицанія сбѣгавшихся людей и видѣла—бѣжали быстро, всѣ, отовсюду.

— Что такое?

— Вотъ, сыщикъ...

— Что это?..

— Украла, говоритъ...

— Она?

— А она—кричитъ...

— Почтенная такая... ай-ай-ай!

— Кого поймали?

— Я не воровка!—говорила мать полнымъ голосомъ, немного успокаиваясь при видѣ людей, тѣсно напиравшихъ на нее со всѣхъ сторонъ.

— Вчера *судили* политическихъ, тамъ былъ мой

сынъ—Власовъ, онъ сказалъ рѣчь — вотъ она! Я везу ее людямъ, чтобы они читали, думали о правдѣ...

Кто-то осторожно потянулъ бумаги изъ ея рукъ, она взмахнула ими въ воздухѣ и бросила въ толпу.

— За это тоже не похвалятъ!.. — воскликнулъ чей-то пугливый голосъ.

— За это ой-ой!—отозвался другой.

Мать видѣла, что бумаги хватаютъ, прячутъ за пазухи, въ карманы—это снова крѣпко поставило ее на ноги. Спокойнѣе и сильнѣе, вся напрягаясь и чувствуя, какъ въ ней ростетъ, поднимая ее надъ людьми, разбуженная гордость, разгорается подавленная радость, она говорила, выхватывая изъ чемодана пачки бумаги и разбрасывая ихъ налѣво и направо въ чьи-то быстрыя, жадныя руки.

. . . . . .

Толпа удивленно молчала и молча росла, становясь все болѣе плотной, слитной, окружая женщину кольцомъ живого тѣла.

. . . . . .

Сзади толпы мать замѣтила шпіона и двухъ жандармовъ и она торопилась отдать послѣднія пачки, но когда рука ея опустилась въ чемоданъ, тамъ она встрѣтила чью-то чужую руку.

— Берите, все берите!..—сказала она, наклоняясь.

. . . . . .

— Разойдись!—кричали жандармы, расталкивая людей. Они уступали толчкамъ неохотно, зажимали жандармовъ своею массою, мѣшали имъ, быть можетъ не желая этого. Ихъ властно привлекала сѣдая женщина съ большими честными глазами на добромъ лицѣ и, разобщенные жизнью, оторванные другъ отъ друга, теперь, они сливались въ нѣчто цѣлое, согрѣтое огнемъ слова, котораго, быть можетъ, давно искали и жаждали *многія сердца*, обиженныя несправедливостями жизни. *Ближайшіе стояли* молча, мать видѣла ихъ жадно-вни-

мательные глаза и чувствовала на своемъ лицѣ теплое дыханіе.

— Встань на лавку!—говорили ей.

— Уходи, старуха!

— Сейчасъ возьмутъ!..

— Ахъ, дерзкая...

— Говори скорѣе... идутъ!

— Прочь! Разойдись!—все ближе раздавались крики жандармовъ. Ихъ уже стало больше, они сильнѣе толкались и люди передъ матерью покачивались на ногахъ, хватаясь другъ за друга.

Ей казалось, что все вокругъ нея кипитъ, всѣ готовы понять ее, повѣрить ей и она хотѣла, торопилась сказать людямъ все, что знала, всѣ мысли, силу которыхъ чувствовала. Онѣ легко всплывали изъ глубины ея сердца и слагались въ пѣсню, но она съ обидою чувствовала, что ей не хватаетъ голоса, хрипитъ онъ, вздрагиваетъ, рвется.

. . . . . .

Чьи-то юные глаза смотрѣли въ лицо ея съ восторгомъ и со страхомъ.

Ее толкнули въ грудь, она покачнулась и сѣла на лавку. Надъ головами людей мелькали руки жандармовъ, они хватали за воротники и плечи, отшвыривали всторону тѣла, срывали шапки, далеко отбрасывая ихъ. Все почернѣло, закачалось въ глазахъ матери, но, превозмогая свою усталость, она еще кричала остатками силъ.

Шпіонъ ударилъ ее въ лицо короткимъ взмахомъ руки.

— Такъ ее, стерву старую! — раздался злорадный крикъ.

Что-то черное и красное на мигъ ослѣпило глаза матери, соленый вкусъ крови наполнилъ ротъ.

Дробный, яркій взрывъ криковъ оживилъ ее.

— *Не смѣй бить!*

— Ребята!

— Что такое?

— Ахъ ты, мерзавецъ!

— Дай ему!

Ее толкали въ шею, спину, били по плечамъ, по головѣ, все закружилось, завертѣлось темнымъ вихремъ въ крикахъ, воѣ, свистѣ, что-то густое, оглушающее лѣзло въ уши, набивалось въ горло, душило, полъ проваливался подъ ея ногами, колебался, ноги гнулись, тѣло вздрагивало въ ожогахъ боли, отяжелѣло и качалось, безсильное... Но глаза ея не угасали и видѣли много другихъ глазъ — они горѣли знакомымъ ей смѣлымъ, острымъ огнемъ—родпымъ ея сердцу огнемъ.

Ее толкали куда-то въ двери.

Она вырвала руку, схватилась за косякъ.

— Морями крови не угасятъ правды...

Ударили по рукѣ.

Жандармъ схватилъ ее за горло и сталъ душить.

Она хрипѣла...

— Несчастные...

Кто-то отвѣтилъ ей громкимъ рыданіемъ.

Конецъ.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ.

МОНАСТЫРЬ.

ПЬЕСА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ АКТАХЪ.

ПЕРЕВОДЪ *Н. Степановой.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ.
ДОНЪ МАРКЪ.
НАСТОЯТЕЛЬ МОНАСТЫРЯ.
ОТЕЦЪ ѲОМА.
ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ.
ИДЕЗВАЛЬДЪ.
ѲѲОДУЛЪ.
МОНАХИ; ВѢРУЮЩІЕ.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Монастырскій садъ: правильно разбитые цвѣтники, кусты буксуса, бесѣдки изъ зелени, солнечные часы. Направо, на переднемъ планѣ крестъ на возвышеніи. Налѣво—входъ въ часовню въ романскомъ стилѣ Въ глубинѣ монахи играютъ въ шары, вяжутъ рыболовныя сѣти, исправляютъ садовые инструменты. Нѣкоторые изъ монаховъ бесѣдуютъ, усѣвшись полукругомъ на широкой деревянной скамьѣ.

ѳОМА. Вѣдь, я говорилъ вамъ: Богъ не можетъ быть зломъ, а такъ какъ страхъ имѣетъ объектомъ зло, то почему же учатъ: „Страхъ Божій есть начало премудрости“?

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Вы слишкомъ мудрствуете.

ѳОМА. Это важно. Если вопросъ не вѣрно разрѣшается, вся жизнь христіанина идетъ по ложному пути.

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Вы слишкомъ мудрствуете,— говорю я вамъ.

ДОНЪ МАРКЪ. Бога не слѣдуетъ бояться, нужно любить Его.

ѳОМА. Вы говорите, какъ ересіархъ Василидъ.

ДОНЪ МАРКЪ. Я? Какъ Василидъ?

ѳОМА. Василидъ говорилъ буквально то, что вы утверждаете.

ДОНЪ МАРКЪ. Блаженный Августинъ говоритъ то же.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Донъ Маркъ правъ, блаженный Августинъ говоритъ буквально такъ: „Люби и дѣлай, что *хочешь*“.

ѳома. О, это не одно и то же, блаженный Августинъ не исключаетъ страха. Нельзя быть одностороннимъ въ поклоненіи Богу, слѣдуетъ быть въ одно и то же время и боязливымъ, и трепещущимъ, и полнымъ ревности.

донъ балтазаръ (нетерпѣливо). Вы слишкомъ мудрствуете... Вы слишкомъ мудрствуете...

ѳома (Дону Балтазару). Вы не различаете всего безконечнаго разнообразія божественной природы и божественнаго лица, братъ мой.

донъ балтазаръ (рѣзко). Бога я люблю страстно, изступленно. Я понимаю только тѣхъ, которые исповѣдуютъ Его почти съ неистовствомъ, какъ будто для хвалы Его въ ихъ безумной душѣ нѣтъ ничего, кромѣ крика, одного только крика, всегда неизмѣннаго, но яснаго, но чистаго и сильнаго, какъ крещеніе. (Пауза) Богъ не требуетъ, чтобы Его описывали, чтобы взвѣшивали Его достоинства и отмѣчали ихъ въ книгахъ высокомѣрныхъ и торжественныхъ, какъ гордыня.

ѳома. Твоя вѣра проста, какъ трава. Въ храмахъ Божіимъ вѣра твоя останавливается у порога: но въ наше время, время мысли, нужно разсуждать о Богѣ, чтобы обратить къ Нему людей.

донъ балтазаръ (сильно). Онъ тѣмъ болѣе Богъ, что Его не понимаютъ. Когда вѣра и любовь устаютъ нести передъ міромъ нагого и окровавленнаго Христа, только тогда люди тратятъ время на объясненіе Бога путемъ глубокомысленныхъ, сложныхъ и пустыхъ доказательствъ. Но Онъ смѣется надъ этимъ сочетаніемъ хитрости и грѣха, въ которыхъ упражняются люди: Онъ не хочетъ этой пошлой торговли словами и доказательствами, которыми пытаются установить цѣну Его имени, защищая Его болѣе или менѣе остроумно. Онъ выше человѣческой мудрости, Онъ слишкомъ необъятенъ, великъ или глубокъ, чтобы можно было опредѣлить глубину и ту Его. И только какой-нибудь святой поднимался

иногда до Его сердца въ радостномъ упоеніи любовью, жертвою и ревностью.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Вотъ сама истина.

ДОНЪ МАРКЪ (въ избыткѣ чувствъ подходитъ къ Балтазару). О, братъ мой! Братъ мой!

ѲОМА (какъ бы удивленный). Конечно, мы заслуживаемъ, чтобы насъ осмѣивали, чтобы отъ насъ отрекались.

(Обращается къ другимъ монахамъ, которые прервали свои игры и слушаютъ, не становясь ни на чью сторону)

И мы остаемся все такими же со времени Бонавентуры и св. Ѳомы Аквинскаго.

(Обращается къ Донъ Марку и Донъ Милиціану)

Однако это были святые такіе же великіе, какъ и ваши. Это были головы и умы апостоловъ, ясные и пылающіе, какъ молнія Божья. Ихъ сердце не отвергало огня ихъ разума, огня палящаго и чистаго, воспламеняющаго души. По ткани ихъ золотого разума ихъ вѣра вышивала прекрасныя бѣлыя лиліи, конечно, такія же нѣжныя, какъ тѣ, что возносятся къ небу молитвами вашими въ восторгѣ и смѣломъ порывѣ.

(Обращается прямо къ Донъ Балтазару)

Это были святые и ученые, и герои, тогда, какъ вы...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (смущенный). Не надо обращаться ко мнѣ, когда говорите о людяхъ столь высокихъ...

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Наше время низвергло величіе съ его самыхъ высокихъ вершинъ. Оно отвергло пламенное значеніе, которое придавали нѣкогда у насъ на Западѣ дѣвственному героизму и христіанской силѣ. И вотъ на закатѣ, когда на берегахъ нашихъ угасала вѣра, наука запѣла намъ свою пѣснь: но наука, въ свою очередь, отмѣчена перстомъ смерти и уничтоженія, отъ нея отказались уже тѣ, которые видѣли ее въ мечтахъ своихъ ясной, гармоничной и прекрасной

до такой степени, что ждали отъ нея рѣшенія міровыхъ загадокъ.

Книга нынѣшняго дня, истинная для насъ, отвергаетъ книгу вчерашняго дня. Мудрая и всеобъемлющая система будетъ уничтожена противуположной. Не скупятся на излишнія гипотезы, которыя ничего не опредѣляютъ: нѣтъ болѣе ни истиннаго, ни ложнаго, ни зла, ни добра. Наука наканунѣ гибели... и сама себя пожираетъ.

ѳома. Неправда, еще все будущее принадлежитъ ей.

донъ милиціанъ. Нужно вернуться къ простотѣ, къ дѣтству. Нужны любовь и доброта, и невѣдѣніе. И среди насъ только одинъ живетъ такъ, согласно съ будущимъ возрожденіемъ: это—Донъ Маркъ.

донъ балтазаръ. Онъ выше насъ всѣхъ.

донъ маркъ (смущенный). Я! Я! Я! Балтазаръ? Но я—самый меньшій и самый ничтожный изъ всѣхъ васъ.

донъ балтазаръ. Дитя, Франциск Ассизскій былъ такимъ же, а имя его украшаетъ лиліями и дѣлаетъ благоуханной церковь. О! По истинѣ возлѣ тебя чувствую я, какъ оскверняетъ мою кровь тяжелый и черный грѣхъ. Но я знаю, ты—чистота нашего храма. Ты — прекрасная простота, добрый примѣръ, чистое пламя усердія. Если бы мы были еще кроткими и чистыми монахами золотыхъ среднихъ вѣковъ, мы цѣловали бы край твоей власяницы, мы благословляли бы твои безмятежныя руки, которыя преображаютъ...

донъ маркъ (сильно взволнованный). Балтазаръ! Балтазаръ! Братъ мой Балтазаръ!

донъ балтазаръ (сильно). Я кажусь себѣ случайнымъ бурнымъ порывомъ вѣтра; я кажусь себѣ шальнымъ лоскутомъ, подхваченнымъ бурей, когда я думаю о сокровенномъ и постоянномъ свѣтѣ, который распространяетъ твой духъ, не сознавая этого. Предъ тобою я хочу побороть и унизить мою гордость; я хочу сми-

рить мое существо, мое сердце, мою плоть, мое тѣл
хочу бросить ихъ къ твоимъ свѣтлымъ ногамъ, въ пра

(Какъ бы обезумѣвъ, онъ падаетъ на кол

ДОНЪ МАРКЪ (хочетъ поднять его). Мой бѣдный бр
Балтазаръ...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Оставь; маска моего ложна
величія должна упасть въ грязь, грѣхъ пригвождае
меня къ стыду и ужасу, и душа моя погибла бы, есл
бы ты не сжалился.

ДОНЪ МАРКЪ. Балтазаръ! Балтазаръ! Во им
дружбы, соединяющей насъ, встань и посмотри н
меня: развѣ я—не смиренный твой ученикъ и развѣ
ты не хранитель мой?

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (встаетъ). Я хотѣлъ, чтобы меня
видѣли смиреннымъ и ничтожнымъ предъ тобою.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Примѣръ высокій и достойный,
и искренность его умножаетъ наше рвеніе къ твоей
праведной силѣ, братъ мой.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (Дону Милиціану). Меня нужно
жалѣть.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Мы вспомнимъ въ нашихъ
молитвахъ...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (ко всѣмъ). Я нуждаюсь въ без-
мѣрной жалости...

(Онъ удаляется, монахи изумлены. Вскорѣ
Донъ Милиціанъ и Донъ Маркъ дого-
няютъ его въ аллеѣ. Они исчезаютъ)

ѲОМА (монахамъ, занятымъ своей работой). Развѣ это не
странно? Внезапно, какъ въ порывѣ вѣтра, доходитъ
онъ до крайности. Люди говорятъ, разсуждаютъ, дока-
зываютъ, а этотъ удивительный Балтазаръ, напротивъ,
срываетъ всѣ узы и вызываетъ что-то въ родѣ скандала.

ИДЕЗБАЛЬДЪ. Онъ властенъ и надменъ. Онъ
порывистъ и дикъ, его считаютъ выше насъ всѣхъ, и
тъ онъ смиреннѣе, отверженнѣе и ниже послѣдняго
слушника. Никто не можетъ понять его.

ѳома. Полно... Ты такъ думаешь?

идезбальдъ. Для безопасности этого монастыря важно, чтобы этотъ монахъ никогда не сдѣлался его главою.

ѳома. Кто же могъ бы помѣшать ему въ этомъ?

идезбальдъ (живо). Я обращаюсь съ этимъ ко всѣмъ нашимъ монахамъ.

ѳома (насмѣшливо). О! Онъ имъ не по плечу. Въ его присутствіи они становятся тихими, какъ побѣжденные.

монахъ. Значитъ, не пришелъ еще часъ дѣйствовать.

ѳома. Но часъ этотъ пробилъ тогда, когда Балтазаръ попалъ сюда. Нашъ настоятель поддерживаетъ Балтазара, потому что онъ герцогъ и графъ, какъ и самъ настоятель, какъ Донъ Маркъ, какъ Донъ Милиціанъ. Своими одряхлѣвшими руками онъ выдвигаетъ его впереди насъ. Десять лѣтъ я наблюдаю это, веду борьбу и дѣйствую. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы теперь вы всѣ помогли мнѣ, а вы остаетесь неподвижными.

монахъ. Мы никогда не примемъ Балтазара.

ѳома. Въ такомъ случаѣ защищайтесь. Что-то мнѣ говоритъ, что будутъ имѣть значеніе дѣйствія...

идезбальдъ. Никогда Римъ не поставитъ его надъ нами.

ѳома. Донъ Балтазаръ изъ знатнаго рода; имя его придаетъ блескъ его высокой добродѣтели. За него отвѣчаютъ предки: когда-то одинъ изъ нихъ, вернувшись въ свои помѣстья, обогащенный награбленнымъ золотомъ, пожертвовалъ все свое богатство этому монастырю, гдѣ превознесено величіе Христа.

монахъ. Это давняя легенда.

ѳома. Достаточно, чтобы ей повѣрили.

идезбальдъ (мечтательно). А мы-то всѣ, прочіе, —*всего только* простые церковнослужители. Баль... *графъ* Аргонскій и герцогъ Риспэрскій...

ѲОМА. Конечно, изъ всѣхъ насъ онъ наименѣе оруженъ предусмотрительностью, живымъ и готов. къ борьбѣ знаніемъ. Онъ не замѣчаетъ никогда бе ныхъ молній, что бороздятъ необъятныя гремя небеса тамъ, за стѣнами этого монастыря. Онъ не с шитъ безумной битвы, отъ которой самъ Богъ каже смущенъ и содрогается. Четыре наши стѣны заключ ютъ въ себѣ весь его міръ. А между тѣмъ вся вселе ная и въ лучахъ солнца, и въ тьмѣ ночей кричит такъ громко, что для того, чтобы не слышать этог глубокаго возмущенія, нужно быть скалой или н существовать совсѣмъ... Жить по примѣру древнихъ въ аскетической мечтѣ и сохранять эту мечту нетронутой и властной—вотъ вся его борьба противъ всѣхъ насъ. Онъ родился на землѣ тремя стами лѣтъ позднѣе, чѣмъ слѣдовало: узкій фанатизмъ сушитъ его суровую душу, онъ ничего не знаетъ, кромѣ нашихъ священныхъ текстовъ, но онъ будетъ настоятелемъ потому, что онъ себя таковымъ утверждаетъ.

МОНАХЪ. Вы должны быть имъ.

ѲОМА. Это зависитъ отъ васъ. Вы—новая сила, та, о которой еще не знаютъ, но которая должна проявиться. Предупредите Папу, обратитесь въ Римъ.

ИДЕЗБАЛЬДЪ (неувѣренно). Необходимо, чтобы назвали васъ.

ѲОМА (пристально смотритъ на него). А вы? Вы?

ИДЕЗБАЛЬДЪ (притворяясь равнодушнымъ). О! Я! Я!

ѲОМА (настойчиво). Одинъ Римъ рѣшаетъ. Епископъ благосклоненъ ко мнѣ. Онъ ненавидитъ нашего настоятеля. Онъ будетъ дѣйствовать помимо монастыря, благоразумно, безъ всякаго насилія, какъ подобаетъ. Но, Бога ради, вы-то всѣ дѣйствуйте.

МОНАХЪ. Вы скажете намъ, что мы должны дѣ-ать.

ѲОМА. Угадайте это сами. Ваши слова, ваша ма-*ра держать себя,* желанія, которыя вы выск

и тѣ, о которыхъ умалчиваете, но которыя можно предугадать, ваши поступки, ваши письма,—все должно побороть Балтазара. Нужно уронить его въ глазахъ настоятеля. Нужно поколебать его самоувѣренность, такъ чтобы онъ началъ сомнѣваться въ самомъ себѣ. Ну, что же еще? Вы сами должны знать.

ИДЕЗБАЛЬДЪ. Балтазаръ въ настоящее время кажется опаснѣе, чѣмъ когда либо.

ѲОМА (Идезбальду). Онъ переживаетъ душевный кризисъ.

ѲЕОДУЛЪ (монахамъ). Каждый изъ насъ помолится за него.

ѲОМА (Ѳеодулу). Вы помо́литесь за него, когда этотъ монастырь будетъ спасенъ.

ѲЕОДУЛЪ. Донъ Балтазаръ остается примѣромъ для насъ.

ѲОМА. Духъ Божій воскресаетъ изъ вѣка въ вѣкъ, какъ нѣкогда Его тѣло. И съ каждымъ новымъ явленіемъ Его приходятъ новые свидѣтели Его славы. Нынѣ мы являемся этими свидѣтелями.

ѲЕОДУЛЪ. А настоятель? А Донъ Маркъ? А Донъ Милиціанъ?

ѲОМА. Вы не понимаете, чего мы всѣ здѣсь желаемъ. Вы жалкій отпрыскъ того дерева жизни, которое Богъ посадилъ и лелѣетъ въ этомъ монастырѣ.

ѲЕОДУЛЪ. Нашъ долгъ повиноваться.

ѲОМА. Мы - большинство и знаніе и добродѣтель. Когда-нибудь вы это ясно увидите.

ИДЕЗБАЛЬДЪ. Предоставьте намъ дѣйствовать.

МОНАХЪ. Вы хотите низвергнуть честолюбіе для того, чтобы поставить на его мѣсто ваше собственное честолюбіе.

ДРУГОЙ МОНАХЪ (Идезбальду и Ѳомѣ). Васъ связываетъ вражда къ Балтазару: вы поспорили бы за *ѣсто, если бы* онъ палъ.

МА (монахамъ). Мы хотимъ вырвать васъ изъ

древняго рабства, пробудить и возвысить васъ. Не будьте своими собственными врагами.

(При видѣ приближающагося настоятеля всѣ умолкаютъ)

ИДЕЗБАЛЬДЪ (вполголоса). Предоставьте намъ дѣйствовать... Предоставьте намъ дѣйствовать...

(Старый настоятель, опираясь на посохъ, медленно приближается. Ѳома быстро направляется къ нему. Остальные монахи, одинъ за другимъ, уходятъ и въ концѣ концовъ никого не остается).

ѲОМА (настоятелю). Я кончилъ, отецъ мой, мои комментаріи къ Тертуліану. Могу ли я послать ихъ нашему владыкѣ епископу и просить „Approbatur"?

НАСТОЯТЕЛЬ. Владыка возлагаетъ на васъ большія надежды. Онъ восхищается вами, отецъ Ѳома.

ѲОМА. Владыка снисходителенъ ко мнѣ.

НАСТОЯТЕЛЬ. А развѣ я не отдаю вамъ должнаго?

ѲОМА. Всю мою книгу я отдалъ подъ ваше покровительство.

НАСТОЯТЕЛЬ. Вы носитель свѣточей передъ Господомъ, великими огненными путями вы пронизываете безконечность мрака. Безъ васъ и подобныхъ вамъ нашъ вѣкъ блуждалъ бы, спотыкаясь, среди проваловъ и обломковъ. Чтобы смиренно служить вѣчной доктринѣ, нужны непорочные ученые и умы лучезарные, а для того, чтобы вести ихъ и твердо управлять ими нужны сильные люди изъ блестящаго рода, съ давнихъ временъ обладавшаго могучимъ вліяніемъ.

ѲОМА. Несмотря на все мое уваженіе, я однако осмѣливаюсь думать, что тѣ люди, умы которыхъ преисполнены знанія, могутъ внушать другимъ повиновеніе, и что они могутъ, въ свою очередь...

НАСТОЯТЕЛЬ. Всѣ, кто знаетъ людей, думали и думаютъ до сего дня не такъ, какъ ты, а какъ думаю я—здѣшній господинъ—и какъ я приказываю думать. *(Пауза)* *Слушайте* меня: пока будутъ существовать

на землѣ роды, издавна своевольные и гордые, ваша надежда будетъ тщетна. Власть и сила не случайно, а по милости одного Бога—до того умножились и сосредоточились въ нихъ, что образовались вѣчные запасы этой власти и силы, такъ что жить и царствовать для нихъ одно и то же. Если только эта великая и умножившаяся сила не будетъ уничтожена или презрѣна самими тѣми, кто ею обладаетъ; если только они не погибнутъ или не отрекутся отъ нея: никогда никто изъ васъ не одержитъ побѣды надъ ними. Это естественно, это въ порядкѣ вещей, и вы достаточно умны, чтобы понять это.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (неожиданно появляясь). Отецъ мой, я хотѣлъ бы поговорить съ вами наединѣ...

НАСТОЯТЕЛЬ (отцу Ѳомѣ). Оставьте насъ.

(Ѳома удаляется, но потомъ останавливается. Настоятель смотритъ на него. Онъ уходитъ)

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (настоятелю). Вчера въ исповѣдальнѣ нѣкто сказалъ мнѣ: „Вотъ уже пять мѣсяцевъ прошло, какъ отецъ Ноль Ардингъ былъ убитъ. Заподозрили его сына, арестовали его, судили и признали виновнымъ. Онъ же невиненъ, я утверждаю это,— я „убійца“. Не размышляя, повинуясь только внутреннему голосу своей души, я приказалъ этому человѣку тотчасъ послѣ исповѣди пойти объявить о своей винѣ. Онъ мнѣ сказалъ: „Все оправдываетъ меня; отецъ Ардингъ умертвилъ моего отца: онъ отравилъ его“. Я почти прогналъ этого человѣка, чтобы какъ можно скорѣе онъ пошелъ и предалъ себя... Теперь вы понимаете, отецъ мой?

НАСТОЯТЕЛЬ. Вы поступили, какъ должно.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. А я? Я, который десять лѣтъ тому назадъ убилъ отца, я, котораго вы пріютили здѣсь *у себя, не сказавъ* ни слова упрека...

НАСТОЯТЕЛЬ. А развѣ этотъ человѣкъ хотѣлъ,

такъ же, какъ вы, войти въ монастырь и—на колѣняхъ—упорно стучать своей непрестанной молитвой въ запертую дверь рая?

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Такъ что же? Только вчера я постигъ въ сердцѣ своемъ... съ быстротою молніи...

НАСТОЯТЕЛЬ. Но ваше преступленіе—заглажено: я отпустилъ его и Римъ тоже; уже десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы пришли сюда, оно предано забвенью, оно—прахъ. Графъ Аргонскій и Риспэрскій, вы предстанете предъ Богомъ въ вашъ послѣдній часъ оправданнымъ и превознесеннымъ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я хочу предъ всѣми кричать о моемъ преступленіи... Я чувствую себя захваченнымъ и унесеннымъ этимъ водоворотомъ за предѣлы моей упорной воли: я хочу кричать о моемъ преступленіи и заслужить прощеніе...

НАСТОЯТЕЛЬ. Сынъ мой...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Всю ночь я неистово боролся, до истощенія силъ стараясь преградить плотиной это желаніе, сломить его; я не могъ. Какъ дикія волны, оно заливало меня со всей яростью... Я не могъ охватить взглядомъ это зрѣлище, когда вмѣстѣ съ кровью исчезала жизнь въ неподвижныхъ чертахъ отца. Рана казалась еще шире, чѣмъ въ моментъ смерти, она дымилась и еще больше раскрывалась по мѣрѣ того, какъ мои безумные глаза смотрѣли на нее. И кровь текла неустанно, непрерывно...

НАСТОЯТЕЛЬ. Сновидѣнье!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Это была кровь, настоящая дымящаяся кровь, я отвѣдалъ ее, я узналъ ее, я весь красенъ отъ той крови до дна души, она проникаетъ въ меня, она сжигаетъ меня, какъ могучее пламя, вотъ здѣсь, грудь мою, мое тѣло. Я слышу запахъ ея на мнѣ. И вѣтеръ, и воздухъ, и свѣтъ, все красно вокругъ меня. Я боюсь всего, что неожиданно блеснетъ, *зашевелится, я боюсь* всего. Малѣйшій шумъ остана-

ВТОРОЙ АКТЪ.

Капитульная зала: деревянныя скамьи, полъ изъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ съ циновкой посерединѣ. На стѣнѣ распятіе. Направо, на своемъ обычномъ мѣстѣ, Донъ Балтазаръ, распростертый, съ лицомъ, закрытымъ руками. Входитъ Ѳома и медленно приближается къ нему. Слегка трогаетъ его за плечо.

Ѳома. Душа ваша смущена, братъ мой. Могу ли и я помолиться за нее и раздѣлить ея скорбь?

Донъ Балтазаръ (смотритъ на него и нерѣшительно отвѣчаетъ). Богъ внемлетъ всѣмъ молитвамъ...

Ѳома. Вы, должно быть, страдаете, какъ рѣдко страдаютъ.

Донъ Балтазаръ. Тяжесть моего преступленія перевѣшиваетъ, быть можетъ, всѣ молитвы міра.

Ѳома. Вашего преступленія?

Донъ Балтазаръ. Сейчасъ на этомъ самомъ мѣстѣ я буду каяться предъ всѣми.

Ѳома. Развѣ оно такъ велико, что повергаетъ на землю ревность вашей души?

Донъ Балтазаръ. Моя ревность? Моя ревность? Причемъ она тутъ?..

Ѳома. Ваша ревность. О, я знаю, какъ она упорна и неистова. Я знаю ее...

Донъ Балтазаръ. Оставьте меня...

Ѳома. Я знаю ея скрытую работу, направленную къ *тому, чтобы* *властвовать* надъ этимъ монастыремъ.

Донъ Балтазаръ. Оставьте меня, говорю я вамъ...

Ни вы, ни я не будемъ главою этого дома. Для этого есть болѣе достойные...

ѳома. Донъ Милиціанъ?

донъ балтазаръ. Оставьте меня... оставьте меня... оставьте меня...

ѳома. Я ничего не понимаю, я не знаю, что предположить.

(Пауза. Донъ Балтазаръ не отвѣчаетъ)

ѳома (продолжаетъ). Донъ Балтазаръ, вы были среди насъ давно избраннымъ, тѣмъ, кто приходитъ однажды, вооруженный какимъ-то божественнымъ правомъ, съ тѣмъ, чтобы разъ навсегда овладѣть нашимъ повиновеніемъ. Ваши слова были горды, вооружены властью и надменностью, и воля ваша, накопившаяся глыбами, наперекоръ моей волѣ, покоряла всѣхъ. Нашъ настоятель чувствовалъ въ васъ душу, подобную его душѣ, суровую и властную; въ своихъ мечтахъ онъ видѣлъ васъ главою и настоятелемъ послѣ его смерти. Если жизнь человѣческая есть блужданіе и лабиринтъ, то вы возвышались какъ башня на берегу, чтобы съ нея можно было видѣть и указывать міру, какая дорога благопріятна для его неувѣренныхъ шаговъ и гдѣ пересѣкаетъ путь Бога пути судьбы. Нынѣ вы—жалкій, растерянный и усталый, развалина, подготовляющая свое собственное паденіе. Гордость ваша колеблется и слабѣетъ. Падетъ ли ваша смѣлость? Будетъ ли отплачено вамъ за пустую и безмѣрную гордость, которая овладѣла вами внезапно въ этотъ самый часъ?

донъ балтазаръ. Если мнѣ будетъ отплачено за мою гордость, то, по крайней мѣрѣ, это совершится по моей волѣ и по моему собственному желанію.

ѳома. Увы! Вотъ крикъ вашей совѣсти, вырвавшійся изъ души вашей. Всегда гордость и гордость... Всегда вы сами и ваша гордость.

донъ балтазаръ (потрясенный). Неправда! Неправда! *Я лгу! Я лгу!* Это только изъ любви, одной

любви, муки совѣсти опустошили душу мою. Я уже не знаю больше, что я говорю, что я чувствую, ваши слова коварны, скрытый огонь вашихъ рѣчей опаляетъ меня и застаетъ меня врасплохъ, но Богъ любитъ меня и понимаетъ меня ясно и свѣтозарно до глубины моего существа. Уйдите! Уйдите!

ѳома. Такъ вы не хотите моихъ молитвъ?

донъ балтазаръ. О, святые на небесахъ! Ангелы, парящіе у Голгоѳы, покровители древней христіанской борьбы, сжальтесь! Мое раскаяніе — не ложь; оно все стремится къ вершинамъ искупляющаго прощенія. Братъ мой искушаетъ меня во мракѣ, его голосъ воскрешаетъ въ моемъ сердцѣ темный страхъ и порывы гордости. Но Ты сжалишься надъ нимъ, Господи, сжалишься надъ нимъ, такъ же, какъ и надо мной; я не отталкиваю его молитвъ, я не хочу, я не могу, можетъ быть, онѣ полезнѣе и спасительнѣе другихъ, — но ради смерти Твоей, ради Твоего крещенія, ради мукъ Твоихъ, сжалься, сжалься надъ нами, Господи!

ѳома. Мои молитвы благотворны уже потому, что для того, чтобы обратиться съ ними къ Богу, я плачу, я борюсь, я побѣждаю себя; молиться за враговъ лучше, чѣмъ погружаться въ самое красное раскаяніе. Я молюсь и буду молиться за васъ.

донъ балтазаръ (покорно). Благодарю.

(Пауза)

ѳома (удаляется, потомъ снова возвращается). Вы мнѣ сказали сейчасъ: ни вы, ни я не будемъ главою этого монастыря. Но, вѣдь, Донъ Милиціанъ хотя и родовитъ, слишкомъ старъ, разумѣется; кромѣ того, онъ боленъ, едва стоитъ на ногахъ и близокъ къ смерти. Идезбальдъ? Посредственная натура. Бавонъ и Ѳеодулъ? Жалкіе церковники, которые корпятъ надъ книгами, которыхъ они *понимаютъ*. Что касается Донъ Марка... Ребенокъ, *лекій*..

онъ балтазаръ (рѣзко). Не касайтесь его. Ему

невѣдомы наши низости, наши неистовыя, но враждующія воли, онъ не знаетъ вашихъ происковъ, братъ мой, въ борьбѣ съ его правомъ. Онъ живетъ въ Богѣ и вѣритъ въ Бога раньше, чѣмъ въ себя. Онъ избранъ не нами, а ангелами, онъ золотой ликторскій пучокъ, поднятый высоко среди нашей грязи. Когда онъ станетъ главою надъ вами, надо мной, его сердце призоветъ небо, чтобы само опо возстановило здѣсь культъ ревности, и жертвы, и высшаго смиренія. Ему будутъ повиноваться, потому что Богъ этого пожелаетъ, потому что Богъ желаетъ этого, и, если нужны чудеса, они явятся изъ тѣхъ же препятствій, которыми вы преграждаете путь спасенія.

ѲОМА. Вы меня удивляете. Когда настоятель говоритъ мнѣ: для управленія церковью и для ея возвеличенія есть люди сильные, избранные Богомъ; для того, чтобы повелѣвать съ успѣхомъ, они соединили въ себѣ всю пылкую энергію, скрытую и упорную, сбереженную и скопленную для нашего блага ихъ предками въ теченіе вѣковъ,—я могу понять это и сейчасъ же думаю о васъ. Но о Донъ Маркѣ...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Думайте о немъ! Думайте о немъ!

ѲОМА (говоритъ заносчиво въ лицо Донъ Балтазару). Я думаю только о себѣ и ни о комъ другомъ. Вы—сила въ упадкѣ, которая губитъ себя сама и разрушается, ей приходитъ конецъ. Я же—сила, которая растетъ и хочетъ заявить объ этомъ. Я усталъ повиноваться и унижаться. Въ моей душѣ новый красный огонь, отвѣчающій моему времени, которое считается только съ нимъ и отбрасываетъ старыя и косныя права, какъ увядшіе плоды. Никто изъ васъ не знаетъ, какое сердце горитъ во мнѣ, каково мое предназначеніе апостола и просвѣтителя. Гордые монахи! Знатные титулованные монахи! Христосъ предъ вами всѣми нашелъ бы меня *правымъ*. *Онъ сказалъ* бы вамъ: „вы коснѣете въ на-

божномъ и тяжеломъ молчаніи за стѣною сонливости, вы прозябаете. Вдали бьютъ тревогу противъ моего креста, широкія объятія котораго заключали въ себѣ міръ и прижимали его къ моему сердцу; вы сами себя умаляете, духъ вашъ становится безплоднымъ; дыханіе Бога не обвѣваетъ больше вашихъ ризъ; вы украшаете мой алтарь, но церковные служки завершаютъ убранство и зажигаютъ свѣчи. Вы угашаете великій жаръ, дѣвственную силу, огненные языки, сошедшіе на моихъ ревностныхъ учениковъ въ день св. Духа. Безполезные люди, часто, когда я вижу васъ вмѣстѣ во время молитвы, стонущихъ, скучныхъ, медлительныхъ и сонныхъ, кажется мнѣ, что я долженъ покарать васъ"...

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ (сильно). Вы богохульствуете! Христосъ Самъ сказалъ Своимъ любимымъ ученикамъ, что Онъ среди нихъ, когда они вмѣстѣ молятся Ему.

ѲОМА. Онъ—духъ, сердце, голосъ, движеніе и пылъ своихъ ученыхъ и свѣтоносныхъ проповѣдниковъ.

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Монахъ, мы служимъ Ему такъ же, какъ и вы. Божественный огонь, сжигающій насъ, имѣетъ такую же силу; но мы любимъ Его въ благочестивомъ мирѣ и молчаніи. Міръ, куда мечтаете вы идти и кричать о Его славѣ, глухъ и слѣпъ, покрытъ пятнами тлѣнія и сластолюбія... Онъ еще забавляется золотомъ, какъ состарившійся ребенокъ на смертномъ одрѣ; его единственная цѣль, единственная способность это изобрѣтать игрушки замысловатыя и преступныя... Но что значитъ это предъ истиной неба, предъ Богомъ моимъ и вашимъ? Вы говорили мнѣ о святыхъ и апостолахъ; да если бы они вернулись сюда, если бы изъ могилъ ихъ поднялась вдругъ буря ихъ душъ, они не могли бы найти достаточно молній и пламени, чтобы поразить ими жизнь—и снова вернуться на небо. Я знаю такъ же, какъ и вы, что нужно нашему *святотатственному* и гибельному вѣку, но я никогда *пойду спорить* съ нимъ, но я никогда не рискну

коснуться этой заразы. Вы это дѣлаете, смѣю думать, съ тоской, оберегая ваше достоинство и вашу христіанскую душу, но если ужъ говорить о гордости, то я предпочитаю мою.

ѳома. Всегда тщеславіе.

донъ балтазаръ (властно). О, эту гордость я держу высоко и не стыжусь этого! Я—мятежный человѣкъ, ведущій борьбу съ своимъ преступленіемъ, ничего не теряя изъ своего величія. И когда это единственное преступленіе будетъ отпущено, я снова пріобрѣту свои права; я поборю злой духъ, который воодушевляетъ васъ; я приготовлю путь Марку, я поддержу его всею побѣдоносной силой этихъ рукъ христіанина. Весь монастырь прекрасно знаетъ, какая душа горитъ во мнѣ, какая вѣра упорная и суровая накопляется въ моей груди, чтобы бороться съ вашими безумствами и противостоять имъ. Вино должно остаться чистымъ въ чашѣ, а жаръ вашего сомнѣнія или знанія каплю за каплей прибавлялъ бы туда осадокъ и ядъ, который убилъ бы будущее.

ѳома (очень холодно). Въ гордости или въ покаяніи—это все равно—но вы погубите себя, братъ мой...

(Въ капитульную залу внезапно входитъ настоятель. Оба монаха молчатъ. Чувствуется ихъ замѣшательство. Немного погодя Донъ Балтазаръ подходитъ къ нему)

донъ балтазаръ. Простите меня, что я внезапно прервалъ мое духовное уединеніе, но этотъ безумный монахъ пришелъ, чтобы отвлечь и искушать мое сердце дурными словами.

настоятель. Его нужно было прогнать, если онъ искушалъ васъ; вы должны строго и безусловно сосредоточиться. (Ѳомѣ) Не мѣшайте этому человѣку молиться. (Настоятель дѣлаетъ знакъ. Ѳома удаляется).

настоятель. Только мы одни, сынъ мой, еще желаемъ, *чтобы этотъ* монастырь оставался прекраснымъ

и сильнымъ, выше споровъ и пререканій человѣческихъ. Если твоя исповѣдь недостаточно торжественна и горда, если ты—благодаря ей—не овладѣваешь душевнымъ покоемъ и всеобщимъ почетомъ, необходимо молчать, нужно отпереться отъ уликъ и обуздать въ себѣ гибельное раскаяніе. Я пришелъ приготовить тебя къ покаянію.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. О, отецъ мой. Для Бога нѣтъ ничего легче, какъ покорить силѣ моей послѣ моего покаянія.

НАСТОЯТЕЛЬ. Конечно, все въ Его власти. Онъ долженъ помочь тебѣ, потому что если бы Онъ оставилъ тебя и если бы я не былъ подлѣ тебя, твое суровое благочестіе и твое высокое смиреніе обратились бы противъ насъ и противъ самого Бога. Если такіе люди, какъ мы съ тобой, не умѣютъ со священнымъ героизмомъ и съ христіанской смѣлостью ихъ души сохранить и защитить мѣсто, которое имъ предназначаетъ небо,—одному послѣ другого—и на которое они имѣютъ право,—конецъ мужественной и глубокой добродѣтели, конецъ ярму и праву, и власти, которая удерживаетъ въ законѣ міръ. Твой примѣръ дерзокъ, но онъ необычайно высокъ. Пусть онъ будетъ для всѣхъ насъ, какъ обильный свѣтъ, какъ священный подвигъ, который завоюетъ тебѣ твоихъ братьевъ и завтра же подчинитъ ихъ тебѣ и твоей власти.

(Колоколъ звонитъ. Слышны приближающіеся шаги. Монахи входятъ въ капитульную залу и становятся каждый на свое мѣсто. Настоятель входитъ на каѳедру)

НАСТОЯТЕЛЬ. Нашъ монастырь оставилъ древніе обычаи. Одинъ монахъ, одинъ изъ вашихъ братьевъ, напомнилъ мнѣ о нихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ публичныя покаянія были отмѣнены, нравственныя силы нашего братства поколеблены. Десять лѣтъ тому назадъ, *при жизни* Донъ Жерве, моего учителя и моего пред-

шественника, они еще процвѣтали. Нынѣ я ихъ возстановляю. Вамъ предстоитъ услышать исповѣдь отцеубійцы...

ѲОМА (быстро встаетъ и стоя говоритъ). Отцеубійцы?

НАСТОЯТЕЛЬ (продолжаетъ хладнокровно). Отцеубійцы, давно уже прощеннаго. Такое открытое и добровольное покаяніе было бы невозможно въ мірѣ; но вы—монахи, вы понимаете красоту и героизмъ признанія, вы превознесете то, чего не поняли бы души менѣе высокія, чѣмъ ваши. (Донъ Балтазару) Исповѣдуйтесь, братъ мой.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (встаетъ и опускается на колѣни, на циновку посреди залы). Прежде всего я прошу у всѣхъ васъ прощенія, ибо преступленіе мое давнее, а я жилъ безнаказанно въ этомъ монастырѣ дни и годы. Мой отецъ умеръ, я убилъ его, однажды, обезумѣвъ въ дикомъ опьяненіи отъ вина, выпитаго вечеромъ въ одномъ изъ притоновъ. Домъ нашъ былъ погруженъ въ сонъ. Красный огонь одиноко горѣлъ во мракѣ, у постели. Мой отецъ, не смотря на свой возрастъ, былъ еще достаточно крѣпкій и сильный старикъ. Я увидѣлъ его обнаженную шею, на которой выступали вены. На его сѣдую голову падалъ блѣдный отблескъ; его беззащитная гордость какъ бы защищала его; я остановился... Ахъ, если бы въ тотъ моментъ я могъ увидѣть при блескѣ молніи острый взглядъ остановившихся глазъ отчаянія; если бы этотъ крестъ (Онъ указываетъ на распятіе, висящее на стѣнѣ), который до истомы лобызали наши уста, сохранилъ моего отца и защитилъ его ложе; если бы одинъ изъ васъ, кто мнѣ милъ и дорогъ, былъ въ то время среди возносившихъ за меня пламенныя молитвы, никогда зло не обагрило бы кровью души моей, никогда я не увидѣлъ бы роковой смерти...

НАСТОЯТЕЛЬ. Вы должны быть болѣе спокойнымъ во время исповѣди, сынъ мой.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Въ этотъ мигъ, полный грозныхъ послѣдствій, мой отецъ открылъ глаза и тотчасъ всталъ предъ моей ненавистью грозный и прямой; моя грудь горѣла и — казалось — дыханье замерло во мнѣ. Мой отецъ схватилъ мою руку и сжалъ ее, не крикнувъ, изъ боязни какъ бы не узнали, въ какой бурѣ погибла честь нашего славнаго имени. Моя ярость снова разгорѣлась, когда я почувствовалъ, какъ грубые и сухіе пальцы тисками сжимали мое тѣло. Меня охватилъ дикій гнѣвъ; я оттолкнулъ отца въ глубину алькова, и ножъ блеснулъ передъ его глазами... казалось, что въ немъ одномъ я вижу всѣхъ моихъ предковъ: такъ онъ былъ высокъ и такъ тверда была его сила. Мои пальцы искали его грудь и не могли найти. Онъ избѣгалъ моихъ ударовъ; нервными руками онъ схватилъ меня за горло и отъ ногтей его остался красный слѣдъ. Едва только послѣднимъ усиліемъ я оттолкнулъ его и сшибъ съ ногъ, какъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ онъ вырвался изъ-подъ меня и, вставъ, крикнулъ мнѣ: „въ твоемъ роду умираютъ стоя!“,—и сложивъ руки, безъ боязни и съ спокойной гордостью, онъ подставилъ себя моему оружію, и я поразилъ его. Вотъ мое скверное и безумное преступленіе во всей его ужасной жестокости и низости, я раскрываю его такимъ, какъ оно случилось десять лѣтъ тому назадъ, однажды вечеромъ.

НАСТОЯТЕЛЬ (вставая). Хотя оно было полно безчестья и залито кровью, нашъ домъ заглушитъ его своими стѣнами. Дурная трава вырвана и горитъ въ расплавленномъ золотѣ раскаянія. Мы будемъ судить васъ; скоро настанетъ конецъ вашей скорби, сынъ мой, отвѣчайте теперь на предложенные вопросы.

(Молчаніе)

МОНАХЪ (обращаясь къ Донъ Балтазару). Была ли *причина для этой* смертоносной ненависти?

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Мой отецъ былъ строгъ, а я

былъ безуменъ. Онъ былъ какъ бы препятствіемъ на моемъ пути: мои пороки алкали его богатствъ.

ДРУГОЙ МОНАХЪ. Находили ли вы удовольствіе въ желаніи преступленія?

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Достаточно долго, чтобы обвинить себя въ этомъ.

НАСТОЯТЕЛЬ (вмѣшиваясь). Убійство было внезапнымъ и неистовымъ. Вы не могли ни находить удовольствіе въ немъ, ни долго готовить его. Вы преувеличиваете вашу вину.

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Мой стыдъ за себя превышаетъ мой грѣхъ.

МОНАХЪ. Если нашъ умъ васъ осуждаетъ, то сердце наше превозноситъ васъ. Вашъ примѣръ высоко христіанскій...

ИДЕЗВАЛЬДЪ (вставая). Высоко христіанскій? Итакъ, достаточно совершить преступленіе, чтобы вызвать восторгъ? Достаточно убить, чтобы пріобрѣсти ореолъ святости?

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Признаніе Донъ Балтазара просто и прекрасно, и, если бы въ древности, когда душамъ доступны были высоты, какой-нибудь монахъ, подобно ему, молилъ Бога, очи всѣхъ братьевъ исполнились бы благодати, узрѣвъ огонь грѣха его, который, подобно розамъ, окрашеннымъ кровью, поднимается къ вышнимъ славамъ.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Разсмотримъ сначала зло, а славу потомъ.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Право, слушая васъ, удивляешься, въ какую печаль ввергаетъ васъ обязанность быть милостивымъ ко всѣмъ. Тонъ вашего голоса кажется непреклоннымъ и Богъ отсутствуетъ въ вашемъ сердцѣ сегодня. Вы кажетесь враждебнымъ и черствымъ, злобнымъ и темнымъ, боящимся и колеблющимся простить ошибку, отъ которой изнемогаетъ братъ вашъ.

Вы гоните этого гостя, который ночью стучитъ въ двери души вашей.

ИДЕЗБАЛЬДЪ (указывая на Донъ Балтазара). Вѣдь не меня нужно судить, а его.

ѲЕОДУЛЪ. Умъ теряется въ бездонной пропасти смущенія и слабости.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Преступленіе является испытаніемъ и борьбой, когда Богъ преображаетъ его небесной молніей, которая поражаетъ и воздвигаетъ въ св. Павлѣ Апостола. А, вы забываете чудеса свыше. Во имя мудрости этого дня, вы отрекаетесь отъ той, что была всегда свѣтомъ и силой старыхъ монастырей, исполненныхъ христіанскимъ безуміемъ. Обители Христа были бы безсмыслицей въ этомъ мірѣ, если бы въ нихъ не проповѣдывался героизмъ, какъ правило для добродѣтели и грѣха. Донъ Балтазаръ раскаялся; съ этого часа онъ сталъ еще выше. Если его вина и очень велика, тѣмъ лучше, тѣмъ радостнѣе его возвращеніе, тѣмъ онъ сильнѣе. Ни одинъ изъ насъ не побѣдилъ бы такъ смерти, не перешелъ бы столько пустынь на своемъ пути; священный подвигъ проливаетъ свой свѣтъ на его лицо, небо избрало его преступленіе и показываетъ его всѣмъ намъ, какъ печать предопредѣленія.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Безуміе! Безуміе! Никогда еще зло не было исполнено такой дерзости. Донъ Балтазаръ теперь не болѣе, какъ преступникъ. Его лицо дико отъ крови и мы отрекаемся отъ него.

МОНАХЪ. Это прокаженный, который прикасается къ намъ.

ДРУГОЙ МОНАХЪ. Нашъ союзъ у одного алтаря невозможенъ больше.

ТРЕТІЙ МОНАХЪ. Донъ Балтазаръ принялъ смерть за цѣль: его глаза осквернены ею.

ЧЕТВЕРТЫЙ МОНАХЪ. Слѣдуетъ ли чувствовать *состраданіе*, когда покаяніе наполовину исполнено гордости?

ѳеодулъ (задумчиво). Христосъ съ ужасомъ положитъ на чашу вѣсовъ это преступленіе.

настоятель (стоя). Молчите! Вы уже не исповѣдуете; вы набрасываетесь на человѣка. Эта исповѣдь, которую я хотѣлъ видѣть достойной и полезной, приводитъ къ спорамъ и къ ненависти. Донъ Балтазаръ своимъ терпѣніемъ и покорностью заслужилъ больше, чѣмъ прощеніе. Я хочу, чтобы обсуждали только его вину. Только это и ничего больше.

ѳома. Было ли извѣстно о вашемъ преступленіи, братъ мой?

настоятель. Мы судимъ только грѣхъ. Преступленіе не подлежитъ человѣческому суду.

ѳома (невозмутимо). Было ли извѣстно о вашемъ грѣхѣ, братъ мой?

донъ балтазаръ. Я избѣжалъ слѣдствія... Одинъ бродяга былъ наказанъ вмѣсто меня. Я—къ моему стыду—присутствовалъ при его казни, не заявивъ ничего.

настоятель. Пусть ошибаются судьи, что намъ за дѣло. Нашъ судъ не таковъ, какъ ихъ.

идезвальдъ. Однако, необходимо обсудить проступокъ во всей его полнотѣ.

настоятель. Наказаніе слѣдуетъ послѣ проступка; оно здѣсь уже не при чемъ.

идезвальдъ. Тогда что же остается для искупленія?

настоятель. Это я самъ рѣшаю.

идезвальдъ. Зачѣмъ же было созывать насъ?

настоятель. Чтобы просвѣтить васъ этимъ великимъ примѣромъ, чтобы показать вамъ душу, въ которой воистину живетъ, страдаетъ и торжествуетъ Христосъ, какъ въ храмѣ своемъ.

донъ маркъ (восхищенный). Нужно молиться... только молиться... всегда молиться...

донъ милицианъ. Какъ и въ былыя времена,

Христосъ можетъ развязать сѣти самыя запутанныя, въ которыхъ бьется душа, и поднять ее до себя, какъ огненный снопъ. Нашъ братъ былъ мученикомъ...

ИДЕЗБАЛЬДЪ. Убійца! Я говорю вамъ: убійца,—и только убійца.

МОНАХЪ (обращается иронически къ настоятелю). Нѣкоторые изъ насъ съ какою-то непонятною цѣлью превозносятъ Донъ Балтазара за его преступленіе. Даже нашъ настоятель является ихъ жертвой...

НАСТОЯТЕЛЬ (вдругъ встаетъ). Молчите вы всѣ! Я здѣсь одинъ господинъ, одинъ! Пока мое тѣло, обвитое саваномъ, не найдетъ покоя подъ этимъ крестомъ,

(Онъ указываетъ на распятіе на стѣнѣ),

который я избралъ моимъ оружіемъ, вы должны принимать за истину все, что я скажу вамъ.

(Молчатъ)

Я свидѣтельствую здѣсь, что своимъ сердцемъ и своими слезами Донъ Балтазаръ отнынѣ завоевалъ свою долю небеснаго блаженства и вѣрнаго бытія на небесахъ; что онъ одинъ, въ преизбыткѣ покаянія, смирился передъ всѣми вами; Христосъ не требуетъ отъ него больше этой послѣдней муки. Изъ васъ же ни одинъ не всталъ, чтобы сказать съ радостью въ сердцѣ и съ надеждой, что всѣ поймутъ его: „О, какіе мы жалкіе христіане и какъ суровы и спокойны наши души въ сравненіи съ этой душой, безумно влюбленной въ небо!“ Я свидѣтельствую также: что сердце ваше отягчено желчью, что я открылъ въ васъ подозрительное безпокойство; что ваше поведеніе было низко и недостойно; что ухо мое, еще достаточно чуткое, слышало вашъ ропотъ, которымъ вы хотите подорвать вѣру, прочное довѣріе, безусловное повиновеніе и полное уваженіе, которое мнѣ принадлежитъ по праву.

(Полное молчаніе)

И такъ вы думаете искуснымъ мятежомъ подко-

паться подъ тронъ моей непоколебимой власти, тронъ, сдѣланный изъ камня и желѣза и извратить смыслъ писанія? Скажите!

(Онъ обводитъ всѣхъ взглядомъ—молчаніе: никто не шелохнется)

Я клянусь вамъ здѣсь Іисусомъ Христомъ, что власть останется въ моихъ рукахъ твердой и правой, что она будетъ надъ вами до того предѣла, когда споткнутся мои усталыя старыя ноги, для того, чтобы и послѣ смерти моей она осталась такой же...

ѳома. Я хочу, чтобы вы знали, что въ этомъ я согласенъ съ вами.

настоятель. Мнѣ это не важно; для меня достаточно, если Господь...

(Долгая пауза; настоятель мало-по-малу успокаивается и продолжаетъ)

А теперь идите. У васъ нѣтъ достаточно ни спокойствія, ни свѣтлой любви къ ближнему, чтобы понять и судить вашего брата.

(Обращается къ Донъ Балтазару)

Донъ Балтазаръ, обычай этого монастыря требуетъ, чтобы я, руководившій этимъ собраніемъ, гдѣ должна была возсіять высокая добродѣтель, назначилъ вамъ епитимію: вы будете спать на жесткомъ ложѣ въ продолженіе одного мѣсяца, вы будете читать въ полночь псалмы, на три дня вы будете удалены отъ алтаря и за обѣдней будете стоять на хорахъ, на верхней трибунѣ, за рѣшеткой. Исполните это и живите съ миромъ.

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Декорація перваго акта: монастырскій садъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Всю ночь я думалъ объ этомъ. Подумать только, что такой жестокій споръ раздѣлилъ собраніе не смотря на мое присутствіе, что исповѣдь Донъ Балтазара не дала результатовъ, что монахи...

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Какъ властно вы укротили ихъ, вы ихъ...

НАСТОЯТЕЛЬ. Я предпочелъ бы умереть на мѣстѣ, на каѳедрѣ, чѣмъ оставить имъ Балтазара. Они обрушились всѣ на него, на меня... А Балтазаръ оставался недвижимъ, не защищался... Вся его сила казалась мертвой, вся его гордость разбитой.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Муки совѣсти могутъ поколебать самыя крѣпкія силы.

НАСТОЯТЕЛЬ. Какъ Идезбальдъ противился намъ! Какъ его злой духъ вліялъ на нашихъ монаховъ! Какъ всѣ спѣшили обнаружить свою дерзость и свое нетерпѣніе. Мнѣ казалось, что я теряю монастырь, что моя власть колеблется, какъ надломленная вѣтка, что завтра ее похитятъ...

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Вы никогда не говорили съ нимъ такимъ тономъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. А они, какъ они напали на меня! Взвѣсили ли вы ихъ отвѣты, ихъ намеки, ихъ вызовы? се, что они говорили, выдавало то, что они сговорились, что они вдругъ сознали свою силу. Меня безпо-

коитъ не только, что они говорили такъ, но что они осмѣлились думать такъ въ нашемъ присутствіи, въ моемъ присутствіи. Вѣроятно произошла важная перемѣна въ этомъ монастырѣ, о которой я не зналъ и не знаю.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Когда становишься такимъ старымъ, какъ мы, глазамъ уже трудно услѣдить за всѣми перемѣнами.

НАСТОЯТЕЛЬ (схватываетъ Донъ Милиціана за руку и съ оживленіемъ заглядываетъ ему въ глаза) Нашему царству приходитъ конецъ, Донъ Милиціанъ. Никогда Донъ Балтазаръ не займетъ моего мѣста.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Идезбальдъ такъ же, какъ и Ѳома, добивается вашего мѣста. Съ того дня, когда Балтазаръ будетъ сраженъ, они разойдутся и будутъ врагами. До сего времени они остаются вмѣстѣ: это добрый знакъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Я не могу больше вѣрить тебѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я усумнился въ моемъ всемогуществѣ, колоколъ моей власти звучитъ глуше; звукъ его не раздается, какъ прежде, среди полнаго молчанія совѣсти. Руки мои устали. Сегодня мнѣ исполнилось семьдесятъ лѣтъ. Я дрожу, когда поднимаю чашу надъ толпой. Смерть стучится въ мою грудь; я—стѣна, которая рушится; я—какъ удержавшаяся среди развалинъ башня. Въ эти слабыя и неустойчивыя времена я буду послѣднимъ настоятелемъ изъ рода властителей. Когда я умру—Богъ знаетъ, въ какой водоворотъ попадетъ этотъ монастырь.

(Пауза)

Я не вижу больше никого, кромѣ тебя одного, Донъ Милиціанъ, кто могъ бы замѣстить меня.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Я! Развѣ я не побѣжденъ судьбою, если вы побѣждены ею? Развѣ я не слабый, не больной, не безполезный, развѣ я не стою на краю могилы? Можно ли знать, кто изъ насъ двоихъ похо-

ронитъ другого? Мы совершили наше дѣло согласно съ дѣломъ Бога, и оба мы отойдемъ съ миромъ.

(Пауза)

Впрочемъ, когда Балтазаръ побѣдитъ свой собственный душевный разладъ, онъ побѣдитъ также и этотъ разладъ въ монастырѣ.

НАСТОЯТЕЛЬ. О, все, что касается этого, я беру на себя. Я чувствую себя достаточно сильнымъ для этого послѣдняго долга. Но если онъ самъ собственными руками намѣренъ погубить себя; если онъ уничтожитъ силу, которая досталась ему отъ его рода, какъ богатый запасъ... Значитъ, наступаетъ часъ, когда самыя крѣпкія силы стремятся къ собственному разрушенію и тогда ничего нельзя сдѣлать, это—конецъ.

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. У васъ есть еще Донъ Маркъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Онъ! Никогда! Его руки умѣютъ только молить...

(Слышны звуки колокола)

ДОНЪ МИЛИЦІАНЪ. Вотъ кончилась воскресная утреня. Наши монахи идутъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Идите—вы будете служить обѣдню. Я скажу проповѣдь.

(Они уходятъ. Появляются монахи. Одни прогуливаются по аллеямъ. Другіе собираются вмѣстѣ и разговариваютъ)

ИДЕЗВАЛЬДЪ (Ѳомѣ). Зачѣмъ ты такъ опредѣленно согласился съ настоятелемъ? Никогда не слѣдуетъ говорить врагамъ своимъ, что они правы.

ѲОМА. Вы не понимаете.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Со вчерашняго дня ты кажешься мнѣ измѣнившимся; я тебя не узнаю больше.

ѲОМА. И опять вы не понимаете.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Чего? Чего?... Но объясни же...

ѲОМА (пожимаетъ плечами и говоритъ, прерывая разспросы Идезвальда). Настоятель правъ. Власть должна *быть неприкосновенной* и неограниченной... Впро-

чемъ, событія бѣгутъ съ такой быстротой, что не стоитъ спорить о моемъ поведеніи. Всѣ одобряютъ его, даже Ѳеодулъ. Онъ мнѣ сказалъ это.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Ѳеодулъ?

ѲОМА. Безстыдство настоятеля открыло ему глаза.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. А что, если бы я выдалъ Балтазара: судебное преслѣдованіе скорѣе сломило бы его, чѣмъ всѣ мы, и наши монахи были бы мнѣ благодарны за это...

ѲОМА. Монаха могутъ судить только монахи. Если Донъ Балтазаръ пришелъ, чтобы скрыть у насъ свои преступленія, этотъ монастырь долженъ ихъ поглотить.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Было бы такъ легко...

ѲОМА. Я запрещаю вамъ искушать меня... Донъ Балтазаръ самъ себя губитъ. Еще вчера я придумывалъ способъ обезсилить его, сегодня это не нужно. Угрызенія совѣсти—это страсть разрушающая и уничтожающая. Достаточно подготовить его паденіе.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Вы ошибаетесь. Предоставьте мнѣ дѣйствовать.

ѲОМА. Предоставить вамъ дѣйствовать. Вамъ дѣйствовать. (Рѣшается вдругъ) Вы увидите... (Зоветъ всѣхъ монаховъ) Нѣкто совѣтуетъ мнѣ объявить за стѣнами этого монастыря о преступленіи Донъ Балтазара, брата нашего, объявить тѣмъ, кто можетъ всенародно наказать его. Я хочу, чтобы вы были свидѣтелями того ужаса, который я испытываю отъ этого.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Но...

ѲОМА. Объявляю это тѣмъ, кто согласенъ со мной и тѣмъ, кто опровергаетъ меня, если такіе найдутся.

ѲЕОДУЛЪ. Мы никогда не сомнѣвались въ вашей честности.

ѲОМА. Я люблю этотъ монастырь, какъ мое единственное убѣжище. Если духъ его старъ, его права—священны. Я буду охранять его, какъ никто другой, нужно быть прежде всего монахомъ.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Этотъ монастырь такъ же подвластенъ законамъ.

ѲОМА. Это вы одинъ такъ думаете. Вы воздвигаете между нами и собой стѣну, еще болѣе высокую, чѣмъ та, которую воздвигъ Донъ Балтазаръ. Если когда-нибудь я слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, то теперь я отвергаю ихъ и отдѣляюсь отъ васъ.

МОНАХЪ. Наконецъ-то!

ДРУГОЙ МОНАХЪ. Это было необходимо.

ѲЕОДУЛЪ. Идезбальдъ былъ опасенъ, онъ раздѣлялъ насъ съ вами.

ѲОМА (Идезбальду). Ваши происки были низки, ваше честолюбіе мелко. Вашъ умъ колебался надъ книгами, а мой набрасывался на нихъ, постигалъ и вдохновлялся ими. Наши братья могли бояться нашего вліянія. Когда мы были вмѣстѣ, насъ можно было принять за измѣнниковъ.

ѲЕОДУЛЪ (Ѳомѣ). Отнынѣ ничто болѣе не раздѣляетъ насъ.

ИДЕЗВАЛЬДЪ (указывая на Ѳому, обращается къ монахамъ). Право, мнѣ кажется, что я вижу сонъ... Какъ, меня... меня, котораго онъ всегда выставлялъ впередъ, меня...

ѲОМА (Идезбальду). Забудемъ другъ друга и отнынѣ пойдемъ разными дорогами.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. То, что вы говорите, безразсудно; не можетъ быть, чтобы въ одинъ день, въ одно мгновеніе...

ѲОМА. Это будетъ такъ, потому что такъ должно быть.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. О, я ненавижу васъ еще больше, чѣмъ Балтазара!

ѲОМА. А я, я извиняю васъ, и прощаю.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Мнѣ не нужно вашего прощенья, я буду противостоять вамъ во всемъ, пока вы здѣсь, въ этомъ монастырѣ; я уничтожу когда-нибудь лукавое

дѣло, надъ которымъ вы трудитесь и которое торжествуетъ теперь, благодаря вашимъ усиліямъ; я свергну...

МОНАХЪ (подходитъ къ Идезбальду и указываетъ ему на Ѳому). Всѣ мы здѣсь на сторонѣ нашего брата Ѳомы.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Но вы не знаете, какой непримиримый и лукавый человѣкъ, какая душа...

ѲОМА (монахамъ). Пусть говоритъ, я уже не слушаю его...

(Монахи уходятъ за Ѳомой, оставляя Идезбальда, который—побѣжденный—опускается на скамью; съ другой стороны сада появляется Донъ Балтазаръ. Онъ идетъ и преклоняетъ колѣна предъ распятіемъ. Но едва онъ началъ молиться, къ нему подходитъ Идезбальдъ)

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Донъ Балтазаръ!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Что? Вы?

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Братъ Балтазаръ!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Уйдите! Уйдите!

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Я пришелъ сказать вамъ...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я ничего не хочу слышать... Я не хочу, чтобы вы приближались ко мнѣ.

ИДЕЗВАЛЬДЪ. Дѣло касается васъ, вашего мѣста въ этомъ монастырѣ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Нѣтъ! Ничего! Ничего! Ничего! Уйдите! Уйдите.

(Онъ встаетъ и прогоняетъ Идезбальда, который, наконецъ, уходитъ)

(Донъ Балтазаръ снова опускается на колѣни. Но лишь только онъ началъ молиться, появляется Донъ Маркъ. Онъ прямо идетъ къ Донъ Балтазару)

ДОНЪ МАРКЪ (сильно взволнованный, почти со слезами). Братъ, надо идти и отдаться судьямъ.

(Донъ Балтазаръ пораженъ. Молчаніе. Кажется, что онъ внезапно прозрѣлъ)

ДОНЪ МАРКЪ (продолжаетъ). Мнѣ почти страшно сказать тебѣ это, ибо душа моя плачетъ, и гвозди твоихъ страданій вонзаются въ нее, но Богъ выше всякой любви.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (въ тревогѣ, съ глазами, полными слезъ, смотритъ на Марка). Говори! Говори еще...

ДОНЪ МАРКЪ. Отчего я не зналъ тебя въ тотъ день, когда среди всенароднаго гнѣва и ненависти другой умеръ и погибъ за тебя. Мое сердце хотѣло бы быть тѣмъ бродягой, нищимъ, гонимымъ всѣми, но котораго спасъ его крестъ и котораго простилъ священникъ; я бы отдалъ за тебя свою жизнь и пролилъ бы свою кровь. Я умеръ бы, какъ мученикъ, черпая силу и сладость въ молчаніи, которое спасло бы тебя отъ человѣческой жестокости; и моя спокойная душа—усердіемъ моимъ—такъ чудесно вознеслась бы къ Богу и его ангеламъ, что я превозносилъ бы тебя и звалъ раскаявшагося и прощеннаго въ золотое небо, куда Богъ долженъ былъ бы привести насъ вмѣстѣ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. О, бѣдное дитя! О, лучшій изъ насъ! О, чистѣйшее изъ сердецъ, которыя трепещутъ и освѣщаютъ нашъ мракъ.

ДОНЪ МАРКЪ. Подумай о человѣкѣ, у котораго темное правосудіе отняло жизнь и честь,—о человѣкѣ невинномъ, сердце котораго сжималось въ пыткахъ и мученіяхъ, для того, чтобы обвинять и проклинать того, чье оружіе дѣйствительно поразило одну жизнь предъ лицомъ Бога; подумай, братъ, съ какимъ упорствомъ долженъ былъ раздаваться его крикъ, несущій тебѣ проклятіе.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Молчи... Молчи... Я угадалъ... Моя рука убила дважды: сначала отца, потомъ того человѣка. О, въ какой безднѣ мрака и ничтожества потонулъ я! Итакъ это правда, что мозгъ мой теменъ, какъ склепъ, если онъ не чувствуетъ, что человѣческое правосудіе, такъ же какъ Божіе, требуетъ своей

части въ моихъ мукахъ. Неужели я былъ безумнымъ? И нашъ настоятель искусно поддерживалъ меня въ моемъ заблужденіи, не видя ничего, кромѣ своей разбитой власти. Важно лишь одно: имѣть одну настойчивую мысль, желаніе углубить до дна свое раскаяніе; и я благодарю тебя, дитя, за то, что ты напомнилъ мнѣ о моемъ ложномъ пути,—и за то, что ты сдѣлалъ вожатыми на путяхъ моего ужаса твою горячую невинность и чистосердечіе.

ДОНЪ МАРКЪ. Я такъ молилъ, такъ рыдалъ, такъ призывалъ мою мать Богородицу, чтобы она помогла моей душѣ остаться вѣрной своему безусловному долгу. Я люблю тебя. Я люблю тебя тѣмъ сильнѣе, что причиняю тебѣ боль и оттого плачу самъ и все-таки долженъ дѣлать это. Кости мои дрожатъ, видя, какъ старая Голгоѳа со всѣми своими крестами, простирая руки, направляется къ твоему ужасу.

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Радуйся, ты даешь жизнь душѣ моей; моя неутоленная страсть бродила вокругъ меня, не зная куда вонзить зубы скорби и жестокости. Новое поле великаго покаянія открывается моимъ глазамъ и въ первый разъ засіяло тамъ мое спасеніе. Наконецъ, направилъ я путь мой къ блаженству. Я возродился съ тѣхъ поръ, какъ твой огонь, прекрасный, какъ цвѣты, и ихъ огненные лепестки, опалилъ мое печальное чело своимъ свѣтлымъ жаромъ. Въ моей груди—я чувствую—горитъ золото моего сердца. Мое сознаніе преображается во мнѣ. Я не боюсь ничего: крики, бичи, брань, ножи, кровь, смерть, будутъ мнѣ сладки. Я буду вспоминать, что Іисусъ Христосъ цѣловалъ свой крестъ и гвозди; я буду думать, что ты слушаешь голосъ моего безумія и моего отпущеннаго страданія и что ты будешь молиться Богу въ тотъ часъ, когда палачъ свяжетъ мое избитое тѣло на эшафотѣ.

ДОНЪ МАРКЪ. Увы! Братъ мой!

ДОНЪ ВАЛТАЗАРЪ. Моя предсмертная мука будетъ

христіанской и кровавой. И если Богу угодно будетъ сохранить во мнѣ силу, я покажу, съ какимъ великимъ спокойствіемъ на челѣ умираютъ священники даже въ нашъ вѣкъ. Надежда прекрасная и спокойная—послѣ столькихъ бурь—снова возрождается въ моей душѣ. Я спѣшу умереть. Я уже слышу голоса исповѣдниковъ, я слышу голоса, которые укрѣпляютъ святыхъ и мучениковъ тамъ, наверху, у дверей неба—и я кричу имъ: „отоприте, я тотъ, кто возвращается изъ страны мрака, гдѣ ночью бродятъ преступленія, какъ огненные львы; я тотъ, кто возвращается изъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ своего заблужденія и своей души, спасенной ребенкомъ; кротость, любовь и молитва этого ребенка такъ освѣтили мое сердце, что оно нынѣ же поднимается путями своего крещенія къ вамъ, ангелы, герои, мученики и исповѣдники. Я тотъ, кто побѣдилъ свою злобу, тотъ, на кого надѣли цѣпи человѣческаго разума, я—тотъ, который считалъ себя правымъ, и поэтому колебался искупить всецѣло свое преступленіе". О, небеса, погруженныя въ чудесныя глубины, гдѣ сгораютъ преступленія въ огнѣ раскаянія и прощенія. Я бросаю себя въ вашъ очагъ, какъ горящую вѣтвь; я иду къ вашимъ золотымъ порогамъ, побѣдителемъ или побѣжденнымъ—знаю ли я?—имѣя вѣстникомъ и спутникомъ лишь мою скорбь и скорбь этого ребенка...

(Онъ указываетъ на Донъ Марка)

И этого достаточно. Воздухъ земли удушливъ, вѣтеръ ея пропитанъ кровью и богохуленіями; я хочу смерти, я хочу жизни... Сейчасъ же.

ДОНЪ МАРКЪ. А я, братъ мой?

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. О, нѣжный другъ!

ДОНЪ МАРКЪ. Прежде ты долженъ выполнить твою епитимію, ты долженъ своимъ усиліемъ...

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Нѣтъ! Нѣтъ! Христосъ не ждетъ *и пламя его сжигаетъ* меня. Я не хочу, чтобы темный

уставъ отдалялъ тотъ часъ, когда я стану свободнымъ и спасеннымъ. Прощай, братъ. Прощай единственный, въ комъ я нашелъ душу, согласную съ высшей истиной. Я иду омыть въ моей крови мою вину и буду въ томленіи ждать тебя тамъ... Прощай!

(Онъ уходитъ)

ДОНЪ МАРКЪ (падаетъ на колѣни около скамьи, закрывъ лицо руками). О, братъ мой! Я поручаю тебя милосердію Бога!

(Колокола звонятъ, монахи входятъ въ церковь. Донъ Балтазаръ въ волненіи возвращается назадъ и вдругъ какъ будто рѣшается на что-то. Вѣрующіе идутъ вереницей черезъ садовую калитку слушать воскресную обѣдню. Донъ Балтазаръ вмѣстѣ съ ними проходитъ на паперть).

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Храмъ. Въ глубинѣ—алтарь. Направо, въ тѣни, загражденная трибуна, гдѣ Донъ Балтазаръ исполняетъ свою епитимію. Налѣво—каѳедра. Около двери, на стѣнѣ, огромное распятіе. Донъ Милиціанъ въ алтарѣ кончаетъ служить обѣдню и поетъ Ite Missa est и направляется къ ризницѣ. Монахи отвѣчаютъ Alleluia.

(Настоятель медленно поднимается на каѳедру. Вѣрующіе занимаютъ глубину церкви. Монахи сгруппировались около скамьи причастниковъ въ три ряда)

НАСТОЯТЕЛЬ (дѣлаетъ крестное знаменіе). Во имя Отца... и Сына...

(На трибунѣ слышится сильный шумъ и Донъ Балтазаръ — растерянный — появляется за рѣшеткой)

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (на загражденной трибунѣ). Я убилъ моего отца! Я убилъ моего отца! И меня заперли сюда, какъ животное, въ клѣтку, чтобы заглушить крики и покаянные вопли моей дикой души.

НАСТОЯТЕЛЬ. Несчастный!

(Донъ Маркъ бросается къ подножію распятія, онъ остается тамъ въ продолженіе всей сцены)

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ (толпѣ). Я — монахъ Балтазаръ. Мое преступленіе, какъ огненная гроза, грызетъ, сжигаетъ и разрушаетъ душу мою. Я тотъ монахъ Балтазаръ, который обрушивался на васъ во время исповѣди *за ваши ошибки* и ваши пороки, тогда какъ самъ онъ,

подъ власяницей, таилъ и готовилъ свое осужденіе и адъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Этотъ человѣкъ сумасшедшій! Не слушайте его.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Мой отецъ былъ добродѣтельный человѣкъ, онъ былъ снисходителенъ къ моей злобѣ; я убилъ его, какъ убиваютъ собаку, однажды вечеромъ, когда я былъ пьянъ.

НАСТОЯТЕЛЬ. Не слушайте! Не слушайте! Во имя Бога живого, не слушайте!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Невинный былъ осужденъ и убитъ вмѣсто меня. Онъ молилъ Бога и просилъ пощады. Онъ цѣловалъ распятіе. Я былъ тамъ, присутствовалъ, холодный и невозмутимый, при этомъ мученіи. Одно движеніе, одно слово, одна только сказанная фраза,—и мечъ не засверкалъ бы, но я не произнесъ этого слова, я стиснулъ его зубами, я проглотилъ его.

НАСТОЯТЕЛЬ (указывая монахамъ на Донъ Балтазара). Насильно вырвите его оттуда, съ трибуны.

(Монахи поднимаются къ трибунѣ)

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я заперъ дверь. Никто не можетъ войти.

НАСТОЯТЕЛЬ (Донъ Балтазару). Я выгоняю тебя изъ монастыря, ты уже больше не монахъ, ты уже не священникъ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я прошу Бога простить меня за оскорбленіе славы Его; я былъ бѣшенымъ животнымъ, которое врывается въ храмъ, какъ волкъ, чтобы лакать кровь изъ святой чаши. Мое тѣло сокрушено муками совѣсти; я чувствую, какъ языки смерти касаются души моей и обжигаютъ ее; мои глаза, мой ротъ, моя грудь—свалочное мѣсто для грѣха; долго я молчалъ и затыкалъ свои ноздри отъ моего собственнаго зловонія. Я обращалъ въ прахъ своимъ молчаніемъ воистину искупляющее и живое раскаяніе, но съ нынѣшняго

дня я хочу кричать о немъ днемъ и ночью въ порывѣ такого буйнаго рвенія, что все мое существо освободится—наконецъ—отъ узды.

НАСТОЯТЕЛЬ. Никогда! Никогда! Твое преступленіе отнынѣ неискупимо.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я взываю къ Тебѣ, Боже мой, Боже мой! Ты вернулъ душу доброму разбойнику, Ты вознесъ ее въ лоно чистѣйшихъ райскихъ огней. Я прихожу къ Тебѣ, Господь мой, Іисусъ Христосъ, Богъ страдающій и прощающій на Голгоѳѣ, Богъ страха и тоски человѣческой! Боже мой! Боже мой! Боже мой!

НАСТОЯТЕЛЬ. Твое покаяніе соблазнъ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Изъ бѣлыхъ монастырскихъ стѣнъ я дѣлалъ покровъ для моей скорби въ теченіе десяти лѣтъ. Я зналъ мстительную власяницу, постъ и страданіе, и распятіе плоти. Господь Іисусъ Богъ мой! Я столько страдалъ! Но ничто до сего дня не насытило моего несокрушимаго огненнаго желанія предать себя, которымъ нынѣ охвачена моя душа. Господь Іисусъ Богъ мой! Если бы я могъ любить Тебя такъ сильно, какъ я ненавижу себя! Если бы я могъ опустошить и очистить сердце мое всѣми огнями, которые бороздятъ небо и поглощаютъ міры! Если бы я могъ...

НАСТОЯТЕЛЬ. Слишкомъ поздно! Слишкомъ поздно!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я монахъ Балтазаръ, владѣлецъ Аргоны и Риспэръ, этими двумя кровожадными руками я убилъ; смотрите на нихъ, эти руки свирѣпѣе пасти; верховные судьи въ судилищѣ не осмѣлились заподозрить несмываемую кровь, пропитавшую эти руки, которыя я съ такимъ упорствомъ мылъ; но сегодня всѣ вы, которые узнали это, идите разсказывать и кричать объ этомъ гражданамъ, идите объявить объ этомъ...

НАСТОЯТЕЛЬ. Онъ лжетъ... Онъ лжетъ... Это неправда! Это неправда!

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я хочу всенародно на площади *принять* красную католическую смерть, какъ тотъ,

кто нѣкогда занялъ мое нечистое мѣсто и принялъ на себя мой позоръ и покрылся имъ въ глазахъ всего міра.

НАСТОЯТЕЛЬ (монахамъ, которые уже поднялись наверхъ). Сломайте двери. Выбросьте его изъ монастыря живымъ или мертвымъ.

(Слышны удары топора по дереву)

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Я кустъ черныхъ грѣховъ: всѣ его святотатственные шипы направлены на меня, какъ черные когти. Святая ряса, которая защищаетъ мои плечи—ложь; я покрытъ ею, но проказа на тѣлѣ моемъ испускаетъ зловоніе; я среди людей—источникъ зла; я не достоинъ болѣе того, чтобы ихъ уста произносили мое имя; я самъ себя обрекаю на изгнаніе изъ міра; я хочу, чтобы мнѣ плевали въ лицо,—чтобы мнѣ отрѣзали эти руки, которыя убили,—чтобы сорвали съ меня эту опозоренную бѣлую рясу, — чтобы призвали и натравили на меня чернь. Я отдаю себя кулакамъ и камнямъ, которыми съ яростью изобьютъ меня и изранятъ мое чело. Я прошу, чтобы растоптали мое тѣло, обремененное моей непростительной виной и чтобы послѣ моей страстной муки, останки мои были брошены на всѣ четыре стороны.

(Монахи выломали дверь и схватили Донъ Балтазара. Сильное смятеніе. Вдругъ настоятель обращается къ толпѣ)

НАСТОЯТЕЛЬ. Выйдите всѣ.

(Монахи направляютъ толпу къ двери храма)

Выйдите всѣ. Балтазаръ подлежитъ Божьей карѣ.

(Храмъ медленно пустѣетъ. Монахи, которые всходили на трибуну, приводятъ Донъ Балтазара и бросаютъ его на колѣни передъ настоятелемъ посерединѣ церкви. Настоятель подходитъ къ нему)

НАСТОЯТЕЛЬ. О, монахъ Балтазаръ, ты глумился надъ Іисусомъ Христомъ, Который требуетъ молчали-

ваго раскаянія; своею буйностью ты нарушилъ святое правило и смыслъ монастырскаго устава. Смиренная жизнь отцвѣла въ твоемъ мозгу; ты слѣпъ и глухъ, подобно куску желѣза, такъ какъ ты не видѣлъ, въ какомъ душевномъ разгулѣ ты ввергнулъ себя въ адъ.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Боже мой! Боже мой!

НАСТОЯТЕЛЬ. Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ тогда? Почему ты избралъ эту святую обитель? Почему? Благодаря тебѣ одному, всѣ мы погибаемъ. Всѣ мы привязаны къ твоей судьбѣ. Ужасный безумецъ! Кто вложилъ тебѣ въ душу эти чудовищныя покаянія, которыя ты изрыгалъ здѣсь? Кто зажегъ тебя столь пагубнымъ огнемъ? И какое новое послѣднее злодѣяніе ты совершилъ?

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Боже мой! Боже мой!

НАСТОЯТЕЛЬ. Кровь, которою ты залилъ своего отца, покрываетъ теперь краснымъ пятномъ стѣны нашего монастыря. Ты—животное, устроившее среди насъ свое логово, чтобы загрязнить наши стѣны.

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Боже мой! Боже мой! Боже мой!

НАСТОЯТЕЛЬ. Слушай: я предназначалъ тебя послѣ моего отхода къ Іисусу Христу на небо, быть тѣмъ, который пошелъ бы по моему пути и взялъ бы на себя мою долю борьбы, молитвы и великихъ испытаній. Богъ открылъ мнѣ глаза и это мнѣ послужитъ въ назиданіе. Передъ моими глазами Онъ разбилъ, какъ щепку, гордый и бѣлый корабль, какимъ ты мнѣ казался, корабль, нагруженный миррой и святымъ ладаномъ. Буря твоего изступленія свѣяла съ твоего чела елей, которымъ помазаны наши головы священниковъ. Ты навозная куча грѣха и безчестія, брошенныхъ вмѣстѣ, на углу грязнаго перекрестка; твоя кровь, твоя жизнь, твоя душа принадлежатъ Сатанѣ; пусть онъ возьметъ ихъ. Все его. Но пусть знаетъ міръ, какъ эти благочестивыя и *смиренныя* и тихія стѣны далеко отбросили твою гнилъ,

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Боже мой!

НАСТОЯТЕЛЬ. Теперь я болѣе увѣренъ въ томъ, что ты осужденъ, чѣмъ если бы видѣлъ тебя преданнымъ огню. Никогда воспоминаніе о твоемъ яростномъ преступленіи не прекратитъ этихъ криковъ; никогда пламенная молитва не снизойдетъ къ твоему ужасу. Ты—послѣдній мертвецъ, ты—послѣдняя душа, для которой никогда не будутъ служить обѣдни съ усердіемъ и вѣрой. И этотъ посохъ,

(Онъ поднимаетъ посохъ)

который ты мечталъ держать въ мужественной рукѣ для борьбы... Вотъ! Вотъ!..

(Онъ ударяетъ его)

Твое тѣло почувствуетъ всю его строгость и суровость, ты узнаешь его не какъ блестящій скипетръ, а какъ презрѣнную палку..

ДОНЪ БАЛТАЗАРЪ. Бейте! Бейте! Бейте, отецъ мой.

НАСТОЯТЕЛЬ. Нечестивецъ! Нечестивецъ! Нечестивецъ!

МОНАХЪ (приближаясь). Палачъ Христа!

ДРУГОЙ МОНАХЪ. Укравшій раскаяніе!

ТРЕТІЙ МОНАХЪ. Пепелъ потухшей гордыни!

ЧЕТВЕРТЫЙ МОНАХЪ. Мерзкій плевокъ!

ѲЕОДУЛЪ. Разбойникъ! Отцеубійца! Святотатецъ!

(Онъ толкаетъ его ногой и тотъ падаетъ лицомъ на землю)

НАСТОЯТЕЛЬ. Нѣтъ! Нѣтъ! Поднимите его и вытолкайте его вонъ, подальше отъ нашихъ стѣнъ и отъ нашей ограды.

(Насмѣшливо)

Вѣдь въ его роду умираютъ стоя.

(Монахи поднимаютъ Балтазара и гонятъ его къ двери церкви, которую съ сильнымъ грохотомъ захлопываютъ за нимъ)

НАСТОЯТЕЛЬ. И пусть его судьба теперь будетъ отдѣлена отъ нашей, пусть его преступленіе падетъ на него тяжелѣе ножа палача.

(Долгое молчаніе. Наконецъ Ѳома подходитъ къ настоятелю. Въ этотъ моментъ всѣ монахи, за исключеніемъ Идезбальда и Донъ Марка, окружаютъ Ѳому)

ѲОМА (пристально глядитъ на настоятеля). Отецъ мой!

НАСТОЯТЕЛЬ (помолчавъ). Да будетъ!

(Указывая на дверь, въ которую ушелъ Балтазаръ)

Такъ какъ самъ онъ лишилъ себя права, такъ какъ самъ онъ отвергъ высшую волю, которая была сосредоточена на немъ, такъ какъ нѣтъ болѣе между всѣми вами кого-нибудь равнаго мнѣ по происхожденію и силѣ,

(Указывая на Ѳому)

будьте по крайней мѣрѣ тѣмъ, которому небо позволитъ отстаивать этотъ монастырь въ жестокія времена, которыя теперь наступаютъ.

(Настоятель и всѣ монахи уходятъ)

ДОНЪ МАРКЪ (одинъ передъ распятіемъ). Изъ глубины милосердія Твоего, Господи, помоги брату души моей Балтазару. Ты, одинъ Ты знаешь, что приготовило для будущаго неба его покаяніе. Господи, помоги ему въ часъ, когда люди для него—ужасъ, міръ—мука и низость, а братья его—оскорбленіе и поношеніе. Господи, помоги ему съ Твоими ангелами въ его кровавой кончинѣ.

Конецъ.

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ.

СУДЪ.

1.

Надъ степью опустилась ночь — такая темная, что звѣзды на черномъ небѣ казались лампадами. Взлобки, курганы, степныя балки — все окутала мгла, — тихая, сонная: въ ней звуки конскаго топота отзывались далеко.

Это была бѣшеная скачка.

Кони уносились вихремъ, фыркая и храпя отъ натуги, тарантасъ прыгалъ, кричалъ, дребезжалъ всѣми гайками и спицами.

Но сѣдоку мало было такого бѣга.

Согнувшись въ тарантасѣ, точно высматривая изъ-подъ руки невидимую даль, онъ со свистомъ опускалъ длинный кнутъ на лошадиныя спины.

Бѣгъ коней превращался въ вихревой полетъ: казалось,—не касаются они земли ногами, а летятъ, разсѣкая воздухъ, то проваливаясь въ балки и овраги куда уводила дорога, скакали тамъ по кочковатому дну высохшей рѣчки, — то вновь вылетая на степной просторъ.

— Стопъ!

Этотъ тихій возгласъ былъ хорошо знакомъ конямъ.

Они мгновенно останавливались.

Замирали.

Сѣдокъ прислушивался, внимательно и молчаливо, *къ ночной тишинѣ*.

Степь спала.

Временами безшумно вспыхивали на горизонтахъ зарницы. Грудь степи тихо и ровно дышала ароматами травъ. Но сквозь это дыханіе явственно доносился издалека стукъ многочисленныхъ лошадиныхъ копытъ. Съ каждой остановкой сѣдокъ слышалъ его ближе и ближе. Онъ надвигался медленно, но неумолимо, какъ рокъ, какъ судьба, какъ опасность, отъ которой вѣетъ дыханіемъ смерти.

Тогда вновь со свистомъ вздымался въ воздухѣ кнутъ.

— Выносите! Э-эй... дружки!

2.

Востокъ разгорался.

Вотъ точно костеръ тамъ вспыхнулъ. Вотъ взошла багровая и большая луна. Въ степи стало свѣтло. Валобки и курганы, бросая черныя тѣни, обозначились ясно и межъ нихъ дорога вилась какъ лента.

Сѣдокъ оглянулся.

Черныя тѣни всадниковъ видны вдалекѣ.

Не изъ стали ли вылиты ихъ кони?

Не отстаютъ, приближаются, нагоняютъ.

Онъ уже могъ приблизительно опредѣлить ихъ число: двѣнадцать или тринадцать. Безнадежнымъ и унылымъ взглядомъ окинулъ онъ степь.

— Спасенья нѣтъ!

Ровная, какъ скатерть, степь убѣгала въ ночные горизонты и только курганы тамъ и сямъ на ней стояли, какъ молчаливые стражи. Но за нихъ не спрячешься, они не защитятъ: они безучастны къ друзьямъ и врагамъ. Да и есть ли въ степи такая нора или балка, гдѣ бы можно было схорониться, гдѣ бы съ гикомъ и *свистомъ не настигла* погоня.

Страшный и роковой часъ настаетъ.

Но, стиснувъ зубы, онъ рѣшилъ не сдаваться до послѣдней минуты, будто надѣясь еще въ глубинѣ души на невозможное: исчезнуть съ глазъ погони, притаиться, пропустить ее, обмануть ложнымъ слѣдомъ.

Привсталъ, осыпалъ лошадей градомъ ударовъ.

Напрасно!

Взмыленные кони задыхались.

Уже сталъ спотыкаться коренникъ.

Близка минута, когда имъ измѣнятъ силы и они отдадутъ его во власть его судьбы.

Онъ отчаяннымъ взглядомъ осмотрѣлся.

Если бъ была вблизи пропасть, онъ, не задумываясь, ринулся бы въ глубину ея, болѣе довѣряя счастливой случайности, спасающей храбрыхъ, чѣмъ преслѣдующимъ. Въ этотъ торжественный моментъ своей жизни онъ внезапно и какъ-то вразъ вспомнилъ прошлое, будто съ высоты взглянулъ на него... и не почувствовалъ раскаянія. Напротивъ, — въ душѣ закипѣла непримиримая злоба.

3.

Внезапно передъ нимъ блеснула серебристая гладь рѣки. Таинственной сказкой зазвучалъ ея мелодичный рокотъ въ крутыхъ берегахъ, на лучистыхъ перекатахъ.

Удивился.

Онъ думалъ, что рѣка еще далеко, — а она такъ близко... какъ же онъ мчалъ!

Послѣдній шансъ къ спасенью...

Скорѣй, туда... въ глубину... на ту сторону, гдѣ глядитъ черной стѣною лѣсъ.

Это самая запущенная чаща.

Онъ знаетъ ее.

Лишь бы добраться до опушки, бросить коней, скользнуть въ густую заросль. Тамъ не найдетъ его никакая погоня: буреломъ не дастъ и шагу ступить

конямъ. А потомъ онъ уйдетъ, навсегда уйдетъ изъ этихъ проклятыхъ мѣстъ!

Зорко присмотрѣлся.

Туда, гдѣ крутой берегъ шелъ скатомъ, направилъ коней и сталъ хлестать ихъ и улюлюкать, чтобы заставить броситься въ воду.

— Безпа-а-ловъ... сто-ой!..—донесся вслѣдъ десятокъ голосовъ.

Но возбуждаемые ударами кони уже птицами кинулись по крутому спуску. Тарантасъ запрыгалъ, завертѣлся и, вмѣстѣ съ комьями оторвавшейся земли, съ шумомъ и плескомъ врѣзался въ свѣтлую гладь.

— Безпа-а-аловъ...

Въ затонувшемъ тарантасѣ онъ всталъ во весь высокій ростъ и, не спуская горящихъ глазъ съ спасительной чащи, понукалъ коней то ласкательными, то гнѣвными словами. Вокругъ вода кипѣла серебристымъ кипѣньемъ: тысячи искръ, блестящихъ и острыхъ, вспыхивали и гасли съ мелодичнымъ звономъ. Точно русалки ныряли въ глубинѣ бѣлыми тѣлами и вдали на перекатахъ въ лунномъ свѣтѣ выплывали сказочныя тѣни.

Коренникъ сталъ захлебываться и погружаться съ головою.

Безпаловъ поспѣшно вынулъ ножъ, ступилъ на оглоблю и, дотянувшись до спины лошади, перерѣзалъ черезсѣдельникъ.

Лошадь фыркнула и поплыла свободно.

Вотъ уже берегъ недалеко.

Тарантасъ коснулся дна.

Въ этотъ моментъ позади точно обрушился берегъ.

Безпаловъ обернулся.

Черныя точки плыли за нимъ по серебру рѣки. Одинъ за другимъ падали въ воду съ крутого берега всадники. Только одинъ остановился на самой кручѣ, облитый лунньмъ свѣтомъ.

Привсталъ на сѣдлѣ.

Приложилъ къ плечу винтовку.

— Стой!!...

Уже мокрыя лошадиныя спины показались изъ воды. Уже колеса съ шумомъ бороздятъ воду по отмели. Еще одно послѣднее усилье, минута скачки по песчаной косѣ, и темная чаща укроетъ его, спасетъ въ своихъ дремучихъ нѣдрахъ, гдѣ знакомы ему всѣ звѣриныя тропы, всѣ норы и непроходимые углы.

Онъ бѣшено свищетъ, кричитъ, улюлюкаетъ на обезумѣвшихъ коней.

...Вспыхнула молнія.

Далеко по рѣчной глади, по степи и лѣсу пробѣжалъ трескучій звукъ выстрѣла.

Коренникъ упалъ.

Безпаловъ бросилъ возжи и, стоя въ тарантасѣ, обернулся и выпрямился.

Ждалъ.

Всадники, одинъ по одному, настигли его, окружили кольцомъ, съ винтовками наготовѣ, спокойные, рѣшительные.

4.

Мѣсяцъ сіялъ полнымъ блескомъ.

Игралъ, — точно купаясь, — въ рѣкѣ серебристыми переливами, слушалъ сказки на шумящихъ перекатахъ. Задумчиво освѣщалъ суровыя лица казаковъ.

Это все были знакомыя Безпалову лица.

Вотъ бородатый и рыжій, съ насупленными бровями Шиловъ, когда-то бывшій атаманомъ. Онъ, очевидно, предводительствуетъ. Вотъ угрожающее лицо Морева, которому онъ, Безпаловъ, не мало причинилъ непріятностей. А вотъ Бахаревъ. Вотъ сухой и тонкій Дроздъ. Вотъ неуклюжій и черный Воронъ, самый непримиримый его врагъ. Всѣ они здѣсь, кому онъ причинилъ

лютую бѣду, всѣ они сговорились погубить его и разомъ отплатить за все.

Безпаловъ понялъ:

— Погибъ!

Смерть смотрѣла въ глаза ему.

Онъ твердо зналъ, что не встрѣтитъ пощады.

Точно въ послѣдней надеждѣ увидѣть защиту, обвелъ онъ глазами мутное небо, туманную степь, нѣмую опушку лѣса.

И была рѣка какъ серебристая дорога къ смерти.

А мѣсяцъ—свѣтлая дыра въ безгранныя пространства. Безпалову показалось, что онъ сейчасъ нырнетъ туда и понесется въ невѣдомыя бездны.

Грудь застлало предсмертною тоской и въ головѣ ярко встали злобныя и отчаянныя мысли.

Онъ угрюмымъ взглядомъ обвелъ преслѣдователей и сказалъ:

— Ну? Что вамъ отъ меня надо?

— А зачѣмъ убѣгалъ? Стало-быть,—знаешь...

Эти слова тихо произнесъ Шиловъ.

А Воронъ зло закричалъ:

— Молись, лиходѣй... твой часъ насталъ!

— Безпаловъ! — попрежнему тихо заговорилъ Шиловъ:—красноярское общество устало сносить твое злодѣйство. Вспомни все зло, которое причинилъ ты нашему обществу. Покайся въ этотъ послѣдній часъ твоей жизни. Испроси у Бога прощенье...

Помолчалъ.

— Ты не выйдешь живымъ изъ нашего круга.

5.

Безпаловъ дико и зло закричалъ:

— Мнѣ не въ чемъ передъ вами каяться! Вы мнѣ не судьи!

Шиловъ угрюмо нахмурился.

— Молись!—твердо повторилъ онъ,—не трать время. И пусть Богъ тебя проститъ, какъ мы тебя прощаемъ.

— Прощенье?!

Безпаловъ яростно плюнулъ.

— Вотъ мнѣ... ваше прощенье! Вамъ что? Убить меня надо? Вотъ я! Убивай! Но душу не трави подлыми словами.

Казаки взволновались.

И кони подъ ними затанцовали въ свѣтлой водѣ.

— Есть ли у тебя душа-то, разбойникъ!—зло крикнулъ Воронъ.

Дроздъ грозилъ ему.

— У пса есть душа, а у тебя нѣтъ!

— Лиходѣй!

— Полъ-станицы обездолилъ!

— Тебя общество осудило... приговорило.

Кричали Шилову:

— Петръ Василичъ! Распорядись...

— Какъ велѣно!

— Что съ нимъ время тратить!

— Онъ за слова хочетъ спрятаться...

Безпаловъ обвелъ ихъ гордымъ взглядомъ.

— Я не прячусь. И бороться съ вами не хочу! Вотъ у меня ножъ... вотъ револьверъ.

Выхватилъ изъ-за пояса ножъ, револьверъ, и бросилъ ихъ передъ казаками въ воду къ лошадинымъ ногамъ.

— Я не защищаюсь! Вы меня давно убили... Доканчивайте!

Страстно кинулъ имъ:

— Но пусть кровь моя задушитъ васъ! Пусть захлебнутся въ ней ваши дѣти!

6.

— Безпаловъ!.. — строго крикнулъ Шиловъ, — напрасно оскорбляешь насъ. Напрасно теряешь время, думая обмануть. Ты помянулъ про судъ. Кабы были про-

тивъ тебя улики, мы бы не взяли на свою душу грѣха. Ты знаешь меня. Я старый человѣкъ, — въ бояхъ бывалъ, лицомъ къ лицу смерть видѣлъ. И не терплю неправды. Не пошелъ бы я на такое дѣло, если бы его справедливымъ не считалъ. Не мало ты сиротъ обездолилъ, Безпаловъ! Не мало народу на тебя плачется. Н-ну... самъ знаешь... шелъ молодецъ на удалыя дѣла,— и отвѣту не бойся.

— Умри казакъ со славой!—мрачно разсмѣялся Воронъ.

— И не вини насъ въ крови своей. Признай нашу правду. По совѣсти! Вѣдь сейчасъ ты до Бога пойдешь. Или ты думаешь, коли нѣтъ на тебя явныхъ уликъ, то и правъ ты,—отпереться можешь...

— Не трать пустыхъ словъ, Петръ Василичъ! — угрюмо и твердо сказалъ Безпаловъ. — Коли убивать велѣно,—убивай! Смерти я не боюсь; а словъ вашихъ про правду да про совѣсть и вовсе не испугаюсь. Ужъ коли до словъ дѣло дойдетъ... смотри, какъ бы у тебя самого глаза стыдомъ не застлало!

— Да что онъ тутъ разсказываетъ!—заволновались казаки.

— Какой праведникъ!—засмѣялся Дроздъ.

— Извѣстно,—не пойманный—не воръ,—ото всего отопрется!

— Не отпираюсь я! — злобно крикнулъ Безпаловъ.

Въ свѣтѣ мѣсяца онъ стоялъ передъ ними съ высоко поднятой головою.

— Не отпираешься? — подхватилъ Воронъ, — стало-быть, ты и есть нашъ разоритель?

Безпаловъ тряхнулъ головой:

— Я.

— Воръ! Поджигатель!

— Я.

— Конокрадъ!

— Я.

Онъ злымъ взглядомъ внился въ лицо Ворона.

— Вамъ сознанья моего надо? Н-ну... я! Ты, Воронъ, на кого думалъ, когда у тебя сѣно спалили... Ха-ха! Возовъ съ сотню было? Ха-ха!! На Савельку думалъ? Оставь... я сжегъ!!

— Песъ!—взмахнулъ руками Воронъ.

— А мои волы?—сказалъ Дроздъ,—стало-быть...

— У городскихъ купцовъ въ кишкахъ спрашивай.

И онъ опять точно бросалъ имъ въ лицо свой смѣхъ.

— Ха-ха! Одинъ къ одному волы-то... шесть паръ! Поди жалко было! Ха-ха!

Вдругъ обдалъ ихъ вызывающимъ пламенемъ взгляда:

— Да что тамъ толковать! У атамана Микулина домъ... я сжегъ! А! Вы и не знали?! Лошадей свелъ у Караулова... я! У тебя, Моревъ... я! У объѣздчика Герасима... Ты тутъ же, Герасимъ? Я! У тебя, Бахаревъ, жеребецъ въ киргизской степи гуляетъ. Ты тоже на Савельку думалъ? Брось! Я! Я двадцать пять... Ха-ха! Самыхъ лучшихъ лошадей изъ станицы свелъ. Ха-ха!

Точно вызовъ смерти бросалъ онъ имъ смѣхъ свой,—злой и нервный:

— Ха-ха!

Запрыгали кони отъ натянутыхъ поводій.

— Лиходѣй!

Ему грозили сжатые кулаки.

— Вотъ онъ... вотъ! А еще дѣтямъ нашимъ своей кровью грозитъ!

Безпощадное смотрѣло на него изъ гнѣвныхъ лицъ.

— Пули жалко на него!

— На осину его вздернуть!

— Воръ!

Шиловъ рѣзко крикнулъ:

— Молчать!

И обратился къ Безпалову:

— Стало-быть... и мою пару... Гнѣдого съ Пѣгимъ... походныхъ моихъ...

— Петръ Василичъ,—твердо сказалъ Безпаловъ,— пусть бы руки мои отсохли, кабы я притронулся только къ твоимъ лошадямъ... Для тебя и говорю только, а этимъ подлецамъ я бы слова не сказалъ!

7.

И вдругъ онъ крикнулъ дико и хрипло:

— Будьте прокляты вы! Вотъ вамъ мое завѣщанье Вашимъ женамъ, вашимъ дѣтямъ... всему вашему поганому отродью! Передъ лицомъ неба и земли я, Безпаловъ, проклинаю васъ!

И выходка его была такъ неожиданна, что казаки молчали.

— Подлецы!—закричалъ онъ,—чего жъ вы ждете?!

Остановилъ горящій взглядъ на блѣдномъ лицѣ Шилова, смотрѣвшаго на него глубокимъ и темнымъ взглядомъ.

— Распоряжайся... ты! Вѣдь ты по совѣсти любишь? Убивай! Вѣдь ты правъ! Вѣдь общество приказало! А защищаться мнѣ нечѣмъ... кромѣ словъ. Да и не хочу я. А впрочемъ... ужъ постой! Ужъ мнѣ все равно. Я вамъ правду въ безстыдные глаза брошу... мою предсмертную! Чтобы жила она съ вами до конца дней вашихъ и изжевала души ваши острыми зубами. Я лиходѣй? Я сиротъ бездолю? И вы судить меня вздумали? Васъ судить надо! Не меня! Васъ надо собаками травить, на осинахъ вѣшать, изъ поганыхъ ружей стрѣлять, а потомъ по оврагамъ бросать какъ падаль поганую, чтобы свиньи рвали васъ и кишки ваши по полямъ растаскивали!

Вода забурлила подъ лошадиными ногами въ огненныхъ вспышкахъ. И шумъ голосовъ побѣжалъ по перекатамъ.

— Петръ Василичъ! Распорядись!

— До какихъ поръ воръ оскорблять насъ будетъ.

Но Шиловъ хмурымъ взглядомъ остановилъ ихъ крики и обернулся къ Безпалову.

— Говори, Безпаловъ.

— Не нравится?—бросилъ горькую усмѣшку Безпаловъ въ лица казакамъ,—не хотите слушать? Ну, бей меня. А я все кричать буду! Я мѣшалъ вамъ, когда на Илекѣ жилъ? У васъ лапы цѣпкія... достали меня! Моя судьба тамъ была... счастье мое! Невѣста тамъ была у меня... Лукерья... Ха-ха! Поди знаете такую... атаманшу нонѣшнюю! Гдѣ ваша правда была, когда вы меня въ степь на службу угнали? Развѣ мнѣ было идти? Развѣ былъ очередной я?! Ты, Петра Василичъ, тогда на службѣ былъ, въ Ахтюбѣ, не знаешь, какъ твои общественники мою душу въ ведрѣ водки утопили...

— Правда это, старики?—хмуро взглянулъ Шиловъ.

Молчали.

— Распоряженіе начальства,—прокаркалъ Воронъ.

А Дроздъ добавилъ:

— Стало-быть, атаманъ...

— Атаманъ!—горько разсмѣялся Безпаловъ.—А гдѣ же ваша совѣсть въ то время атаманствовала? Стало-быть, въ томъ совѣсть казачья, чтобы по приказу атамана бѣдняка топить, не разсуждая, а потомъ душу его помянуть сладкой чаркою изъ рукъ атаманскихъ? Эй, вы, станичники! Отцы командиры... души продажныя! Я изъ степи нищимъ чортомъ вернулся, а всего-то и не зналъ. На землѣ моей сидѣла атаманская родня! Моя хата была за долги продана и на баню атаману досталась. А невѣста моя... ха-ха! Атаманшей стала!

8.

Изъ глазъ его метнулось гнѣвное пламя.

— Я любилъ ее... пуще жизни... черти!!

Злобно засмѣялся.

— Такъ вотъ зачѣмъ меня въ службу безъ закону сдать понадобилось! Атаману моя суженая приглянулась. А вы знали про то! Вы знали про то! Кто сватомъ былъ отъ атамана? Моревъ Степанъ! Кто дружками были? Ты, Дроздъ, ты, Бахаревъ? А, я васъ всѣхъ знаю, кто продавалъ меня, кто приговоръ объ угонѣ внѣ очереди на службу писалъ,—кто постановлялъ избу мою продать и землю отобрать... Вы за ведро меня продали... а потомъ на свадьбѣ пировали... пѣсни пѣли за упокой души моей, когда я съ сартами бился... Такъ подайте жъ отчетъ мнѣ! Я атамана изъ года въ годъ разорялъ... я убить его хотѣлъ... да Лукерью жалко стало!

И съ горькимъ стономъ онъ махнулъ рукой.

— Эхъ... Лукерья!

— Правда это, старики?—нахмурился Шиловъ

Молчали.

А Безпаловъ вдохновлялся собственными горькими словами.

Онъ точно заглянулъ въ книгу жизни своей, читалъ тамъ страницу за страницей и страстное негодованіе свое облекалъ въ пылкія слова.

— Ну, вы... кругъ казачій! Отвѣчай мнѣ!

Изъ подсудимаго становился судьей.

— Эй, вы... станичники... отцы командиры! Души продажныя! Судить меня вадумали? Разбойники, предатели, воры! Я степь прошагалъ съ окаянными думами. Я на васъ злое умышлялъ въ джунгляхъ, на Сыръ-Дарьѣ, въ камышахъ... въ сраженьи, въ бою все о васъ, братцы мои милые, вспоминалъ... благодѣтели

мои... проклятые! Въ Геокъ-Тепе въ лазаретѣ, въ тифѣ валялся—все о васъ бредилъ. Я редуты взорвалъ... и крестъ получилъ... и надъ тѣмъ крестомъ плакалъ, что меня не взорвало! Я на сартовъ въ самую сѣчу ломался, чтобы пуля уложила меня. Да чужія пули берегли, чтобы отъ своей я буйну голову сложилъ... отъ руки моихъ братцевъ милыхъ... благодѣтелей... Чтобы добили вы меня. Ну, что жъ... игра сыграна, карты брошены... кончайте!

Онъ снялъ картузъ, далеко отшвырнулъ его на свѣтлую воду и тряхнулъ головою.

— Эй, вы... станичники! Вотъ я! Добивайте!

9.

Мѣсяцъ,—яркій, круглый,—точно смѣялся.

Его улыбка серебрилась въ водѣ, а черный боръ, задумчивый и хмурый,—точно слушалъ смутную сказку рѣки. Сказка шелестѣла въ камышахъ, всплывала надъ степью тысячью шопотовъ, изъ омутовъ поднимала голову съ круглыми свѣтлыми глазами. Таинственная,—заставляла коней стоять какъ вкопанными, съ тѣнями, опрокинутыми въ волны, и заглядывала съ нѣжнымъ смѣхомъ въ поблѣднѣвшія и смущенныя лица.

Шиловъ крѣпко нажалъ удила.

Конь его почти всталъ на дыбы, роняя съ копытъ серебряныя капли.

— Назадъ!!

И этотъ бѣшеный крикъ спокойнаго человѣка былъ такъ властенъ, что казаки, какъ зачарованные, повернули коней. Темными пятнами плыли за Шиловымъ въ серебристомъ пожарѣ плещущихъ волнъ, какъ сказочное стадо чудовищъ таинственной глубины.

Въ тѣни крутого берега остановились.

Обернулись.

Среди серебряной глади на темномъ пятнѣ тарантаса все еще стоялъ Безпаловъ,—застывшій, пораженный, все еще въ той же вызывающей позѣ.

Въ влажномъ воздухѣ всплылъ голосъ Шилова:

— Безпаловъ... прости!

Какъ тѣни сна, взбирались одинъ за другимъ всадники по крутому берегу,—обрисовывались на смутномерцающемъ фонѣ неба.

Обертывались.

Какъ сказочный лозунгъ бросали слова:

— Безпаловъ... прости!

Неохотно и вяло пробасилъ длинный Дроздъ:

— Безпаловъ... прости!

Неуклюжій и черный Воронъ точно каркнулъ:

— Безпаловъ... прости!

Тонули въ сумракѣ, сливались съ ночью.

А рѣка на перекатахъ все звенѣла таинственную сказку...

ЛЕВЪ ДЕЙЧЪ.

ЧЕТЫРЕ ПОБѢГА.

цевъ. Продолжительное пребываніе въ предварительномъ заключеніи, которому не предвидѣлось конца, чрезвычайно гибельно отзывалось на его здоровьи: онъ началъ харкать кровью. Состоятельные родители, конечно, ничего не жалѣли для улучшенія положенія своего единственнаго и страстно любимаго сына. Они давали даже значительныя безвозвратныя ссуды жандармскому адъютанту, барону Гейкингу, который фактически замѣнялъ ни во что не вмѣшивавшагося генерала Павлова. Всесильный баронъ, дѣйствительно, дѣлалъ для Лурье самыя невѣроятныя поблажки: отпускалъ его гулять по городу съ однимъ жандармомъ, разрѣшалъ ему заходить въ частныя библіотеки, магазины и пр. При такихъ условіяхъ было очень легко бѣжать, что я и его невѣста Дора Ш—ъ неоднократно совѣтовали ему. Но отчасти изъ малодушія и боязни, въ случаѣ неудачи, ухудшить свое положеніе, отчасти же изъ нежеланія подвести барона Гейкинга, С. Лурье откладывалъ свое рѣшеніе со дня на день. Давно подготовлена была для него вполнѣ удобная и безопасная квартира, нѣсколько разъ мы ждали его съ лошадью на опредѣленныхъ пунктахъ, но, вслѣдствіе той или другой причины, онъ не являлся. Принимая въ указанное утро предложеніе его отца, я, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду окончательно потолковать съ Лурье: желаетъ ли онъ, дѣйствительно, бѣжать, или отказывается отъ этого плана, такъ какъ дальнѣйшее откладываніе его становилось мнѣ и другимъ его товарищамъ не въ моготу.

Чтобы избѣжать непріятной процедуры при встрѣчахъ съ начальствующими лицами, — отдавать имъ честь, становясь во фронтъ,—я позволялъ себѣ, не безъ значительнаго риска, выходить на улицу въ штатскомъ платьѣ. То же сдѣлалъ я, когда за мной заѣхалъ отецъ моего товарища, и мы отправились съ нимъ въ жандармское управленіе, куда, подъ предлогомъ допроса, баронъ Гейкингъ вызывалъ изъ тюрьмы С. Лурье.

Свиданія съ нимъ происходили не въ канцеляріи управленія, *а въ казармахъ*, гдѣ помѣщались жандармы. Тамъ,

подъ наблюденіемъ послѣднихъ и въ ихъ лишь присутствіи, родственники и знакомые С. Лурье могли свободно бесѣдовать съ нимъ, оставаясь съ утра до сумерекъ, такъ какъ жандармы, занятые тутъ же своимъ дѣломъ, держались поодаль отъ посѣтителей.

Явившись на свиданіе, я уже засталъ С. Лурье и его невѣсту. Послѣ обычныхъ привѣтствій и разговоровъ объ интересовавшихъ насъ общихъ вопросахъ, я вновь завелъ рѣчь о побѣгѣ, предложивъ С. Лурье воспользоваться этимъ днемъ, какъ особенно благопріятнымъ, такъ какъ, въ виду праздника, на улицахъ было большое движеніе. Ему легко было, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, выйти съ жандармомъ на улицу; я же брался подготовить для него лошадь. Но, какъ и раньше, онъ продолжалъ колебаться. Переговоры эти мы вели шопотомъ, конспиративно отъ его отца, который, какъ намъ было извѣстно, боялся и мысли о побѣгѣ сына.

Бесѣда наша затянулась до полудня. Когда затѣмъ кто-то изъ насъ заявилъ, что проголодался, С. Лурье предложилъ устроить закуску. Онъ обратился къ жандармамъ съ просьбой, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пошелъ съ нимъ за покупками. Вызвался одинъ, заявившій, что, какъ дежурному, ему необходимо тотчасъ отправиться на почту, а потому онъ заодно можетъ сопровождать С. Лурье. Вслѣдъ за тѣмъ они вышли.

— Воспользуется ли онъ на этотъ разъ случаемъ?— спрашивали мы съ Д. Ш–ъ другъ друга шопотомъ—и рѣшали этотъ вопросъ отрицательно. Хотя прошло всего съ полчаса, но, вслѣдствіе крайне напряженнаго нашего состоянія, время, казалось намъ, тянулось ужасно медленно. Вдругъ дверь съ шумомъ быстро распахнулась и жандармъ, сопровождавшій С. Лурье, стремглавъ вбѣжавъ въ казарму, закричалъ: „Его нѣтъ здѣсь?“—„Кого?“—спросили мы.—„Семена Лурье! Онъ, значитъ, убѣжалъ!“ воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, убѣдившись, что надежда найти ушедшаго отъ него *арестанта* въ казармѣ—не оправдалась.

Услышавъ это извѣстіе, всѣ остальные жандармы быстро повскакали со своихъ мѣстъ и опрометью бросились на улицу, на-ходу натягивая на себя шинели, револьверы, сабли и пр.

Я также вышелъ изъ казармы, обычной походкой прошелъ затѣмъ нѣсколько кварталовъ и, взявъ извозчика, отправился на ту квартиру, которую я подыскалъ для С. Лурье.

Сквозь открытую настежь дверь изъ залы въ переднюю видно было много разодѣтыхъ по праздничному мужчинъ и дамъ, собравшихся, очевидно, по случаю новаго года. А въ смежной комнатѣ я засталъ хозяина за окончаніемъ процесса сбриванія бороды у бѣглеца. С. Лурье веселымъ тономъ разсказалъ мнѣ, какъ, воспользовавшись большимъ стеченіемъ публики въ почтамтѣ, куда онъ зашелъ съ жандармомъ, онъ затерялся въ толпѣ и незамѣтно вышелъ на улицу, а тамъ, сѣвъ на извозчика, умчался. С. Лурье былъ чрезвычайно радъ, что ему такъ просто и легко удалось бѣжать

Въ описываемое нами время въ университетской части города,—на малонаселенной тогда Тарасовской улицѣ,—находилась квартира, которая сыграла значительную роль въ исторіи революціоннаго движенія на югѣ. Квартиру эту занималъ отставной полковникъ Дебогорій-Мокріевичъ съ женой, дочерью-подросткомъ и женатымъ сыномъ. Кромѣ этихъ дѣтей, у стариковъ былъ еще сынъ Владимиръ, котораго полиція очень энергично разыскивала въ теченіе 2—3 лѣтъ. Несмотря на это, Владимиръ, пріѣзжая въ Кіевъ, постоянно останавливался у родителей. Къ нему заявлялись также разыскиваемые жандармами нелегальные его товарищи и оставались по нѣсколько дней, а то и недѣль, будучи увѣренными, что старики-родители Владимира отнесутся къ нимъ, какъ къ друзьямъ любимаго сына. Дѣйствительно, въ эту пору трудно было найти въ Россіи другую такую семью, въ *которой* проявлялось бы столько вниманія и участія къ ли-

цамъ, преслѣдуемымъ властями. Старики рѣшительно не вмѣшивались въ то, что дѣлалось въ той части квартиры, которая предоставлена была ими въ полное распоряженіе сына. Они также нисколько не безпокоились о томъ, какія будутъ для нихъ послѣдствія, если жандармы откроютъ, что у нихъ притонъ опасныхъ революціонеровъ. Въ этой квартирѣ замышлялись самые отчаянные для того времени планы; тамъ собирались многіе изъ наиболѣе рѣшительныхъ революціонеровъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи большую извѣстность. Достаточно назвать Вѣру Засуличъ, Фроленко, Марію Ковалевскую, Чубарова, Дробязгина, Стефановича, Дебогорій-Мокріевича, Малинку, Костюрина и др.

Когда, зимой 1875 — 76 гг., я познакомился съ этими лицами, кружокъ ихъ уже почти вполнѣ сформировался. По конспиративнымъ причинамъ я нѣкоторое время не былъ посвященъ въ цѣли и планы этого кружка. Я зналъ только, что они—бакунисты, „бунтари“ и что они стремятся гдѣ-то и какимъ-то способомъ вызвать возстаніе среди крестьянъ. Мнѣ было также извѣстно, что они готовы принять активное участіе въ любомъ рѣшительномъ революціонномъ предпріятіи, и это-то влекло меня къ нимъ, такъ какъ и самъ я тогда былъ очень революціонно настроенъ. Поэтому, вѣроятно, у меня быстро установились наилучшія отношенія со многими изъ членовъ этого кружка, а съ нѣкоторыми—со Стефановичемъ, Засуличъ и Калинкиной—мы вскорѣ стали друзьями. Чтобы подѣлиться съ ними своими впечатлѣніями по поводу побѣга С. Лурье, я отъ него отправился на квартиру нелегальныхъ.

Вся публика была тамъ въ сборѣ и по случаю новаго года, а также благополучнаго исхода перваго въ то время побѣга политическаго арестанта, предавалась веселью: пили пиво, закусывая колбасой, и распѣвали малороссійскія пѣсни, вели споры о преимуществѣ бакунизма предъ лавризмомъ и т. п. Я принялъ въ послѣднемъ участіе, и такъ какъ пиршество затянулось, то остался тамъ ночевать.

Когда утромъ слѣдующаго дня я вернулся домой, чтобы,

переодѣвшись въ военное платье, отправиться на службу, хозяинъ квартиры сообщилъ мнѣ, что, въ мое отсутствіе, жандармы произвели наканунѣ обыскъ у меня. Замѣтивъ изъ оконъ своей квартиры ихъ приближеніе, онъ вошелъ въ мою комнату, соединявшуюся дверью съ его квартирой, и перенесъ къ себѣ все, что лежало у меня на столѣ и что, по его мнѣнію, могло меня скомпрометировать.

Это былъ простой и мало состоятельный еврей, имѣвшій большую семью и незначительные доходы. Худой и тщедушный, онъ казался забитымъ, запуганнымъ человѣкомъ. За два съ чѣмъ-то мѣсяца пребыванія на этой квартирѣ, я никогда не вступалъ съ нимъ ни въ какіе политическіе разговоры, и я не предполагалъ даже, что ему была извѣстна моя прикосновенность къ революціонной дѣятельности. Поэтому его предусмотрительность относительно моихъ книгъ и бумагъ крайне меня удивила. Поблагодаривъ его за заботливость, я спросилъ почему ему показалось необходимымъ очистить мою комнату? На это онъ съ большимъ оживленіемъ отвѣтилъ: „Мы про васъ все знаемъ! Мы постоянно слушали изъ сосѣдней комнаты, когда вы читали и толковали солдатамъ разныя книжки. Извините за это, но намъ,— мнѣ и моей семьѣ, — такъ нравятся ваши разсказы. Какъ вѣрно, какъ справедливо все это! Если бы скоро настало то время, о которомъ вы говорили и читали,—можетъ, и намъ, бѣднымъ евреямъ, стало бы лучше“. Его простой и безхитростный разсказъ очень тронулъ меня. Протянувъ ему руку, я заявилъ, что не только не въ претензіи на него и его семью за то, что они безъ моего согласія слушали мои чтенія и бесѣды, но что, наоборотъ, я радъ этому, такъ какъ, оказывается, совершенно неожиданно для меня, объяснилъ имъ кое-что.

Въ полдень, когда я вернулся домой со службы, ко мнѣ вновь явились жандармы съ барономъ Гейкингомъ во главѣ. Узнавъ отъ нижнихъ чиновъ, что на свиданіи съ С. Лурье *былъ также* молодой человѣкъ, пріѣхавшій съ отцомъ бѣ*жавшаго, баронъ* обратился съ разспросами объ этомъ къ

старику Лурье, а послѣдній сообщилъ ему, кто я и гдѣ живу. Отъ меня Гейкингъ желалъ узнать, гдѣ скрывается бѣжавшій, но я, конечно, не удовлетворилъ его желанія. Побившись со мною немного, онъ удалился, заявивъ передъ уходомъ, въ довольно неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что мнѣ „еще придется отвѣчать по поводу побѣга С. Лурье".

То обстоятельство, что я, не будучи родственникомъ С. Лурье, явился къ нему на свиданіе, къ тому же въ штатскомъ платьѣ, что я съ нимъ о чемъ-то шептался и затѣмъ немедленно исчезъ на всю ночь, не пожелавъ сказать Гейкингу, куда именно, внушило ему убѣжденіе, что я принималъ участіе въ этомъ побѣгѣ. А такъ какъ тогда, какъ, увы! и въ настоящее еще время, по одному только подозрѣнію въ „неблагонадежности", подолгу томили въ тюрьмахъ, осуждали на каторгу или высылали административно въ Сибирь, то для меня, послѣ обыска и допроса, произведенныхъ Гейкингомъ, возникъ серьезный вопросъ: безопасно ли мнѣ оставаться на службѣ? Поэтому я вечеромъ вновь отправился на нелегальную квартиру, чтобы посовѣтоваться съ „бунтарями", какъ съ болѣе меня опытными людьми.

Узнавъ въ чемъ дѣло, всѣ приняли живѣйшее участіе въ его обсужденіи. Побѣгъ свой С. Лурье могъ совершить только благодаря попустительству со стороны барона Гейкинга. Послѣдній, поэтому, былъ лично заинтересованъ въ томъ, чтобы дѣлу не былъ данъ законный ходъ. Но могло также получиться строжайшее предписаніе изъ страшнаго тогда Третьяго Отдѣленія о производствѣ тщательнаго разслѣдованія о побѣгѣ. Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія разныхъ предположеній, мы рѣшили, что мнѣ лучше скрыться, впредь до выясненія вопроса, какой оборотъ приметъ дѣло о побѣгѣ С. Лурье: черезъ посредство третьихъ лицъ мы разсчитывали узнать отъ любившаго поболтать барона Гейкинга о дальнѣйшихъ шагахъ жандармовъ. Я остался на нелегальной квартирѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока вполнѣ выяснилось, что

баронъ Гейкингъ всячески старается замять это дѣло, для чего придаетъ ему такой видъ, будто С. Лурье ушелъ прямо съ допроса. Это, конечно, не мѣшало барону жаловаться всѣмъ и каждому, что С. Лурье обманулъ его довѣріе, подвелъ его и пр. Какъ бы то ни было, при постановкѣ, данной офиціально дѣлу о побѣгѣ, не могло быть и рѣчи о моемъ косвенномъ даже участіи въ немъ. Мнѣ, слѣдовательно, не было болѣе основанія скрываться. Но совершенно неожиданно для меня тотчасъ же возникло другое непріятное обстоятельство.

Второго января, т. е. въ первый же вечеръ моего исчезновенія съ квартиры, получилось распоряженіе отъ генерала Ванновскаго *), тогда начальника дивизіи, въ которой я служилъ, чтобы на слѣдующій день были доставлены къ нему для смотра всѣ вольноопредѣляющіеся нашего баталіона. Засуетилось начальство отъ мала до велика. Но тщетно прибѣгали ко мнѣ и къ моимъ знакомымъ вечеромъ, ночью и утромъ унтера, фельдфебель и даже самъ ротный, — меня нигдѣ не могли разыскать: пришлось доложить строгому начальнику дивизіи, что такой-то неизвѣстно гдѣ находится. Въ отвѣтъ на это послѣдовало приказаніе помѣстить меня, по возвращеніи, въ общей казармѣ. Когда же, явившись на службу, я былъ доставленъ къ начальнику дивизіи на квартиру, онъ сперва подвергъ меня въ своемъ роскошномъ кабинетѣ экзамену по части ружейныхъ пріемовъ, а затѣмъ тутъ же заявилъ сопровождавшему меня ротному командиру о преданіи меня суду, за побѣгъ со службы, такъ какъ я больше трехъ сутокъ былъ въ отлучкѣ.

На слѣдующій день меня, подъ конвоемъ двухъ солдатъ съ ружьями, отправили на гауптвахту.

Это было въ воскресенье 7-го или 8-го января. Жутко почувствовалъ я себя, очутившись въ заключеніи,—тяжело было сознавать, что по такому, въ сущности, пустяку, мнѣ,

*) Впослѣдствіи военный министръ и затѣмъ мин. нар. просвѣщ.

вѣроятно, очень долго придется сидѣть подъ замкомъ. Но вскорѣ нашлось для меня нѣкоторое развлеченіе.

Въ общей камерѣ, въ которую меня посадили, находился еще другой солдатъ. Я тотчасъ же познакомился съ нимъ. Небольшого роста, худощавый, черноволосый, онъ оказался очень живымъ и смышленымъ человѣкомъ. Крапивка — такова была его фамилія — много повидалъ и испыталъ на своемъ вѣку: ему было уже за сорокъ лѣтъ. Не разъ побывалъ онъ подъ судомъ за разныя военныя и общія преступленія; неоднократно подвергали его примѣнявшимся въ тѣ времена жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, отдавали въ дисциплинарные баталіоны и отправляли въ Сибирь, откуда, по его словамъ, онъ вскорѣ уходилъ бродяжить. Держалъ онъ себя просто и независимо; разсказывалъ живо и интересно. Для меня, совершенно неопытнаго тогда юноши, всевозможныя происшествія и приключенія изъ его жизни,— дѣйствительныя или вымышленныя имъ, я не могъ тогда разобрать, — являлись своего рода откровеніемъ и чрезвычайно увлекали. Напомню, что въ тѣ времена, подъ вліяніемъ проповѣди Бакунина, революціонеры идеализировали всякаго рода преступниковъ, видѣли въ нихъ настоящихъ протестантовъ противъ современнаго соціальнаго строя. Не удивительно, поэтому, что въ Крапивкѣ я нашелъ „народнаго героя“, котораго нужно было только распропагандировать, чтобы онъ сталъ истиннымъ борцомъ за счастье и свободу угнетеннаго трудящагося населенія. И я принялся за дѣло.

Я, конечно, толковалъ Крапивкѣ о несправедливости современнаго строя, и о необходимости замѣнить его другимъ, совершеннымъ, въ которомъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни угнетателей и угнетенныхъ, ни преступниковъ и тюремъ и пр.

Сидя на нарахъ съ опущенной головой и свѣсивъ ноги, мой неграмотный сокамерникъ, повидимому, слушалъ мои разсказы съ большимъ вниманіемъ. Временами онъ дѣлалъ мѣткое замѣчаніе или приводилъ иллюстрацію моей мысли,

и я заключалъ изъ этого, что онъ отлично усваиваетъ проповѣдуемые мною взгляды. Меня это чрезвычайно радовало: „такіе именно революціонеры и нужны въ Россіи!“—помню, думалъ я тогда.

Крапивка утверждалъ, что послѣ предстоявшаго ему суда, ему вновь удастся бѣжать. Я также полагалъ вначалѣ, что недолго посижу подъ арестомъ, и мы, поэтому, уславливались, какъ и гдѣ намъ найти другъ друга впослѣдствіи. Его твердая увѣренность въ возможности отовсюду совершить побѣгъ—дѣйствовала на меня заразительнымъ и ободряющимъ образомъ. „Если ему, лишенному всякихъ матеріальныхъ средствъ и связей, все же удается бѣжать изъ разныхъ мѣстъ заключенія, то почему же это для насъ невозможно?“ — задавалъ я себѣ вопросъ, и объяснялъ нашей нерѣшительностью и непредпріимчивостью то, что политическіе по много лѣтъ сидятъ въ тюрьмахъ, въ ссылкахъ и на каторгѣ. Я тогда же давалъ себѣ обѣщаніе убѣгать при соотвѣтственномъ стеченіи обстоятельствъ и другимъ помогать въ такихъ предпріятіяхъ. Крапивка, дѣйствительно, оказался чрезвычайно изобрѣтательнымъ насчетъ плановъ для побѣга. Мнѣ, напр., казалось совершенно невозможнымъ бѣжать изъ гауптвахты, но онъ подалъ мнѣ мысль, которой я потомъ воспользовался.

Между тѣмъ, слѣдствіе по поводу моего „побѣга со службы“, въ виду сложившихся обстоятельствъ, сильно затянулось: я не могъ, конечно, сообщить военному слѣдователю, почему я не являлся на службу и что я скрывался на квартирѣ нелегальныхъ. Пришлось, поэтому, прибѣгнуть къ вымыслу. Условившись предварительно со знакомыми, я показалъ, что вечеромъ 2-го января отправился къ нимъ въ гости; но ночью внезапно такъ сильно захворалъ, что они принуждены были послать за врачемъ, а послѣдній нашелъ необходимымъ продержать меня столько-то дней въ постели. Названныя мною при этомъ лица, въ томъ числѣ врачъ и прислуга, подтвердили мое показаніе. Но генералъ Ванновскій, къ которому поступили акты слѣдствія, нашелъ его

недостаточно полнымъ, и меня вновь повели къ слѣдователю по многолюднымъ улицамъ родного города подъ конвоемъ двухъ вооруженныхъ солдатъ. На вопросъ слѣдователя, почему я не далъ знать о своей болѣзни не только въ роту, но и роднымъ, живущимъ въ этомъ же городѣ, я сказалъ что не желалъ встревожить родныхъ,—объясненіе это, какъ и весь мой разсказъ о внезапной болѣзни, было сшито бѣлыми нитками; но мнѣ ничего другого нельзя было сказать.

При одномъ изъ этихъ допросовъ присутствовалъ баронъ Гейкингъ, — не знаю, явился ли онъ къ слѣдователю случайно или его посѣщеніе въ это именно время было заранѣе условлено. Но, услышавъ, что я скрывался у такихъ-то лицъ, онъ воскликнулъ: „evrika, evrika!“ По всей вѣроятности онъ предположилъ, что я скрывался съ Лурье въ одномъ мѣстѣ, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Къ счастью это „открытіе“ барона Гейкинга не имѣло ни для кого дурныхъ послѣдствій. Но мое положеніе вскорѣ осложнилось еще новымъ дѣломъ.

Крапивка какъ-то разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ приходящихъ на гауптвахту въ караулъ офицеровъ отличается жестокимъ характеромъ. Онъ отзывался объ этомъ офицерѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, говорилъ, что тотъ неимовѣрно донимаетъ солдатъ, всячески тѣснитъ ихъ, бьетъ, сажаетъ въ карцеръ и пр., такъ что два раза они даже „бунтовали“: на его привѣтствіе отвѣтили гробовымъ молчаніемъ. „Сущій звѣрь, извергъ! Сами увидите, какъ въ караулъ къ намъ явится: непремѣнно придерется и накажетъ. Ужъ попадись, анаѳема, мнѣ на волѣ, какъ пса поганаго убилъ бы!“ со злобою закончилъ Крапивка свой разсказъ.

Спустя нѣкоторое время этотъ офицеръ пришелъ па дежурство. Это было въ полдень. Я сидѣлъ за завтракомъ, когда, въ сопровожденіи новыхъ караульныхъ солдатъ, онъ вошелъ въ камеру. Не успѣлъ я подняться съ наръ, какъ онъ, не здороваясь, бросился ко мнѣ съ крикомъ: „Какъ ты смѣлъ сидѣть, когда я вошелъ!“ Хотя и подготовленный разсказами Крапивки, я не сдержался и также, повысивъ то-

лось, заявилъ ему: „Не тыкайтесь — я вольнопредѣляющійся! Въ полку никто съ нами такъ не обращался“. Услыхавъ мое замѣчаніе, онъ пришелъ прямо въ бѣшенство: казалось—онъ бросится на меня съ кулаками. Но, быть можетъ, замѣтивъ лежавшій возлѣ меня ножъ, онъ ограничился отчаяннымъ крикомъ, что подастъ на меня рапортъ, и быстро повернувшись, бросился вонъ изъ камеры.

Началось слѣдствіе по дѣлу „объ оскорбленіи офицера при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей“, которое было серьезнѣе перваго. На мой вопросъ слѣдователю, что грозитъ мнѣ, онъ, кажется, отвѣтилъ: „года два заключенія въ крѣпости, а, можетъ быть, и того больше“. Сочувствіе офицеровъ, повидимому, было на моей сторонѣ: мнѣ передавали, что въ своемъ собраніи нѣкоторые изъ нихъ попрекнули грубаго бурбона за то, что онъ тыкалъ мнѣ. Зашедши, однажды, ко мнѣ въ камеру, полковой нашъ командиръ сочувственнымъ тономъ сказалъ: „Эхъ, молодой человѣкъ, зачѣмъ вы погорячились? Вотъ ухудшили свое положеніе!“ Я объяснилъ ему, что не могъ сдержаться. „Это-то и худо!“ — сказалъ онъ ласково и, вѣжливо простившись, вышелъ.

Узнавъ о грозившемъ мнѣ наказаніи, я началъ подумывать о побѣгѣ: слишкомъ тяжело было томиться долго въ военной тюрьмѣ, особенно въ ту пору, когда народная революція казалась столь близкой. Но, съ другой стороны, рисковано было подвергать себя опасности, въ случаѣ неудачной попытки, вновь еще болѣе ухудшить свое положеніе и быть можетъ, попасть на нѣсколько лѣтъ уже въ дисциплинарный баталіонъ. Чтобы покончить со своими сомнѣніями, я опять обратился за совѣтомъ къ нелегальнымъ бунтарямъ, связь съ которыми у меня не прерывалась и во время моего заключенія. Я изложилъ имъ планъ побѣга, который они вполнѣ одобрили и обѣщали оказать мнѣ требовавшуюся съ ихъ стороны помощь. Послѣ этого я уже безъ всякихъ колебаній принялся за осуществленіе своего намѣренія.

При гауптвахтѣ не было бани, и заключенные или вовсе

лишены были возможности помыться, или—менѣе опасныхъ—водили въ находившуюся невдалекѣ торговую. До столкновенія съ дежурнымъ офицеромъ я легко получилъ разрѣшеніе сходить въ эту баню, конечно, въ сопровожденіи конвоя. Благодаря поданной мнѣ Крапивкой мысли, я убѣдился тогда, что, при нѣкоторомъ содѣйствіи товарищей съ воли, не трудно будетъ совершить побѣгъ. Но, когда возникло противъ меня новое обвиненіе, уже не такъ легко было получить разрѣшеніе. На мою объ этомъ просьбу, обращенную къ полковому командиру, онъ отвѣтилъ, что предоставляетъ разрѣшеніе ея дежурному по караулу офицеру. Послѣдній сталъ колебаться. Но случившійся при этомъ казначей, у котораго я получалъ за сравнительно высокую плату столъ, принялъ мою сторону: онъ убѣждалъ дежурнаго офицера удовлетворить мою просьбу, говоря, что мнѣ, сыну состоятельныхъ людей, нѣтъ смысла убѣгать съ дороги; наконецъ, для полной гарантіи себя, совѣтовалъ усилить конвой съ двухъ на три солдата. Молодой подпоручикъ сдался на доводы и увѣренія пожилого капитана-казначея.

Крапивка былъ, конечно, посвященъ во всѣ детали моего плана, такъ какъ мы сообща разработали его. Въ выбранный мною день — 19-го февраля — я передъ уходомъ снабдилъ его кое-чѣмъ изъ моихъ вещей, оставилъ ему немного денегъ и дружески простился, унося сознаніе, что знакомство съ этимъ бѣглымъ солдатомъ принесло мнѣ нѣкоторую пользу.

По приходѣ въ баню, конвоировавшіе меня солдаты расположились такимъ образомъ: одинъ сталъ у наружной стѣны около оконъ, выходившихъ во дворъ, другой помѣстился у входной двери, а третій вошелъ со мною въ баню и, когда я раздѣлся, остался около моего платья и бѣлья. Такимъ образомъ, казалось, что я никакимъ способомъ не могу уйти, не рискуя наткнуться на штыкъ или пулю.

Въ общей банѣ, за помѣщеніемъ, гдѣ раздѣваются, слѣдовало другое, въ которомъ моются, и затѣмъ третье, гдѣ парятся. Зашедши въ послѣднее отдѣленіе, я засталъ тамъ

Стефановича и моего товарища съ самыхъ юныхъ лѣтъ—Щепанскаго. Не подавая вида, что мы знакомы, они мимикой указали мнѣ, гдѣ были ими положены необходимыя мнѣ для совершенія побѣга вещи, о чемъ мы, конечно, списались предварительно. Не знаю и до сихъ поръ, играла ли тогда роль моя мнительность или мое подозрѣніе было основательно, но мнѣ показалось, что находившійся тамъ же баньщикъ замѣтилъ, какъ мы обмѣнивались знаками, послѣ чего онъ сталъ слѣдить за мною: онъ видѣлъ, какъ я пришелъ съ конвойнымъ и гдѣ я раздѣлся. Необходимо было отвлечь отъ себя его вниманіе. Начавъ мыться, я воспользовался моментомъ, когда ничего не дѣлавшій баньщикъ куда-то вышелъ, и перенесъ, быстро и незамѣтно для другихъ посѣтителей, принесенныя для меня товарищами вещи во второе отдѣленіе, гдѣ положилъ ихъ такъ, чтобы баньщикъ не могъ ихъ увидѣть. Стефановичъ и Щепанскій послѣ этого убѣдились, что я понялъ ихъ мимику и ушли изъ бани. Наконецъ, по прошествіи достаточнаго количества времени, сдѣлавъ видъ, что окончилъ мыться, я отправился одѣваться. Баньщикъ, какъ мнѣ казалось, послѣдовалъ за мною. Поэтому я подошелъ къ тѣмъ своимъ вещамъ, около которыхъ сидѣлъ солдатъ, и сталъ одѣваться. Тогда баньщикъ,—потому ли, что онъ убѣдился, какъ я готовлюсь уже уходить или у него вовсе не было относительно меня никакихъ подозрѣній и его отвлекали изъ одного отдѣленія въ другое свои мотивы,—вновь ушелъ обратно въ баню. Я въ этотъ моментъ успѣлъ только надѣть на себя бѣлье. Но, увидѣвъ, что нѣтъ больше баньщика, я сказалъ солдату, что мнѣ нужна еще шайка воды для ногъ и также вернулся обратно въ то отдѣленіе, гдѣ моются. Тамъ, подошедши къ спрятаннымъ мною въ укромномъ углу вещамъ, которыя принесли мнѣ товарищи, нашелъ среди нихъ штатское верхнее платье, наскоро одѣлъ его и укутался башлыкомъ. Спокойной походкой прошелъ я мимо солдата, оставшагося около моихъ вещей, мелькомъ бросивъ на него взглядъ. Глаза *наши* встрѣтились,—я почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ.

Но это только одинъ моментъ. Я у выходной двери; тамъ новь часовой. Мнѣ нужно и ему взглянуть въ лицо: „такъ дѣлалъ бы всякій вышедшій изъ бани“, помню, подумалъ и посмотрѣлъ на него. Мнѣ показалось, что онъ узнаетъ еня и лишь колеблется задержать. Ноги начинаютъ подашиваться, а, между тѣмъ, мнѣ еще предстоитъ пройти имо третьяго часового, прохаживающагося вдоль оконъ. На него я не взгляну, нѣтъ! Тяжело!“ — думаю я, идя съ пущенной внизъ головой. „Но вотъ онъ протягиваетъ руку, тобы задержать меня“, кажется мнѣ, и у меня является еудержимое стремленіе пуститься бѣгомъ; но я дѣлаю немовѣрное усиліе надъ собою и стараюсь идти медленно. аня помѣщалась въ глубинѣ большого двора. Теперь онъ ажется мнѣ безконечно длиннымъ. Наконецъ, я на улицѣ; о далеко еще не внѣ опасности: стерегшій мое платье часовой могъ замѣтить мое продолжительное отсутствіе и меня ке хватились. „Часовые догоняютъ меня“, – думаю я: „скорѣй, скорѣй впередъ!“ Но нельзя бѣжать. Какъ это тяжело дти шагомъ, когда ноги инстинктивно стремятся быстро передъ! На улицѣ мало прохожихъ. Издали вижу Стефановича,—онъ поджидаетъ меня на углу. „Но успѣю ли подойти ъ нему? Нѣтъ, за мной уже бѣгутъ!“ Силы, чувствую, наинаютъ измѣнять мнѣ,—я не могу болѣе сдерживать своихъ шаговъ, я пускаюсь почти бѣгомъ. Вотъ я нагналъ Стефановича и испуганнымъ голосомъ говорю ему шопотомъ: Меня хватились, меня догоняютъ! Скорѣй на извозчика!“ Ослѣдняго, какъ на зло, нѣтъ поблизости. Издали, видимъ, етется одинъ. Стефановичъ машетъ ему; онъ подъѣзжаетъ; ы садимся и ѣдемъ. Но лошаденка еле переставляетъ ноги. Скорѣй, скорѣй!“ — понукаю я. Отъѣзжаемъ два квартала; тавляемъ извозчика и идемъ пѣшкомъ. Мы, наконецъ, на вартирѣ Стефановича. Я вздыхаю съ облегченіемъ, — я асенъ.

Между тѣмъ, солдатъ, стерегшій мое платье, какъ мнѣ отомъ передали, прождавъ долгое время моего возвращенія, абезпокоился и поручилъ явившемуся баньщику поторопить

меня. Когда же послѣдній, возвратившись, сообщилъ, что меня нѣтъ въ банѣ, поднялись тщательные розыски. Дали знать на гауптвахту, откуда явился офицеръ, но поиски, конечно, оказались тщетными. Всѣ были въ полномъ недоумѣніи, какимъ образомъ я могъ исчезнуть, когда окно, потолокъ, стѣны и полъ оказались цѣлыми. Рѣшили было, что я вылѣзъ черезъ трубу,—это изъ жарко натопленной банной печи и въ одномъ бѣльѣ зимой! Но вдругъ кто-то поднялъ съ пола накладные усы: они были принесены моими товарищами, а я второпяхъ обронилъ ихъ. Только тогда догадались, какимъ способомъ удалось мнѣ выйти незамѣченнымъ.

Нѣсколько дней спустя, одинъ знакомый сообщилъ мнѣ, что бывшій хозяинъ моей квартиры очень хочетъ повидаться со мною и настоятельно проситъ назначить ему гдѣ-нибудь свиданіе. Товарищи даже заподозрили не скрывается ли въ этомъ какой-нибудь подвохъ, западня, и уговаривали меня отказаться. Но, послѣ описаннаго выше разговора съ этимъ простымъ и, повидимому, безхитростнымъ человѣкомъ, такія подозрѣнія относительно него казались мнѣ маловѣроятными, и я рѣшилъ повидаться съ нимъ, принявъ, на всякій случай, необходимыя предосторожности. Мѣстомъ нашего свиданія мною указанъ былъ опредѣленный кварталъ на длинной Большой Владимірской улицѣ. Въ сумеркахъ, по условію, мой бывшій квартирный хозяинъ долженъ былъ пріѣхать одинъ на извозчикѣ и, оставивъ послѣдняго на опредѣленномъ мною же углу улицы, пройти затѣмъ пѣшкомъ до назначеннаго пункта.

Одѣвъ поверхъ пальто пледъ, какъ это дѣлала въ то время учащаяся молодежь, я нѣсколько ранѣе условленнаго часа сталъ прогуливаться по противоположной сторонѣ назначенной мною улицы. Вскорѣ вдали показался извозчикъ съ сѣдокомъ. Я видѣлъ, какъ послѣдній, расплатившись, отправился на условленный кварталъ, оглядываясь и осматриваясь во всѣ стороны, но меня онъ не могъ замѣтить. *Улица на обширномъ* пространствѣ была пустынна. Убѣдив-

шись, такимъ образомъ, что опасенія относительно этого человѣка совершенно неосновательны, я перешелъ на другую сторону и направился къ нему на встрѣчу.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался. Повторяя шопотомъ,— хотя мы были одни на улицѣ, — „я очень хотѣлъ повидать васъ и вотъ передать вамъ, что могу“, — онъ пугливо озирался по сторонамъ и совалъ мнѣ что-то въ руки. Я спросилъ, что это?

— Берите: это деньги,—отвѣтилъ онъ. Я поблагодарилъ его, но отъ денегъ отказался, заявивъ, что не нуждаюсь. Тогда онъ сталъ горячо убѣждать: „вамъ они пригодятся,— ну, прошу васъ!“ при этомъ лицо его выражало такую мольбу, словно дѣло шло объ избавленіи его отъ большой непріятности. Когда же, наконецъ, уступая его настояніямъ, я принялъ отъ него небольшой бѣлый свертокъ, онъ нѣсколько разъ крѣпко пожалъ мою руку, проговоривъ: „какъ я радъ! Я очень радъ! Ну прощайте! Будьте здоровы!“ И вновь робко осматриваясь по сторонамъ, онъ пошелъ назадъ мелкими и тихими шагами. Повернувъ въ противоположную сторону, я пошелъ домой, раздумывая о томъ, чѣмъ вызвалъ я къ себѣ расположеніе этого бѣднаго, запуганнаго человѣка, для котораго тайное свиданіе являлось актомъ чрезвычайной смѣлости. Въ маленькомъ свертке оказалось двадцать съ чѣмъ-то рублей мелкими кредитными бумажками,—громадная сумма для этого бѣдняка, обремененнаго большой семьей. Съ тѣхъ поръ я никогда больше не встрѣтился съ нимъ *).

*) На конференціи „меньшевиковъ“, происходившей въ Женевѣ весной 1905 г., я узналъ, что среди присутствовавшихъ находится товарищъ-женщина, съ которой мы встрѣчались за тридцать лѣтъ до того. Мы разговорились съ нею. Оказалось, что то была самая меньшая дочь моего бывшаго квартирнаго хозяина въ Кіевѣ. По ея словамъ, въ ея семьѣ навсегда сохранилась добрая память обо мнѣ. Съ дѣтства слышала она отъ отца и старшихъ членовъ семьи разсказы, нерѣдко фантастическаго харак-

Нѣкоторое время я со Стефановичемъ остался въ Кіевѣ: мы съ нимъ готовились вновь пойти „въ народъ“. Наконецъ, надѣвъ крестьянское платье и запасшись фальшивыми паспортами, мы съ котомками на плечахъ отправились въ путь.

Прошедши, однажды, верстъ 40 пѣшкомъ, мы прибыли передъ вечеромъ въ г. Черкассы (Кіев. губ.), откуда, переночевавъ на постояломъ дворѣ, намъ нужно было отправиться далѣе внизъ по Днѣпру. Но, когда на слѣдующій день мы пришли на пристань, то пароходъ сталъ уже отчаливать. Пробираясь обратно къ выходу сквозь довольно густую толпу собравшейся публики, я замѣтилъ, что какой-то полицейскій чинъ какъ-то подозрительно взглянулъ на меня. Стефановичъ, которому я шопотомъ сообщилъ объ этомъ, посмотрѣвъ по указанному мною направленію, отвѣтилъ, что, вслѣдствіе новизны положенія въ качествѣ „нелегальнаго“, мнѣ кажется будто взоры всѣхъ полицейскихъ устремлены на меня, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, этотъ чинъ бесѣдуетъ съ какимъ-то господиномъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія. Затѣмъ мы отправились обратно на тотъ же постоялый дворъ, рѣшивъ уѣхать на слѣдующій день. Но едва успѣли мы, пришедши въ занятую нами комнату, сбросить съ себя бывшія на насъ обоихъ свиты, какъ, въ сопровожденіи еврея-хозяина постоялаго двора, явился этотъ же приставъ.

— Покажите вашъ паспортъ!—заявилъ онъ мнѣ. Дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, но стараясь казаться совершенно спокойнымъ, я передалъ ему свой документъ. Онъ сталъ внимательно его разсматривать, при этомъ задавалъ мнѣ вопросы, откуда я, чѣмъ занимаюсь и пр. Съ тѣми же вопросами и также на „вы“ онъ потомъ обратился къ Стефановичу, а затѣмъ вновь заявилъ мнѣ:

тера, о моей жизни у нихъ. Эти разсказы дѣйствовали на ея воображеніе и имѣли отчасти вліяніе на ея судьбу. Сдѣлавшись соціалисткой, она, конечно, посидѣла уже въ тюрьмѣ, была выслана *въ Сибирь*, и побывала въ эмиграціи.

— На пристани было что-то странное въ вашей одеждѣ.

Разсмѣявшись естественнымъ тономъ, я объяснилъ ему, что такъ какъ лилъ сильный дождь, то я, идя къ пристани, взялъ у товарища имѣвшуюся у него лишнюю старую свиту, чтобы не промочить свою новую поддевку. При этомъ, взявъ со скамьи вторую свиту Стефановича, я накинулъ ее на себя такъ, какъ это было раньше. Послѣ такого наглядиаго разъясненія, приставъ возвратилъ намъ наши паспорта и удалился вмѣстѣ съ хозяиномъ. Но насъ его уходъ не вполнѣ успокоилъ: его обращеніе съ нами, крестьянами на „вы“ и, вообще, его вѣжливость внушили намъ подозрѣніе, что онъ принялъ насъ за переодѣтыхъ пропагандистовъ, о существованіи которыхъ въ то время уже знали всѣ полицейскіе. Незадолго передъ этимъ въ томъ же городѣ былъ арестованъ какой-то неизвѣстный и подъ сильнымъ конвоемъ доставленъ въ Кіевъ, такъ какъ мѣстная полиція приняла его за энергично разыскиваемаго тогда Рогачева *). Мы со Стефановичемъ предположили, что изъ опасенія встрѣтить отпоръ съ нашей стороны, приставъ насъ двоихъ также не рѣшился арестовать и отправился за подкрѣпленіемъ. Не желая, однако, пуститься тотчасъ въ бѣгство, что сопряжено было для насъ съ большими затрудненіями, мы рѣшили принять необходимыя предосторожности и ждать, что будетъ. Хозяину постоялаго двора мы сказали, что идемъ нанимать подводу до ближайшей станціи и, расплатившись, ушли ночевать въ другое мѣсто, чтобы приставъ, явившись съ подкрѣпленіемъ, не нашелъ насъ на прежнемъ мѣстѣ. Въ случаѣ же, если бы полиціи въ теченіе ночи все же удалось въ этомъ маленькомъ городишкѣ открыть нашъ новый ночлегъ, мы разсчитывали, что намъ, пустивъ въ дѣло револьверы, быть можетъ, удастся проложить себѣ путь къ бѣгству. Мы выбрали, поэтому, болѣе прежняго подходящій для этой цѣли постоялый дворъ.

*) Впослѣдствіи оказалось, что этотъ неизвѣстный былъ бѣглый солдатъ, нежелавшій назвать своего имени.

Всю ночь мы бодрствовали, держа наготовѣ револьверы, при малѣйшемъ шорохѣ извнѣ. Но, когда настало утро безъ всякихъ приключеній, мы не знали, объяснить ли это тѣмъ, что приставъ не открылъ нашего новаго ночлега или тѣмъ, что онъ насъ вовсе не искалъ, принявъ за настоящихъ крестьянъ. Чтобы убѣдиться, какое изъ этихъ предположеній вѣрно, мы рѣшили вновь явиться на старую квартиру, полагая, что разъ насъ тамъ ночью искали, мы по прямымъ или косвеннымъ даннымъ, узнаемъ, что тамъ произошло.

Стефановичъ отправился туда одинъ. Объяснивъ хозяину постоялаго двора благовиднымъ образомъ свой приходъ, онъ изъ бесѣды съ нимъ вынесъ впечатлѣніе, что полиція ночью не приходила. Намъ, слѣдовательно, можно было отправиться дальше на пароходѣ.

Когда мы вновь явились на пристань, знакомый намъ приставъ уже былъ тамъ, бесѣдуя, какъ и наканунѣ, съ тѣмъ же господиномъ. Поровнявшись съ нимъ, я снялъ шапку и поклонился, какъ дѣлаютъ это наши крестьяне. Приставъ, въ свою очередь, вѣжливо мнѣ отвѣтилъ и, обратившись къ собесѣднику, сказалъ громко, указывая на меня: „я ихъ принялъ вчера за бѣглаго солдата“.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо: я чуть не выдалъ себя, но, отвернувшись, пошелъ дальше, проговоривъ: „прощайте, ваше благородіе!“

— Счастливаго пути!—раздалось мнѣ вслѣдъ.

Весной 1876 года я поступилъ въ кружокъ нелегальныхъ бунтарей. Кружокъ этотъ задался цѣлью вызвать вооруженное возстаніе среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ. Средствомъ для этого должно было служить распространеніе подложнаго манифеста, въ которомъ царь, будто бы, самъ призывалъ народъ къ захвату всей земли, такъ какъ, молъ, паны и чиновники не даютъ ему осуществить справедливое желанье крестьянъ. Зная о господствовавшемъ среди нихъ недовольствѣ земельной реформой 1861 года, мы полагали, что горючаго матеріала повсюду

достаточно, и стоитъ лишь поднять возстаніе въ одномъ мѣстѣ, чтобы, подобно пламени, оно широко распространилось въ странѣ. Чигиринскій уѣздъ казался намъ особенно подходящимъ для начала мѣстомъ потому, что тамъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уже, происходило изъ-за земли движеніе, усмирявшееся, конечно, жестокими экзекуціями, что въ сильной степени раздражало крестьянъ. Перенося пассивно ужасныя репрессіи, они всѣ свои надежды возлагали на царя, который, по ихъ убѣжденію, непремѣнно приметъ ихъ сторону, разъ узнаетъ о причиняемыхъ имъ властями бѣдствіяхъ и страданіяхъ. Намъ, поэтому, казалось, что стоитъ только прочесть имъ царскій манифестъ, и они немедленно поднимутся. Кромѣ чтенія на площадяхъ этого манифеста, задача наша должна была состоять также въ организаціи боевыхъ отрядовъ, въ снабженіи крестьянъ оружіемъ и, само собой разумѣется, въ личномъ участіи въ предстоявшихъ схваткахъ съ войсками.

Но никому изъ насъ не только не пришлось умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ многіе искренно собирались,—намъ не удалось даже отпечатать предполагавшійся манифестъ. Отчасти вслѣдствіе печальнаго исхода покушенія на Гориновича (въ маѣ того же года), главнымъ же образомъ, вслѣдствіе ощущавшейся большинствомъ изъ насъ несостоятельности задуманнаго плана, уже лѣтомъ мы отказались отъ него, а осенью постановили распустить нашъ кружокъ, признавъ, что всѣ члены его свободны отъ обязательныхъ отношеній, послѣ чего мы разбрелись въ разныя стороны.

Когда, такимъ образомъ, всѣ отказались отъ мысли что-либо предпринять въ Чигиринскомъ уѣздѣ, одинъ только Стефановичъ продолжалъ поддерживать связи съ нѣкоторыми крестьянами изъ той мѣстности, а къ зимѣ у него созрѣлъ новый планъ, которымъ онъ со мною немедленно подѣлился. Ему казалось, что призывъ къ вооруженному возстанію можетъ тогда лишь разсчитывать на успѣхъ, когда крестьяне будутъ предварительно организованы для этой

цѣли. Но, чтобы побудить ихъ вступить въ такую организацію, необходимо было, по его мнѣнію,—въ виду сложившагося у народа воззрѣнія,—прибѣгнуть къ имени царя. Стефановичъ надумалъ, поэтому, объявить чигиринскимъ крестьянамъ „тайную грамоту“, въ которой царь велитъ имъ не полагаться на него, а совѣтуетъ составить тайное общество,—„Тайную дружину“, цѣлью котораго должна быть подготовка къ возстанію, когда для этого наступитъ соотвѣтствующій моментъ. Стефановичъ являлся, будто бы, уполномоченнымъ („комиссаромъ“), который долженъ руководить этой организаціей.

Не буду излагать здѣсь всѣхъ подробностей задуманнаго имъ плана, тѣмъ болѣе, что объ этомъ можно прочесть въ другихъ произведеніяхъ. Скажу лишь, что кромѣ меня, онъ привлекъ къ этому плану еще Бохановскаго и очень короткое время въ нашу небольшую группу входилъ также Чубаровъ. Въ имѣвшейся у насъ небольшой типографіи мы отпечатали „царскую грамоту“, уставъ „тайной дружины“, и въ февралѣ 1877 года Стефановичемъ положено было начало этой крестьянской организаціи. Вскорѣ она охватила нѣсколько волостей; число членовъ „тайной дружины“ быстро росло, достигнувъ въ короткое время почти двухъ тысячъ человѣкъ. Наши сношенія съ выборными представителями тайной дружины—со „старостами“ и „гетманомъ“—обставлены были очень конспиративно: мы жили въ Кіевѣ и для свиданій съ этими лицами или ѣздили въ какое-нибудь мѣстечко, расположенное вблизи Чигиринскаго уѣзда, или вызывали нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ, въ Кіевъ, на какую-нибудь конспиративную квартиру. Въ обоихъ случаяхъ мы являлись къ нимъ, конечно, въ крестьянскихъ платьяхъ. Дѣло шло, повидимому, недурно, и мы уже высчитали приблизительно время, когда сможемъ назначить моментъ возстанія.

Въ концѣ лѣта мы со Стефановичемъ получили отъ зна*комаго помѣщика* Николая Полетики приглашеніе пріѣхать

поцостить въ его имѣніи, находившемся въ Полтавской губерніи. Со Стефановичемъ онъ былъ знакомъ съ дѣтства и по университету, который онъ оставилъ, получивъ незадолго передъ тѣмъ довольно большое имѣніе въ Роменскомъ уѣздѣ. Мы охотно приняли это приглашеніе, такъ какъ, кромѣ отдыха въ деревнѣ, имѣли въ виду предложить Полетикѣ, чтобы онъ уступилъ нѣкоторое количество десятинъ земли для тѣхъ крестьянъ, членовъ „Тайной дружины“, которые, вслѣдствіе преслѣдованія властей, сдѣлались, по нашему совѣту, нелегальными. Устроивъ ихъ съ фальшивыми паспортами въ новомъ мѣстѣ, мы предполагали черезъ нихъ перенести Тайное крестьянское общество и въ Полтавскую губернію.

Прогостивъ у Полетики нѣсколько дней, мы завели съ нимъ разговоръ о цѣли нашего пріѣзда. Отъ природы человѣкъ мягкій, онъ принадлежалъ къ числу „сочувствующихъ“ революціонной дѣятельности, и самъ не принималъ въ ней активнаго участія. Поэтому, не посвящая его въ дѣло „Тайной дружины“, мы ограничились лишь сообщеніемъ ему, что намъ необходимо устроить на новомъ мѣстѣ нѣсколькихъ скомпрометированныхъ крестьянъ. Полетика безъ малѣйшихъ колебаній тотчасъ же согласился на наше предложеніе. Тогда мы приступили къ новому плану.

Дѣло въ томъ, что мы со Стефановичемъ задумали издавать подпольный листокъ, для чего нужно было значительно расширить нашу типографію. Послѣдняя помѣщалась на нашей квартирѣ въ Кіевѣ, что, во многихъ отношеніяхъ, являлось крайне неудобнымъ и небезопаснымъ для насъ. Между тѣмъ отъ Полетики мы узнали, что у него имѣется совершенно отдѣльно расположенный хуторъ, насчитывавшій нѣсколько десятинъ земли и домъ съ необходимыми службами. Хуторъ этотъ, находившійся невдалекѣ отъ желѣзнодорожной станціи, былъ во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно удобенъ. Землю можно было бы предоставить скомпрометированнымъ крестьянамъ, а въ домѣ хорошо было бы устроить тайную типографію; да и вообще, этотъ хуторъ

былъ бы намъ нуженъ, какъ мѣсто для укрыванія людей, оружія и пр.

Полетика охотно согласился и на это предложеніе. Если принять къ тому же во вниманіе, что его тетушка, добродушная, довольно пожилая дѣвица, завѣдывавшая всѣмъ его домашнимъ хозяйствомъ,—Полетика былъ холостъ и не имѣлъ ни матери, ни сестеръ,—откармливала насъ всевозможными малороссійскими яствами на убой, то вполнѣ понятнымъ станетъ, что мы со Стефановичемъ были очень довольны нашимъ пребываніемъ у радушнаго молодого помѣщика, и ликовали по поводу блестящихъ результатовъ нашей къ нему поѣздки. Но радость наша была непродолжительна.

Однажды, передъ разсвѣтомъ, насъ разбудилъ набатъ. Помню, то было въ субботу. Мы вскочили съ постелей и, наскоро накинувъ на себя платье, помчались въ село. Сбѣжавшимся крестьянамъ удалось вскорѣ потушить пожаръ, причина котораго была тогда неизвѣстна,—говорили объ умышленномъ поджогѣ. Вернувшись обратно домой и плотно позавтракавъ, мы съ хозяиномъ отправились въ близъ лежавшую рощу: онъ — чтобы поохотиться, а я со Стефановичемъ—стрѣлять изъ револьверовъ въ цѣль,—любимое тогда занятіе всѣхъ южныхъ бунтарей. Съ этого дня начались наши злоключенія.

Вечеромъ, когда послѣ ужина мы втроемъ сидѣли въ гостиной, вдругъ неожиданно появился меньшой братъ Стефановича—Олимпъ. Взволнованнымъ голосомъ онъ наскоро сообщилъ, что въ Кіевѣ арестовали Малавскаго, и у него же на квартирѣ взятъ Бохановскій. Когда послѣдняго вели въ участокъ, онъ перебросилъ черезъ заборъ ключъ, но жандармы нашли его и, такъ какъ Бохановскій не желаетъ указать, гдѣ онъ жилъ, то теперь, съ ключемъ въ рукахъ, полиція, жандармы и шпики энергично разыскиваютъ его квартиру.

Какъ громомъ поразило насъ это извѣстіе: мы втроемъ—*Стефановичъ, Бохановскій и я*—занимали квартиру въ три

комнаты, находившуюся на одной изъ отдаленныхъ и глухихъ улицъ университетской части города. Въ ней не только помѣщалась наша типографія и многіе экземпляры отпечатанныхъ нами „царскихъ грамотъ“, „уставовъ тайной дружины“ и т. п., но, что еще важнѣе, тамъ хранились списки всѣхъ членовъ затѣянной нами организаціи: они сами настаивали на томъ, чтобы „старосты“ заносили ихъ имена на бумагу и передавали ее „комиссару“. Кромѣ того, дома у насъ имѣлись адреса и конспиративныя письма нѣкоторыхъ революціонеровъ, а также и многіе другіе компрометирующіе насъ и другихъ лицъ документы и вещи. Все это мы разсчитывали, въ случаѣ обыска, уничтожить, открывъ стрѣльбу. А теперь, разъ у жандармовъ имѣется нашъ ключъ, то съ нимъ, конечно, имъ не трудно разыскать и квартиру.

Ужасъ охватывалъ насъ при одной мысли о томъ, что она уже открыта полиціей и болѣе двухъ тысячъ человѣкъ пострадаетъ. Но, можетъ быть, жандармы еще не нашли ея; можетъ быть—не поздно еще предупредить ихъ. Необходимо немедленно ѣхать обратно въ Кіевъ, чтобы очистить нашу квартиру. По счастью, поѣздъ туда шелъ въ скоромъ времени, и Полетика распорядился о лошадяхъ, чтобы ѣхать на желѣзнодорожную станцію.

Пока закладывали лошадей, мы со Стефановичемъ торопились почистить свои револьверы, что было необходимо, въ виду нашей стрѣльбы утромъ въ цѣль. Между тѣмъ, меньшой Стефановичъ разсказывалъ намъ о томъ, какъ кіевскіе революціонеры догадались, послѣ сдѣлавшейся вскорѣ извѣстной въ городѣ попытки Бохановскаго забросить ключъ, что для него очень важно, чтобы полиція не нашла его квартиры; но изъ всѣхъ мѣстныхъ товарищей лишь одинъ Дебогорій-Мокріевичъ зналъ, гдѣ она находится, хотя и ему не было ничего извѣстно ни о „Тайной дружинѣ“, ни о томъ также, что именно нами печатается въ типографіи: она помѣщалась въ третьей, всегда затворенной, комнатѣ, *куда никто*, кромѣ насъ троихъ, не заходилъ. Но

и Мокріевича, во время ареста Бохановскаго, не было въ Кіевѣ, да и онъ не зналъ, куда мы со Стефановичемъ уѣхали. Нѣсколько дней, поэтому, прошло, пока товарищи узнали, гдѣ мы, и отправили меньшого Стефановича сообщить намъ о случившемся.

Разсказавъ обо всемъ этомъ, Олимпъ Стефановичъ, между прочимъ, упомянулъ о томъ, что, проѣзжая по деревнѣ съ желѣзнодорожной станціи, мимо сельскаго правленія, онъ видѣлъ собравшуюся тамъ, во дворѣ, массу народа, а привезшій его крестьянинъ на его по этому поводу вопросъ сказалъ: „будутъ кого-то вязать“.

У меня забилось сердце: „ужъ не насъ ли?“—подумалъ я.

Видно, нашли поджигателя, произведшаго утромъ пожаръ здѣсь,—объяснили Стефановичъ и Полетика пріѣзжему юношѣ слова его возчика.

Чистку и сборку револьверовъ мы окончили, но не успѣли еще зарядить ихъ, какъ меня вдругъ словно что-то подбросило: быстро вскочивъ на ноги и схвативъ за руку Стефановича, я со словами: „бѣжимъ, бѣжимъ!“—потащилъ его съ собою къ двери, которая вела изъ гостиной въ садъ. Это совершенно неожиданное и непонятное движеніе мое, голосъ и выраженіе моего лица вызвали полнѣйшее недоумѣніе у всѣхъ.

— Что съ тобою? Съ чего ты это взялъ?—спрашивалъ меня Стефановичъ, упираясь.

— Идемъ, идемъ! — кричалъ я, увлекая его впередъ. Нажавъ ручку, я пытался открыть дверь, но она не поддавалась; тогда мы оба изо всѣхъ силъ налегли на нее,—результатъ былъ тотъ же: было очевидно, что на нее напирали съ той стороны. Забывъ, что револьверъ не заряженъ, я поднялъ его вверхъ, но въ это время черезъ двѣ другія двери, которыя вели во внутреннія комнаты, гостиная быстро наполнилась огромнымъ числомъ крестьянъ, вооруженныхъ толстыми дубинками. Когда, плечомъ къ плечу, они плотной *массой окружили* насъ, позади ихъ показались полицейскіе *чины, господинъ* въ штатскомъ и, наконецъ, баронъ Гейкингъ.

Увидѣвъ у меня въ рукахъ револьверъ, послѣдній закричалъ со страхомъ: „обезоружьте, обезоружьте его!“

Впослѣдствіи я старался объяснить себѣ, какимъ образомъ я догадался объ угрожавшей намъ опасности, когда никто другой изъ присутствовавшихъ не видѣлъ ея, и нашелъ этому такое объясненіе. Разсказы Олимпа Стефановича въ сильной степени возбудили мои нервы; но въ особенности увеличило ихъ воспріимчивость его сообщеніе о собравшемся въ сельскомъ правленіи народѣ и о фразѣ возчика, что будутъ кого-то вязать. Поэтому, какъ Гейкингъ ни старался безъ малѣйшаго шума оцѣпить весь домъ, я, повидимому, все же уловилъ отдаленный шорохъ многочисленныхъ шаговъ.

Предвидя возможность вооруженнаго сопротивленія съ нашей стороны, баронъ нарочно нагналъ массу крестьянъ, наполнивъ ими гостиную и смежныя комнаты, въ томъ разсчетѣ, что мы едва ли рѣшимся стрѣлять въ людей, ради которыхъ мы готовы были жертвовать жизнью. Обезоруживъ и обыскавъ всѣхъ, насъ четырехъ развели по разнымъ комнатамъ, гдѣ оставили подъ охраной значительнаго числа крестьянъ; затѣмъ стали обыскивать весь домъ снизу до верху, и хотя у Полетики имѣлись нѣкоторыя запрещенныя изданія, ихъ все же не нашли.

Все это тянулось безконечно долго, а меня между тѣмъ мучилъ вопросъ, какимъ образомъ жандармы узнали, гдѣ мы со Стефановичемъ находимся? Объ этомъ знали лишь меньшой братъ Стефановича и Бохановскій, но никто изъ нихъ не могъ, конечно, сообщить этого полиціи. Ломая голову надъ разрѣшеніемъ этой мучительной загадки, я быстрыми шагами бѣгалъ изъ угла въ уголъ и спрашивалъ себя: „но кто же, кто выдалъ насъ?“

Наконецъ, поздно ночью, каждаго изъ насъ стали по одиночкѣ приводить на допросъ въ гостиную, гдѣ для этого расположились баронъ Гейкингъ и товарищъ прокурора. При обыскѣ у меня отобрали фальшивый паспортъ на имя дворянина Таврической губерніи Евгенія Александровича Сонина. По-

этому, на вопросъ, кто я? — я назвался этимъ именемъ. Затѣмъ, товарищъ прокурора спросилъ, знаю ли я бывшаго студента Кіевскаго университета Малавскаго? На мой отрицательный отвѣтъ, Гейкингъ воскликнулъ: „Ну, а Бохановскаго-то вы знаете?“

— Нѣтъ, я и его не знаю.

— А у насъ имѣется его письмо къ вамъ!

Невыразимая радость охватила меня послѣ этого заявленія барона Гейкинга: оно разъяснило мнѣ, какимъ образомъ полиція открыла наше мѣстопребываніе. Въ этомъ, очевидно, играла роль простая случайность: „у Бохановскаго при арестѣ нашли приготовленное къ отправкѣ къ намъ письмо съ надписаннымъ адресомъ“, подумалъ я и почувствовалъ такое облегченіе, словно неимовѣрная тяжесть свалилась съ моихъ плечъ. Впослѣдствіи оказалось, что мое предположеніе было не совсѣмъ вѣрно.

Было далеко за полночь, когда подъ карауломъ многочисленныхъ крестьянъ меня отвели на ночлегъ въ какую-то избу. Вслѣдствіе испытанныхъ мною въ тотъ день разнообразныхъ ощущеній и волненій я долго не могъ заснуть; не спали также находившіеся тутъ же со мной караульные, вѣроятно изъ опасенія, чтобы я не убѣжалъ.

Въ тѣ времена лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ крестьяне имѣли,—да и то лишь смутное,—представленіе о политическихъ преступникахъ. Въ большинствѣ случаевъ, при арестѣ соціалистовъ, полиція усердно распространяла злостную клевету, что ею задержаны конокрады, фальшивые монетчики и т. п. Желая, поэтому, узнать, какъ караулившіе меня крестьяне объясняютъ себѣ арестъ хорошо извѣстнаго имъ помѣщика Полетики и его гостей, я спросилъ ихъ, знаютъ ли они причину этого.

— Знаемъ!—отвѣтили нѣкоторые изъ нихъ.

— Вѣрно думаете, что насъ забрали за фальшивыя деньги, *поэтому, и* перешарили весь домъ?—сказалъ я.

— *Ну, нѣтъ*, не за то! — возразилъ одинъ изъ присут-

ствовавшихъ, повидимому, игравшій роль старшаго и, какъ вскорѣ оказалось, наиболѣе развитой и смышленный.

— Такъ за что же?—допытывался я.

— Да за книжки! — воскликнулъ тотъ же крестьянинъ, и въ голосѣ его мнѣ послышалась сочувственная нота. Меня это чрезвычайно обрадовало.

— Какія же это книжки, что за нихъ арестуютъ?—продолжалъ я спрашивать, полагая, что на этотъ вопросъ получу самый сбивчивый и неопредѣленный отвѣтъ. Не трудно, поэтому, представить себѣ мое удивленіе и вмѣстѣ радость, когда крестьянинъ, игравшій роль старшаго, не только сообщилъ мнѣ названія наиболѣе распространенныхъ въ то время популярныхъ книжекъ: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Хитрую механику“, „Исторію одного крестьянина“,—но, въ отвѣтъ на дальнѣйшіе мои вопросы, сказалъ, что самъ читалъ ихъ, и знаетъ о чемъ въ нихъ говорится. Это все болѣе и болѣе заинтересовывало меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагало къ этому крестьянину. Какъ юный революціонеръ, я уже видѣлъ въ немъ нашего единомышленника и готовъ былъ дружески протянуть ему руку. Затѣмъ я попросилъ его разсказать, какъ къ нему попали эти книжки.

— А вотъ какъ,—началъ онъ, повидимому, охотно.— Приходитъ это ко мнѣ сосѣдъ и говоритъ, что былъ онъ въ селѣ Дмитровкѣ,—три версты отсюда, большое село, заводъ тамъ есть водочный,—собралось нѣсколько человѣкъ у знакомаго мужика, а одинъ пришлый заводской рабочій началъ имъ разсказывать про всякіе это непорядки да притѣсненія бѣдныхъ людей; потомъ онъ сталъ читать какія-то книжки, въ которыхъ про то же самое говорится. Всѣмъ понравились онѣ очень; заводской каждому, кто грамотный, далъ эти книжки даромъ; сосѣдъ-то мой неграмотный. Вотъ я и попросилъ его еще сходить въ Дмитровку да и для меня достать; онъ и принесъ послѣ; только прочиталъ я ихъ, вижу — какія это книжки. Такъ я вотъ что надумалъ тогда...—При этихъ словахъ у разсказчика лицо приняло такое выраженіе, какое бываетъ у нѣкоторыхъ людей, когда они сообщаютъ о совер-

шенной ими ловкой хитрой продѣлкѣ. Присутствовавшіе крестьяне, да и я также, слушали съ большимъ вниманіемъ.

— Узналъ я отъ сосѣда, какъ въ Дмитровкѣ найти этого заводского рабочаго, — продолжалъ разсказчикъ, — пошелъ туда, познакомился съ нимъ. Вижу худой такой, непохожъ на простого. Сталъ я съ нимъ про книжки эти толковать. Попросилъ его мнѣ еще другія дать. Онъ обѣщалъ принести. Сговорились, гдѣ намъ свидѣться. Попрощались, а я—къ становому: такъ и такъ, все разсказалъ ему и книжки показалъ.

Лежа на одной изъ скамеекъ, тянувшихся вдоль стѣнъ избы, я слѣдилъ за выраженіемъ лица этого крестьянина: съ него не сходила самодовольная улыбка. Финалъ его разсказа былъ для меня до того неожиданнымъ, что я даже не возмутился и, помню, только спросилъ, что было дальше, хотя заранѣе можно было объ этомъ догадаться: становой пришелъ на условленное мѣсто свиданія и арестовалъ несчастнаго пропагандиста съ поличнымъ. За это предательство мой собесѣдникъ получилъ нѣсколько рублей.

Отвернувшись затѣмъ лицомъ къ стѣнѣ, я лежалъ съ открытыми глазами до наступленія утра.

Только въ полдень насъ всѣхъ четырехъ повезли въ Кіевъ въ курьерскомъ поѣздѣ. Вмѣстѣ съ многочисленной стражей, состоявшей изъ нѣсколькихъ жандармовъ, сельскихъ десятскихъ и станового пристава, насъ помѣстили въ отдѣльномъ вагонѣ второго класса. Баронъ Гейкингъ, занимавшій мѣсто въ другомъ вагонѣ, часто заходилъ къ намъ и, усаживаясь, заводилъ длинные разговоры на всевозможныя темы, преимущественно же сообщалъ намъ семейныя новости изъ жизни эмигрантовъ, ссыльныхъ и заключенныхъ: кто женился, у кого родился ребенокъ и т. п. Хотя за истекшіе полтора года, со времени нашихъ двухъ встрѣчъ съ барономъ въ Кіевѣ, у меня на лицѣ появилась растительность, но все же я не настолько измѣнился, чтобы онъ *не могъ меня* узнать, особенно по голосу. Поэтому я ста-

рался быть какъ можно болѣе лаконичнымъ какъ во время произведеннаго въ домѣ Полетики допроса, такъ и въ пути. Благодаря этой предосторожности, баронъ Гейкингъ, несмотря на большую наблюдательность и память на лица, не узналъ меня.

Черезъ сутки съ чѣмъ-то мы прибыли въ Кіевъ, гдѣ насъ размѣстили по разнымъ полицейскимъ участкамъ. Я попалъ въ хорошо знакомую мнѣ Подольскую часть. На слѣдующій день меня съ утра повели въ канцелярію и въ теченіе многихъ часовъ, какъ мнѣ тогда казалось, безъ всякой надобности держали въ одной проходной камерѣ. Потомъ оказалось, что меня такимъ образомъ предъявляли для опознанія разнымъ лицамъ. Только черезъ нѣсколько дней меня вновь повели въ канцелярію, на этотъ разъ на допросъ.

За столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣли баронъ Гейкингъ и два товарища прокурора—Котляревскій и Васильевъ. Допросъ начался съ заявленія кого-то изъ нихъ, что на названной мною во время предыдущаго допроса улицѣ не оказалось моей квартиры: это было вполнѣ естественно, такъ какъ я далъ вымышленный адресъ, а отобранный у меня документъ вовсе не былъ прописанъ. Но я продолжалъ утверждать, что живу именно тамъ, гдѣ показалъ и предложилъ доказать это, если меня отправятъ на эту улицу: я питалъ тогда нѣкоторую надежду, что во время такой прогулки по родному городу мнѣ, быть можетъ, удастся какъ-нибудь ускользнуть отъ стражи. Котляревскій, видимо задававшій тонъ всѣмъ и всему, согласился на мое предложеніе. При этомъ онъ заявилъ, что такъ какъ изъ свидѣтелей, которымъ я былъ уже предъявленъ, меня никто не опозналъ, то я могу скоро выйти на свободу, если я, дѣйствительно, то лицо, за которое себя выдаю, и если подтвердятся всѣ мои показанія.

На мгновеніе у меня мелькнула, было, надежда, что я не буду узнанъ, такъ какъ отобранный у меня во время перваго допроса документъ, хотя и былъ фальшивый, но

прекрасно сдѣланъ. Между тѣмъ, баронъ Гейкингъ, вопреки своей привычкѣ сидѣвшій нѣкоторое время молча, вдругъ бросилъ мнѣ вопросъ:

— Нѣтъ ли у васъ родственниковъ здѣсь, въ Кіевѣ?

Отвѣтивъ ему отрицательно, я отвернулся отъ него въ сторону Котляревскаго, который разспрашивалъ меня о семейномъ и имущественномъ моемъ положеніи. Прошло еще нѣсколько минутъ, и баронъ Гейкингъ вновь прервалъ допросъ обращеніемъ ко мнѣ:

— А, скажите, не жили ли вы на Подолѣ на такой-то улицѣ?

Новое отрицаніе съ моей стороны, съ тѣмъ же поворотомъ туловища и головы. Я ясно чувствую, что баронъ Гейкингъ припоминаетъ меня и все ближе и ближе добирается до истины. Непріятное, тяжелое состояніе...

— Сколько десятинъ земли въ имѣніи вашего отца?— спрашиваетъ Котляревскій, такъ какъ я показалъ, что отецъ мой, т. е. несуществовавшій Евгеній Сонинъ, — помѣщикъ.

Я отвѣтилъ, но не успѣлъ еще перечислить, сколько въ „нашемъ“ имѣніи пахатной земли, лѣса и прочее, какъ баронъ Гейкингъ воскликнулъ:

— Да вы Дейчъ: мы съ вами два раза видѣлись!—И онъ сказалъ, когда и гдѣ именно.

Я, конечно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это.

— А вотъ сейчасъ увидимъ,—сказалъ Гейкингъ, и позвонилъ.

Появившемуся на порогѣ приставу онъ велѣлъ послать за моимъ родственникомъ-однофамильцемъ, жившимъ вблизи участка. Зная, что въ присутствіи властей этотъ родственникъ подтвердитъ заявленіе барона, я призналъ, кто я въ дѣйствительности.

Тогда, словно по командѣ, баронъ Гейкингъ и Котляревскій поднялись съ своихъ мѣстъ и на ихъ лицахъ появилось выраженіе такой радости, что я не могъ удержаться отъ замѣчанія:

— Какъ обрадовались! Вамъ уже рисуются слѣдующіе чины или крестики!

Сконфузившись отъ этихъ словъ, они вновь сѣли и начали доказывать, что за трудъ и заслуги предъ престоломъ и отечествомъ вовсе ужъ не такъ щедро награждаютъ ихъ.

— Четырнадцать лѣтъ я на службѣ, а вотъ всего лишь штабсъ-капитанъ, — заявилъ баронъ. Не помню, сколько лѣтъ своей службы насчиталъ Котляревскій, жаловавшійся на то, что онъ состоитъ лишь товарищемъ прокурора. Васильевъ же сидѣлъ все время молча, облокотившись на столъ.

Возбужденное состояніе, видимо, не прекращалось у барона. Только этимъ можно объяснить отданное имъ приставу распоряженіе обыскать меня, что тотъ и исполнилъ, хотя, какъ приведенный изъ одиночной камеры, я, конечно, не могъ имѣть при себѣ смертоноснаго оружія.

— Ну и молодецъ же баронъ,—между прочимъ, воскликнулъ Котляревскій, относя эту похвалу къ тому, какъ Гейкингъ ловко изобличилъ, кто я.

Баронъ чувствовалъ себя героемъ дня: сіяющій сидѣлъ онъ, облокотившись на спинку кресла, и потиралъ свои руки.

На предложенный мнѣ затѣмъ Котляревскимъ вопросъ о моей роли въ покушеніи на жизнь Гориновича, по поводу чего меня разыскивали съ мая 1876 г., я, въ виду заранѣе принятаго уже рѣшенія, призналъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Это признаніе вновь вызвало у допрашивавшихъ меня лицъ радость, хотя и не столь откровенно выраженную, какъ въ первый разъ. Они заторопились немедленно составить объ этомъ протоколъ, подъ которымъ предложили подписаться также приставу. Получалось такое впечатлѣніе, словно они считали, что поймали меня на словѣ и опасались, какъ бы впослѣдствіи я не отказался отъ него.

На слѣдующій день меня перевели въ тюремный замокъ.

Тамъ уже содержались Малавскій и Бохановскій,—Стефановича привели 2—3 днями позже меня. Только въ тюрьмѣ я узналъ впервые, чѣмъ вызванъ былъ арестъ Малавскаго, повлекшій за собою, какъ уже извѣстно, задержаніе Бохановскаго, а затѣмъ и насъ четверыхъ.

Выше я упомянулъ, что затѣянная нами организація быстро разросталась среди крестьянъ Чигиринскаго уѣзда, но долго она не могла оставаться незамѣченной мѣстными властями. Во многихъ волостяхъ этого уѣзда все крестьянское населеніе давно рѣзко подѣлилось на два крайне враждебныхъ лагеря: на „актовиковъ“, согласившихся на подворный раздѣлъ земли и подписавшихся подъ актами межевыхъ чиновниковъ, и „душевиковъ“, желавшихъ передѣловъ земли по „душамъ“, т. е. общиннаго владѣнія. Въ „Тайную дружину“ принимали только общинниковъ, тщательно скрывая отъ противниковъ самый фактъ существованія этой организаціи. Но отъ „актовиковъ“, слѣдившихъ за малѣйшимъ шагомъ „душевиковъ“, не могло, конечно, укрыться, что съ весны среди послѣднихъ что-то затѣялось: „актовики“ замѣчали оживленіе и возбужденіе, охватившее „общинниковъ“, они прослѣживали устраиваемыя послѣдними тайныя свиданія, сборища и пр. Узнали про все это скоро также священники и мѣстныя власти, и начались обыски и аресты, ничего, однако, неоткрывшіе. Тѣмъ не менѣе, у начальства все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе, что среди крестьянъ затѣвается что-то серьезное: стали носиться слухи о заготовляющемся общинниками оружіи—о пикахъ и копьяхъ; нѣкоторыхъ крестьянъ, не захваченныхъ при обыскахъ, болѣе нельзя было уже поймать, такъ какъ они становились „нелегальными“. Долго мѣстныя власти выбивались изо всѣхъ силъ, всячески стараясь поймать какую-нибудь нить заговора, и только въ послѣднихъ числахъ августа имъ это удалось.

Предъ нашимъ отъѣздомъ къ Полетикѣ, у Стефановича *и Бохановскаго*,—я не былъ въ то время въ Кіевѣ,—*состоялось свиданіе* съ нѣсколькими „старостами“, членами

„Тайной дружины“. Мѣстомъ для этого свиданія послужила кухня въ квартирѣ Малавскаго. Послѣдній совершенно не былъ посвященъ въ нашу затѣю и, предоставляя на короткое время въ распоряженіе Стефановича часть своей квартиры, онъ смотрѣлъ на это, какъ на незначительную товарищескую услугу. Стефановичъ заранѣе предупредилъ его о важности предстоящаго свиданія и о могущихъ быть для него, какъ хозяина квартиры, чрезвычайно серьезныхъ послѣдствіяхъ. Но Малавскій заявилъ, что на-дняхъ онъ все равно намѣревается перемѣнить квартиру.

Между тѣмъ, послѣ состоявшагося свиданія, одинъ изъ присутствовавшихъ на немъ крестьянъ, по фамиліи Приходько, на обратномъ пути домой, зашелъ въ кабакъ въ одномъ селѣ Чигиринскаго уѣзда. Подкупленный властями кабатчикъ вывѣдалъ отъ подвыпившаго посѣтителя, что онъ принадлежитъ къ Тайной дружинѣ. Прикинувшись тогда не только сочувствующимъ, но и лично готовымъ вступить въ это общество, кабатчикъ склонилъ Приходько открыть ему, къ чему стремится Тайная дружина; затѣмъ онъ произнесъ установленную присягу, послѣ чего получилъ отъ Приходько экземпляръ устава общества. Съ этимъ важнымъ документомъ въ рукахъ предатель отправился къ начальству. Не трудно представить себѣ радость и вмѣстѣ ужасъ, охватившіе властей, когда изъ прочитаннаго документа они узнали, въ чемъ состоитъ тотъ заговоръ среди крестьянъ, до котораго они долгое время тщетно добирались. Несчастный Приходько былъ, конечно, немедленно арестованъ, и, подъ угрозами тяжкихъ наказаній, во всемъ сознался. По его указанію были арестованы многіе члены Тайной дружины и посажены въ мѣстной тюрьмѣ, а нѣкоторые были привезены въ Кіевъ. Приходько же указалъ квартиру, на которой онъ видѣлся съ двумя „комиссарами“—Стефановичемъ и Бохановскимъ, фигурировавшими въ сношеніяхъ съ крестьянами, конечно, подъ вымышленными именами.

Къ несчастью, почему-то случилось такъ, что Малавскій въ условленный день не съѣхалъ съ квартиры, поэтому,

когда къ нему явились жандармы, то не только онъ самъ оказался тамъ, но еще и одна его знакомая дѣвушка. Обоихъ, конечно, арестовали. Ничего не подозрѣвая объ ихъ задержаніи, Бохановскій попалъ на устроенную въ квартирѣ Малавскаго засаду. Какъ мы уже знаемъ, онъ попытался забросить сперва ключъ отъ нашей, общей съ нимъ, квартиры; когда же ему это не удалось, сталъ измышлять способъ, какъ насъ двоихъ увѣдомить о своемъ арестѣ. Въ участкѣ, куда сперва его посадили, онъ познакомился съ сосѣдомъ, уголовнымъ арестантомъ, которому мать съ воли приносила пищу. Черезъ нее Бохановскій надумалъ отправить намъ письмо, которое арестантъ согласился передать ей, съ тѣмъ, чтобы она опустила его въ почтовый ящикъ. Какимъ образомъ оно затѣмъ попало въ руки жандармовъ, не было въ точности установлено Бохановскимъ. Когда онъ впервые отъ меня узналъ, что, вслѣдствіе этой его оплошности, насъ четверыхъ арестовали въ Талалаевкѣ, то пришелъ чуть не въ отчаяніе. Я старался успокоить его.

По прибытіи въ тюрьму я узналъ также, что наша квартира все еще не открыта полиціей, хотя энергично розыскивается ею. Состояніе наше, вслѣдствіе этого, было чрезвычайно возбужденное и тревожное. Мы ни на минуту не забывали, что, быть можетъ, въ данный моментъ квартира открыта, и огромная масса лицъ арестована. Въ этомъ отношеніи не много облегченія приносило и то обстоятельство, что у насъ вскорѣ установилась правильная конспиративная переписка съ товарищами, находившимися на волѣ, черезъ „голубя“—какъ мы звали тюремнаго надзирателя, переносившаго наши письма.

На допросахъ Котляревскій и Гейкингъ, конечно, тщетно допытывались у насъ, гдѣ находится наша квартира, чѣмъ также подтверждали получаемыя нами съ воли извѣстія, что она еще не открыта. Но все это являлось не большимъ утѣшеніемъ, такъ какъ, обходя съ ключемъ домъ за *домомъ,* полиція, въ концѣ концовъ, должна была ее найти. *Необходимо было,* поэтому, что-нибудь предпринять, чтобы

поскорѣе очистить ее. Какъ мы потомъ узнали, наши товарищи, находившіеся на волѣ, самымъ энергичнымъ образомъ старались предупредить полицію и прибѣгли для этого, между прочимъ, къ слѣдующему.

Нѣкоторые изъ нихъ—Колодкевичъ и Шефферъ—также сидѣли раньше въ кіевской тюрьмѣ, но затѣмъ были выпущены изъ нея. Во время заключенія, насколько это было возможно, они занимались пропагандой соціализма между уголовными арестантами. Нѣкоторые изъ этихъ адептовъ, отбывъ наложенныя на нихъ наказанія, также вскорѣ очутились на волѣ. Когда же изъ конспиративной переписки съ нами товарищи узнали, гдѣ находится наша квартира, то розыскавъ своихъ учениковъ—бывшихъ уголовныхъ преступниковъ, поручили имъ, какъ людямъ искуснымъ и опытнымъ въ такихъ дѣлахъ, позаботиться объ очисткѣ всего хранившагося у насъ. Тѣ немедленно принялись за дѣло и прибѣгли къ ужасному плану: въ глубокую ночь, когда всѣ спали, они подожгли какой-то сарай во дворѣ, въ расчетѣ, что сгоритъ весь домъ, со всѣмъ что находилось въ нашей запертой квартирѣ, нисколько не заботясь о томъ, что при этомъ могли оказаться жертвы. По счастію, пожарные подоспѣли во-время и не дали распространиться огню,—квартира наша осталась неповрежденной. Тогда эти же лица прибѣгли къ другому отчаянному пріему: они рѣшили просто выкрасть все хранившееся у насъ на дому. Запасшись необходимыми для этого инструментами, одинъ изъ нихъ собирался уже проникнуть черезъ окно въ одну изъ комнатъ, когда товарищъ его, замѣтивъ приближавшійся ночной патруль, подалъ условный знакъ объ угрожавшей опасности. Они пустились бѣжать, но полицейскіе одного изъ нихъ догнали и арестовали. Такимъ образомъ, и на этотъ разъ наша квартира осталась не открытой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не освобожденной отъ конспиративныхъ вещей.

Обѣ эти попытки произошли до перевода меня и Стефановича въ тюрьму. Тогда кто-то изъ насъ, для достиженія все той же цѣли, придумалъ болѣе удачный планъ. Мы

написали товарищамъ, находившимся на свободѣ, чтобы, по снятому съ дверного замка слѣпку, они поддѣлали ключъ къ нашей квартирѣ и чтобы двое товарищей—мужчина съ женщиной,—пріѣхавъ на извозчикѣ съ желѣзнодорожнаго вокзала, явились къ хозяевамъ дома и заявили имъ, что Бохановскій, на вымышленное имя котораго была снята наша квартира, — братъ пріѣхавшей дамы; затѣмъ послѣдняя должна была сказать, что „братъ“ ея остался гостить и вмѣстѣ хозяйничать у нея въ домѣ въ Кременчугѣ; она же пріѣхала съ „мужемъ“, чтобы полечиться у мѣстныхъ спеціалистовъ, а на время ихъ пребыванія въ Кіевѣ „братъ“ позволилъ имъ пользоваться его квартирой. Поселившись, такимъ образомъ, въ нашей квартирѣ, этимъ лицамъ не трудно было бы очистить ее.

Послѣ отправки письма мы долго оставались въ неизвѣстности, удалось ли товарищамъ осуществить нашъ планъ, а потому продолжали испытывать сильнѣйшую тревогу. Но вотъ, однажды, меня позвали въ контору на допросъ. Тамъ баронъ Гейкингъ и Котляревскій, съ торжествующимъ видомъ, сообщили мнѣ, что квартира наша, наконецъ, открыта; въ доказательство этого они указали, гдѣ она находится и показали взятые ими тамъ черновикъ какой-то бумаги, написанный мной, а также нѣсколько буквъ шрифта.

— Какъ видите,—заявилъ Котляревскій,—мы знаемъ, что у васъ находилась типографія, въ которой вы печатали подложный манифестъ, уставъ „Тайной дружины“ и т. п. Теперь, полагаю, вы не откажетесь дать показанія о вашей квартирѣ.

Сообщеніе это меня чрезвычайно огорчило, хотя мы и допускали, что полиція успѣетъ предупредить нашихъ товарищей. Теперь исчезла послѣдняя надежда на спасеніе многихъ лицъ отъ ареста. Отъ показаній я все же отказался, заявивъ: „если вы знаете, что было на нашей квартирѣ, то тѣмъ лучше для васъ“.

— Вотъ какъ: васъ уже успѣли предупредить?—замѣтилъ онъ.

— Радуйтесь богатымъ трофеямъ,—сказалъ я тогда, разразившись веселымъ смѣхомъ.—Обильную же жатву взяли вы: ничтожную бумажку, валявшуюся въ ватерклозетѣ, да нѣсколько поломанныхъ свинцовыхъ буквъ.

— Но откуда вы все это уже успѣли узнать?—изумился Котляревскій.—Это совершенно непонятно! Вѣдь прошло всего нѣсколько часовъ съ тѣхъ поръ, какъ ваши товарищи очистили квартиру; мы съ барономъ пріѣхали туда вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, а оттуда—прямо сюда! Удивительно! Окно изъ вашей камеры навѣрно выходитъ на улицу, и вамъ, путемъ сигналовъ, должно быть, дали знать обо всемъ.

Хитрый и, вообще, чрезвычайно сообразительный товарищъ прокурора на этотъ разъ опростоволосился: ему не приходило въ голову, что онъ самъ выдалъ мнѣ секретъ, что лишь, изъ его же словъ, я узналъ объ очисткѣ квартиры товарищами; а тогда я уже догадался, гдѣ Котляревскій съ Гейкингомъ могъ найти предъявленныя ими мнѣ вещицы, которыя оказались единственными ихъ трофеями.

Когда затѣмъ я возвратился въ камеру, то радость моя и товарищей была безпредѣльна. Но мы, оказалось, рано ликовали: черезъ день наша тюрьма начала наполняться новыми лицами,—товарищами, арестованными по дѣлу объ очисткѣ нашей квартиры. Вотъ что мы отъ нихъ узнали.

Товарищи, бывшіе на волѣ, въ точности примѣнили изложенный нами въ письмѣ къ нимъ планъ очистки нашей квартиры, и онъ вполнѣ удался. Подъ видомъ „сестры“ Бохановскаго фигурировала Юлія Крюковская, а „мужемъ“ ея былъ товарищъ, оставшійся неоткрытымъ. Хозяева дома повѣрили ихъ разсказу и пустили ихъ въ нашу квартиру. Но, ожидая съ часа на часъ прихода полиціи, товарищи заторопились: къ поселившейся молодой четѣ, подъ видомъ гостей, вскорѣ пришло нѣсколько человѣкъ, которые, уходя, уносили съ собою хранившіяся у насъ конспиративныя вещи; болѣе же тяжелыя части типографскаго станка увезли на извозчикѣ. Очистивъ, такимъ образомъ, все, пріѣзжіе „су-

пруги“ исчезли, ничего не объявивъ хозяевамъ дома. Какъ разъ послѣ этого явился агентъ тайной полиціи и сталъ справляться, не исчезли ли неизвѣстно куда какіе-нибудь жильцы изъ этого дома, оставивъ свою квартиру запертой? Хозяева заявили, что относительно одной квартиры у нихъ являются сомнѣнія, такъ какъ жильцы ея давно не возвращаются, а въ ихъ отсутствіе произошли нѣкоторыя странности. Когда же затѣмъ они указали агенту на дверь, которая вела въ нашу квартиру, онъ, всунувъ имѣвшійся у него ключъ въ замокъ, тотчасъ же убѣдился, что это именно и есть давно розыскиваемое помѣщеніе. О своемъ открытіи онъ поторопился немедленно же дать знать въ жандармское управленіе; но явившимся оттуда барону Гейкингу и Котляревскому, къ великой ихъ досадѣ, осталось лишь констатировать, что революціонерамъ удалось предупредить ихъ. Тогда, кажется, барону Гейкингу пришло на умъ, что къ дѣлу очистки нашей квартиры должны были имѣть отношеніе лица, находившіяся въ Кіевѣ подъ надзоромъ полиціи. Такихъ лицъ было тамъ человѣкъ 15—20. Всѣхъ ихъ, пригласивъ въ жандармское управленіе, предъявили хозяевамъ нашей квартиры. Послѣдніе въ Юліи Крюковской признали даму, выдавшую себя за „сестру“ Бохановскаго, Шеффера, по ошибкѣ, приняли за ея „мужа“, а на трехъ другихъ поднадзорныхъ указали, какъ на лицъ, являвшихся въ гости къ пріѣхавшимъ супругамъ. Всѣхъ оговоренныхъ тутъ же арестовали.

Въ первое время меня и Стефановича подвергли особенно строгому режиму: около дверей нашихъ камеръ поставили часовыхъ съ ружьями, съ приказаніемъ никого, кромѣ лицъ тюремной администраціи, не допускать къ намъ; насъ не водили на прогулку и даже форточки въ окнахъ заколотили, чтобы мы не могли переговариваться съ другими. Но противъ этихъ порядковъ мы немедленно начали *энергичную борьбу*. Такъ, форточки въ окнахъ мы просто *вышибли и, несмотря* на запрещенія, свободно бесѣдовали,

сидя на подоконникахъ. Зная, что намъ предстоятъ очень тяжкія наказанія и считая насъ за людей отпѣтыхъ и на все способныхъ, администрація не рѣшалась прибѣгать къ крайнимъ средствамъ и постепечно ослабляла режимъ. Шагъ за шагомъ мы, путемъ борьбы, завоевали такія льготы, какими до насъ никогда не пользовались заключенные въ кіевской тюрьмѣ.

Обыкновенно на разсвѣтѣ надзиратель съ шумомъ открывалъ мою дверь и забиралъ горѣвшую ночью въ камерѣ керосиновую лампочку. Я всегда въ этихъ случаяхъ просыпался и не могъ уже болѣе заснуть; между тѣмъ я ложился поздно спать, поэтому, вслѣдствіе недосыпанія, чувствовалъ себя разбитымъ, а нервы, и безъ того сильно разстраивающіеся отъ тюремнаго заключенія, приходили въ еще болѣе напряженное состояніе. Нѣсколько разъ просилъ я этого надзирателя забирать у меня попозже лампочку, мирно объяснивъ ему, почему для меня это важно. Но онъ, по забывчивости или по небрежности, попрежнему будилъ меня предъ разсвѣтомъ. Поэтому, будучи однажды вновь разбуженнымъ его раннимъ приходомъ, я, вскочивъ съ койки, вытолкалъ его изъ камеры.

Смотрителемъ тюрьмы былъ тогда отставной капитанъ Ковальскій,—въ сущности, не злой человѣкъ, любившій напускать на себя строгость, а также разсказывать, какъ всѣ арестанты боятся и вмѣстѣ любятъ его; поэтому, молъ, онъ безъ всякой охраны не боится одинъ заходить въ камеры самыхъ отчаянныхъ каторжанъ.

Обиженный мною надзиратель, конечно, пожаловался на меня. Вскорѣ затѣмъ ко мнѣ явился смотритель, имѣя самый свирѣпый видъ.

— Вы что это себѣ позволяете?—строго обратился онъ, не здороваясь.

Не могу объяснить, что со мною произошло тогда. Помню только, что въ глазахъ у меня помутилось и съ поднятыми вверхъ кулаками я бросился къ нему, со словами: „Знаете *ли, съ кѣмъ имѣете* дѣло?“ Скажи онъ еще какую-нибудь

рѣзкость, навѣрно разыгралась бы печальная исторія. Но опытный тюремщикъ нашелся: сдѣлавъ шагъ по направленію ко мнѣ со сложенными на груди руками, онъ сказалъ заискивающимъ тономъ:

— Знаю, что вы —Левъ Дейчъ: ну, что же, бейте меня, старика.

Раздраженіе сразу исчезло у меня.

— Не хочу васъ бить, только не оскорбляйте меня,— сказалъ я, почувствовавъ къ нему жалость.

Въ заключеніе этого инцидента онъ обѣщалъ распорядиться, чтобы впредь меня не будили, и мы мирно разстались. За восемь мѣсяцевъ моего пребыванія въ тюрьмѣ у насъ съ нимъ не было другихъ столкновеній. Вскорѣ у меня установились также самыя наилучшія отношенія съ тѣмъ самымъ надзирателемъ, котораго я вытолкалъ.

Аналогичное описанному произошло у меня столкновеніе и съ помощникомъ смотрителя, имѣвшимъ обыкновеніе, при посѣщеніи нашихъ камеръ, не снимать шапки. Послѣ указанія ему на эту дурную привычку, я обѣщалъ въ слѣдующій разъ сбросить шапку съ его головы; повидимому, онъ не захотѣлъ убѣдиться, сдержу ли я обѣщаніе, такъ какъ, при дальнѣйшихъ своихъ посѣщеніяхъ, сталъ предупредительно обнажать голову еще у порога моей камеры.

Такого рода пріемами мы не только научили тюремныхъ служащихъ вѣжливому обращенію съ нами, но держали ихъ также въ страхѣ, что впослѣдствіи оказалось для насъ очень выгоднымъ обстоятельствомъ.

Почти съ перваго же дня ареста я сталъ думать о побѣгѣ. Когда, привезенные въ Кіевъ, мы сидѣли на вокзалѣ, въ ожиданіи распредѣленія насъ четырехъ по разнымъ полицейскимъ участкамъ, мы со Стефановичемъ уже взвѣшивали, можно ли намъ бѣжать, бросившись напроломъ. При этомъ каждый изъ насъ предлагалъ другому попытать счастье; но вслѣдствіе сильнѣйшей физической усталости, а также, быть можетъ, изъ нежеланія очутиться одному безъ другого

на волѣ, ни я, ни онъ не рѣшились сдѣлать попытку. Мысль о побѣгѣ не выходила у меня изъ головы и когда меня содержали въ части. Однако, обстоятельно занялись мы осуществленіемъ плана побѣга лишь нѣсколько недѣль спустя, послѣ перевода въ тюрьму. Мы прекрасно знали, что инымъ способомъ, кромѣ побѣга, намъ никогда не очутиться на волѣ. Котляревскій сообщилъ намъ однажды, что, вслѣдствіе настоянія генералъ-губернатора, насъ, по всей вѣроятности, будутъ судить военнымъ судомъ, и въ этомъ случаѣ мнѣ, Стефановичу и Бохановскому грозитъ смертная казнь. Но, хотя въ то время у насъ не было еще никакого опредѣленнаго плана побѣга, это сообщеніе не произвело на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія Я отнесся къ нему совершенно равнодушно, потому что жизнь на каторгѣ представлялась мнѣ тогда ничуть не болѣе привлекательной, чѣмъ моментальная смерть. Но, кромѣ того, какое-то неопредѣленное ощущеніе какъ бы говорило, что мнѣ нечего бояться ни казни, ни каторги. То не была надежда на амнистію, хотя въ то время поговаривали уже о конституціи: передовой части нашего общества казалось вполнѣ послѣдовательнымъ, что правительство, пожертвовавшее тогда сотнями тысячъ молодыхъ воиновъ, для избавленія славянъ отъ турецкаго ига, и установленія у нихъ конституціоннаго строя, непремѣнно завершитъ „зданіе реформъ“, начатыхъ въ 60-хъ годахъ, дарованіемъ политическихъ учрежденій и русскому народу. Но мы, какъ бунтари-анархисты, относились вполнѣ отрицательно къ конституціи, парламентаризму, полагая, что положеніе трудящихся массъ еще болѣе ухудшится съ установленіемъ конституціонныхъ, а, слѣдовательно, буржуазныхъ порядковъ.

Оріентировавшись въ тюрьмѣ, Стефановичъ, Бохановскій и я пришли къ заключенію, что бѣжать изъ нея всѣмъ намъ невозможно иначе, какъ при содѣйствіи своего надзирателя. Но какъ заполучить такого надзирателя? Если память мнѣ не измѣняетъ, Бохановскій первый высказалъ мысль, что *кто-нибудь изъ товарищей* могъ бы поступить въ тюрьму на

службу, конечно, съ фальшивымъ паспортомъ отставного или запаснаго нижняго чина, такъ какъ въ надзиратели принимали изъ бывшихъ военно-служащихъ. Сообщивъ объ этомъ нашимъ товарищамъ на волю, мы, между прочимъ, указали на нашего пріятеля Михаила Фроленко, какъ на наиболѣе подходящаго для этого человѣка: онъ отличался необыкновенной выдержкой, спокойнымъ, ровнымъ характеромъ, обладалъ большой энергіей и выносливостью; къ тому же вполнѣ подходилъ для роли надзирателя своей солидной и вмѣстѣ простой внѣшностью.

Вскорѣ мы узнали, что товарищи на волѣ также заняты мыслью объ освобожденіи насъ изъ тюрьмы. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала нашимъ друзьямъ — Вѣрѣ Засуличъ и Маріи Калѣнкиной, находившимся въ Петербургѣ во время нашего ареста. Онѣ склонили Валеріана Осинскаго отправиться оттуда въ Кіевъ спеціально для организаціи плана побѣга и раздобыли необходимыя для сего осуществленія матеріальныя средства. Выборъ ихъ оказался какъ нельзя болѣе удаченъ, такъ какъ Осинскій внесъ въ это дѣло всю имѣвшуюся у него энергію и настойчивость. Узнавъ изъ письма о цѣли его пріѣзда въ Кіевъ, мы чрезвычайно обрадовались и, хотя не выработали еще никакого плана побѣга, считали наше намѣреніе почти вполнѣ уже обезпеченнымъ. Въ дѣйствительности же, какъ вскорѣ выяснилось, дѣло оказалось не столь легко осуществимымъ.

Прежде всего Осинскій и другіе товарищи, несмотря на всѣ хлопоты и старанія, никакъ не могли раздобыть документы бывшаго военно-служащаго. Много недѣль прошло въ тщетныхъ поискахъ и, въ концѣ концовъ, мы рѣшили, чтобы Фроленко, выразившій готовность поступить въ тюрьму на службу, попытался сдѣлать это съ фальшивымъ мѣщанскимъ паспортомъ. Какъ разъ въ то время, вслѣдствіе происходившей на Балканскомъ полуостровѣ русско-турецкой войны, многіе запасные были призваны на дѣйствительную *службу. Изъ тюрьмы*, поэтому, также уволились нѣкоторые *военно-служащіе* и на одно изъ оказавшихся, благодаря

этому, вакантныхъ мѣстъ можно было расчитывать попасть и съ мѣщанскимъ паспортомъ. Намъ удалось узнать, что пріемъ новаго служащаго зависитъ отъ завѣдывавшаго хозяйственной частью старшаго ключника Мальченко, къ которому слѣдовало обратиться, принесши, въ видѣ взятки водку, чай и сахаръ. Объ этомъ мы сообщали Осинскому, но, къ великому нашему огорченію, узнали отъ него, что Фроленко вдругъ уѣхалъ зачѣмъ-то въ Петербургъ.

Жизнь въ тюрьмѣ шла, между тѣмъ, обычнымъ чередомъ. Просыпаясь довольно поздно, мы днемъ занимались то тѣмъ, то другимъ; по вечерамъ же, послѣ повѣрки, усѣвшись на подоконникахъ, начинали перекрикиваться другъ съ другомъ черезъ форточки. На дворѣ въ эти часы подымался невѣроятный шумъ,—не безъ труда можно было разобрать что-нибудь въ этомъ хаосѣ. Но къ полуночи, когда нѣкоторые, утомившись, слѣзали съ оконъ, наступала относительная тишина и становилось возможнымъ разговаривать, не особенно сильно повышая голосъ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, сидя скрючившись на подоконникахъ, Колодкевичъ, Кибальчичъ, Малавскій, Боха-новскій и я бесѣдовали о томъ, что каждый изъ насъ сталъ бы дѣлать, очутившись вдругъ на волѣ. Наше намѣреніе бѣжать изъ тюрьмы было тогда еще очень далеко отъ осуществленія и въ благополучномъ исходѣ его не могло быть никакой увѣренности. Если къ тому же прибавить, что намъ, чигиринцамъ, угрожала смертная казнь или, въ лучшемъ случаѣ, безсрочная каторга, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что указанная тема нашей бесѣды не могла имѣть никакого практическаго значенія. Но она отъ этого не теряла для насъ своей привлекательности и была для всѣхъ чрезвычайно интересна.

Находясь въ заключеніи, каждый человѣкъ превосходно видитъ всѣ свои прежніе промахи и убѣжденъ, что въ другой разъ онъ навѣрно избѣжалъ бы ихъ. „Ну, нѣтъ! Теперь бы *я такъ не опростоволосился* бы,—я былъ бы осторожнѣе,

не сдѣлалъ бы того-то и того-то“ — говоритъ увѣреннымъ тономъ почти каждый арестованный, что, конечно, нисколько не мѣшаетъ ему, очутившись, какимъ-нибудь способомъ, на волѣ, вновь совершить, если не тѣ же самыя, то аналогичныя прежнимъ ошибки. Но уже ради одного того, чтобы въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи другихъ загладить прошлые свои промахи, заключенному чрезвычайно пріятно вслухъ помечтать о томъ, насколько теперь онъ оказался бы практичнѣе, умнѣе. То же, по всей вѣроятности, происходило въ упомянутый вечеръ у нѣкоторыхъ изъ насъ, мирно бесѣдовавшихъ за оконной рѣшеткой. Я былъ въ числѣ высказывавшихъ твердое убѣжденіе, что впредь не далъ бы скоро арестовать себя. Такое мое заявленіе, помню, вызвало у товарищей сомнѣніе.

— Интересно, что бы вы для этого предприняли?— спросилъ, не безъ нѣкоторой иронiи, „Черноморъ“, какъ мы звали Колодкевича.

— Я поѣхалъ бы сперва въ Петербургъ, а оттуда вскорѣ за границу.

Мой отвѣтъ поразилъ всѣхъ: ничего подобнаго никто изъ нихъ не предполагалъ услышать отъ меня. Дѣло въ томъ, что, въ семидесятыхъ и отчасти въ восьмидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія, среди всѣхъ вообще революціонеровъ, но въ особенности между южными бакунистами-„бунтарями“, считалось предосудительнымъ, даже будучи сильно скомпрометированнымъ и энергично розыскиваемымъ полиціей, уѣзжать за границу. Дозволялось, конечно, отправляться туда для исполненія какого-нибудь революціоннаго порученія,—чтобы напечатать что-нибудь, привезти литературу и т. п.; но на поѣздку за границу даже на время, изъза преслѣдованія правительства, многіе смотрѣли какъ на бѣгство съ поля сраженія, а, слѣдовательно, какъ на проявленіе малодушія, а то и трусости.

Столь суровое отношеніе къ такимъ поѣздкамъ сложилось благодаря всему характеру революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, и оказало огромное положительное

вліяніе на дальнѣйшій ходъ его, способствуя развитію такого большого контингента профессіональныхъ, „нелегальныхъ“ революціонеровъ, какого не было ни въ какой другой странѣ въ аналогичныя эпохи. Изъ сколько-нибудь важныхъ участниковъ нашего движенія указаннаго періода, уѣхало за границу, вслѣдствіе преслѣдованія властей, всего лишь нѣсколько человѣкъ, да и изъ нихъ большинство, спустя короткое время, вернулось нелегально обратно на родину. Число же лицъ, ставшихъ эмигрантами, было тогда совсѣмъ незначительно, и всѣхъ ихъ не трудно перечесть. Изъ лицъ, нерозысканныхъ по такъ называемому „Дѣлу о пропагандѣ въ 33-хъ губерніяхъ“, списокъ которыхъ былъ разосланъ тогдашнимъ министромъ юстиціи во всѣ полицейскія учрежденія, и составлявшихъ пятьдесятъ съ чѣмъ-то человѣкъ, преобладающій контингентъ остался въ Россіи: лишь на время иныя изъ этихъ лицъ перемѣняли мѣсто своего постояннаго жительства, революціонную свою кличку и, замѣнивъ одинъ фальшивый паспортъ другимъ, продолжали въ Россіи прежнюю свою дѣятельность. Нѣкоторымъ изъ этихъ нелегальныхъ, такъ сказать первой формаціи, удавалось скрываться, оставаясь въ Россіи же, отъ четырехъ до шести лѣтъ,—напр., Н. Буху, М. Калѣнкиной, В. Дебогорій-Мокріевичу, М. Фроленко и др. Столь продолжительное пребываніе на нелегальномъ положеніи, конечно, чрезвычайно способствовало развитію среди революціонеровъ большихъ конспиративныхъ способностей, находчивости, ловкости, словомъ—революціоннаго опыта.

Послѣ этого понятно изумленіе моихъ товарищей по заключенію: отъ меня, тогда яраго „бунтаря“, они, дѣйствительно, никакъ не могли ожидать выраженія даже вполнѣ платоническаго желанія уѣхать за границу. Всего нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, будучи на волѣ, я самъ также отрицательно относился къ лицамъ, уѣзжавшимъ за границу, и когда мои друзья убѣждали меня хотя на время оставить родину, я самымъ категорическимъ образомъ отклонялъ это предложеніе. *Несмотря* на то, что огромному большинству

арестовываемыхъ въ тѣ времена грозила каторга, въ особенности же—нелегальнымъ,—это нисколько не пугало ихъ. Зная, что, въ концѣ концовъ, арестъ неизбѣженъ, они о немъ такъ же мало безпокоились и столь же рѣдко мысленно останавливались на этомъ фатальномъ концѣ, какъ молодой и здоровый человѣкъ, вообще, мало думаетъ о смерти. Одна уже опасность, съ которой сопряжена была жизнь на нелегальномъ положеніи, и смѣлыя предпріятія бунтарей, даже независимо отъ цѣли, съ которой они затѣвались, были чрезвычайно привлекательны многимъ изъ насъ.

Но, какъ извѣстно, въ одиночномъ заключеніи каждый любитъ предаваться воспоминаніямъ и мечтамъ. Не только крупные факты изъ прошлаго, но и незначительныя обстоятельства, случайные разговоры, а то и отдѣльныя фразы, живо встаютъ тогда въ памяти, и все то, мимо чего на волѣ, бывало, проходишь, не задумываясь ни на минуту,—въ тюрьмѣ подвергается подробному анализу.

Все это испытывалъ и я, очутившись впервые въ кіевской тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, хотя тамъ оно не было полнымъ. Какъ и нѣкоторые изъ моихъ товарищей, я уже и раньше чувствовалъ неудовлетворенность пріемами нашей революціонной дѣятельности; какъ и другіе, я видѣлъ, что путемъ „частныхъ бунтовъ“ нельзя измѣнить соціальнаго строя Россіи,—о политическомъ измѣненіи ея мы, въ качествѣ анархистовъ, вовсе не заботились. Но на волѣ эта неудовлетворенность была крайне неопредѣленна и мимолетна, такъ какъ тамъ она быстро заглушалась новыми впечатлѣніями, планами и пр. Въ тюрьмѣ же мысль, свободная отъ всякихъ заботъ, все чаще возвращалась къ анализу характера нашей революціонной борьбы. Какъ вѣрный послѣдователь Бакунина, я, попрежнему, признавалъ необходимымъ „упразднить всякое государство“, „разрушить буржуазную цивилизацію“ и, вмѣсто всего этого, считалъ возможнымъ „созданіе свободныхъ, добровольно сложившихся союзовъ-общинъ въ федераціи, снизу вверхъ“. Но пропо*вѣдуемое нашимъ* учителемъ средство для осуществленія

этого идеала—народные бунты, долженствовавшіе еще болѣе усилить, будто бы, присущій русскимъ крестьянамъ „революціонный духъ“,—несмотря на мою молодость и неопытность, очень скоро, послѣ столкновенія съ дѣйствительностью, вызвало во мнѣ сомнѣніе въ его цѣлесообразности. Я, конечно, не осмѣливался громко высказывать свои сомнѣнія относительно подготовки бунтовъ въ широкихъ революціонныхъ кругахъ, но болѣе близкимъ лицамъ я говорилъ еще задолго до начала террористической дѣятельности, что наши попытки вызвать народное возстаніе ни къ чему не приведутъ, а въ отвѣтъ на вопросъ друзей, чѣмъ же, по моему, закончится наше движеніе, заявлялъ, что оно должно выродиться въ систематическую месть съ нашей стороны разнымъ правительственнымъ агентамъ за оскорбленія и преслѣдованія насъ. Допуская даже мысленно, что, при помощи санкціи царя, удалось бы вызвать возстаніе среди чигиринскихъ крестьянъ, не будь заговоръ открытъ, а мы задержаны,—во что въ послѣдніе мѣсяцы передъ нашимъ арестомъ я пересталъ уже вѣрить,—мнѣ было ясно, что власти легко подавили бы это возстаніе въ массѣ крови и никакого „усиленія революціоннаго духа“ среди оставшихся въ живыхъ крестьянъ это пораженіе не должно было вызвать. Кажется, просто и ясно. А, между тѣмъ, въ тѣ времена люди, нелишенные здраваго смысла, все же вѣрили въ цѣлесообразность народнаго возстанія. Конечно, это объясняется недостаточнымъ нашимъ развитіемъ въ политическомъ отношеніи. Съ глубокимъ прискорбіемъ мнѣ приходится констатировать, что, уже болѣе четверти вѣка тому назадъ разбитыя жизнью и теоріей, воззрѣнія, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, но въ основѣ остающіяся тѣми же, вновь находятъ себѣ у насъ горячихъ адептовъ.

Сколько я ни бился, я все же не могъ самъ найти причину очевидной безуспѣшности нашихъ бунтарскихъ пріемовъ борьбы, нашихъ анархическихъ стремленій. Выше я упомянулъ о полномъ равнодушіи, которое было присуще *тогдашнимъ революціонерамъ* къ предстоявшей имъ судьбѣ—

къ каторгѣ и смертной казни. Но, какъ бы человѣкъ ни былъ подготовленъ къ такой перспективѣ, въ немъ,—особенно, если онъ молодъ и находится въ одиночномъ заключеніи,—временами начинаетъ шевелиться чувство сожалѣнія по поводу того, что вотъ онъ долженъ разстаться съ жизнью, не только ничего почти не сдѣлавши, но и мало что узнавши и испытавши за короткій свой вѣкъ. Въ душѣ его одновременно уживаются два противоположныя чувства: полная готовность разстаться съ жизнью и сожалѣніе о томъ, что онъ мало прожилъ на бѣломъ свѣтѣ.

Находясь въ преддверіи, если не смертной казни, то, во всякомъ случаѣ, каторжныхъ работъ, изъ которыхъ тогда никто не расчитывалъ выйти на волю, и вспоминая все прошлое, у меня возникла мысль о поѣздкѣ за границу: тамъ, казалось мнѣ, я могъ бы увидѣть и узнать много новаго, а, можетъ быть, нашелъ бы также отвѣтъ и на мучившія меня сомнѣнія относительно бунтарства.

Не помню, что сказали товарищи по заключенію по поводу такого моего желанія. Вѣроятно кто-нибудь продекламировалъ: „мечты, мечты, гдѣ ваша сладость“ и т. д. А затѣмъ, попрощавшись, всѣ спустились съ подоконниковъ въ камеры, и на слѣдующій день уже забыли объ этой, какъ и о безконечномъ числѣ другихъ, аналогичныхъ и не менѣе интересныхъ, бесѣдахъ. Кромѣ меня, этого разговора несомнѣнно не забыло еще одно лицо, присутствія котораго мы не подозрѣвали, хотя и могли бы предположить. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ этотъ тайный свидѣтель построекъ нами воздушныхъ замковъ чуть было не погубилъ меня. Напомню, что троихъ изъ названныхъ мною товарищей—Кибальчича, Колодкевича и Малавскаго, совсѣмъ не ожидавшихъ тогда очутиться вскорѣ на каторгѣ,—давно уже нѣтъ въ живыхъ: какъ извѣстно, Кибальчичъ казненъ по дѣлу 1-го марта 1881 г., а Колодкевичъ и Малавскій погибли въ *казематахъ* Алексѣевскаго равелина...

Дознаніе по дѣлу о „Тайной дружинѣ“ довольно быстро подвигалось впередъ, хотя мы трое—я, Бохановскій и Стефановичъ,—отказались давать какія-либо показанія. Но крестьяне, подъ давленіемъ барона Гейкинга и Котляревскаго, разсказывали все, что знали и уличали каждаго изъ насъ. Благодаря этому, лица, производившія дознаніе, почти все раскрыли, и картина затѣяннаго нами заговора предстала въ полномъ свѣтѣ. Имъ остались неизвѣстными лишь нѣкоторыя детали, напр., кто изъ насъ троихъ написалъ царскую грамоту, уставъ Тайной дружины и пр. Между прочимъ Котляревскій находилъ, что грамота написана мастерски и выражалъ свое изумленіе по поводу обнаруженнаго ея авторомъ „глубокаго знанія народнаго характера“, а также—знакомства съ русской исторіей и со слогомъ правительственныхъ документовъ.

Необходимо было торопиться съ устройствомъ побѣга. Но единственнымъ способомъ для этого представлялась намъ возможность располагать помощью надзирателя. Такъ какъ поступленіе на службу Фроленко все затягивалось, то я рѣшилъ попытаться, не удастся ли склонить на нашу сторону надзирателя, служившаго на нашемъ коридорѣ,—того самаго, котораго я вытолкнулъ изъ своей камеры. Хотя и бывшій жандармскій унтеръ-офицеръ, онъ оказался очень податливымъ малымъ. Я часто вступалъ съ нимъ въ бесѣды, и вскорѣ онъ внушилъ мнѣ и другимъ товарищамъ такое къ себѣ довѣріе, что я рѣшилъ открыть ему о нашемъ намѣреніи бѣжать изъ тюрьмы и предложилъ ему, конечно, за болѣе или менѣе значительную плату, если не ошибаюсь, за 1000 руб., оказать намъ въ этомъ содѣйствіе. Онъ охотно согласился. Тогда мы дали ему письмо къ Осинскому, съ которымъ ему нужно было переговорить о планѣ побѣга и о времени уплаты ему условленной суммы. Нѣсколько разъ видѣлся онъ съ Осинскимъ на квартирѣ послѣдняго, приносилъ намъ отъ него и ему отъ насъ письма. Переговоры шли успѣшно, и дѣло, повидимому, шло на ладъ. Представлялось лишь нѣкоторое затрудненіе, какъ присоединить

ко мнѣ и Бохановскому, находившимся подъ вѣдѣніемъ этого надзирателя, также еще и Стефановича, помѣщавшагося на другомъ коридорѣ, гдѣ былъ, конечно, другой надзиратель.

Въ это именно время, помню, произошелъ слѣдующій, изъ ряду выходящій, случай.

На женскомъ отдѣленіи, занимавшемъ лишь одинъ нижній коридоръ (на другихъ, верхнихъ, этажахъ помѣщались мужчины), въ числѣ привлеченныхъ по нашему дѣлу находилась молодая дѣвушка—А. К—ина. Скромная, довольно симпатичная, но малообразованная, она лишь по случайному стеченію обстоятельствъ прицѣплена была къ Чигиринскому дѣлу. Будучи невѣстой одного изъ нашихъ близкихъ пріятелей, тогда успѣвшаго скрыться, но вскорѣ затѣмъ казненнаго, А. К—ина, какъ потомъ оказалось, попала въ тюрьму, находясь въ первыхъ мѣсяцахъ беременности. Вслѣдствіе вполнѣ понятнаго, хотя и ложнаго стыда, она тщательно и вполнѣ успѣшно скрывала отъ всѣхъ свое положеніе: никому не открылась она, даже когда почувствовала уже наступившіе роды. Одна съ своей тайной оставалась она въ одиночной камерѣ, дѣлая, въ теченіе многихъ часовъ, надъ собою страшныя усилія, чтобы не обнаруживать мучительной боли. Въ глубокую полночь раздался, наконецъ, крикъ новорожденнаго. Съ любовью и вмѣстѣ со страхомъ молодая мать схватываетъ его, но онъ оказывается мертвымъ. Соблюдая чрезвычайныя предосторожности, чтобы не быть замѣченной сквозь находившееся въ дверяхъ окошечко и преодолѣвая боль и усталость, роженица сама убрала кругомъ всѣ слѣды происшедшаго,—обмыла повсюду кровь и, завернувъ въ тряпки мертваго младенца, спрятала его, намѣреваясь утромъ незамѣтно скрыть его гдѣ-нибудь во дворѣ. Но когда, окончивъ все, А. К—ина въ полномъ изнеможеніи опустилась, наконецъ, на свою койку, она вдругъ услышала раздавшійся надъ ея головой мужской голосъ. Поднявъ вверхъ глаза, А. К—ина, къ невыразимому своему ужасу, увидѣла, сквозь пробитое въ потолкѣ отверстіе, чью-то торчавшую внизъ голову.

— Кто вы?—вскрикнула она, вскочивъ съ постели.

— Я—уголовный, помѣщаюсь надъ вами. Я давно наблюдаю за вами,—видѣлъ и слышалъ все.

— Но что вамъ нужно? Зачѣмъ вы здѣсь?—спросила А. К—ина, дрожа отъ страха.

— Я надумалъ бѣжать,—меня обвиняютъ въ убійствѣ,—и рѣшилъ сдѣлать это черезъ вашу камеру: изъ нея, взломавъ печку, могу выйти на коридоръ, оттуда, убравъ вашу надзирательницу, мнѣ уже не трудно будетъ выбраться за тюремную ограду. Лишь только я продѣлалъ въ потолкѣ это отверстіе, какъ услышалъ крикъ вашего ребенка, затѣмъ я сталъ наблюдать, что будетъ дальше. Я вижу, что вы смѣлая дѣвушка,—вы мнѣ нравитесь. Я хочу, чтобы вы убѣжали со мною. Если вы не согласны, я донесу, что видѣлъ, какъ вы задушили своего ребенка.

А. К—ина поняла весь ужасъ своего положенія: бѣжать съ тяжкимъ уголовнымъ арестантомъ, который, повидимому, ни передъ чѣмъ не остановится, значило цѣликомъ отдать себя ему. Съ другой стороны, рѣзкій категорическій отказъ могъ повлечь за собою не только открытіе ея тайны, но и возбужденіе противъ нея уголовнаго преслѣдованія за убійство своего ребенка: какъ докажетъ она, что не задушила его? Стыдъ, ужасъ и отвращеніе охватили ее одновременно. Несмотря на полное физическое истощеніе, А. К—ина все же скоро собралась съ мыслями и нашла выходъ изъ своего отчаяннаго положенія: она сдѣлала видъ, что охотно принимаетъ предложеніе столь энергичнаго претендента на ея руку и просила лишь отложить время осуществленія совмѣстнаго побѣга, пока она немного оправится отъ родовъ. Вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, онъ удалился въ свою камеру, вновь задѣлавъ пробитое въ потолкѣ отверстіе.

Это необыкновенное происшествіе заставило А. К—ину открыть намъ все случившееся съ нею въ ту страшную для нея ночь. Сообщая подробно въ конспиративномъ письмѣ все *вышеизложенное* одному изъ товарищей, съ которымъ

она была наиболѣе дружна, она просила совѣта, какъ ей выйти изъ страшной для нея зависимости отъ совершенно неожиданнаго свидѣтеля ея несчастныхъ родовъ. Этотъ товарищъ, съ ея согласія, подѣлился содержаніемъ ея письма съ нѣкоторыми изъ насъ. Подробно взвѣсивъ всѣ обстоятельства, мы рѣшили отправить одного товарища къ уголовному арестанту съ требованіемъ отъ всѣхъ насъ, политическихъ, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ А. К—ину, грозя, въ противномъ случаѣ, сообщить о его домогательствахъ арестантской артели, чтобы она съ нимъ расправилась,—уголовные всегда стояли за насъ горой. Такого оборота никакъ не ожидалъ поклонникъ А. К—иной: онъ предполагалъ, что изъ-за стыда она не рѣшится посвятить насъ въ свою тайну. Поэтому, послѣ заявленія нашего парламентера, онъ отказался отъ своего плана и попросилъ начальство перевести его на другой коридоръ. Мертваго младенца А. К—иной удалось скрыть, и ужасное событіе это, кромѣ немногихъ изъ насъ и того уголовнаго, осталось неизвѣстнымъ ни властямъ, ни остальнымъ заключеннымъ.

Описанная мною попытка уголовнаго пробраться черезъ женскій коридоръ навела насъ на мысль, что и Стефановичъ, помѣщавшійся въ той же части тюрьмы, могъ бы аналогичнымъ образомъ убѣжать, не прибѣгая, однако, къ убійству надзирательницы или кого-нибудь изъ часовыхъ. Но когда, разработавъ планъ побѣга насъ троихъ, мы окончательно поставили подговоренному мною надзирателю требованіе помочь намъ, онъ, повидимому, струсивъ, взялъ расчетъ и внезапно уволился.

Мы были чуть не въ полномъ отчаяніи, не зная, что далѣе предпринять, когда, однажды, проходя по коридору и взглянувъ въ окно, я вдругъ увидѣлъ на черномъ смотрительскомъ дворѣ, помѣщавшемся за тюремной оградой, М. Фроленко съ охапкой дровъ въ рукахъ,—ему, слѣдовательно, *удалось, наконецъ*, попасть въ число служащихъ. Я поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ Боховскимъ и

Стефановичемъ, и мы рѣшили никого, кромѣ самыхъ близкихъ и лично знающихъ Фроленко политическихъ заключенныхъ, не посвящать въ то, что онъ состоитъ тюремнымъ сторожемъ.

Но, состоя въ этой должности, онъ не могъ оказать намъ рѣшительно никакой пользы, такъ какъ его обязанности лежали внѣ тюремной ограды. Не помню въ точности, сколько времени онъ оставался сторожемъ: полагаю, около мѣсяца. Затѣмъ, когда открылась вакансія, его произвели въ такъ называемые коридорные часовые, что произошло не безъ соотвѣтственнаго угощенія старшаго надзирателя Мильченко. На обязанности наемныхъ часовыхъ было слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ камерахъ, а также замѣнять надзирателя въ его отсутствіе.

Помню неимовѣрную нашу радость, когда мы увидѣли М. Фроленко, съ шашкой на боку, побрякивавшаго ключами. Что-то въ высшей степени странное и, вмѣстѣ, чрезвычайно пріятное, было въ этомъ: нашъ товарищъ, страшно скомпрометированный и болѣе трехъ лѣтъ энергично розыскиваемый полиціей, въ многолюдномъ городѣ, гдѣ его знала масса лицъ, исполняетъ обязанности тюремнаго ключника въ коридорѣ, на которомъ помѣщаются его близкіе товарищи, сочлены одной организаціи! Это казалось сномъ, сказкой. А между тѣмъ, на наше требованіе открыть камеру, появлялся дорогой намъ товарищъ. Мы, конечно, вели себя чрезвычайно осторожно, ничѣмъ рѣшительно не обнаруживая не только близости, но и знакомства съ новымъ часовымъ. Но, иногда, улучивъ моментъ, когда насъ никто не могъ услышать, мы перекидывались съ нимъ нѣсколькими словами.

Теперь, съ переводомъ Фроленко въ коридорные часовые, мы были нѣсколько ближе къ нашей цѣли, но, и состоя въ новой должности, онъ не могъ оказать намъ существенной пользы въ отношеніи побѣга: для послѣдняго онъ долженъ былъ еще выше подняться по іерархической лѣстницѣ,—*ему необходимо* было сдѣлаться ключникомъ, что

оказалось далеко не легкой задачей, хотя онъ и былъ образцовымъ часовымъ и на лучшемъ счету у начальства. Фроленко, дѣйствительно, былъ безукоризненнымъ тюремнымъ служащимъ, — исполнительнымъ, аккуратнымъ, трезвымъ. Желая еще болѣе высоко поднять его въ глазахъ смотрителя, мы предложили ему сдѣлать доносъ на кого-нибудь изъ насъ, что онъ также мастерскимъ образомъ исполнилъ.

Какъ я уже выше упоминалъ, благодаря воинственному поведенію, мы пріобрѣли много льготъ въ тюрьмѣ. Въ этомъ отношеніи намъ, въ значительной степени, помогло также революціонное движеніе, происходившее въ то время въ Россіи.

Зима 1877—78 годовъ отличалась особеннымъ для того періода оживленіемъ, вызваннымъ какъ русско-турецкой войной, такъ и происходившимъ въ Петербургѣ небывалымъ политическимъ процессомъ, по которому было привлечено нѣсколько сотъ лицъ, и на скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 193 человѣка. Тогда же состоялось извѣстное покушеніе Вѣры Засуличъ на петербургскаго градоначальника Трепова, окончившееся ея оправданіемъ.

Отчасти подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ революціонеры впервые тогда начали примѣнять насильственные акты по отношенію нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Такъ, зимой указаннаго года, совершено было въ Кіевѣ покушеніе на Котляревскаго, мотивировавшееся въ выпущенной прокламаціи тѣмъ, что по его распоряженію и въ его присутствіи, подвергли позорному обыску двухъ политическихъ дѣвушекъ, арестованныхъ по нашему процессу, что не соотвѣтствовало дѣйствительности. Аналогичные террористическіе акты произошли и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ и вызвали не малую панику среди разныхъ должностныхъ лицъ. Помню, между прочимъ, слѣдующее.

Однажды, нашъ смотритель Ковальскій обратился къ Стефановичу, пользовавшемуся большимъ престижемъ въ глазахъ всей администраціи, съ просьбой выдать ему пись-

менное удостовѣреніе въ томъ, что онъ не обращается съ нами дурно.

— Ваши товарищи на волѣ,—сказалъ онъ при этомъ,—думаютъ, можетъ быть, что я плохо обхожусь съ вами, а мнѣ приходится иногда поздно домой возвращаться, — вотъ они и могутъ со мною расправиться. Когда же у меня будетъ такая бумажка, я, чуть-что, сейчасъ и покажу ее.

Стефановичъ охотно исполнилъ желаніе напуганнаго старика, выдавъ ему просимое имъ „удостовѣреніе".

Послѣ этого, наши вольности, конечно, еще болѣе возросли. Наконецъ, дошло до жандармскаго управленія, что въ тюрьмѣ не только среди политическихъ, но и уголовныхъ свободно циркулируютъ запрещенныя изданія. Смотрителю предписано было положить конецъ этому и перехватить существовавшія у насъ съ волей конспиративныя сношенія. Онъ приказалъ всѣмъ служащимъ внимательно слѣдить по ночамъ, не пишетъ ли кто-нибудь изъ насъ и немедленно донести ему объ этомъ.

Когда Фроленко сообщилъ намъ объ этомъ распоряженіи, мы предложили ему въ одно изъ ближайшихъ его дежурствъ ночью донести смотрителю, что Стефановичъ таинственно пишетъ что-то въ своей камерѣ. Но разбуженный имъ по этому поводу начальникъ тюрьмы, узнавъ, что пишетъ Стефановичъ, не рѣшился отправиться къ нему съ обыскомъ. Тѣмъ не менѣе, репутація Фроленко вслѣдствіе этого еще болѣе поднялась.

Но вакантнаго мѣста тюремнаго ключника долго не открывалось. Чтобы добиться этого, мы начали всячески преслѣдовать и донимать бывшаго на нашемъ коридорѣ надзирателя. Долговязый и ограниченный дѣтина, по фамиліи Пономаревъ, съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ всѣ наши несправедливыя преслѣдованія, громко произнося лишь: „Христосъ страдалъ, и я буду страдать!" Видя, что такимъ путемъ нельзя добиться его увольненія, мы надумали соблазнить его болѣе выгодной службой. Изъ разговоровъ съ нимъ намъ было извѣстно, что когда-то онъ слу-

жилъ приказчикомъ въ деревнѣ у одной помѣщицы. Подробно разспросивъ его объ этомъ, мы написали Осинскому, чтобы кто-нибудь, поселившись въ гостиницѣ въ качествѣ помѣщика, ирислалъ за Пономаревымъ и, сославшись на рекомендацію, полученную о немъ отъ прежней его хозяйки, предложилъ ему у себя болѣе легкую, чѣмъ его тюремная, службу и съ лучшимъ окладомъ. Пономаревъ, преслѣдуемый нами, а также и начальствомъ, вслѣдствіе нашихъ жалобъ, обѣими руками ухватился за новое предложеніе и, получивъ впередъ отъ мнимаго помѣщика, роль котораго сыгралъ Дебогорій-Мокріевичъ, значительный задатокъ, немедленно уволился со службы и отдалъ новому хозяину свои документы. Такимъ образомъ, сдѣлалась вакантной должность ключника на нашемъ коридорѣ, на который къ этому времени и Стефановичу удалось переселиться. Съ нимъ смотритель счелъ нужнымъ предварительно посовѣтоваться о намѣченномъ имъ кандидатѣ.

— Мнѣ хочется назначить такого-то, — сказалъ смотритель, зашедши, однажды, къ Стефановичу и указалъ на Фроленко.

Стефановичъ, конечно, готовъ былъ подскочить до потолка отъ радости, услышавъ о такомъ намѣреніи смотрителя. Но, сдѣлавъ недовольную гримасу, онъ сказалъ: „кажется, онъ наушникъ, — любитъ подсматривать и доносить; впрочемъ, какъ знаете“. Этого отвѣта было достаточно, и Фроленко сталъ надзирателемъ.

Мы теперь были близки къ осуществленію нашей завѣтной мысли. Кромѣ отпиранія днемъ дверей въ камерахъ, ключники поочередно дежурили ночью по всей тюрьмѣ: они обязаны были обходить всѣ коридоры; по ихъ указанію военный караулъ впускалъ въ тюрьму и выпускалъ изъ нея служащихъ. Планъ нашего побѣга состоялъ въ томъ, что, въ свое дежурство по тюрьмѣ, Фроленко выведетъ насъ изъ тюрьмы подъ видомъ коридорныхъ часовыхъ. Но прежде всего нужно было придумать способъ, какъ намъ выйти изъ камеръ на коридоръ, не будучи никѣмъ замѣченными и не

теряя на это много времени. Для этого необходимо было какъ-нибудь отвлечь нашего коридорнаго часового, а также сократить число замковъ, которые приходилось отпирать, такъ какъ я, Бохановскій и Стефановичъ помѣщались въ трехъ различныхъ камерахъ.

Къ этому времени предварительное слѣдствіе по нашему дѣлу закончилось, о чемъ и сообщилъ намъ однажды весной прокуроръ окружнаго суда. Тогда же я обратился къ нему съ предложеніемъ разрѣшить мнѣ поселиться со Стефановичемъ въ одной камерѣ. Мотивировалъ я свою просьбу тѣмъ, что, разъ слѣдствіе закончилось, — то интересы правосудія ничего не потеряютъ отъ нашей совмѣстной жизни; къ тому же я указалъ на извѣстный ему фактъ и безъ того существовавшихъ сношеній между нами, слѣдовательно, на полную возможность сговориться о чемъ угодно. „Такимъ образомъ, — сказалъ я, — одиночное заключеніе является совершенно излишней формальностью, ничѣмъ неоправдываемымъ ухудшеніемъ положенія арестованнаго".

Прокуроръ согласился съ этими доводами, замѣтивъ только, что онъ не знаетъ характера постройки тюрьмы.

— Можетъ быть совмѣстная жизнь въ одной камерѣ, — сказалъ онъ,—дастъ вамъ обоимъ возможность убѣжать.

— Если имѣется возможность бѣжать двоимъ,—отвѣтилъ я, — то она существуетъ и для одного. Повѣрьте, что въ этомъ случаѣ кто-нибудь изъ насъ уже воспользовался бы ею.

Онъ тогда обѣщалъ посовѣтоваться объ этомъ со смотрителемъ. Встрѣтивъ послѣдняго на обратномъ пути, я сообщилъ ему о причинахъ колебанія прокурора.

— Какъ видите, прокуроръ опасается, чтобы мы, благодаря этому, не убѣжали изъ вашей тюрьмы,—сказалъ я съ усмѣшкой, дѣйствуя такимъ образомъ на психологію смотрителя.

— Онъ ничего не понимаетъ въ тюремныхъ порядкахъ, введенныхъ мною,—сказалъ старикъ съ гордостью,—я пятнадцать лѣтъ здѣсь смотрителемъ, и у меня еще не было

ни одного побѣга, — вы тоже не убѣжите отсюда. Вотъ я скажу прокурору, и онъ разрѣшитъ помѣстить васъ вмѣстѣ.

Бѣдный старикъ! Ему скоро пришлось убѣдиться, что его самоувѣренность была чрезмѣрна. Въ тотъ же день Стефановичъ былъ переведенъ по нашему желанію въ мою камеру, рядомъ съ которой сидѣлъ Бохановскій, что имѣло для насъ нѣкоторое значеніе, въ виду побѣга. Значительно сложнѣе оказалась задача удаленія коридорнаго часового, такъ какъ мы твердо рѣшили, при выполненіи нашего намѣренія, не прибѣгать къ насилію надъ кѣмъ-нибудь изъ тюремныхъ служащихъ: мы не хотѣли купить себѣ свободу цѣною чужой жизни, — въ этомъ пунктѣ мы всѣ сразу сошлись. Мы рѣшили, поэтому, только усыпить нашего коридорнаго часового, для чего Фроленко долженъ былъ въ нужное время угостить его порядочнымъ количествомъ водки съ хлоралъ-гидратомъ.

Наступилъ, наконецъ, столь давно ожидаемый нами вечеръ. Это было въ двадцатыхъ числахъ мая 1878 г. Часы тянулись безконечно долго. Состояніе наше было чрезвычайно напряженное. Удастся ли нашъ планъ? Все ли мы предвидѣли? Сотни совершенно неожиданныхъ случайностей могутъ помѣшать осуществленію нашего намѣренія. Но вотъ слышенъ разговоръ вдали на коридорѣ: это пришелъ дежурный ключникъ Фроленко, онъ угощаетъ часового водкой. Голоса замолкли,—Фроленко, значитъ, удалился. Теперь часовой, оставшись одинъ, долженъ скоро заснуть. Мы не отходимъ отъ дверей, прислушиваясь, приложивъ къ ней уши. Но что за странность: опять раздаются голоса! Кто бы это могъ быть? Вѣроятно, пришелъ часовой съ другого коридора отъ скуки покалякать съ нашимъ. Вновь слышенъ голосъ Фроленко; затѣмъ опять тишина. Ну, теперь навѣрно уже уснулъ часовой. Напряженность нашего состоянія доходитъ до высшей степени. Наконецъ, раздаются шаги на коридорѣ: „это Фроленко идетъ отпирать наши камеры“—думаемъ мы.

„Скорѣй, скорѣй!“—хочется закричать ему. Мы заглядываемъ въ продѣланное въ дверяхъ окошечко и, о ужасъ! То, оказывается, нашъ часовой! Онъ не только не спитъ, но, прохаживаясь, напѣваетъ пѣсенку! Горькій пьяница, онъ отъ выпитаго количества алкоголя пришелъ лишь въ веселое настроеніе!

Что теперь дѣлать? Все пропало: не только въ эту ночь намъ нельзя уже бѣжать, но и вообще приходилось отказаться отъ нашей надежды на спасеніе. Дѣло въ томъ, что окончившаяся русско-турецкая кампанія, кромѣ массы убитыхъ и изувѣченныхъ на поляхъ сраженія, принесла еще, вмѣстѣ съ возвратившимися съ театра войны войсками, разныя эпидемическія болѣзни. Одна изъ нихъ — брюшной тифъ—занесена была и въ нашу тюрьму. Здѣсь она нашла благопріятную почву для распространенія: заключенные уголовные заболѣвали массами, и многіе изъ нихъ умерли; скончалось также нѣсколько крестьянъ, арестованныхъ по нашему Чигиринскому дѣлу. Заволновалось начальство и для борьбы съ эпидеміей надумало всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмѣ перевести въ разныя казармы кіевской крѣпости. Это рѣшеніе быстро стали осуществлять: коридоръ за коридоромъ очищался отъ заключенныхъ,—со дня на день очередь должна была дойти и до насъ, политическихъ. Тогда—прощай мысль о побѣгѣ, о свободѣ и жизни!

Легко представить себѣ, поэтому, наше отчаяніе, когда мы убѣдились, что планъ нашъ, столь долго лелѣянный, не удался. Мы про себя и вслухъ другъ предъ другомъ посылали проклятія по адресу нашего коридорнаго часового: „надо же ему, такому-сякому, до того привыкнуть къ водкѣ! Чего бы лучше, п....., лечь и соснуть на скамейкѣ!“

Сколько, однако, мы ни извергали ругательствъ, горе наше отъ этого ничуть, конечно, не облегчалось. Оставалась еще слабая надежда на то, что, авось, ко дню слѣдующаго дежурства Фроленко насъ еще не переведутъ въ крѣпость. Но все же являлась неразрѣшимой задача, что предпринять намъ, чтобы нашъ часовой не бодрствовалъ? Сколько мы

ни напрягали мысли, ничего другого, кромѣ большей, чѣмъ прежде, дозы водки съ хлоралъ-гидратомъ, не могли мы придумать, хотя заранѣе допускали, что и на этотъ разъ эффектъ можетъ оказаться тотъ же, а, пожалуй, еще худшій, если часового стошнитъ, и онъ пойметъ, что дежурный ключникъ его спаиваетъ съ какой-нибудь цѣлью.

Когда чрезъ нѣсколько дней вновь наступило дежурство Фроленко, только два коридора, считая уже въ томъ числѣ и наше политическое отдѣленіе, не были еще переведены въ крѣпость. Отъ предстоявшей ночи, такимъ образомъ, зависѣла наша участь, а мы все же не придумали никакого новаго способа для устраненія часового. Предъ вечерней повѣркой, прежде чѣмъ запереть насъ на ночь въ камерахъ,— днемъ мы пользовались правомъ свободно расхаживать по коридорамъ,— Фроленко позвалъ насъ троихъ въ кладовку, подъ предлогомъ выбрать себѣ новую смѣну казеннаго бѣлья. Тамъ онъ намъ сообщилъ, что намѣренъ ночью зазвать туда же часового и вновь угостить его смѣсью, предполагая, что въ этомъ изолированномъ помѣщеніи нашъ алкоголикъ можетъ заснуть.

— А если не заснетъ, тогда что?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Но что же дѣлать?—въ свою очередь задалъ вопросъ Фроленко.

Вдругъ, совершенно неожиданно, мнѣ явилась мысль отвлечь часового, прибѣгнувъ къ небольшой хитрости. Наскоро, торопясь, такъ какъ въ распоряженіи Фроленко было всего нѣсколько минутъ, и намъ, поэтому, нужно было скорѣе порѣшить на чемъ-нибудь,—я изложилъ имъ свой планъ, который всѣми былъ вполнѣ одобренъ и принятъ.

Вновь наступило мучительное томленіе, въ ожиданіи предстоявшаго важнаго акта; вновь — нетерпѣливое посматриваніе на часовую стрѣлку. „Что принесетъ намъ эта ночь,—свободу или каторгу, а то и смерть?“—такія мысли

мелькали въ головѣ. Кто не былъ въ аналогичныхъ положеніяхъ, едва ли пойметъ наши ощущенія.

Но вотъ вдали раздался стукъ дверью; затѣмъ послышался знакомый голосъ и шаги.

— Часовой!—закричалъ Стефановичъ.

— Чего вамъ?—отвѣтилъ Фроленко, приблизившійся въ это время къ нашей камерѣ.

— Я обронилъ въ окно книгу; она во дворъ упала, надо ее поднять.

Согласно моему предложенію, Фроленко приказалъ часовому пойти за книгой, а самъ остался вмѣсто него на коридорѣ. Когда дверь за ушедшимъ затворилась, Фроленко, успѣвшій въ это время принести изъ кладовки спрятанную имъ тамъ для одного изъ насъ казенную шашку, наскоро отперъ камеру, въ которой сидѣлъ Бохановскій, и, передавъ ему ключъ, быстро направился къ выходу, чтобы предупредить внезапный приходъ кого-нибудь изъ начальства, часового изъ сосѣдняго коридора или ушедшаго за книгой часового. Бохановскій же, затворивъ на ключъ свою камеру, открылъ затѣмъ нашу и, когда мы изъ нея вышли, заперъ также и ее. Передъ уходомъ я и Стефановичъ сдѣлали на своихъ койкахъ чучела и прикрутили лампочку настолько, чтобы едва можно было различить предметы въ камерѣ.

На ногахъ у насъ у всѣхъ были ботфорты, такъ какъ, въ качествѣ часовыхъ, которыхъ мы должны были изображать, намъ предстояло пройти мимо военнаго караула тяжелой походкой. Но, раньше этого, тотчасъ по выходѣ изъ камеръ, мы должны были пройти по примыкавшему къ нашему политическому отдѣленію длинному коридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были общія камеры. Необычный въ это ночное время отдаленный шумъ, вызванный двумя отпертыми и запертыми Бохановскимъ большими висячими замками, а затѣмъ тяжелые шаги по коридору трехъ человѣкъ могли привлечь вниманіе кого-нибудь изъ помѣщавшихся здѣсь, но почему-нибудь еще не спавшихъ, уголовныхъ арестантовъ: сквозь продѣланныя въ дверяхъ око-

шечки любопытные изъ нихъ увидѣли бы насъ и кто-нибудь могъ бы поднять шумъ. Мы, поэтому, одѣли поверхъ ботфортъ калоши и пробирались по коридору, гдѣ находились уголовные, чуть не ползкомъ, крадучись вплотную мимо дверей ихъ камеръ. Каждый шагъ нашъ впередъ, казалось, длился безконечно долго. А, между тѣмъ, намъ необходимо было торопиться: съ минуты на минуту могъ навстрѣчу намъ попасться возвращающійся съ книгой часовой. „Какъ медленно уменьшается разстояніе, а коридоръ такъ длиненъ!“—помню, проносилось тогда у меня въ головѣ.

Наконецъ мы добрались до площадки, раздѣлявшей два смежныхъ коридора. Здѣсь была новая опасность, такъ какъ часовой изъ сосѣдняго коридора могъ выйти сюда, чтобы отъ скуки поболтать съ нашимъ. По счастью, тамъ его не оказалось; мы готовы были уже облегченно вздохнуть, какъ вдругъ услышали шаги человѣка, быстро подымавшагося по лѣстницѣ намъ навстрѣчу. „Мы погибли: должно быть нашъ часовой съ книгой или кто-нибудь изъ начальства!“—подумалъ я. Но, о счастье! это нашъ вѣрный другъ и избавитель идетъ намъ навстрѣчу, чтобы указать, гдѣ намъ нужно спрятаться подъ лѣстницей. Еще нѣсколько секундъ — и мы въ совершенно темной нишѣ и готовы чувствовать себя уже на половину спасенными, какъ внезапно раздается вдали звонокъ: это кто-то изъ насъ,—я или Бохановскій, — въ темнотѣ прикоснулись къ желѣзной проволокѣ, проведенной изъ тюрьмы въ караульный домъ, для подачи тревожнаго сигнала. „Теперь все пропало: сейчасъ прибѣгутъ солдаты, поднимутся розыски, насъ найдутъ!“ Но нашъ избавитель и тутъ нашелся: онъ отправился къ стоявшему у воротъ караульному солдату и сказалъ, что это онъ нечаянно задѣлъ проволоку. Вернувшись къ намъ обратно, Фроленко успокоилъ насъ своимъ сообщеніемъ. Но вотъ новая неудача: Бохановскій, оказалось, забылъ захватить съ собою поставленную Фроленко у дверей его камеры шашку. Нашъ часовой, возвратившись съ книгой, навѣрно *замѣтитъ* ее, обходя коридоръ. „Скорѣй, скорѣй пойди за

ней, Михайло!“ — говоритъ тревожнымъ голосомъ Бохановскій. Нельзя терять ни секунды, — часовой съ книгой долженъ былъ сейчасъ прійти. Тревога наша все усиливается, нетерпѣніе ростетъ.

Вновь появляется Фроленко съ шашкой, которую навѣшиваетъ на себя Бохановскій. Теперь остается только дождаться возвращенія часового съ книгой. Онъ что-то очень долго не приходитъ, или это намъ только такъ кажется, вслѣдствіе нашего состоянія. Но, нѣтъ, слышно, какъ, невдалекѣ отъ насъ, Фроленко спрашиваетъ: „Ты что это такъ замѣшкался?“ А въ отвѣтъ нашъ часовой говоритъ: „да книга-то порванная, листики разлетѣлись кругомъ по двору; пока собралъ, и ушло время“. Это Стефановичъ, выбрасывая изъ окна книгу, нарочно расшвырялъ листки, чтобы часовому пришлось дольше подбирать ихъ.

— Ну, снеси книгу въ контору,—я ее тамъ разсмотрю и самъ потомъ отдамъ, — сказалъ Фроленко, желая, такимъ образомъ, лишить часового возможности возвратить лично ее намъ въ камеру, гдѣ, не дозвавшись никого изъ насъ, онъ замѣтилъ бы наше исчезновеніе.

Спустя нѣкоторое время мы услышали надъ нашими головами шаги часового, который подымался по лѣстницѣ на свой постъ. Эта часть нашего плана, хотя и не безъ сильныхъ тревогъ, прошла благополучно. Но впереди предстоялъ еще болѣе важный актъ — выходъ въ калитку, охраняемую военнымъ карауломъ.

Какъ я уже выше упомянулъ, мы трое должны были фигурировать въ качествѣ уже отбывшихъ свое время коридорныхъ часовыхъ, которые смѣнялись въ полдень и полночь. По правиламъ, принятымъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сперва приводятъ новую смѣну, а затѣмъ уже уводятъ отбывшую свой срокъ. Но если бы Фроленко, на которомъ, какъ на дежурномъ въ эту ночь ключникѣ, лежала эта обязанность разводящаго, поступилъ такъ, какъ полагалось по закону, т. е. сперва привелъ бы новую смѣну часовыхъ, то прежніе сами направились бы къ калиткѣ. Тамъ

могло бы произойти то, что военный караулъ не пропустилъ бы или ихъ, дѣйствительныхъ часовыхъ, или насъ троихъ, и вышелъ бы скандалъ, который окончился бы для насъ самымъ печальнымъ образомъ. Мы, поэтому, рѣшили пройти въ калитку подъ видомъ отбывшихъ свое время часовыхъ, прежде чѣмъ была бы проведена Фроленкой новая смѣна.

Рискуя, такимъ образомъ, всѣмъ нашимъ планомъ, мы строили свой расчетъ на психологіи солдатъ, охранявшихъ калитку: послѣдніе, смѣняясь каждыя сутки въ караулѣ при тюрьмѣ, не могли, конечно, знать въ лицо никого изъ тюремныхъ служащихъ, и при выпускахъ и впускахъ въ калитку слѣдовали указаніямъ дежурнаго ключника. Поэтому, полагали мы, они не обратятъ вниманія,—особенно въ полночь, когда ихъ клонитъ ко сну,—на нарушеніе Фроленкой правилъ о смѣнѣ коридорныхъ часовыхъ. Исходя изъ того же соображенія о довѣріи солдатъ къ авторитету дежурнаго, мы собирались выйти втроемъ, подъ видомъ коридорныхъ часовыхъ, когда, въ дѣйствительности, въ то время оставалось всего лишь два коридора съ арестантами, а, слѣдовательно, было только два часовыхъ въ тюрьмѣ. Наконецъ, во внѣшнемъ нашемъ видѣ также была недохватка: признакомъ званія коридорнаго часового служила шашка, навѣшиваемая поверхъ простого штатскаго платья. Фроленко же удалось утащить изъ тюремной казармы лишь одну, которую мы рѣшили предоставить Бохановскому, имѣвшему изъ насъ троихъ наиболѣе солидный видъ. Мы надѣялись, что, за темнотой ночи, караульные солдаты не замѣтятъ отсутствія на мнѣ и Стефановичѣ этого необходимаго атрибута часового. Но твердой въ томъ увѣренности у насъ, конечно, не могло быть, и мы, поэтому, не безъ значительнаго опасенія думали о предстоявшемъ намъ впереди актѣ.

— Ну, идемте!—заявилъ Фроленко, появившись вновь.

Скинувъ съ ногъ калоши, мы послѣдовали за нимъ во дворъ. Вотъ выходное крыльцо; за нимъ, по двору, намъ нужно пройти всего нѣсколько саженъ до калитки, у которой должна рѣшиться наша судьба. Впереди всѣхъ шелъ

Фроленко, затѣмъ Бохановскій, побрякивавшій шашкой, потомъ Стефановичъ и я. На стукъ Фроленки въ калитку, ее тотчасъ открыли. Онъ прошелъ въ нее первый и сталъ сбоку; мы слѣдовали одинъ за другимъ тяжелой и медленной походкой; Фроленко считалъ насъ: разъ, два, три,—всѣ!

„Стой! Ты что же это сперва выводишь смѣну? И откуда взялось у тебя три часовыхъ, когда всего два занятыхъ коридора? Да почему только на одномъ шашка?“ Вопросы эти мелькаютъ только въ моемъ воображеніи; въ дѣйствительности же, слышу, что кто-то приказываетъ запереть калитку.

Мы за воротами тюрьмы! Понимаетъ ли читатель, которому не угрожала опасность быть навѣки законопаченнымъ, что это означаетъ? Меня охватило такое чувство безпредѣльной радости, что, сдѣлавъ всего нѣсколько шаговъ по второму, переднему двору, на которомъ, какъ я зналъ, находились квартиры смотрителя тюрьмы и его помощниковъ, я бросился обнимать нашего избавителя.

— Да ты съ ума сошелъ! — воскликнулъ онъ вполголоса,—мы можемъ еще встрѣтить здѣсь кого-нибудь изъ начальства.

Не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ мы, подошедши въ это время ко вторымъ, уже никѣмъ не охраняемымъ, воротамъ, увидѣли вдругъ направлявшагося къ намъ навстрѣчу высокаго человѣка. Сердце дрогнуло...

„Пропали!—мелькнуло вновь въ головѣ,—а я, легковѣрный, считалъ уже насъ внѣ опасности!“ Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ находился военный караулъ, и стоило только этому человѣку громко крикнуть, чтобы всѣ мы были тутъ же схвачены. Но онъ не позвалъ караула и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ то былъ второй послѣ Фроленко участникъ нашего освобожденія, столь много въ этомъ отношеніи сдѣлавшій для насъ – Валеріанъ Осинскій: зная, что мы должны выйти въ это время изъ тюрьмы, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ насъ у наружной стороны воротъ и пошелъ къ намъ навстрѣчу, лишь только издали увидѣлъ группу

въ четыре человѣка. Испытанныя нами за нѣсколько секундъ предъ тѣмъ страхъ и тревога смѣнились, конечно, восторгомъ и, не обращая уже вниманія на предостереженія Фроленко, каждый изъ насъ троихъ горячо обнялся съ Осинскимъ.

Невдалекѣ отъ тюрьмы, за поворотомъ, стояла простая повозка, запряженная въ одну лошадь. Возчикомъ былъ нашъ же товарищъ, тогда молодой юноша—Никита Левченко. Повозку эту съ лошадью товарищи купили спеціально для того, чтобы насъ троихъ увезти на ней изъ тюрьмы. Но когда, поздоровавшись съ Левченко, мы вшестеромъ усѣлись на этой подводѣ, то оказалось, что лошадь еле могла переставлять ноги. Сколько ни понукалъ ее нашъ возчикъ, усердно награждая ее при этомъ бичемъ, она лишь меланхолическимъ шагомъ подвигалась впередъ. Между тѣмъ, вблизи тюрьмы находился полицейскій участокъ, мимо котораго намъ приходилось проѣзжать. Снаружи его прохаживался городовой, который могъ обратить свое благосклонное вниманіе на странную компанію въ шесть человѣкъ, ѣдущую въ столь поздній часъ ночи на одной жалкой лошаденкѣ. Но все обошлось благополучно. Убѣдившись вскорѣ затѣмъ, что никакія внушенія не дѣйствуютъ на нашего Россинанта, мы, трое бѣжавшихъ и Осинскій, рѣшили отправиться далѣе пѣшкомъ; въ повозкѣ остались Фроленко съ Левченко.

Намъ четверымъ предстояло пройти довольно значительное пространство, отдѣлявшее тюрьму отъ берега Днѣпра. Дѣло въ томъ, что еще въ тюрьмѣ, задолго до осуществленія нашего намѣренія бѣжать изъ нея, мы, трое, рѣшили воспользоваться Днѣпромъ, какъ путемъ сообщенія, чтобы исчезнуть изъ Кіева, гдѣ, послѣ нашего побѣга, должны были начаться чрезвычайно энергичные розыски. Предположеніе это впослѣдствіи вполнѣ подтвердилось. Товарищи же, находившіеся на волѣ, письменно и устно черезъ Фроленко, предлагали намъ разные свои планы, какъ скрыться изъ Кіева. Такъ, между прочимъ, помню планъ, предложенный

Лизогубомъ, состоявшій въ томъ, что онъ подготовитъ на опредѣленныхъ пунктахъ перемѣнныхъ лошадей до какой-то отдаленной деревни, гдѣ имъ же будетъ устроенъ для насъ пріютъ на то время, пока не улягутся энергичные розыски. Но мы трое отвергли этотъ, какъ и всѣ другіе предложенные товарищами планы, и настаивали на избранномъ нами самими способѣ. Не безъ продолжительныхъ споровъ въ письмахъ удалось намъ, наконецъ, отстоять нашъ планъ. Онъ былъ очень простъ и состоялъ въ томъ, что товарищи должны приготовить для насъ троихъ лодку съ провизіей въ ней на нѣсколько дней. Кромѣ чрезвычайной дешевизны, планъ этотъ представлялъ почти полную гарантію отъ ареста, пока мы находились бы на рѣкѣ; къ тому же въ это время мы не нуждались уже въ помощи другихъ, и, въ случаѣ нашего ареста, никого не подводили; между тѣмъ какъ, при всѣхъ другихъ способахъ исчезновенія изъ Кіева, неизбѣжно оставались бы „хвосты“, вслѣдствіе чего, въ случаѣ неудачи, могли бы пострадать и другія лица.

Двумя парами мы обыкновенной походкой проходили по многочисленнымъ улицамъ родного города, изрѣдка встрѣчая полицейскаго, а мѣстами также какихъ-то таинственныхъ лицъ, которыя, какъ я замѣтилъ вскорѣ, при нашемъ приближеніи, подавали какіе-то сигналы. Оказалось, по объясненію Осинскаго, шедшаго со Стефановичемъ, что то были наши же товарищи: они расположились на опредѣленныхъ пунктахъ вдоль всего предстоявшаго намъ длиннаго пути, чтобы предупреждать о могущей грозить намъ опасности отъ ночного полицейскаго обхода и, въ случаѣ необходимости, придти намъ на помощь.

Послѣ почти девятимѣсячнаго одиночнаго заключенія, а особенно послѣ столь удачно окончившагося бѣгства изъ тюрьмы, эта прогулка въ чудную майскую ночь доставила всѣмъ намъ невыразимое наслажденіе. Я готовъ былъ прыгать, скакать, обнимать всѣхъ и кричать: „мы свободны! Понимаете это!“ Но, вмѣсто этого, я долженъ былъ степенной *походкой, въ длинныхъ* и тяжелыхъ ботфортахъ, медленно

подвигаться впередъ съ Иваномъ Бохановскимъ, отъ котораго, вслѣдствіе флегматичности его характера, трудно было добиться слова: какъ истый „казакъ"—такая кличка за нимъ установилась въ нашей средѣ,—онъ молча предавался восторгу отъ „чудной украинской ночи".

Безъ всякихъ приключеній добрались мы до отдаленнаго пункта на берегу Днѣпра, гдѣ въ кустахъ спрятана была наша лодка. Но, когда, подошедши близко къ тому мѣсту, Осинскій громко сказалъ намъ объ этомъ, вдругъ три человѣка, неожиданно поднявшись съ земли, бросились къ намъ, какъ оказалось, не за тѣмъ, чтобы задержать насъ, а чтобы привѣтствовать. То были также наши товарищи—Баранниковъ, Попко и Фишеръ, — поджидавшіе насъ, какъ вслѣдствіе желанія свидѣться съ нами, такъ и на случай, если бы пришлось отбивать насъ отъ преслѣдователей. Всѣ трое отличались отчаянной смѣлостью и довольно большой физической силой; къ тому же они были хорошо вооружены.

Мы, бѣглецы, чрезвычайно обрадовались этой встрѣчѣ; но намъ нельзя было терять времени. Поэтому, обмѣнявшись съ новыми товарищами всего нѣсколькими словами, мы обнялись со всѣми и затѣмъ сѣли въ лодку. Это мимолетное свиданіе было у насъ послѣднимъ съ Фишеромъ и Попко. Первый, послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ предварительномъ заключеніи, былъ по процессу 193-хъ оправданъ и лишь незадолго предъ тѣмъ выпущенъ на волю. Потомъ онъ исчезъ куда-то; говорили, что онъ умеръ отъ пріобрѣтенной имъ въ тюрьмѣ болѣзни легкихъ. Попко, по общему мнѣнію всѣхъ близко знавшихъ его, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся революціонеровъ середины 70-хъ годовъ. По тому времени человѣкъ довольно начитанный, замкнутаго, настойчиваго и рѣшительнаго характера, онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣхъ окружавшихъ его. Всего за два дня до этой встрѣчи съ нами, — въ ночь съ 24 на 25-ое мая, — онъ закололъ кинжаломъ барона Гейкинга, проявившаго, какъ и *товарищъ* прокурора Котляревскій, чрезмѣрное усердіе въ *нашемъ* Чигиринскомъ дѣлѣ. Попко обязанъ былъ своимъ

спасеніемъ только необыкновенному самообладанію и рѣшимости. Отбиваясь отъ погнавшейся за нимъ погони, послѣ убійства Гейкинга на многолюдной улицѣ, онъ сдѣлалъ изъ револьвера нѣсколько выстрѣловъ, которыми одного преслѣдователя убилъ, а другого ранилъ. Но два съ чѣмъ-то мѣсяца спустя, въ августѣ того же года, онъ былъ арестованъ, и, хотя про убійство имъ барона Гейкинга власти ничего не знали, его все же приговорили къ безсрочной каторгѣ. Недолго прожилъ онъ затѣмъ на Карѣ: въ началѣ 80-хъ годовъ онъ тамъ скончался отъ болѣзни легкихъ.

Лодка наша оказалась удобной, помѣстительной и снабженной парусомъ. Какъ можно было уже заключить изъ выше приведенныхъ фактовъ, товарищи проявляли къ намъ чрезвычайную заботливость и предусмотрительность. На днѣ лодки мы нашли не только разнообразную провизію, напитки и все необходимое для нашего путешествія, но въ ней оказались также крестьянское платье и паспорта, такъ какъ мы намѣрены были выдавать себя за чернорабочихъ. Въ лодкѣ мы нашли также бинокль, который давалъ намъ возможность увидѣть появлявшееся вдали судно, а, слѣдовательно, заблаговременно укрыться, причаливъ къ берегу. Такимъ образомъ, если бы власти какимъ-нибудь чудомъ догадались, что мы поплыли по Днѣпру и послали за нами погоню, послѣдняя все же не могла бы насъ настигнуть. Къ тому же мы рѣшили днемъ отдыхать и плыть преимущественно по ночамъ.

Двое изъ насъ поочередно гребли, третій правилъ рулемъ. Разставшись съ товарищами, мы поплыли внизъ по рѣкѣ. Поверхность ея была совершенно гладка,—на ней не замѣтно было ни малѣйшей ряби. Съ береговъ раздавались трели соловья. На огромномъ водномъ пространствѣ мы были теперь совершенно одни, внѣ власти людей. Только яркія звѣзды на чистомъ небосклонѣ смотрѣли сверху ласково, какъ бы привѣтствуя наше избавленіе.

„Какъ хорошо! Какъ прекрасно!“—замѣчалъ то тотъ, то

другой изъ насъ. Мы вдыхали полной грудью весенній ароматъ, разлитый кругомъ, и чувствовали себя счастливѣйшими людьми на землѣ.

Въ тюрьмѣ въ это время происходило слѣдующее. Коридорные часовые долго ожидали, что дежурный ключникъ приведетъ на ихъ мѣсто новую смѣну. Прождавъ напрасно часа два, они рѣшили, наконецъ, дать тревожный сигналъ. Явился сперва старшій по караулу и, узнавъ въ чемъ дѣло, сообщилъ начальству. Разбудили смотрителя; стали искать дежурнаго, но, не нашедши его нигдѣ, рѣшили, что, когда онъ вышелъ за ворота, чтобы привести новую смѣну, его, должно быть, завлекли куда-нибудь ожидавшіе его тамъ выпущенные послѣ отсидки уголовные, которые имѣли что-нибудь противъ него, и теперь расправились съ нимъ. Находившійся у воротъ военный караулъ, очевидно, забылъ или не желалъ почему-нибудь сообщить, что дежурный ключникъ вывелъ уже трехъ часовыхъ. Смотритель распорядился о приводѣ новой смѣны коридорныхъ часовыхъ и, успокоившись на этомъ, снова отправился на покой.

Но мы, три бѣглеца, плывшіе въ эту чудную майскую ночь по тихому Днѣпру, рѣшили вовсе не спать, чтобы какъ можно дальше отъѣхать отъ Кіева. Лишь поздно утромъ, завидѣвъ издали въ бинокль пароходъ, мы причалили къ покрытому густымъ лѣсомъ берегу. Тамъ мы затянули въ камыши лодку, развели костеръ и стали кипятить воду. Напившись затѣмъ чаю и поѣвъ съ большимъ аппетитомъ изъ приготовленныхъ для насъ товарищами запасовъ, мы расположились на душистой травѣ и предались безмятежному, сладкому сну.

Впослѣдствіи мы узнали отъ товарищей, оставшихся послѣ нашего побѣга въ тюрьмѣ, что насъ не хватились даже съ наступленіемъ утра. Я уже выше сообщилъ, что мы пріучили ключниковъ не отворять нашихъ камеръ, пока мы сами не звали ихъ. Заглядывая къ намъ черезъ дверное окошечко, ключникъ и часовой принимали сдѣланныя нами на постеляхъ чучела за насъ, спящихъ, и отходили

прочь. Но сами политическіе заключенные изъ остальныхъ камеръ, выпивъ сообща утренній чай на коридорѣ, на что мы уже задолго предъ тѣмъ завоевали себѣ право, послѣ обсужденія, рѣшили дать понять тюремной администраціи, что насъ троихъ нѣтъ.

Дѣло въ томъ, что Бохановскій помѣщался въ одной камерѣ съ Малавскимъ, который, конечно, заранѣе зналъ о нашемъ намѣреніи бѣжать. Мы предлагали и ему присоединиться къ намъ, но онъ самъ отказался, такъ какъ предполагалъ, что выйдетъ по суду оправданнымъ или получитъ незначительное наказаніе, въ виду отсутствія противъ него сколько-нибудь значительныхъ уликъ. Поэтому онъ считалъ для себя совсѣмъ невыгоднымъ рисковать, присоединившись къ намъ, да и не желалъ переходить на нелегальное положеніе, послѣ удачнаго побѣга. Чтобы не обвинили Малавскаго въ содѣйствіи побѣгу Бохановскаго изъ общей съ нимъ камеры, товарищи сообща надумали слѣдующее.

Когда поздно днемъ на коридорѣ, гдѣ помѣщались политическіе, появился пришедшій туда зачѣмъ-то помощникъ смотрителя, Малавскій, какъ бы къ слову, спросилъ его:

— А куда это перевели Бохановскаго?

— Какъ перевели? — въ недоумѣніи переспросилъ помощникъ, очевидно ничего не понимая.

— Да я ночью сквозь сонъ слышалъ, какъ открыли камеру, Бохановскій вышелъ и больше не возвращался,—я и думалъ, что его перевели куда-нибудь.

— Быть этого не можетъ! — воскликнулъ, поблѣднѣвъ, помощникъ и бросился въ камеру Малавскаго, гдѣ, конечно, не нашелъ Бохановскаго. Затѣмъ онъ заглянулъ въ нашу и, несмотря на „спящихъ“, приказалъ открыть ее. Найденныя имъ на нашихъ койкахъ чучела ему все разъяснили. Тогда онъ стремглавъ бросился сообщить о случившемся смотрителю.

Такимъ образомъ констатированное бѣгство наше объяснило тюремной администраціи причину и таинственнаго исчезновенія ночью дежурнаго ключника.

Наскоро натянувъ на себя мундиръ, отправился смотритель, дрожа отъ страха, къ губернатору съ докладомъ объ ужасномъ для его служебной карьеры происшествіи. Заранѣе представлялъ онъ себѣ, какую получитъ за это разноску отъ начальника губерніи, а, можетъ быть, и того больше—будетъ удаленъ со службы. Поэтому, чрезвычайно велико было изумленіе находившихся въ тюрьмѣ политическихъ, когда, по истеченіи короткаго времени, смотритель явился къ нимъ сіяющій, веселый и сталъ высказывать имъ даже свою радость по поводу нашего побѣга.

— Такіе хорошіе люди, такіе дѣльные!—отзывался онъ о насъ. — Сколько пользы принесутъ они теперь, очутившись опять на свободѣ, а не убѣги они, погибли бы на каторгѣ.

Поддѣлываясь къ товарищамъ, старикъ думалъ, такимъ образомъ, укрѣпить въ ихъ глазахъ, а слѣдовательно, и во мнѣніи находившихся на волѣ революціонеровъ, свою репутацію хорошаго смотрителя.

Но кто-то изъ товарищей полюбопытствовалъ узнать, какъ отнесся къ нашему бѣгству губернаторъ. Словоохотливый старикъ подробно изложилъ, какъ онъ дрожалъ, докладывая объ этомъ губернатору. Но послѣдній, узнавъ, что уведшій насъ ключникъ былъ раньше жандармомъ, сказалъ: „ну, если то бывшій жандармъ, такъ не безпокойтесь, капитанъ: вамъ за это ничего не будетъ“.

— Какъ жандармъ?—спросилъ находившійся при этомъ разсказѣ помощникъ.

— А, развѣ нѣтъ? Вѣдь Ѳоменко—бывшій жандармъ,—отвѣтилъ смотритель.

— Ѳоменко раньше уволился!—сказалъ помощникъ.—По бумагамъ скрывшійся ключникъ—мѣщанинъ.

— Я пропалъ! — закричалъ старикъ, схвативъ себя руками за голову, и быстро направился къ выходу.

Онъ снова отправился къ губернатору сообщить о своей *ошибкѣ и,* спустя нѣкоторое время, опять пришелъ къ по*литическимъ* заключеннымъ, но уже убитый горемъ: губер-

наторъ, узнавъ, кто былъ скрывшійся съ нами ключникъ, заявилъ смотрителю, что отдастъ его подъ судъ.

— Понимаете, господа, — подъ судъ!—сказалъ старикъ, и въ голосѣ его слышны были слезы.

Онъ, понятно, уже не расхваливалъ насъ и не радовался нашему избавленію.

Старикъ не дождался суда: отъ огорченія онъ слегъ въ постель и вскорѣ скончался; послѣ него осталось нѣсколько дѣтей.

Около шести дней длилось наше плаваніе, доставлявшее намъ безконечное наслажденіе. Въ началѣ, какъ я сказалъ, мы днемъ прятались, но затѣмъ, не замѣчая за собою никакой погони, стали смѣлѣе и не только не прятались отъ встрѣчавшихся намъ судовъ, но и приставали къ попадавшимся по пути деревнямъ, чтобы купить свѣжую провизію. Вступая при этомъ въ разговоры съ крестьянами, мы выдавали себя за сплавщиковъ, догоняющихъ свои плоты, что являлось вполнѣ правдоподобнымъ. Такъ какъ мѣстность, по которой намъ приходилось проѣзжать, примыкала къ Чигиринскому уѣзду, то намъ интересно было узнать, слышали ли наши собесѣдники что-нибудь о затѣянномъ нами среди крестьянъ заговорѣ. Но, оказалось, что даже у жившаго по сосѣдству населенія было объ этомъ самое смутное представленіе.

Безъ какихъ-либо инцидентовъ, но сильно загорѣвъ и окрѣпнувъ физически, мы добрались до Кременчуга, отстоящаго отъ Кіева, если не ошибаюсь, въ 350 верстахъ. Тамъ, согласно условію, мы должны были встрѣтиться съ Осинскимъ, который къ заранѣе опредѣленному нами дню намѣревался пріѣхать туда по желѣзной дорогѣ. Осинскій, оказалось, уже ждалъ насъ. Отъ него мы узнали о предпринятыхъ властями розыскахъ насъ, а также о выпущенной имъ и товарищами прокламаціи, въ которой сообщалось, что освобожденіе наше состоялось вслѣдствіе постановленія „Исполнительнаго Комитета русской соціально-революціонной партіи“, *хотя* такого учрежденія въ то время еще не су-

ществовало. Помню, между прочимъ, Осинскій сообщилъ намъ также, что, благодаря нашему побѣгу, онъ получилъ отъ одной богатой помѣщицы, лично не знавшей никого изъ насъ троихъ, 15 или 20 тысячъ рублей, которые она уже раньше обѣщала дать ему на революціонныя предпріятія, въ случаѣ удачнаго исхода затѣяннаго имъ освобожденія насъ изъ тюрьмы.

Отличавшійся рѣдкой предпріимчивостью, энергіей и иниціативностью, Осинскій, еще прежде чѣмъ онъ узналъ о нашихъ намѣреніяхъ и настроеніяхъ, самъ рѣшилъ, что каждый изъ насъ станетъ дѣлать, очутившись вновь на волѣ.

— Вотъ вы,—сказалъ онъ, обратившись къ Стефановичу и Бохановскому, — навѣрно поѣдете на Волгу или Донъ, чтобы создать организацію среди крестьянъ или казаковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ у насъ имѣются поселенія и связи. А вы,—заявилъ онъ мнѣ,—конечно, не откажетесь принять участіе въ подготовляющемся теперь насильственномъ освобожденіи каторжанъ, отправляемыхъ по процессу 193-хъ — Мышкина, Войнаральскаго и Муравскаго,—въ центральныя тюрьмы.

Но, какъ говоритъ пословица, нашъ пріятель „рѣшалъ безъ хозяина“. Къ моему плану отправиться въ Петербургъ, а оттуда за границу, давно присоединились Стефановичъ и Бохановскій. Когда мы заявили объ этомъ Осинскому, онъ былъ не менѣе изумленъ, чѣмъ товарищи, находившіеся вмѣстѣ съ нами въ тюрьмѣ, когда я, какъ сообщалъ выше, высказалъ имъ такое свое желаніе, казавшееся еще неосуществимой мечтой.

Пробесѣдовавъ съ Осинскимъ почти всю ночь напролетъ, мы вмѣстѣ съ нимъ поѣхали далѣе на сѣверъ по желѣзной дорогѣ. На насъ троихъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы, была крестьянская одежда, и мы вполнѣ удачно изображали собою плотниковъ, возвращавшихся съ юга въ родную деревню *къ полевымъ* работамъ. Вскорѣ мы убѣдились, что эта внѣш-*ность освобождала* насъ отъ всякихъ подозрѣній: повсюду

на станціяхъ, а также и по вагонамъ, шныряли жандармы и шпіоны, грубо заглядывая въ лица интеллигентныхъ молодыхъ людей и сличая ихъ съ фотографическими карточками; но на насъ троихъ рѣшительно никто изъ нихъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Какъ въ то время сообщалось въ газетахъ, на какой-то станціи, между прочимъ, произошелъ слѣдующій курьезъ.

Одного священника, торопливо направлявшагося въ вагонъ, вдругъ остановилъ жандармъ и, подавъ ему гребень, предложилъ расчесать голову.

— Въ своемъ ли ты умѣ?—спросилъ церковно-служитель.

— Расчешитесь, иначе я васъ арестую,—грозно повторилъ жандармъ.

Собравшаяся публика выражала изумленіе и негодованіе по поводу такого дикаго требованія. Боясь пропустить поѣздъ, священникъ принужденъ былъ исполнить повидимому нелѣпую фантазію блюстителя порядка.

— Простите, батюшка!—заявилъ онъ,—я принялъ васъ за переодѣтаго Дейча, который недавно убѣжалъ изъ тюрьмы,—думалъ, что на васъ парикъ.

По прибытіи въ Петербургъ, мы устроились на дачѣ въ Лѣсномъ, откуда нерѣдко отправлялись въ столицу. Вскорѣ затѣмъ намъ одно свѣдущее лицо сообщило, что изъ Кіева пріѣхалъ тюремный ключникъ, по фамиліи Воробьевъ, какъ оказалось, подслушавшій тотъ нашъ разговоръ на окнахъ, во время котораго я высказалъ желаніе, очутившись на свободѣ, отправиться въ Петербургъ. Послѣ нашего побѣга онъ самъ вызвался розыскать насъ въ столицѣ. Однажды, около финляндскаго вокзала, когда я выходилъ изъ вагона конки, я на площадкѣ столкнулся съ этимъ добровольнымъ сыщикомъ. Кровь бросилась мнѣ въ лицо. Одна секунда, и я пропалъ. По счастью, онъ торопился занять мѣсто на имперіалѣ и, мелькомъ бросивъ взглядъ, очевидно не узналъ меня, тогда бритаго.

Такія условія впервые представились только въ началѣ 90-хъ годовъ, когда меня, вмѣстѣ со многими товарищами, выпустили изъ карійской каторжной политической тюрьмы въ такъ называемую „вольную команду“. Но и тогда существовали чрезвычайно серьезныя помѣхи для побѣга. Хотя изъ „вольной команды“ легко было уйти, но выбраться изъ необъятной Сибири въ тѣ времена являлось до того трудно выполнимымъ дѣломъ, что на десятки попытокъ едва ли приходилась одна удачная. Между тѣмъ, власти, выпуская насъ въ „вольную команду“, довольно недвусмысленно дали намъ понять, что, въ случаѣ побѣга кого-либо изъ насъ, всѣ остальные будутъ вновь возвращены въ тюрьму. Каждый, конечно, легко представляетъ себѣ, насколько люди, по много лѣтъ насидѣвшіеся въ заключеніи, дорожатъ полученными ими даже ничтожными облегченіями. Понятно, поэтому, что никто изъ насъ, вольнокомандцевъ, не хотѣлъ сдѣлаться причиной чрезвычайнаго ухудшенія въ положеніи остальныхъ товарищей. Вопросъ о томъ, въ правѣ ли тотъ или другой изъ насъ совершить побѣгъ, никогда нами серьезно не обсуждался, такъ какъ онъ считался само собой разумѣющимся.

Еще одно чрезвычайно важное обстоятельство заставляло каждаго изъ насъ отказываться отъ мысли о побѣгѣ. Нужно помнить, что то было время господства безпросвѣтной реакціи, наступившей послѣ убійства царя Александра II. До насъ, заброшенныхъ въ отдаленное захолустье Сибири, въ теченіе многихъ лѣтъ доносились одни лишь безотрадные слухи, свидѣтельствовавшіе о полномъ почти затишьи въ революціонномъ движеніи. Въ получаемыхъ нами иногда конспиративныхъ письмахъ тогдашнія условія изображались самыми мрачными красками. „Нечего теперь и думать о малѣйшей поддержкѣ со стороны общества“,—помню, писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ друзей.—„Даже лучшіе изъ либераловъ умерли бы отъ страха при одномъ лишь посѣщеніи ихъ „нелегальнымъ революціонеромъ“.

При такихъ условіяхъ, въ случаѣ удачнаго побѣга изъ

Сибири, оставалось только отправиться за границу. Но и жизнь въ эмиграціи не представляла ничего привлекательнаго: тамъ бѣглеца ждали тоска, бездѣйствіе и отчаянная нужда. Поневолѣ приходилось вооружиться терпѣніемъ и ждать наступленія лучшихъ временъ.

И они дѣйствительно наступили. Отдаленные и неясные сперва отзвуки начавшагося съ середины 90-хъ годовъ новаго, марксистскаго движенія, еще болѣе широкаго, чѣмъ были всѣ предыдущія у насъ революціонныя вспышки донеслись до насъ лишь въ концѣ указаннаго десятилѣтія. Я тотчасъ же рѣшилъ тогда бѣжать изъ Сибири. Это было весной 1899 года.

Я находился тогда, уже въ качествѣ поселенца, въ станицѣ Срѣтенской, Забайкальской области. Оттуда мнѣ не трудно было бы осуществить мое намѣреніе, такъ какъ въ то время постройка Сибирской желѣзной дороги была почти совсѣмъ закончена, что въ чрезвычайно сильной степени облегчало исчезновеніе и отъѣздъ оттуда. Но и тогда мнѣ все же приходилось еще считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, какъ бы не повредить товарищамъ, находившимся на поселеніи въ названной области.

Дѣло въ томъ, что мѣстный губернаторъ разрѣшилъ многимъ изъ насъ, отбывшимъ срокъ на Карѣ и назначеннымъ на поселеніе въ Якутскую область, остаться въ Забайкальѣ. Здѣсь всѣ мы легко находили себѣ довольно выгодныя занятія и заработки на желѣзной дорогѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ. Службой „политическихъ“ рѣшительно всѣ были чрезвычайно довольны и очень высоко цѣнили ихъ способности и старанія. Губернаторъ въ своихъ годичныхъ отчетахъ царю отзывался о нихъ, какъ объ очень полезныхъ для края людяхъ. Сами политическіе ссыльные также дорожили своимъ пребываніемъ въ этомъ краѣ и старались не подавать властямъ никакого повода къ неудовольствію и репрессіямъ. Въ виду такого положенія побѣгъ кого-либо изъ насъ могъ имѣть послѣдствіемъ отправку остальныхъ въ Якутскую область, условія жизни въ которой были ужа-

сны. Нельзя было не считаться съ этимъ обстоятельствомъ. Поэтому, задумавъ побѣгъ, я рѣшилъ осуществить его такъ, чтобы никто не могъ отъ этого пострадать.

Я также состоялъ тогда на службѣ въ одномъ правительственномъ учрежденіи, называвшемся „Управленіемъ по улучшенію судоходныхъ условій рѣкъ Амурскаго бассейна“. Въ этомъ оригинальномъ учрежденіи, подобнаго которому едва ли можно найти въ какой-либо другой странѣ, тысячи людей получали большіе оклады, десятки дорого стоившихъ казенныхъ пароходовъ и землечерпательныхъ машинъ плавали по Амуру и его притокамъ, но отъ этого никакого „улучшенія въ ихъ судоходныхъ условіяхъ“, конечно, не происходило. Совершенно непроизводительно расходовались ежегодно милліоны рублей, въ то время какъ огромный край оставался рѣшительно безъ всякихъ сухопутныхъ дорогъ и, конечно, также безъ школъ, на устройство которыхъ у правительства никогда не находилось необходимыхъ средствъ. Но, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ, инженеры и другіе служащіе въ этомъ безполезномъ Управленіи всегда суетились, писали безконечное число „исходящихъ“ и „входящихъ“, получали съ соотвѣтствующими „прогонными“ и „суточными“ командировки и были твердо увѣрены въ томъ, что они много дѣлаютъ и приносятъ пользу отечеству. Служба въ этомъ замѣчательномъ учрежденіи, однако, помогла мнѣ осуществить мое намѣреніе безъ малѣйшаго вреда для кого-нибудь изъ товарищей.

Управленіе водныхъ путей простиралось на весь Приамурскій край, состоящій изъ трехъ областей. Оно раздѣлялось на участки и дистанціи, при чемъ главное управленіе находилось въ г. Благовѣщенскѣ. Общая администрація края—генералъ-губернаторъ и губернаторы—относилась съ большимъ почтеніемъ къ разнымъ начальникамъ нашего учрежденія и всегда удовлетворяла всякія ходатайства послѣднихъ. Мнѣ, поэтому, оказалось совсѣмъ нетруднымъ перевестись на службу изъ станицы Срѣтенской въ г. Благовѣщенскъ, оставаясь все въ томъ же водномъ управленіи.

Когда осенью 1899 г. я, прибывъ въ Благовѣщенскъ, явился, какъ полагалось по инструкціи, къ полиціймейстеру, послѣдній потребовалъ, чтобы я каждый день приходилъ къ приставу того участка, въ которомъ находилась моя квартира, чтобы такимъ путемъ полиція удостовѣрялась, что я нахожусь на-лицо. Но такое требованіе было совершенно несовмѣстимо съ моей службой, что я и доказалъ полиціймейстеру и, въ концѣ концовъ, мы порѣшили на томъ, что приставъ будетъ по телефону справляться въ Управленіи, тамъ ли я нахожусь.

Въ первые дни, во время моихъ занятій въ канцеляріи Управленія, меня, дѣйствительно, раза два подзывали къ телефону. Но вскорѣ приставу, вѣроятно, показалась излишней такая провѣрка, а затѣмъ онъ смѣнился и, по всей вѣроятности, вовсе забылъ сообщить своему преемнику о его обязанности ежедневно бесѣдовать со мною по телефону. Такимъ образомъ, я фактически оставался внѣ надзора полиціи.

Въ Благовѣщенскѣ также было нѣсколько политическихъ ссыльныхъ, но своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ никто изъ нихъ не былъ обязанъ мѣстному губернатору; поэтому побѣгъ кого-либо изъ насъ не могъ вредно отразиться на участи остальныхъ.

Въ сущности, все было у меня готово къ побѣгу уже весной 1900 г.; но такъ называемая „русско-китайская война“ и бомбардировка Благовѣщенска китайцами помѣшали мнѣ въ томъ году привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Это оказалось возможнымъ осуществить только весной 1901 года. О томъ, какимъ образомъ мнѣ удалось уѣхать изъ Благовѣщенска, я, насколько возможно подробно, сообщилъ въ концѣ книги „16 лѣтъ въ Сибири“. Впослѣдствіи я узналъ, что въ Благовѣщенскѣ меня не скоро хватились и что никто не поплатился за мой побѣгъ.

Болѣе четырехъ лѣтъ прожилъ я затѣмъ въ Западной Европѣ, въ душѣ все время не разставаясь съ надеждой

такъ или иначе вернуться скоро въ Россію. Съ каждымъ годомъ становилось все очевиднѣе, что уже недолго остается ждать того момента, когда, наконецъ, падетъ самодержавіе, и страстное желаніе всѣхъ русскихъ изгнанниковъ увидѣть родину свободной, перестанетъ быть одной лишь мечтой. Скорое наступленіе этого момента чувствовалось по многимъ признакамъ.

Наступилъ 1905-й годъ. Однажды, на разсвѣтѣ, раздался рѣзкій звонокъ въ моей квартирѣ,—я жилъ тогда въ Женевѣ,—затѣмъ послышались торопливые шаги и сильный стукъ въ дверь моей комнаты.

— Въ Петербургѣ началась революція: нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ на улицахъ; народъ строитъ баррикады!— выпалилъ торопливо, въ сильномъ возбужденіи, старый товарищъ.—Читайте, вотъ телеграммы!—сказалъ онъ и, прибавивъ еще что-то, быстро ушелъ.

Въ оставленной имъ газетѣ я пробѣжалъ обширныя сообщенія о кровавыхъ событіяхъ 9 января и также пришелъ къ заключенію, что съ этого дня въ Россіи начинается дѣйствительная революція, что съ него нужно считать наступленіе новой эры въ исторіи нашей родины.

Въ нѣсколько минутъ я рѣшилъ, что нечего мнѣ болѣе оставаться за границей, что необходимо немедленно ѣхать въ Петербургъ, и я сталъ собираться въ дорогу. Но скоро же выяснилось, что, по разнымъ партійнымъ соображеніямъ, я долженъ отложить осуществленіе своего намѣренія сперва до весны, а затѣмъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Началась октябрьская стачка. Мы, эмигранты, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея ходомъ. По нѣсколько разъ въ день набрасывались мы на телеграммы, ожидая найти въ нихъ извѣстія о развязкѣ гигантской борьбы, завязавшейся между русскимъ пролетаріатомъ и правительствомъ съ гр. Витте во главѣ.

Часовъ въ 11 утра 18-го октября я, по обыкновенію, подошедши къ ближайшему кіоску, взялъ свѣжій номеръ мѣст-

ной газеты. Въ отдѣлѣ телеграммъ жирнымъ шрифтомъ былъ напечатанъ извѣстный манифестъ, даровавшій всякія „свободы“. Не чувствуя подъ собою ногъ, устремился я къ старому моему другу Г. В. Плеханову, чтобы сообщить ему объ этомъ радостномъ событіи. Его не было въ кабинетѣ. Переходя изъ комнаты въ комнату, я въ волненіи спрашивалъ прислугу, гдѣ „monsieur“. Онъ оказался въ самой задней комнатѣ.

— Объявлена конституція!—закричалъ я, не здороваясь и, вмѣсто руки, протянулъ ему газету.

— Ну, зачѣмъ такъ волноваться! — отвѣтилъ онъ. — Ко всему надо относиться философски. Сперва пойдемъ въ мой кабинетъ, тамъ сядемъ и спокойно прочитаемъ телеграммы: можетъ быть, это только кажется будто конституція, а на дѣлѣ одинъ лишь обманъ!

Но меня такое отношеніе съ его стороны раздражало; я считалъ это резонерствомъ, напусканіемъ на себя уравновѣшенности, и тутъ же объявилъ ему, что немедленно ѣду въ Россію. Г. В. нашелъ такое мое рѣшеніе скоропалительнымъ, и по этому случаю отпустилъ нѣсколько острот. Я торопился уйти, чтобы начать сборы къ отъѣзду. Но онъ задержалъ меня, предложивъ сперва серьезно обсудить, можно ли мнѣ немедленно уѣзжать.

Слѣдующія телеграммы подтверждали первое сообщеніе, но въ нихъ говорилось также о разразившихся въ разныхъ мѣстахъ черносотенскихъ погромахъ и о непрекращавшейся желѣзнодорожной забастовкѣ, дѣлавшей невозможнымъ немедленное возвращеніе. Все это въ сильной степени ослабляло первое отрадное впечатлѣніе. Вопросъ о моемъ отъѣздѣ осложнялся еще соображеніемъ, какъ мнѣ явиться въ Россію:—подъ своимъ ли настоящимъ именемъ, или съ чужимъ паспортомъ? Въ концѣ концовъ я рѣшилъ не полагаться на объявленныя „свободы“ и ѣхать нелегально.

Передъ отъѣздомъ изъ Женевы я списался съ В. И. Засуличъ, находившейся въ то время въ Парижѣ. Оказалось, что она и другіе товарищи также рѣшили немедленно воз-

вратиться въ Россію. Она заѣхала предварительно въ Женеву, и мы затѣмъ отправились далѣе вдвоемъ.

Изъ Берлина въ одномъ съ нами вагонѣ возвращалось еще нѣсколько эмигрантовъ. Уже на границѣ намъ пришлось убѣдиться въ основательности скептицизма Плеханова насчетъ объявленныхъ „свободъ“. Я и Вѣра Ивановна предъявили заграничные паспорта съ еврейскими именами. Одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы таможенный чиновникъ, безъ малѣйшаго повода съ нашей стороны, третировалъ насъ грубо, нахально. Тамъ же былъ задержанъ жандармскимъ офицеромъ одинъ мой знакомый эмигрантъ, положившійся на завѣреніе русскаго консула, что онъ можетъ безпрепятственно возвратиться на родину.

Съ приближеніемъ къ Петербургу разочарованіе все усиливалось. Среди пассажировъ шли толки лишь о погромахъ и о всевозможныхъ ужасахъ, совершаемыхъ черносотенцами при благосклонномъ участіи полиціи и войскъ. Такія сообщенія производили самое удручающее впечатлѣніе.

Но вотъ вечеромъ 29 октября мы пріѣхали въ Петербургъ, котораго я не видѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Ни малѣйшихъ перемѣнъ не замѣтилъ я въ немъ. Послѣ опрятнаго, прилизаннаго Берлина, наша столица со скверной мостовой и плохимъ освѣщеніемъ, показалась мнѣ грязнымъ провинціальнымъ городомъ.

Оставивъ въ гостиницѣ свои вещи и отдавъ, конечно, свои фальшивые паспорта для прописки, мы съ Вѣрой Ивановной отправились къ знакомымъ. Но у ихъ квартиры произошла такая характерная сцена.

На данный нами звонокъ, не отворяя двери, намъ извнутри предложили предварительно сказать, кто мы. Но, оставаясь на площадкѣ, мы, понятно, не могли этого сдѣлать.

— Да откройте же, чего боитесь?—говорилъ я.

— Нѣтъ, сперва назовите себя!—раздавалось за дверью.

— Не бойтесь, мы хорошіе знакомые!

Въ этомъ родѣ довольно долго шли у насъ переговоры,

пока, наконецъ, сама хозяйка квартиры, узнавъ насъ по голосамъ, открыла дверь. Оказалось, что съ часу на часъ ждали погрома интеллигенціи и евреевъ въ самой столицѣ!

Такъ принуждены были встрѣтить насъ, возвратившихся на родину, хорошіе наши знакомые, въ дни объявленія „свободъ", „неприкосновенности жилища" и пр.!

Сидя затѣмъ за предложеннымъ намъ чаемъ, мы поневолѣ заражались испугомъ, испытываемымъ хозяйкой квартиры и ея сестрой: при малѣйшемъ шумѣ, не говоря уже о звонкахъ, онѣ вздрагивали, лица ихъ вытягивались, въ голосахъ слышалась дрожь. Тяжелое состояніе! Невозможно было примириться съ мыслью въ первый же вечеръ по возвращеніи на родину быть свидѣтелемъ, а то и жертвой, звѣрской расправы.

На лѣстницѣ вдругъ послышались торопливые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, затѣмъ раздался рѣзкій звонокъ, и на лицахъ женщинъ вновь появилось выраженіе ужаса. Но тотчасъ же оказалось, что то были наши товарищи — Парвусъ и Троцкій,—которымъ уже успѣли по телефону дать знать о нашемъ пріѣздѣ. Конечно, послѣдовали радостныя восклицанія и объятія.

— Скорѣй, скорѣй собирайтесь!—заторопили меня и Вѣру Ивановну вновь пришедшіе.

— Куда? Зачѣмъ?

— На интересное рабочее собраніе! Оно уже началось.

Оставивъ бѣдныхъ женщинъ въ страхѣ ожидать появленія хулигановъ, мы на двухъ извозчикахъ отправились въ Соляной Городокъ.

По дорогѣ туда, Парвусъ, ѣхавшій со мной, въ немногихъ словахъ познакомилъ меня съ тѣмъ, что въ то время происходило и затѣвалось въ рядахъ соціалъ-демократовъ. Отъ него же впервые узналъ я о существованіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, такъ какъ, вслѣдствіе сборовъ и пребыванія въ пути, не регулярно читалъ наши газеты.

Уже у подъѣзда, а затѣмъ въ вестибюлѣ меня поразило

присутствіе полицейскихъ, которые, очевидно, нисколько не препятствовали многочисленному сборищу: роль ихъ была, повидимому, такая же, какую полицейскіе играютъ у всякихъ общественныхъ учрежденій, во время скопленія публики.

— Развѣ собранія происходятъ открыто? Полиція, зная объ этомъ, не препятствуетъ?—спросилъ я своего спутника съ большимъ изумленіемъ.

— Теперь вѣдь у насъ „свобода“!—отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

Въ обширной аудиторіи, въ которой мы затѣмъ очутились, было нѣсколько сотъ человѣкъ—мужчинъ и женщинъ. Шли оживленныя пренія, руководимыя предсѣдателемъ Хрусталевымъ-Носаремъ.

— Это все—депутаты-рабочіе, а тамъ — гости, члены соціалистическихъ и другихъ партій,—пояснилъ мнѣ одинъ изъ заграничныхъ товарищей, которыхъ я здѣсь встрѣтилъ въ довольно большомъ числѣ. Для всѣхъ старыхъ знакомыхъ мое и Вѣры Ивановны появленіе было совершенно неожиданно и, повидимому, пріятно. Когда я обмѣнивался немногими словами съ нѣкоторыми изъ нихъ, вдругъ послышались оглушительные аплодисменты, несмолкавшіе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

— По какому это случаю?—спросилъ я своего собесѣдника.

— Предсѣдатель объявилъ, что здѣсь на засѣданіи присутствуете вы и Вѣра Ивановна.

Затѣмъ ее повлекли на эстраду; то же сдѣлали и со мною. Начались привѣтственныя намъ обоимъ рѣчи; на нѣкоторыя я отвѣтилъ, сообщивъ въ немногихъ словахъ, каково было рабочее движеніе, когда я оставилъ Петербургъ четверть вѣка передъ тѣмъ и въ какомъ состояніи мы его теперь застаемъ; я закончилъ выраженіемъ глубокой увѣренности, что, несмотря ни на какія преграды, мы, соціалъ-демократы, въ концѣ концовъ побѣдимъ.

Не буду передавать здѣсь всѣхъ испытанныхъ мною ощу-

щеній на этомъ засѣданіи рабочихъ депутатовъ. Скажу лишь, что все происходившее вокругъ мнѣ представлялось чуднымъ сномъ. Положительно не вѣрилось, что я нахожусь въ Петербургѣ: мнѣ все казалось, что это—собраніе русскихъ гдѣ-нибудь въ западной Европѣ,—въ Женевѣ, Парижѣ или Лондонѣ,—такъ вся обстановка, лица и рѣчи не гармонировали съ тѣми впечатлѣніями, которыя я испытывалъ съ момента переѣзда черезъ границу. Но и независимо отъ этого контраста, меня, небывшаго въ Европейской Россіи въ теченіе болѣе двухъ десятилѣтій, не могло не изумить все то, что я увидѣлъ и услышалъ на этомъ первомъ, посѣщенномъ мною, засѣданіи рабочихъ депутатовъ въ первый же вечеръ моего возвращенія на родину. Когда я зимой 1880 г. уѣхалъ за границу, движеніе среди нашихъ рабочихъ находилось лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи; число спропагандированныхъ опредѣлялось въ лучшемъ случаѣ десятками; къ тому же пропаганда наша велась на почвѣ довольно-таки спутаннаго и пестраго міровоззрѣнія, въ которое входили обрывки разнообразнѣйшихъ взглядовъ. Правда, еще будучи за границей, по возвращеніи изъ Сибири, я изъ разныхъ источниковъ имѣлъ возможность убѣдиться, что за послѣднее десятилѣтіе въ Россіи развилось довольно широкое революціонное движеніе, охватившее значительный контингентъ рабочихъ. Все же дѣйствительность превзошла всѣ наиболѣе оптимистическія мои ожиданія, такъ какъ въ первый же вечеръ я воочію увидѣлъ двѣсти съ чѣмъ-то депутатовъ, представлявшихъ двѣсти тысячъ рабочихъ, съорганизованныхъ на заводахъ, фабрикахъ и мастерскихъ одного лишь Петербурга. Такимъ огромнымъ успѣхомъ могли бы гордиться и страны съ болѣе продолжительнымъ соціалистическимъ движеніемъ, чѣмъ наше.

На сколько я могъ заключить по рѣчамъ депутатовъ-рабочихъ, а затѣмъ и изъ частныхъ моихъ, правда, очень непродолжительныхъ разговоровъ со многими изъ нихъ во время перерыва,—большинство присутствовавшихъ не только хорошо усвоили современныя политическія задачи, но къ

тому же многіе депутаты являлись чрезвычайно революціонно настроенными соціалъ-демократами. Чувствовалось по всему, что въ Россіи быстро развилась и окрѣпла новая сила, ясно понимающая назрѣвшія въ странѣ требованія и готовая, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, непреклонно стремиться къ ихъ осуществленію.

На этомъ засѣданіи дебатировались чрезвычайно интересные вопросы, между прочимъ о введеніи революціоннымъ способомъ 8-ми часового рабочаго дня на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Петербурга и въ его окрестностяхъ. Какъ извѣстно, предложеніе это было принято Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ и затѣмъ повсюду проводилось рабочими. Но мѣра эта встрѣтила энергичное сопротивленіе со стороны заводчиковъ и фабрикантовъ, рѣшившихъ лучше закрыть свои предпріятія, чѣмъ уступить рабочимъ. Десятки тысячъ человѣкъ оказались выброшенными на улицу. Вслѣдствіе этого, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ принужденъ былъ вновь подвергнуть обсужденію этотъ вопросъ и перерѣшить его.

Не менѣе интересны были дебаты по поводу внесеннаго однимъ изъ представителей соціалъ-демократической партіи предложенія, чтобы Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ опредѣлилъ свою политическую физіономію, говоря иначе,—чтобы онъ примкнулъ къ соціалъ-демократической партіи. Хотя преобладающій контингентъ депутатовъ состоялъ изъ сторонниковъ нашей партіи, большинство ораторовъ, тѣмъ не менѣе, высказывалось противъ даннаго предложенія, совершенно правильно указывая на то обстоятельство, что далеко не всѣ выбиравшіе ихъ рабочіе раздѣляютъ ихъ политическія воззрѣнія; слѣдовательно, принятая Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ программа являлась бы лишь искусственно навязанной; она вызвала бы раздоры среди избирателей и привела бы къ расколамъ среди трудящихся на фабрикахъ и заводахъ. Какъ извѣстно, предложеніе это было отвергнуто.

Но наиболѣе отрадное на меня впечатлѣніе произвели дебаты по поводу мѣръ, которыя слѣдуетъ принять Совѣту

рабочихъ Депутатовъ, въ виду ожидавшагося въ Петербургѣ огрома. Выступая, одинъ за другимъ, депутаты сообщали обранію, что именно предпринято на ихъ заводахъ или абрикахъ для отраженія хулигановъ. При этомъ нѣкоторые зъ нихъ, къ общему удовольствію присутствовавшихъ, де-онстрировали образчики заготовленнаго ими оружія.

— Пусть только черносотенцы попробуютъ напасть на езащитныхъ, мы йхъ вотъ этимъ угостимъ! — восклицалъ раторъ, размахивая кистенемъ или нагайкой, и присутство-авшіе провожали его громкими аплодисментами.

Слушая эти заявленія и всматриваясь въ возбужденныя ица рабочихъ, я тогда же вынесъ впечатлѣніе, что съ ними е рѣшится помѣриться силами разнузданная темная и не-ѣжественная толпа. И, дѣйствительно, только благодаря Со-ѣту Рабочихъ Депутатовъ, въ столицѣ не произошелъ не-омнѣнно подготовлявшійся тогда погромъ.

Во время наступившаго затѣмъ перерыва къ намъ съ . И. Засуличъ подходили многіе рабочіе знакомиться. Мы ожимали десятки протягивавшихся къ намъ рукъ, отвѣ-али на задаваемые вопросы и, въ свою очередь, распра-ивали нашихъ собесѣдниковъ о многомъ. Молодыя, ожи-ленныя лица ихъ производили самое симпатичное впечат-ѣніе.

Возвращаясь съ этого засѣданія, послѣ полуночи, мы оба ыли въ наилучшемъ настроеніи. Особенно хорошо, пови-имому, чувствовала себя В. Засуличъ, громко выражавшая вое удовольствіе по поводу рабочихъ депутатовъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени мнѣ пришлось быть лишь аблюдателемъ всего совершавшагося тогда въ Петербургѣ ромѣ засѣданій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, я посѣщалъ роисходившіе тогда многочисленные митинги, чтобы непо-редственно познакомиться со взглядами и настроеніемъ ассъ. Поэтому, являясь на какое-нибудь многолюдное собра-іе, я обыкновенно забирался куда-нибудь въ глубину, вдали съ товарищей и знакомыхъ и, переходя отъ одной группы

къ другой, какъ бы въ качествѣ интересующагося новичка, разспрашивалъ рабочихъ объ ораторахъ и ихъ рѣчахъ.

— Это кто говоритъ?

— А это, видишь, „революціонеръ“: онъ хочетъ, чтобы вся земля отошла мужикамъ. А тотъ, что раньше говорилъ, „демократъ“. По его, невозможно подѣлить землю; надо, чтобы весь народъ сперва выбралъ депутатовъ.

— Ну, а вы какъ полагаете, кто изъ нихъ вѣрнѣе толкуетъ?—спрашивалъ я и получалъ различные отвѣты, смотря по собесѣднику.

Только по прошествіи двухъ недѣль мнѣ самому пришлось говорить на одномъ рабочемъ собраніи при довольно оригинальной обстановкѣ.

Бесѣдуя на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Совѣта Рабочихъ съ однимъ депутатомъ, я разспрашивалъ его о заводѣ, на которомъ онъ работалъ и, заинтересовавшись его сообщеніями, вызвался придти когда-нибудь къ нему. Онъ охотно принялъ мое предложеніе, и мы условились, что я явлюсь къ нему на квартиру въ ближайшее воскресенье утромъ. Онъ жилъ въ отдаленнѣйшей части Выборгской стороны. Во дворѣ огромнаго дома, мой новый знакомый, имѣющій жену и двоихъ дѣтей, занималъ бѣдно обставленную квартирку изъ двухъ крохотныхъ комнатокъ. Но по всему было видно, что хозяева ея не лишены культурныхъ привычекъ и стремленій. Посидѣвъ немного и потолковавъ о разныхъ вопросахъ, я отправился съ нимъ на его заводъ, такъ какъ онъ долженъ былъ дать отчетъ своимъ избирателямъ о рѣшеніи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ.

Въ довольно большой мастерской, вскорѣ послѣ нашего прихода, собралось человѣкъ около 200. Съ нѣкоторыми изъ нихъ меня познакомилъ пришедшій со мною депутатъ.

— Надо сходить за хозяиномъ,—сказалъ онъ затѣмъ и удалился.

Меня удивило это заявленіе. На мой вопросъ объ этомъ, нѣкоторые рабочіе сообщили мнѣ, что ихъ хозяинъ—человѣкъ образованный, окончившій спеціальное высшее учебное

заведеніе; къ тому же хорошій, добрый человѣкъ: жалованіе даетъ имъ лучшее, чѣмъ въ другихъ подобныхъ заводахъ, а работаютъ они только по девять часовъ въ день. Онъ не только не запрещаетъ имъ устраивать на заводѣ митинги, но всегда,—присутствуя на нихъ со всѣми своими служащими—инженерами и конторщиками,—самъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дебатахъ.

Такая характеристика хозяина довольно крупнаго машиностроительнаго завода меня заинтересовала. Вскорѣ затѣмъ, въ сопровожденіи еще нѣсколькихъ лицъ, заявился онъ и, поздоровавшись съ рабочими, сѣлъ на единственномъ стулѣ около длиннаго стола. То былъ средняго роста, довольно плотный господинъ, лѣтъ за 40, съ простымъ, добрымъ, но мало интеллигентнымъ лицомъ. По внѣшнему виду его можно было принять за купца.

Собравшіеся рабочіе придвинулись поближе къ столу. Большинство стояло; нѣкоторые расположились на скамейкахъ, иные стали на станкахъ. Я отошелъ къ окну и очутился позади хозяина.

Кромѣ приведшаго меня депутата, отъ этого завода въ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ входилъ еще другой. Оба они стали сообщать о принятыхъ постановленіяхъ на послѣднемъ засѣданіи. Когда они окончили свой докладъ, хозяинъ спросилъ:

— Ну, а какъ насчетъ 8-ми часового рабочаго дня все попрежнему?

— Да, рѣшили больше 8 часовъ не работать,—отвѣчали депутаты.

— Нѣтъ, господа, такъ нельзя дѣлать! Изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Вотъ было у насъ тоже собраніе фабрикантовъ и заводчиковъ. Мы постановили ни въ какомъ случаѣ не уступать вамъ. Для насъ это полное разореніе. Мы не можемъ вести дѣла. Какъ же это такъ,—революціоннымъ способомъ! Нигдѣ за границей нѣтъ того, чтобы 8 часовъ работали. Мы не можемъ конкурировать. Вы все хотите сразу. Революціонный способъ васъ приведетъ только

къ несчастію, къ бѣдѣ. Надо дѣйствовать постепенно, мирно, а не насильственно. Наша промышленность еще очень мало развита. Мы, заводчики, получаемъ самую малую прибыль. Вотъ на нашемъ засѣданіи было высчитано, что у насъ прибыль не больше 5½—6%%. А если вы будете работать только 8 часовъ, мы будемъ въ убыткѣ, мы тогда разоримся. Заводы и фабрики закроемъ. Вы останетесь безъ заработка.

Въ такомъ родѣ, отрывочными, безсвязными фразами, съ остановками для пріисканія словъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ толковалъ этотъ хозяинъ-инженеръ. Слушая его, не вѣрилось, что говоритъ человѣкъ интеллигентный, окончившій высшее учебное заведеніе: такъ у насъ разсуждаютъ только вполнѣ невѣжественные люди.

Одинъ за другимъ стали возражать ему рабочіе, главнымъ образомъ депутаты. Но потому ли, что они стѣснялись, или вообще не были привычны къ веденію споровъ, ихъ доводы также не отличались большой ясностью и убѣдительностью. Имъ нѣсколько разъ возражалъ хозяинъ въ томъ же духѣ, какъ было мною приведено выше.

Я со вниманіемъ слушалъ въ высшей степени интересный споръ между капиталистомъ и рабочими и, давъ обѣимъ сторонамъ вдоволь наговориться, подошелъ къ хозяину, отрекомендовался первой, подвернувшейся мнѣ на языкъ фамиліей—Афанасьевымъ, и попросилъ у него слово.

Не буду передавать здѣсь своей рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ свое время она была кѣмъ-то сообщена въ „Новомъ Мірѣ“. Скажу лишь, что я старался, на сколько возможно популярнымъ образомъ, объяснить слушателямъ современныя условія производства, конкуренціи, рынковъ и т. п., не оставивъ при этомъ ни одной фразы хозяина безъ возраженія. Разбить его доводы не представляло никакой трудности, и если судить по выраженіямъ лицъ слушателей, по ихъ одобрительнымъ замѣчаніямъ и шумнымъ аплодисментамъ, надо полагать, что они остались мною довольны. Да и самъ хозяинъ заявилъ потомъ, что я ему многое разъяснилъ, и что *онъ въ этихъ* вопросахъ несвѣдущъ; тѣмъ не менѣе, онъ

все же попытался кое-что возразить мнѣ. Но я вновь отвѣтилъ ему все въ томъ же сдержанномъ тонѣ, не прибѣгая ни къ какимъ рѣзкостямъ. Въ заключеніе, этотъ хозяинъ пригласилъ меня придти еще къ нему на заводъ, заявивъ, смѣясь, что, можетъ быть, онъ и самъ тогда сдѣлается соціалъ-демократомъ. Мы разстались, пожимая другъ другу руки. Рабочіе подходили благодарить меня и говорили, что я прочелъ имъ „настоящую лекцію". По предложенію нѣкоторыхъ изъ нихъ, я пошелъ съ ними осматривать заводъ. Уже смеркалось, когда я отправился домой.

Каждый день приносилъ что-нибудь особенное, новое: то возстаніе въ Екатеринославѣ и Севастополѣ, съ захватомъ власти мѣстными рабочими въ свои руки, то военная демонстрація въ Москвѣ и Кіевѣ и т. д. Революціонное движеніе видимо все возрастало и усиливалось. Казалось несомнѣннымъ, что революція восторжествуетъ и окончательно низвергнетъ старый, отжившій строй, который, за вычетомъ ничтожной кучки лицъ, заинтересованныхъ въ его удержаніи, да темной массы черносотенцевъ, всѣмъ надоѣлъ, всѣмъ сталъ въ тягость. Рабочій классъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большую силу и значеніе. Съ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ считалось и правительство. Полиція не чинила никакихъ препятствій его засѣданіямъ, а также многочисленнымъ собраніямъ и митингамъ рабочихъ. Въ разныхъ концахъ города устраивались клубы, въ которые сходились сотни рабочихъ и молодежи. Каждый день возникали новые органы печати. Въ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ, издававшихся во многихъ тысячахъ экземпляровъ, писали о такихъ вопросахъ и такимъ языкомъ, какъ это принято только въ дѣйствительно свободныхъ, демократическихъ странахъ. Газетчики то и дѣло выкрикивали на улицахъ: „Центральный органъ соціалъ-демократической пар-

тіи", „Программа соціалъ-демократической партіи" и т. п. И полицейскіе, слушая эти выкрикиванія, молча проходили мимо. Мнѣ долго не вѣрилось, что все это происходитъ въ дѣйствительности, что все это „въ серьезъ". Вскорѣ, однако, оказалось, что то была лишь кажущаяся „свобода".

Государственный механизмъ, какъ извѣстно, остался неприкосновеннымъ: администрація, полиція и всѣ другія правительственныя учрежденія не подверглись ни малѣйшимъ измѣненіямъ. Уже по одному этому нельзя было считать полученныя „свободы" настоящими, дѣйствительными, и сколько-нибудь прочными. Но къ тому же, рядомъ съ нѣкоторыми „вольностями", ежедневно то здѣсь, то тамъ, обнаруживались факты, ясно доказывавшіе, что „старый порядокъ" вовсе не отжилъ еще, что реакція щупаетъ лишь почву, собирается съ силами, чтобы все вернуть къ прежнему.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я былъ на всѣхъ тѣхъ засѣданіяхъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, на которыхъ обсуждался вопросъ, какъ отнестись къ указаннымъ распоряженіямъ правительства. Выслушивая доклады депутатовъ объ отношеніи ихъ избирателей къ новой стачкѣ, я былъ буквально пораженъ готовностью петербургскаго трудящагося населенія, еще неуспѣвшаго сколько-нибудь оправиться отъ пережитыхъ имъ ужасныхъ октябрьскихъ дней, вновь принести огромныя жертвы, вновь подвергнуться неисчислимымъ бѣдствіямъ и страданіямъ изъ чувства солидарности.

Здѣсь замѣчу, къ слову, что, несмотря на очевидно преобладающее среди рабочихъ желаніе прибѣгнуть къ новой *стачкѣ*, мнѣ лично тогда казалось болѣе цѣлесообразнымъ

воздержаться отъ нея, чтобы не истощать чрезмѣрно силъ уже и безъ того такъ много вынесшаго въ тотъ ужасный годъ трудящагося населенія столицы, да и всей страны. Я полагалъ, что представители нашей соціалъ-демократической партіи, игравшіе видную роль въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, должны были бы всѣми силами удержать рабочихъ отъ этой стачки, что я и высказалъ нѣкоторымъ товарищамъ; но они совершенно ошибочно утверждали, что мы не можемъ и не должны идти противъ желанія трудящагося населенія.

Хотя и на этотъ разъ правительство уступило, отмѣнивъ свои распоряженія, но эффектъ, произведенный ноябрьской стачкой на средняго обывателя, надо признаться, былъ крайне неблагопріятный. Она расколола населеніе столицы. Отъ многихъ приходилось мнѣ тогда слышать о неодобрительномъ отношеніи къ ней, чему въ значительной степени посодѣйствовали нѣкоторые представители нашей либеральной партіи, обвинявшіе соціалъ-демократовъ за объявленіе этой стачки и сравнивавшіе ихъ съ анархистами. Какъ извѣстно, прокуроръ петербургской судебной палаты Камышанскій, въ одной изъ своихъ обвинительныхъ рѣчей, воспользовался этими обвиненіями нашихъ дальновидныхъ либеральныхъ политиковъ.

Замѣчая расколъ въ лѣвомъ лагерѣ, правительство попробовало пойти далѣе по пути преслѣдованій. Въ концѣ ноября безъ всякаго повода и основанія былъ арестованъ предсѣдатель Сов. Рабоч. Депутатовъ, а спустя немного дней, забрали во время засѣданія и большинство депутатовъ. Органы всѣхъ крайнихъ партій были прекращены, а многіе редакторы и издатели ихъ арестованы. Реакція, очевидно, подняла вновь голову. Тогда, какъ извѣстно, рабочіе вновь рѣшили протестовать противъ репрессій, и въ началѣ декабря объявили третью политическую стачку.

Нужно было близко знать положеніе трудящагося населенія столицы, чтобы понимать, какую неимовѣрную жертву дѣлу свободы приносили рабочіе, рѣшаясь приступить къ новой забастовкѣ. Уже послѣ второй, ноябрьской, десятки

тысячъ человѣкъ изъ ихъ среды были обречены буквально на голодъ, такъ какъ многіе заводы и фабрики позакрывались. Устроенный Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ комитетъ для оказанія помощи безработнымъ съ утра до поздняго вечера былъ осаждаемъ массами лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію. Незначительныя пособія, которыя въ состояніи былъ выдавать этотъ комитетъ, являлись каплями въ морѣ нужды. И, несмотря на все это, хорошо зная господствующую въ его средѣ нищету, петербургскій пролетаріатъ все же не остановился передъ грозившими ему новыми ужасными бѣдствіями. Онъ рѣшилъ объявить стачку въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ, къ тому же не задолго до Рождественскихъ праздниковъ, предъ которыми желѣзнодорожные рабочіе, играющіе чуть ли не первенствующую роль въ политической забастовкѣ, получаютъ годичныя наградныя деньги.

Для всякаго, сколько-нибудь знакомаго со всѣми этими обстоятельствами, было ясно, что декабрьская стачка можетъ въ томъ лишь случаѣ имѣть благопріятный исходъ, когда она будетъ всеобщей и настолько продолжительной, что правительство, какъ и въ октябрѣ, увидитъ себя вынужденнымъ пойти на уступки. Но, чтобы она стала таковой, необходимо было располагать огромными матеріальными средствами, которыя дали бы возможность въ теченіе довольно продолжительнаго времени оказывать поддержку огромному контингенту стачечниковъ.

Стараясь, какъ и другіе товарищи, придумать источники для этого, я вспомнилъ, что западно-европейскія рабочія партіи приходятъ другъ другу на помощь во время стачекъ. Къ тому же мнѣ, долго жившему за границей и лично знавшему многихъ членовъ тамошнихъ соціалистическихъ партій, было извѣстно, что наше рабочее движеніе пользуется у нихъ особенной симпатіей. Я внесъ, поэтому, предложеніе обратиться за содѣйствіемъ къ европейскому пролетаріату. Предложеніе мое было всѣми одобрено и рѣшено, во избѣжаніе проволочекъ, чтобы я съ этой миссіей отправился за границу.

Мой очеркъ растянулся бы неимовѣрно, если бы я захотѣлъ сколько-нибудь подробно коснуться всѣхъ крупныхъ событій, которыми ознаменовались такъ называемые у насъ „дни свободы“. По этой же причинѣ я прохожу молчаніемъ все то, что въ указанную эпоху происходило среди разныхъ, впервые тогда народившихся, а также уже раньше возникшихъ, союзовъ и партій. Одно могу сказать о дѣятельности большинства изъ нихъ въ ту пору: въ ихъ органахъ много писалось, а еще больше того произносилось ими рѣчей на многочисленныхъ ихъ собраніяхъ, конференціяхъ и съѣздахъ. Въ этомъ обильномъ потокѣ печатнаго и устнаго слова, которымъ, главнымъ образомъ, и выразилась жизнь лѣвыхъ партій, было кое-что и дѣльное и умѣстное, но—надо признаться—попадалось не мало невѣрнаго и излишняго. Этихъ промаховъ не избѣгла, къ сожалѣнію, и та партія, къ которой и я принадлежу. Было бы, однако, въ высшей степени несправедливо черезчуръ строго относиться къ этому, а тѣмъ болѣе—ставить въ вину цѣликомъ той или другой партіи промахи отдѣльныхъ ея членовъ. Не говоря уже про то, что ошибокъ никто не чуждъ, онѣ неизбѣжны при многоговореніи и многописаніи. А безъ послѣдняго, повидимому, намъ нельзя было обойтись: послѣ пребыванія въ теченіе многихъ десятилѣтій въ жестокихъ тискахъ всевозможныхъ стѣсненій и запрещеній, мы впервые тогда получили возможность громко высказать все наболѣвшее у насъ, сообщить о всѣхъ нуждахъ страны, о желаніяхъ, стремленіяхъ населенія. Все это такъ понятно и естественно.

Не слѣдуетъ къ тому же упускать изъ виду еще другого, чрезвычайно важнаго обстоятельства. Хотя крайнія партіи много лѣтъ говорили о скоромъ наступленіи революціи,—она все же явилась неожиданно и застала всѣхъ врасплохъ. Вылѣзшимъ вдругъ изъ подполья членамъ этихъ партій нужно было бы обладать особенными, геніальными способностями, чтобы сразу разобраться въ высшей степени сложныхъ, запутанныхъ политическихъ условіяхъ и тотчасъ же принять вполнѣ безошибочный образъ дѣйствій. Каждой

всѣхъ слоевъ населенія и привлечь въ стачечную кассу значительныя матеріальныя средства отъ общества. Насколько мнѣ извѣстно, для этого не сдѣлано было имъ ничего или очень мало. Между тѣмъ, какъ я уже упоминалъ, время для проведенія всеобщей стачки выбрано было крайне неудачное. Населеніе, неуспѣвшее еще оправиться отъ испытанныхъ имъ лишеній и страданій, причиненныхъ ему прежними двумя забастовками, чувствовало себя чрезвычайно утомленнымъ. И, несмотря на все это, рабочіе довольно дружно отозвались на призывъ Совѣта объявить новую стачку. Но то были, главнымъ образомъ, заводскіе, фабричные, печатнаго дѣла и разныхъ мастерскихъ. Желѣзнодорожные же рабочіе Петербурга, какъ извѣстно, вовсе не примкнули къ ней.

Вначалѣ я охотно принялъ предложеніе поѣхать за границу для сбора денегъ въ пользу стачечниковъ. Но уже на третій день послѣ объявленія этой забастовки, пока шли у меня сборы въ дорогу, мнѣ сдѣлалось яснымъ до очевидности, что стачка не будетъ всеобщей, а, слѣдовательно, окончится полной неудачей. Тогда же телеграфъ принесъ извѣстіе о предпринятомъ адмираломъ Дубасовымъ разгромѣ Москвы,—и у меня исчезло всякое желаніе ѣхать. Но товарищи и друзья мои самымъ настоятельнымъ образомъ убѣждали меня отправиться за границу. Хотя съ крайней неохотой—мнѣ пришлось согласиться.

Я проживалъ подъ именемъ дворянина А. Н. Меньшикова на Итальянской улицѣ, рядомъ съ дворцомъ великаго князя Николая Николаевича. Рѣшивъ ѣхать, я надумалъ взять заграничный паспортъ на это имя. Изъ участка мнѣ безъ всякихъ затрудненій выдали удостовѣреніе въ томъ, что со стороны полиціи нѣтъ препятствій къ моему выѣзду. Съ этимъ свидѣтельствомъ я отправился въ канцелярію градоначальника и, по уплатѣ всего положеннаго, получилъ заграничный паспортъ.

Имѣя въ виду пробыть въ отъѣздѣ короткое время, я

оставилъ квартиру за собою, но не желая, по разнымъ соображеніямъ, чтобы нѣкоторые изъ посѣщавшихъ меня знакомыхъ знали, куда именно я отправился, я, прощаясь, назвалъ хозяйкѣ первый подвернувшійся мнѣ городъ, кажется, Могилевъ. Эта дипломатическая хитрость едва не имѣла для меня потомъ печальныхъ послѣдствій.

До Берлина въ одномъ купэ со мною ѣхалъ купецъ изъ Москвы, пробывшій въ Петербургѣ всего лишь нѣсколько часовъ, а передъ тѣмъ жившій въ родномъ городѣ. Онъ подробно разсказывалъ мнѣ о московскомъ возстаніи, очевидцемъ котораго самъ былъ. Всю дорогу не могъ онъ придти въ себя отъ ужаса, пережитаго имъ и его семьей, и въ пути его не оставляла тревога за жену и дѣтей. Слушая его разсказы и сѣтованія, мнѣ подъ шумъ колесъ казалось, что въ ушахъ моихъ раздается стрѣльба изъ ружей и пальба изъ пушекъ по мирнымъ жителямъ, попрятавшимся въ своихъ жилищахъ. Вначалѣ купецъ этотъ во всемъ происшедшемъ обвинялъ революціонеровъ, но я старался объяснить ему, кто дѣйствительный виновникъ, и, кажется, мнѣ это удалось. Подъ конецъ онъ сталъ даже выражать сочувствіе освободительному движенію.

По прибытіи въ Берлинъ, я тотчасъ отправился къ членамъ Vorstand'a (Центральный Комитетъ) соціалъ-демократической партіи. Мнѣ немного пришлось имъ разсказывать о нуждѣ, испытываемой петербургскими рабочими, начавшими третью стачку,—они поняли меня чуть не съ перваго слова и отнеслись въ высшей степени сочувственно къ предпринятой русскимъ пролетаріатомъ рѣшительной борьбѣ. Готовность нашихъ рабочихъ къ безграничному самопожертвованію за дѣло свободы вызывала изумленіе у этихъ старыхъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ вожаковъ превосходно организованной и наиболѣе сознательной во всемъ цивилизованномъ мірѣ соціалъ-демократической партіи.

— Меня поражаетъ необыкновенная выносливость вашихъ рабочихъ: это удивительно, непостижимо!—говорилъ Зингеръ.—Мы восхищаемся ихъ геройствомъ.

Но онъ тутъ же высказалъ сомнѣніе, чтобы эта стачка могла увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ она не можетъ быть продолжительной: наши рабочіе, по его мнѣнію, были черезчуръ изнурены прежними забастовками; поэтому, какъ ни способны они къ выносливости, какъ ни привычны къ лишеніямъ,—все имѣетъ свои границы, и они вынуждены будутъ скоро прекратить стачку.

— Матеріальная поддержка пролетаріата всего міра будетъ недостаточна для прокормленія сотенъ тысячъ бастующихъ рабочихъ. У насъ стачка считается проигранной, когда она длится дольше трехъ дней,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Но особенно горячо отнеслись къ моей миссіи молодые адвокаты — Оскаръ Конъ и Карлъ Либкнехтъ, а также К. Каутскій съ женой. Эти лица всѣми силами старались, чтобы мнѣ удалось собрать какъ можно больше средствъ для стачечниковъ.

Телеграфъ, между тѣмъ, приносилъ каждый день извѣстія о томъ, что забастовка идетъ на убыль, и я не успѣлъ еще собраться въ дорогу, какъ пришло сообщеніе о ея полномъ прекращеніи, а также о подавленіи московскаго возстанія. Не имѣло болѣе смысла ѣхать мнѣ еще и въ другія страны. Черезъ шесть дней послѣ выѣзда я вновь былъ въ Петербургѣ, гдѣ передалъ привезенныя мною нѣсколько тысячъ рублей стачечному комитету. Деньги эти были, конечно, кстати, но они оказались ничтожной крупицей по сравненію съ огромной нуждой, вызванной забастовкой.

Какъ и можно было ожидать, всѣ были недовольны новымъ составомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, всѣ обвиняли его предсѣдателя въ неумѣлой организаціи стачки, въ разныхъ промахахъ и полной его непрактичности. Почувствовавъ это, онъ самъ отказался отъ предсѣдательства, и на состоявшемся въ Финляндіи общемъ собраніи депутатовъ, вмѣсто него, выбранъ былъ, кромѣ исполнительнаго комитета изъ тридцати съ чѣмъ-то человѣкъ, еще президіумъ

изъ пяти членовъ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ многіе члены нашей соціалъ-демократической партіи, находили, что при невозможности для Совѣта Рабочихъ Депутатовъ существовать явно, устраивая открыто въ Петербургѣ свои засѣданія, онъ теряетъ все свое значеніе и долженъ прекратить свое существованіе. Уже и раньше чувствовавшійся, хотя и въ слабой степени, антагонизмъ между нашей партіей и Совѣтомъ, послѣ третьей стачки еще болѣе усилился. У нѣкоторыхъ товарищей мнѣ приходилось замѣчать даже недружелюбное отношеніе къ этой организаціи.

Хотя я и самъ не былъ преувеличенно высокаго мнѣнія о новомъ составѣ Совѣта, но вполнѣ безполезнымъ, какъ другіе, я не считалъ его. Поэтому, получивъ по возвращеніи изъ Берлина предложеніе приходить на засѣданія президіума, происходившія ежедневно, я нѣсколько разъ посѣтилъ ихъ и принималъ, въ качествѣ частнаго лица, участіе въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ текущихъ дѣлъ. Долженъ признаться, что составъ президіума не импонировалъ. За исключеніемъ одного пожилого рабочаго, остальными членами его являлись хотя симпатичные, неглупые и способные молодые люди, но они не производили внушительнаго впечатлѣнія. Казалось довольно страннымъ, что эти юноши, изъ которыхъ одинъ былъ еще безбородымъ, являются представителями всего петербургскаго пролетаріата. У нихъ не только не видно было особеннаго умѣнья взяться за дѣло и достаточнаго опыта, а, наоборотъ, скорѣе бросалась въ глаза ихъ безпомощность, растерянность.

По возвращеніи изъ Берлина, я, между прочимъ, считалъ полезнымъ осуществить слѣдующій планъ.

Какъ извѣстно, въ то именно время находящееся въ Брюсселѣ интернаціональное соціалистическое бюро предложило рабочимъ партіямъ всего цивилизованнаго міра чествовать 9 января на ряду съ 1-мъ мая, какъ знаменательный день для пролетаріата всѣхъ странъ. Въ Берлинѣ я узналъ, какія приготовленія предпринимаетъ нѣмецкая соціалъ-демократическая партія для ознаменованія дня, отъ

котораго повсюду уже принято считать начало русской революціи. Вполнѣ естественно, поэтому, что, по возвращеніи въ Петербургъ, я сообщилъ объ этомъ товарищамъ, членамъ нашего центральнаго комитета, а также президіуму Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. При этомъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, я предложилъ отправить сообща за границу депутацію изъ двухъ рабочихъ и одного интеллигента для выраженія признательности западно-европейскому пролетаріату за проявляемое имъ сочувствіе нашему революціонному движенію и за его готовность оказать намъ моральную и матеріальную поддержку, такъ какъ 9 января повсюду предполагалось устраивать огромные митинги, сборы съ которыхъ должны были пойти въ пользу русскихъ рабочихъ, лишившихся изъ-за стачекъ заработка. Напомню здѣсь, что итальянская соціалистическая партія внесла въ интернаціональное бюро предложеніе, чтобы рабочіе всего цивилизованнаго міра отдали русскимъ ихъ братьямъ свой однодневный заработокъ.

Всѣ отнеслись очень одобрительно къ моему предложенію, и обѣ организаціи выбрали меня своимъ представителемъ; исполнительный же комитетъ Совѣта, сверхъ того, выбралъ еще трехъ делегатовъ рабочихъ. Но мнѣ совершенно не хотѣлось, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Берлина, вновь отправляться за границу, къ тому же, на этотъ разъ, на довольно продолжительное время, такъ какъ предполагалось объѣздить крупные города нѣсколькихъ западныхъ государствъ. Однако, какъ и въ первый разъ, послѣ долгихъ отказовъ, мнѣ все же пришлось согласиться, потому что никто другой изъ интеллигентныхъ товарищей, знающихъ европейскія страны и порядки, не хотѣлъ туда отправиться съ указанной миссіей.

Вновь получилъ я удостовѣреніе отъ полиціи на имя Меньшикова объ отсутствіи препятствій къ моему выѣзду, и опять отправился я съ нимъ въ канцелярію градоначальника. Какъ и въ первый разъ, мнѣ тамъ предложили явиться за заграничнымъ паспортомъ на слѣдующій день. Вернув-

шись предъ вечеромъ къ дому, въ которомъ помѣщалась моя квартира, я замѣтилъ у его подъѣзда типичнаго господина, извѣстнаго у насъ подъ кличкой „гороховаго польто“. Такъ какъ у насъ повсюду встрѣчаются эти господа, то я не придалъ особеннаго значенія его присутствію.

Съ однимъ изъ младшихъ дворниковъ я успѣлъ довольно хорошо познакомиться. То былъ крестьянинъ одной изъ центральныхъ губерній, грамотный и любознательный. Какъ и всѣ тогда, онъ очень интересовался всѣмъ происходившимъ въ Россіи и въ свободную минуту съ жадностью набрасывался на газету. Но такихъ минутъ днемъ, въ особенности зимою, бывало у него мало. Поэтому, встрѣчая меня, Сергѣй — такъ звали его — всегда спрашивалъ: „а что, А. Н., сегодня напечатано въ газетахъ?“ И я всегда сообщалъ ему о крупныхъ фактахъ, которые могли его интересовать. Иногда, заглядывая въ бумажку, онъ спрашивалъ меня о значеніи непонятныхъ ему словъ, а то и цѣлыхъ предложеній, вѣроятно вычитанныхъ имъ въ какой-нибудь газетѣ. На этой почвѣ, но также и благодаря денежнымъ вознагражденіямъ, которыя онъ отъ меня получалъ время отъ времени за разныя мелкія услуги, у насъ съ Сергѣемъ установились, подъ конецъ, довольно хорошія отношенія.

Когда я въ указанный вечеръ прошелъ во дворъ, онъ, нагнавъ меня, торопливымъ шопотомъ быстро проговорилъ:

— А. Н.! Васъ хотятъ забрать: сегодня здѣсь цѣлый день бѣгаютъ агенты и полиція,—все про васъ разспрашивали, какъ живете, да когда домой возвращаетесь.

Оглядѣвшись по сторонамъ, онъ скорой походкой ушелъ въ обратную сторону.

Сообщеніе это, конечно, не заключало въ себѣ ничего пріятнаго. Повернуть также обратно, чтобы не возвращаться болѣе въ свою квартиру, мнѣ нельзя было, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, были бы забраны разныя лица, приходившія ко мнѣ. Да къ тому же стоявшій у подъѣзда шпикъ, увидѣвъ, что я ухожу, вѣроятно, задержалъ бы меня. Я поднялся по лѣстницѣ въ свою квартиру.

Въ ожиданіи моего возвращенія, у меня сидѣлъ одинъ изъ трехъ товарищей-рабочихъ, которые выбраны были делегатами для поѣздки со мною за границу. Я передалъ ему о только что полученномъ сообщеніи и посовѣтовалъ ему поскорѣе ретироваться. Вскорѣ послѣ его ухода, заявился Парвусъ, которому я сдѣлалъ то же предложеніе. Затѣмъ, уничтоживъ все лишнее и придумавъ способъ, какъ прошмыгнуть незамѣченнымъ мимо шпика, я и самъ направился къ выходу. Но тамъ его не оказалось, — вѣроятно онъ устремился за кѣмъ-нибудь изъ приходившихъ ко мнѣ товарищей.

Переночевавъ у друзей, я рано утромъ 3-го января отправился доканчивать свои приготовленія къ отъѣзду за границу. Тогда я узналъ, между прочимъ, что наканунѣ вечеромъ забрали во время засѣданія большинство членовъ исполнительнаго комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Только благодаря предупрежденію младшаго дворника о грозящей мнѣ опасности, и явившейся, вслѣдствіе этого, необходимости измѣнить планъ своего отъѣзда, я не отправился на это собраніе. „Везетъ же мнѣ“, помню, подумалъ я, узнавъ объ арестѣ этихъ двадцати пяти депутатовъ.

Границу я рѣшилъ переѣхать нелегально, но по нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ все же хотѣлось получить изъ канцеляріи градоначальника заграничный паспортъ на имя Меньшикова. Опасаясь, однако, что полиція уже распорядилась о задержаніи меня тамъ, когда я явлюсь, я попросилъ одного знакомаго отправить туда посыльнаго съ моимъ письмомъ, въ которомъ я уполномочивалъ его получить мой заграничный паспортъ. Посыльный долженъ былъ затѣмъ принести паспортъ въ Новый театръ и передать его тамъ названному мною лицу, а послѣднее взялось доставить его мнѣ, когда я буду уже въ Финляндіи. При этой комбинаціи, ни я, ни другой кто не подвергался опасности быть арестованнымъ даже въ томъ случаѣ, если бы полиція прослѣдила посыльнаго или задержала его. Вышло, однако, иначе, и къ тому же по моей собственной оплошности.

Всѣ свои сборы къ отъѣзду я закончилъ къ полудню, но вмѣсто того, чтобы, согласно условію, поѣхать въ Финляндію, я рѣшилъ завернуть въ Новый театръ, чтобы повидаться передъ отъѣздомъ съ однимъ знакомымъ артистомъ. Посыльный съ паспортомъ или съ полиціею могъ придти лишь часа черезъ полтора, такъ какъ въ канцеляріи градоначальника мнѣ наканунѣ сказали, чтобы явиться туда послѣ часа пополудни. Въ моемъ распоряженіи, слѣдовательно, было еще достаточно времени для свиданія.

Въ театрѣ въ это время шла репетиція. Побесѣдовавъ съ хорошо мнѣ знакомой директрисой и тамъ же повидавшись съ товарищемъ, который принесъ мнѣ уполномочіе нашего Центральнаго Комитета представлять его предъ западно-европейскими рабочими партіями, я занялъ мѣсто въ одной изъ свободныхъ и темныхъ ложъ, чтобы посмотрѣть новую пьесу; затѣмъ, послѣ перваго акта, направился къ выходу. Но по пути я узналъ отъ моего знакомаго, что разсыльный уже принесъ и передалъ ему мой заграничный паспортъ. „Опасность, слѣдовательно, миновала“, — подумалъ я, и рѣшилъ, что мнѣ нечего особенно торопиться съ уходомъ.

Отъ встрѣтившагося мнѣ служителя театра я узналъ, что мой хорошій знакомый, князь Б—скій, находится въ фойэ „еще съ двумя господами“. Я завернулъ туда. Всѣ трое кончали въ это время завтракъ, къ которому и я присоединился. Одинъ изъ присутствовавшихъ разсказывалъ какой-то смѣшной анекдотъ, когда дверь безъ предварительнаго стука открылась и появившійся на порогѣ господинъ въ мундирѣ съ офицерскими погонами спросилъ:

— Не могу ли видѣть г. Меньшикова?

— Его здѣсь нѣтъ!—отвѣтилъ сразу кн. Б—скій.

Военный не тронулся однако съ мѣста. Мы всѣ сидѣли молча. Прошло нѣсколько мучительныхъ секундъ, показавшихся мнѣ безконечными. Вѣроятно затѣмъ, чтобы положить конецъ этой тяжелой сценѣ, кн. Б—скій, поднявшись, подошелъ къ военному и сталъ съ нимъ о чемъ-то тихо разговаривать.

По мундиру пришедшаго я не могъ разобрать, какого онъ вѣдомства, но было несомнѣнно, что онъ имѣетъ отношеніе къ полиціи. Я сталъ соображать, какъ мнѣ выбраться изъ этой комнаты? Мнѣ пришлось бы пройти мимо военнаго, который догадался бы, что меня-то ему и нужно; между тѣмъ у меня мелькала еще надежда, что кн. Б—скій можетъ быть отвлечетъ пришедшаго въ театръ разыскивать тамъ Меньшикова. Но побесѣдовавъ немного съ военнымъ, онъ подошелъ ко мнѣ и тихо сказалъ по-французски: „нѣтъ ничего серьезнаго". Разъ, такимъ образомъ, военный увидѣлъ, кого изъ трехъ присутствующихъ выбралъ кн. Б—скій, мнѣ ничего другого не оставалось, какъ, въ свою очередь, подойти къ нему.

— Съ кѣмъ имѣю честь? Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Помощникъ пристава Спасской части. Мы получили распоряженіе произвести обыскъ въ вашей квартирѣ въ вашемъ присутствіи, — отвѣтилъ онъ и затѣмъ пригласилъ меня отправиться съ нимъ.

„Какъ глупо вышло",—думалъ я, идя рядомъ съ этимъ помощникомъ, субъектомъ внушительныхъ размѣровъ.

— А у васъ нѣтъ при себѣ револьвера? — обратился онъ ко мнѣ.

— Успокойтесь, нѣтъ. Какъ вы, однако, напуганы!—замѣтилъ я, смѣясь.

— Нисколько! — воскликнулъ онъ, но все время пристально слѣдилъ за моими движеніями, видимо выражая большую тревогу, особенно, когда я засовывалъ руку въ карманъ, чтобы достать носовой платокъ.

У подъѣзда находились полицейскій и какой-то таинственный субъектъ съ приподнятымъ воротникомъ. Обратившись къ нему, помощникъ спросилъ: „это онъ?"

— Тотъ самый!—отвѣтилъ субъектъ, выдавшій этимъ свою профессію.

Меня помощникъ пригласилъ сѣсть съ нимъ въ сани, а полицейскому со шпіономъ приказалъ слѣдовать за нами на другомъ извозчикѣ.

— Вы вѣдь недавно ѣздили за границу?—спросилъ меня помощникъ по дорогѣ.

— Недѣли двѣ тому назадъ,—отвѣтилъ я.

Очевидно, подумалъ я, подозрѣніе полиціи противъ меня возбуждено было тѣмъ, что, спустя столь короткое время, я вторично собирался ѣхать за границу.

Въ боковомъ карманѣ сюртука у меня были нѣкоторые компрометировавшіе меня документы: уполномочія отъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и отъ Центральнаго Комитета Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, а также записная книжка и пр. Все это я расчитывалъ незамѣтнымъ образомъ уничтожить во время предстоявшаго обыска на моей квартирѣ. Но не доѣзжая до дома, въ которомъ она находилась, помощникъ приказалъ извозчику остановиться у какого-то подъѣзда. Вылѣзши затѣмъ изъ саней, онъ предложилъ мнѣ подняться съ нимъ на крыльцо. Оказалось, что то былъ полицейскій участокъ.

— Обыщи ихъ, только сверху! — приказалъ помощникъ полицейскому, когда мы вошли съ нимъ въ первую комнату присутствія.

Считаю нужнымъ заявить здѣсь, что распространившіеся на волѣ, какъ я потомъ узналъ, слухи, будто при арестѣ со мною грубо обходились, совершенно невѣрны. Наоборотъ, потому ли, что я былъ взятъ въ обществѣ князя и другихъ „приличныхъ господъ“ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но со мною тамъ обращались довольно вѣжливо.

Въ отвѣтъ на предложеніе помощника отдать все, что у меня имѣется, я самъ, вынувъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ находились мои документы и деньги, положилъ его на столъ. На переданное мнѣ нашимъ Центральнымъ Комитетомъ уполномочіе, написанное по-французски, помощникъ не обратилъ никакого вниманія. Когда же онъ увидѣлъ на другомъ документѣ съ нѣмецкимъ текстомъ печать Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, то стремглавъ направился съ нимъ въ слѣдующую комнату, откуда, вскорѣ затѣмъ, вышелъ еще болѣе помощника внушительныхъ размѣровъ гос-

подинъ въ мундирѣ съ погонами полковника, заявившій въ отвѣтъ на мой вопросъ, что онъ приставъ этого участка.

— Вы потомственный дворянинъ А. Н. Меньшиковъ?— обратился онъ ко мнѣ.

Я отвѣтилъ утвердительно. Потомъ онъ спросилъ, мнѣ ли принадлежитъ отобранное его помощникомъ уполномочіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ? Я это также подтвердилъ. Затѣмъ я услышалъ какъ изъ сосѣдней комнаты онъ по телефону передавалъ въ Охранное Отдѣленіе, что „задержанъ потомственный дворянинъ А. Н. Меньшиковъ, у котораго отобрано уполномочіе, написанное на нѣмецкомъ языкѣ, за печатью Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и выданное на имя Льва Дейча".

Оставшись съ полицейскимъ, я постарался незамѣтно для него уничтожить нѣкоторыя записи изъ моей памятной книжки, не переданной мною помощнику. Спустя немного времени, приставъ, въ сопровожденіи помощника, вновь явился. Переспросивъ меня о моемъ имени, званіи, лѣтахъ и пр., онъ приказалъ своему помощнику записать всѣ мои показанія и составить актъ о моемъ арестѣ, на основаніи распоряженія Охраннаго Отдѣленія. При этомъ мнѣ прочитанъ былъ раньше того составленный актъ, изъ котораго явствовало, что наканунѣ ночью на моей квартирѣ, въ моемъ отсутствіи, полиціей уже произведенъ былъ обыскъ и перечислялось, какія именно вещи, книги и бумаги были найдены. Такимъ образомъ, оказалось, что заявленіе помощника кн. Б—скому и мнѣ о будто бы еще предстоящемъ у меня обыскѣ было лишь дипломатической хитростью.

Протоколъ о задержаніи меня я подписалъ фамиліею А. Н. Меньшикова. Изъ того, какъ приставъ и его помощникъ обходились со мною, а также изъ ихъ разспросовъ, я убѣдился, что они не подозрѣвали, кто я въ дѣйствительности, и мое предположеніе, что меня прослѣдили, какъ Дейча, не оправдалось; для меня въ теченіе долгаго еще времени оставалось неизвѣстнымъ, что возбудило подозрѣніе полиціи противъ „дворянина А. Н. Меньшикова".

Отобравъ всѣ имѣвшіяся у меня деньги для отсылки ихъ въ Охранное Отдѣленіе, приставъ объявилъ мнѣ, что онъ получилъ распоряженіе отправить меня въ Одиночную тюрьму („Кресты“).

Часовъ около пяти вечера я уже находился въ одной изъ камеръ этой тюрьмы подъ замкомъ.

— Какъ ваша фамилія?

— Меньшиковъ.

— Вы сотрудникъ „Новаго Времени“?

— Ничего подобнаго: я соціалъ-демократъ!

Такіе вопросы на первыхъ порахъ мнѣ постоянно задавали въ тюрьмѣ разныя лица. Уже и раньше меня часто смѣшивали съ извѣстнымъ у насъ литературнымъ клоуномъ, но особенно сильно почувствовалъ я все неудобство такого смѣшенія меня съ нимъ, очутившись въ тюрьмѣ. Многіе видимо гнушались меня, смотрѣли подозрительно, а одинъ надзиратель, какъ я потомъ узналъ отъ товарищей, прямо предупредилъ политическихъ заключенныхъ, чтобы они были осторожны, такъ какъ въ такомъ-то номерѣ сидитъ сотрудникъ „Новаго Времени“ Меньшиковъ: „это не спроста,—его навѣрно посадили лишь затѣмъ, чтобы онъ вывѣдывалъ и разузнавалъ, а потомъ онъ обо всемъ распишетъ въ своей газетѣ“.

Благодаря обстоятельствамъ, при которыхъ меня забрали, я очутился въ тюрьмѣ не только безъ денегъ, но и безъ всякихъ вещей, кромѣ тѣхъ, что были на мнѣ. Между тѣмъ, въ виду нежеланія сразу открыть свою настоящую фамилію и столь незавидной репутаціи за фамиліей Меньшикова, я не могъ получить необходимой поддержки и отъ товарищей по заключенію.

Когда въ первый вечеръ разнесли кипятокъ, у меня не оказалось ни чаю, ни сахару, я попросилъ надзирателя достать для меня заимообразно того и другого у кого-нибудь изъ политическихъ. Онъ ушелъ и, вернувшись вскорѣ, спросилъ, не сотрудникъ ли я „Новаго Времени“?

— Передайте товарищамъ, что я—соціалъ-демократъ!..

Не смотря на такое мое заявленіе, онъ принесъ необходимые мнѣ продукты не отъ политическихъ, а отъ какого-то уголовнаго офицера, что, понятно, было мнѣ крайне непріятно.

Такъ какъ могло пройти много времени, пока разныя инстанціи согласятся прислать въ тюремную контору хотя немного денегъ изъ отобранныхъ у меня при арестѣ, что впослѣдствіи и подтвердилось, я, по совѣту того же надзирателя, рѣшилъ обратиться къ помощнику начальника тюрьмы за займомъ изъ казенныхъ средствъ. Когда, вслѣдствіе моей просьбы, онъ зашелъ ко мнѣ, то, конечно, первымъ его вопросомъ было: „не сотрудникъ ли я „Новаго Времени“?

Въ то время нѣкоторыя лица изъ администраціи продолжали еще немного вѣрить въ наступившія у насъ „свободы“ и допускали, что скоро вновь, какъ послѣ 17-го октября, сразу выпустятъ всѣхъ арестованныхъ на волю. А тамъ— кто знаетъ? — можетъ быть тотъ или иной изъ нихъ попадетъ депутатомъ въ Государственную Думу. Относительно же Меньшикова изъ „Новаго Времени“ такія лица допускали, что при стеченіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, онъ можетъ угодить лишь въ извѣстное учрежденіе, находящееся на 13-й верстѣ *).

Мнѣ пришлось, поэтому, завѣрить и помощника начальника тюрьмы, что я только однофамилецъ жалкаго юродиваго и что это обстоятельство доставляетъ мнѣ въ жизни не мало непріятностей. Не знаю, повѣрилъ ли онъ моимъ словамъ, но онъ согласился отпустить мнѣ три рубля.

Одновременно я написалъ въ Охранное Отдѣленіе о присылкѣ хотя части моихъ денегъ, но я не получилъ оттуда никакого отвѣта. Зато изъ участка, въ отвѣтъ на мою просьбу, я вскорѣ получилъ оставшіяся на моей квартирѣ

*) Заведеніе для умалишенныхъ въ окрестностяхъ Петербурга.

платье, бѣлье и пр., при счетѣ моей хозяйки такого содержанія: „Слѣдуетъ мнѣ съ васъ (столько-то), я же получила (столько), а также массу безпокойствъ по случаю ночного обыска и установленія вашей личности. Итого мнѣ слѣдуетъ (цифра и подпись)“.

Большое развлеченіе доставилъ мнѣ въ одиночной камерѣ этотъ оригинальный счетъ и, въ благодарность за это, я сохранилъ его у себя до настоящаго времени.

Несмотря, однако, на „массу безпокойствъ“, причиненныхъ полиціею бѣдной простой женщинѣ, „личность“ моя еще долго оставалась неустановленной, и я все продолжалъ числиться однофамильцемъ нововременскаго клоуна.

Каждый день приводили въ тюрьму новыхъ арестованныхъ, и огромное шестиэтажное зданіе, состоящее изъ двухъ громадныхъ корпусовъ, болѣе чѣмъ наполовину было наполнено политическими. Какъ и я, многіе изъ нихъ сидѣли долгое время, не зная даже, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Завязавъ, вскорѣ послѣ заключенія въ тюрьму, сношенія съ ними, посредствомъ перестукиванія, я, между прочимъ, узналъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ объясняютъ себѣ причину ихъ задержанія: власти производятъ массовые аресты изъ опасенія, что, въ годовщину кроваваго воскресенья, революціонеры произведутъ шумныя демонстраціи. Но какъ только минетъ этотъ день, двери тюремъ вновь широко раскроются. Вообще, насколько я могъ тогда наблюдать, многіе политическіе были довольно оптимистически настроены,— они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ Россіи восторжествуютъ крайнія партіи, послѣ чего наступитъ настоящая, полная свобода. Я не обольщался такими надеждами и, какъ показали дальнѣйшія событія, оказался, къ сожалѣнію, болѣе правымъ.

Режимъ въ этой тюрьмѣ былъ не особенно строгій тогда. Поэтому, можно было не только сноситься другъ съ другомъ, но удавалось также конспиративно переписываться съ товарищами, находившимися на волѣ, и получать оттуда газеты, брошюры и пр. Мы, такимъ образомъ, не были совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра и знали о всѣхъ наиболѣе крупныхъ событіяхъ и фактахъ.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Утѣшилъ меня нѣсколько только происшедшій тогда же съѣздъ конституціонно-демократической партіи, въ особенности же—произнесенная на немъ проф. Милюковымъ рѣчь, въ которой онъ констатировалъ, что его единомышленники пользуются политическими правами, а потому только они дѣйствуютъ мирными средствами; но если бы ихъ также лишили этихъ правъ, они, конечно, вынуждены были бы вступить на революціонный путь.

Я уже тогда не сомнѣвался, что не за горами то время, когда гг. конституціоналисты-демократы будутъ уравнены въ политическихъ правахъ со всѣми другими, непривилегиро-

ванными партіями. „Значитъ, думалъ я, они примкнутъ къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, — нельзя вѣдь не вѣрить заявленію столь компетентнаго человѣка?—А тогда уже, конечно, восторжествуетъ революція, осуществятся у насъ разныя свободы!“ И въ моемъ воображеніи рисовались уже другія, отрадныя картины. Я представлялъ себѣ гг. Набокова, Родичева, Муромцева и др. въ роли крайнихъ революціонеровъ, ведущихъ массы на баррикады, и приходилъ въ умиленіе.

Въ этой же рѣчи, помню, проф. Милюковъ утверждалъ, что не вѣрны заявленія соціалъ-демократовъ, будто благодаря лишь ихъ усиліямъ возникло у насъ освободительное движеніе. Мы также не мало поработали для этого *),—сказалъ почтенный профессоръ.

„Что и толковать, конечно „поработали“, — размышлялъ я, расхаживая по крохотной камерѣ.—Но какъ и чѣмъ? Въ то время, когда пролетаріатъ и лучшая часть молодежи проливали кровь на улицахъ, гибли въ тюрьмахъ, Сибири и на каторгѣ, что вы, гг. либералы, дѣлали?“ — хотѣлось мнѣ спросить ихъ. „Да и теперь, когда рабочіе со своими семьями буквально голодаютъ мѣсяцами, добывая свободу для страны, многіе ли изъ васъ отзываются на мольбы оказать имъ матеріальную поддержку и велики ли поступающія отъ васъ пожертвованія? Пусть каждый изъ васъ самъ спроситъ себя объ этомъ и про себя сдѣлаетъ сравненіе своей работы, своихъ жертвъ съ усиліями соціалъ-демократовъ?“

Читатель, надѣюсь, понимаетъ, что столь преувеличенное мое мнѣніе о заслугахъ однихъ, и наоборотъ, умаленіе значенія другихъ, объясняется лишь условіями и обстановкой, при которой мнѣ пришлось размышлять объ указанномъ вопросѣ: мало ли какія подчасъ нелѣпыя и несправедливыя мысли приходятъ на умъ въ одиночномъ заключеніи? Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ — кто знаетъ?—быть можетъ я согласился бы со взглядами г. проф. Милюкова.

*) Цитирую по памяти, но за смыслъ ручаюсь.

Шестнадцать дней меня не подвергали никакому допросу, и я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о томъ, въ чемъ меня, собственно, обвиняютъ. Наконецъ, однажды утромъ, надзиратель, открывъ дверь, пригласилъ меня въ контору.

— Зачѣмъ?—спросилъ я.

— На допросъ,—отвѣтилъ онъ.

— Кто пріѣхалъ?

— Жандармы и прокуроръ.

— Скажите, что не хочу идти къ нимъ.

Послѣ его ухода, вскорѣ дверь вновь открылась и въ мою камеру вошелъ жандармскій подполковникъ, на груди котораго красовался академическій значекъ. Онъ заявилъ, что желаетъ получить отъ меня свѣдѣнія о моей личности. Я отказался дать ихъ ему и выразилъ удивленіе по поводу того, что, несмотря на манифестъ 17 октября, жандармы попрежнему ведутъ дознаніе.

— Что же вы думали, что мы уже устранены? — спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Такъ полагалось бы при малѣйшей послѣдовательности,—отвѣтилъ я.

Онъ, конечно, не согласился съ этимъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что безъ содѣйствія жандармовъ, даже послѣ торжественно объявленныхъ „свободъ“, Россія никакъ не можетъ обойтись. Затѣмъ, вновь вернувшись къ своему предложенію, онъ сказалъ:

— Мы вѣдь знаемъ, что вы не Меньшиковъ, а Л. Г. Дейчъ.

— Разъ вы это знаете, вы всѣ свѣдѣнія о Дейчѣ уже имѣете или можете получить ихъ изъ Департамента полиціи.

Въ это время въ камеру вошелъ господинъ въ штатскомъ, котораго я спросилъ, кто онъ и какъ его фамилія. Получивъ отъ него отвѣтъ, что онъ товарищъ прокурора Меллеръ, я высказалъ предположеніе, что онъ, вѣроятно, изъ Училища Правовѣдѣнія.

— Нѣтъ, я окончилъ университетъ,—сказалъ онъ.

— Меня удивляетъ, какъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ можетъ, послѣ манифеста 17 октября, заодно съ жандармами нарушать основные законы, напр., о неприкосновенности личности. Вотъ я уже шестнадцать дней подвергаюсь тяжкому наказанію,—вы, надѣюсь, признаете, что одиночное заключеніе въ этой камерѣ такое именно наказаніе?

Онъ согласился съ этимъ.

— Между тѣмъ,—продолжалъ я,—я до сихъ поръ не знаю даже, въ чемъ меня обвиняютъ, мнѣ не предъявили еще никакого обвиненія!

— До сихъ поръ вы содержались въ охранномъ порядкѣ,—утѣшилъ меня товарищъ прокурора.

— Мнѣ, какъ заключенному, нисколько не легче отъ того, что совершенное надо мною беззаконіе произведено на основаніи охраннаго или какого-нибудь другого административнаго распоряженія.

— Вы, революціонеры, сами виноваты въ томъ, что правительству приходится вводить исключительныя мѣры: не совершай вы разныхъ волненій, въ нихъ не было бы надобности,—сказалъ онъ, указавъ на Остзейскій край.

Меня интересовало еще узнать, чѣмъ вызвано задержаніе отобранныхъ у меня при арестѣ денегъ.

— Мы думаемъ, что эти деньги принадлежатъ Совѣту Рабочихъ Депутатовъ. Докажите, что они ваши,—отвѣтилъ онъ.

— Это очень остроумно,—сказалъ я:—вы у меня отнимаете деньги и отъ меня же требуете доказательствъ, что онѣ мои! Наоборотъ, вы должны были бы доказать, что онѣ не мои.

— Отрицательнаго никогда нельзя доказать,—заявилъ прокуроръ докторальнымъ тономъ.

— Удивительная логика!—воскликнулъ я.

Въ заключеніе нашей бесѣды онъ, однако, согласился сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ отобранныхъ у меня денегъ было мнѣ переведено немного въ тюремную контору.

на улучшеніе пищи. Нѣсколько дней спустя, мнѣ, дѣйствительно, было объявлено, что незначительная часть моихъ денегъ прислана.

Такимъ образомъ, и послѣ этого посѣщенія, я продолжалъ числиться Меньшиковымъ, хотя власти знали, кто я въ дѣйствительности. Но вскорѣ отъ одной моей родственницы пришло изъ Саратова письмо, адресованное въ петербургское жандармское управленіе на мою настоящую фамилію. Узнавъ изъ агентскихъ телеграммъ о моемъ арестѣ, она рѣшила пріѣхать въ Петербургъ, чтобы навѣстить меня въ тюрьмѣ. И раньше уже у меня не было особенно серьезнаго основанія, находясь въ заключеніи, продолжать нести фамилію Меньшикова, вызывавшую непріятную ассоціацію. Къ тому же, опасаясь, что моя родственница можетъ получить отказъ въ свиданіи со мною, только на томъ формальномъ основаніи, что властямъ официально неизвѣстно, кто я,—я рѣшилъ письменно спросить товарища прокурора Меллера, будетъ ли дано свиданіе со мною этой родственницѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ей пришлось бы задаромъ пріѣхать издалека. Заявленіе это я подписалъ своимъ настоящимъ именемъ и фамиліею. Но отвѣта на него я долго не получалъ.

Не буду сообщать, насколько тяжело мнѣ было, когда я вновь очутился въ одиночномъ заключеніи, къ тому же—въ „дни свободы“ и вскорѣ по возвращеніи на родину,—каждый, полагаю, самъ легко представитъ себѣ мое состояніе. Убѣдившись, что послѣ 9-го января двери тюрьмы не растворились широко предъ нами, нѣкоторые заключенные стали утѣшать себя надеждой, что это случится въ февралѣ, мартѣ или „maximum въ апрѣлѣ“; мнѣ же казалось, что пройдетъ не мало мѣсяцевъ, а то и годъ-два, пока, тѣмъ или инымъ способомъ, мнѣ вновь удастся вырваться на свободу. Такая перспектива не могла, конечно, хорошо вліять на мое настроеніе, хотя, какъ я уже упомянулъ выше, въ этой тюрьмѣ я не чувствовалъ себя совершенно оторваннымъ *отъ внѣшняго* міра: днемъ повсюду было большое движеніе,

слышны были человѣческіе голоса, удавалось видѣть товарищей на прогулкѣ, можно было сколько угодно перестукиваться съ ними, а съ волей не трудно было завязать конспиративнымъ образомъ сношенія и получать оттуда разныя свѣдѣнія и новинки.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Ко мнѣ больше не являлись жандармы. Но однажды, въ первыхъ числахъ февраля, открывъ широко дверь, надзиратель радостнымъ тономъ воскликнулъ:

— Собирайте ваши вещи,—васъ выпускаютъ на волю!

— Съ чего вы это взяли?—изумился я, не вѣря его словамъ.

— Изъ конторы сообщили,—отвѣтилъ онъ.

Я тотчасъ же простучалъ одному изъ своихъ сосѣдей, молодому товарищу-студенту, что меня переводятъ въ Петропавловскую крѣпость. Опредѣленныхъ данныхъ для такого заключенія я не имѣлъ; но мнѣ, достаточно знавшему взгляды, понятія и пріемы нашихъ властей, вполнѣ естественно было не вѣрить не только въ возможность внезапнаго освобожденія меня, но даже въ переводъ въ другую тюрьму съ менѣе строгимъ режимомъ. Къ тому же, мнѣ извѣстно было лестное обо мнѣ мнѣніе тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, высказанное имъ одной моей хорошей знакомой, кн. Б—ской, которая просила его выпустить меня на поруки.

— Дейчъ,—сказалъ онъ,—являлся посланникомъ отъ русской революціи къ западно-европейскимъ революціоннымъ партіямъ!

„Это, во всякомъ случаѣ, болѣе почетно,—помню, подумалъ я тогда,—чѣмъ быть изобличеннымъ въ какихъ-то сдѣлкахъ на счетъ казеннаго овса во время войны“.

Правда, онъ соглашался выпустить меня на поруки, но въ томъ случаѣ, если за меня будетъ внесенъ залогъ въ 100 тысячъ рублей.

Въ тюремной конторѣ помощникъ начальника любезно предложилъ мнѣ расписаться въ полученіи порваннаго бу-

шей родственницей, — сказалъ онъ, указывая на лежавшую предъ нимъ бумагу, о которой я выше сообщалъ,—хотя вы подписали ее своей настоящей фамиліей и, такимъ образомъ, признались, кто вы, но офиціально этого недостаточно.

Тогда, въ виду нѣкоторыхъ соображеній, я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ дать необходимыя о себѣ показанія. Мнѣ хотѣлось выяснить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ и какія имѣются противъ меня данныя.

Мнѣ, конечно, предъявлены были статьи Уложенія о наказаніяхъ, трактующія о принадлежности къ тайному сообществу, задающемуся цѣлью ниспровергнуть существующій строй путемъ подготовки вооруженнаго возстанія, для чего пріобрѣталось оружіе, приготовлялись разрушительные снаряды и пр. Въ отвѣтъ на мой вопросъ, на чемъ основано предположеніе о моей принадлежности къ такому страшному сообществу, я узналъ, между прочимъ, слѣдующее.

При арестѣ 2-го января членовъ Исполнительнаго Комитета Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, о чемъ я упоминалъ выше, взяты были протоколы предыдущихъ засѣданій, а также квитанціонная книжка кассира. Въ прочитанной мнѣ жандармскимъ подполковникомъ выдержкѣ изъ протокола послѣдняго засѣданія говорилось: „далѣе товарищъ изъ заграницы изложилъ доводы, по которымъ посылка за границу делегатовъ ко дню чествованія 9 января будетъ имѣть большое агитаціонное значеніе и окажется полезнымъ также въ матеріальномъ отношеніи“. Затѣмъ, въ квитанціонной книжкѣ имѣлась мною подписанная настоящей фамиліею росписка въ полученіи аванса на поѣздку за границу.

— Ясно изъ всего этого,—заявилъ подполковникъ,—что вы именно являетесь „товарищемъ изъ заграницы“. Вы приходили на засѣданіе Исполнительнаго Комитета, вносили предложеніе, васъ выбрали делегатомъ и выдали вамъ деньги на поѣздку, — значитъ, вы состояли членомъ этого тайнаго сообщества.

Я считалъ совершенно излишнимъ отрицать всѣ эти

факты, но безъ малѣйшихъ усилій доказалъ, что изъ указанныхъ въ прочитанной выдержкѣ обстоятельствъ нисколько не слѣдуетъ, чтобы я состоялъ членомъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Такимъ образомъ, выходило, что все мое преступленіе состояло въ намѣреніи поѣхать за границу для агитаціи и сбора денегъ.

— А развѣ намѣреніе благодарить западно-европейскихъ соціалистовъ за ихъ сочувственное отношеніе къ положенію нашихъ рабочихъ, и полученіе отъ нихъ матеріальной поддержки въ пользу пострадавшихъ отъ стачки и преслѣдованій правительства, составляетъ преступленіе? — спросилъ я.

— Только такъ говорится,—отвѣтилъ онъ,—что деньги употреблены были бы на матеріальную поддержку безработнымъ! Нѣтъ вѣдь у васъ такого строгаго раздѣленія кассъ, и собранныя за границей средства могли бы пойти на заготовку оружія, бомбъ и пр.

— Это у правительства и администраціи,—сказалъ я,—случается, что средства, пожертвованныя въ пользу Краснаго Креста и на другія благотворительныя цѣли, остаются въ карманахъ распорядителей и начальниковъ. Относительно же употребленія имѣвшихъ быть собранными мною за границей денегъ нѣтъ теперь никакихъ данныхъ; слѣдовательно, въ моемъ намѣреніи вести агитацію и собирать деньги никакъ нельзя откопать преступленія.

Быть можетъ, изъ нежеланія признать себя вполнѣ опровергнутымъ, подполковникъ, окончившій военно-юридическую академію, вдругъ заговорилъ о томъ, что революціонеры дѣйствуютъ въ интересахъ западно-европейскихъ капиталистовъ, банкировъ-евреевъ, отъ которыхъ, конечно, получаютъ за это соотвѣтственное вознагражденіе. Происходитъ это потому, что главный и преобладающій контингентъ революціонеровъ составляютъ евреи. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ выпустилъ свой извѣстный манифестъ о неуплатѣ производимыхъ правительствомъ займовъ и пр., только для выгоды биржевыхъ игроковъ-евреевъ, спекулирующихъ на

повышеніяхъ и пониженіяхъ нашихъ цѣнностей. Вѣдь подъ этимъ манифестомъ подписанъ „Бундъ“, состоящій изъ однихъ евреевъ, а, слѣдовательно, связанный съ еврейскими же банкирами и капиталистами всѣхъ странъ. Да и въ другихъ партіяхъ главными руководителями являются все евреи,—Ленинъ, Мартовъ, Старовѣръ и др.

Выслушавъ эту тираду, я съ трудомъ удержался сперва, чтобы не расхохотаться, но затѣмъ меня разобрала злость. Сдержавши свой гнѣвъ, я заявилъ, что мнѣ хорошо извѣстны такіе юдофобскіе взгляды, и будь они переданы на иностранныхъ языкахъ, это также могло бы повліять на подрывъ кредита правительства и паденіе русскихъ цѣнностей. Западно-европейскіе капиталисты могли бы разсуждать такъ: „если полковникъ, человѣкъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ такъ разсуждаетъ, то можно ли имѣть довѣріе къ правительству такой страны“.

Онъ, видимо, сконфузился, сталъ изворачиваться, но я заявилъ ему, что не желаю болѣе говорить съ нимъ на эту тему.

Вдругъ онъ заявилъ, что, кромѣ намѣренія поѣхать за границу, за мною имѣется еще одно, столь же тяжкое обвиненіе, а именно — въ участіи въ московскомъ вооруженномъ возстаніи.

— Это же на чемъ основано?—изумился я.

— А вотъ послушайте,—сказалъ онъ и, взявъ какую-то бумагу, прочиталъ сообщеніе полиціи, на основаніи выписки изъ домовой книги, что я въ такихъ-то числахъ декабря заявилъ, что уѣзжаю въ Москву, а, вернувшись, записался прибывшимъ изъ заграницы.

— Какъ разъ то время, когда въ Москвѣ было возстаніе и отсюда уѣзжали цѣлые поѣзда съ революціонерами,— заявилъ полковникъ.—Ясно, что, уѣзжая туда, вы показали правильно мѣсто; когда же вернулись послѣ подавленія возстанія, вы нарочно заявили, что пріѣхали будто бы изъ заграницы.

Въ тонѣ его голоса мнѣ слышалась увѣренность, что въ

этомъ пунктѣ я уже несомнѣнно попался, быть можетъ, потому онъ и приберегъ къ концу это обвиненіе.

Моя квартирная хозяйка, очевидно, забывъ или спутавъ, записала меня въ домовой книгѣ выбывшимъ не въ Могилевъ, какъ я ей сказалъ, а въ Москву. Но при нашихъ нравахъ и порядкахъ такая ничтожная ошибка могла мнѣ сильно повредить: у насъ не трудно найти сколько угодно платныхъ и безплатныхъ свидѣтелей, которые клялись бы, что сами видѣли меня сражающимся въ Москвѣ на баррикадахъ, хотя я находился въ Берлинѣ, слышали мои разговоры и пр...

Но мнѣ не трудно было опровергнуть и это вздорное обвиненіе. Полиція, очевидно, по небрежности, не сообщила, куда слѣдовало, о моей дѣйствительно состоявшейся поѣздкѣ за границу, а, вмѣсто этого, представила неправильную запись изъ домовой книги. Сообразивъ это, я сказалъ, что ѣздилъ по дѣлу за границу, въ чемъ можно легко убѣдиться, затребовавъ изъ архива канцеляріи градоначальника возвращенный мною туда заграничный паспортъ на имя Меньшикова.

Получивъ оттуда этотъ заграничный паспортъ, подполковникъ долженъ былъ признать, что обвиненіе меня въ участіи въ московскомъ возстаніи ни на чемъ не основано. Оставался еще вопросъ о взятыхъ у меня при обыскѣ деньгахъ. Незначительная часть ихъ—150 руб., на которыя забрана была моя расписка,—дѣйствительно принадлежала Совѣту Рабочихъ Депутатовъ, и я призналъ это; остальныя же деньги были мои личныя, заработанныя литературнымъ трудомъ, что мнѣ также не трудно было бы доказать, но я не хотѣлъ этого сдѣлать, считая обязательнымъ не называть на допросахъ никакихъ именъ, хотя бы отъ этого не могло произойти ни малѣйшаго вреда для данныхъ лицъ. Я предоставилъ властямъ самимъ доискиваться, каковъ былъ истинный источникъ моихъ денегъ.

Увидѣвъ, что меня рѣшительно ни въ чемъ нельзя обвинить, подполковникъ замѣтилъ:

— Была же, однако, причина, вслѣдствіе которой вы считали нужнымъ проживать подъ чужимъ именемъ?

— Я дѣлалъ это по совѣту вице-директора Департамента государственной полиціи.

— Какъ такъ?—изумился онъ.

— Вернувшись изъ заграницы, я обратился къ существовавшей при Совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ комиссіи объ амнистированныхъ съ просьбой—справиться, гдѣ слѣдовало, могу ли я свободно проживать въ Петербургѣ. Спустя нѣсколько дней, мнѣ было сообщено, что вице-директоръ Департамента государственной полиціи, къ которому обратился знакомый мнѣ присяжный повѣренный—имени его я по принципу не желаю назвать—сказалъ, чтобы я „пока такъ проживалъ“. Слѣдуя этому совѣту, я и проживалъ „такъ“.

Не знаю, провѣрялъ ли подполковникъ эту ссылку на вице-директора, только больше не было уже разговора о томъ, почему я скрывалъ свое настоящее имя.

Въ концѣ допроса даже этотъ жандармскій офицеръ долженъ былъ признать, что противъ меня нѣтъ ни малѣйшихъ уликъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему же меня держатъ въ Петропавловской крѣпости?—спросилъ я.

— Я не знаю,—отвѣтилъ онъ.—Можетъ быть, за прошлые ваши грѣхи?

Но за „прошлые грѣхи“ я уже отбылъ каторгу; такимъ образомъ, съ меня, противъ существующаго правила, драли двѣ шкуры.

Обратно въ Петропавловскую крѣпость меня везли одни лишь нижніе чины безъ офицера. Это обстоятельство развязало намъ всѣмъ языки. Жандармскіе унтера перекинулись сперва между собою двумя-тремя словами, затѣмъ я что-то сказалъ, и у насъ завязалась общая бесѣда.

— Что слышно на волѣ?—спросилъ я.

— Тихо кругомъ, все замерло!—заявилъ одинъ изъ нихъ.

Въ тонѣ, которымъ онъ произнесъ эти слова, мнѣ послы*шалась хорошая* нотка.

— А вамъ какъ живется?—закинулъ я.

— Такъ скверно, что и не дай Богъ!—въ одинъ голосъ воскликнули оба и, дополняя другъ друга, стали они жаловаться на свои тяжелыя матеріальныя условія и на невозможность сводить концы при ничтожномъ размѣрѣ получаемаго ими жалованія.

— Охота же вамъ служить въ жандармахъ,—замѣтилъ я...

— Да что подѣлаешь? Пить, ѣсть надо!

Вся его повадка, интонація голоса и произнесенныя имъ слова показывали, что этотъ жандармъ не черносотенецъ; мнѣ захотѣлось ближе узнать его.

— Зачѣмъ же вы пошли въ жандармы?—спросилъ я.

— Некуда было податься! Кончилъ я здѣсь службу въ гвардіи, отправился домой въ деревню. Семья у насъ большая, надѣлъ самый пустой. Братья еле-еле перебиваются съ хлѣба на квасъ, а какъ неурожай — совсѣмъ голодаютъ. Пошелъ я искать работу. Такъ повѣрите, отъ зари до зари за 20 коп. въ день работалъ! Кости всѣ ломятъ, а досыта наѣсться хлѣбомъ нельзя. Побился такъ съ полгода, взялъ съ братьевъ за свою часть 20 руб. и отправился обратно сюда. Здѣсь пошелъ сперва на заводъ. Ремесла-то не знаю никакого. А въ чернорабочихъ семь-восемь гривенъ получалъ. Поработаешь день-два,—то не надо насъ больше, то стачка, и сидишь по недѣлямъ безъ всего. Ну, вотъ и пошелъ я на эту службу.

Другой жандармъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ, также разсказалъ свою біографію. Петербургскій мѣщанинъ и семейный человѣкъ, онъ вскорѣ послѣ окончанія обязательной службы долженъ былъ пойти на войну; натерпѣлся и насмотрѣлся онъ тамъ всякихъ ужасовъ, высидѣлъ въ Портъ-Артурѣ все время осады его, былъ раненъ, а по выздоровленіи и возвращеніи въ столицу, также „бился, бился съ семьей“, да въ концѣ концовъ и угодилъ въ жандармы. . . . . .

Въ это время мы въѣхали въ первыя ворота Петропавловской крѣпости.

— Тяжело, поди, сидѣть здѣсь?—спросилъ тотъ, который былъ на войнѣ, съ видимымъ сочувствіемъ.

— Скверно,—отвѣтилъ я.—А что, скажите, вы выбрали бы, если бы вамъ предложили: или опять пойти на войну, гдѣ васъ могутъ убить, ранить, гдѣ можете натерпѣться всякихъ бѣдъ и лишеній, или вмѣсто всего этого посидѣть въ крѣпости, вотъ какъ мы?

— На войнѣ куда лучше!—воскликнулъ петербуржецъ.— Тамъ хоть опаснѣй, тяжелѣй, да все же жизнь, сраженіе. А здѣсь, какъ посмотришь на эти зданія, жутко на душѣ становится! Сколько мы натерпѣлись въ Портъ-Артурѣ, все же охотнѣй еще разъ посидѣлъ бы тамъ или въ плѣну, чѣмъ въ каменномъ мѣшкѣ. Мы и то вамъ всѣмъ удивляемся, какъ вы только выносите это!

Разговоръ съ жандармскимъ подполковникомъ, а затѣмъ съ нижними чинами послужилъ большимъ для меня развлеченіемъ; онъ внесъ нѣчто новое въ мою однообразную жизнь, далъ матеріалъ для размышленій въ теченіе многихъ дней.

Мнѣ вспомнилось при этомъ прежнее время и въ воображеніи пронеслись разнообразные эпизоды изъ отдаленнаго прошлаго.

То я видѣлъ себя несовершеннолѣтнимъ юношей, глубоко увѣреннымъ въ томъ, что стоитъ лишь указать народу на причины его лишеній и бѣдствій, передать ему нашъ идеалъ будущаго строя, и онъ легко пойметъ насъ, сразу проникнется нашими убѣжденіями и, какъ одинъ человѣкъ, поднимется на борьбу за нашъ идеалъ. Сколь простой и легкой казалась мнѣ, какъ и многимъ другимъ, тогда наша задача! Возможно большее отреченіе отъ всѣхъ своихъ культурныхъ, буржуазныхъ привычекъ, при безграничной преданности народному дѣлу,—и не будетъ тѣхъ преградъ, которыхъ мы не были бы въ состояніи преодолѣть. . . . . .

— Я глубоко убѣжденъ,—помню говорилъ мнѣ Кибальчичъ въ 1877 г.,—что maximum черезъ десять лѣтъ произойдетъ революція.

Но не только юноши и молодыя дѣвушки проникнуты были такимъ оптимизмомъ, даже убѣленные сѣдинами вожаки тогдашней молодежи,—Лавровъ, Бакунинъ и др.—вѣрили въ близость соціальнаго переворота въ Россіи.

„Соціальная революція въ Россіи или произойдетъ въ ближайшемъ будущемъ, или ея никогда не будетъ", писалъ въ 1875 г. Ткачевъ въ своемъ открытомъ письмѣ къ Энгельсу...

Вспоминались мнѣ разговоры съ давно сошедшими въ могилу Желябовымъ, Перовской, Квятковскимъ и другими...

Неудивительно, поэтому, что съ гибелью этихъ революціонеровъ, инымъ казалось, что неоткуда больше ждать просвѣта. Многіе пришли тогда въ отчаяніе и совсѣмъ разочаровались въ революціонной дѣятельности. Одни изъ нихъ сошли со сцены, съ другими случилось нѣчто еще худшее: они перешли въ лагерь угнетателей всего живого и здороваго въ странѣ, въ лагерь враговъ народа. Но какъ тѣ, такъ и другіе—глубоко ошибались.

Послѣ продолжительной реакціи на авансцену выступили новые борцы, вооруженные инымъ, еще болѣе сильнымъ оружіемъ, чѣмъ то, которымъ располагали ихъ предшественники.

— Нѣтъ, не путемъ цареубійствъ Россія будетъ выведена изъ современнаго своего состоянія на новый путь!— помню, говорилъ Г. В. Плехановъ, вскорѣ послѣ убійства царя Александра II, когда всѣ передовые люди у насъ увлекались успѣхомъ народовольцевъ.—Террористамъ, можетъ быть, удастся совершить еще одно—два аналогичныхъ факта, но никакого существеннаго измѣненія въ политическомъ строѣ они не произведутъ. Только ученіе К. Маркса, примѣненное къ русскимъ условіямъ, только пропаганда и агитація среди рабочихъ на основѣ этого ученія, выдвинетъ на сцену непобѣдимаго борца съ самодержавіемъ.

У всѣхъ еще свѣжи въ памяти насмѣшки и пренебреженіе, которыми проповѣдники ученія одного изъ величай-

шихъ мыслителей человѣчества были у насъ встрѣчены. Но Плеханову и его послѣдователямъ удалось вскорѣ отбросить въ сторону, какъ старую ветошь, прежнія теоріи, въ теченіе продолжительнаго времени безраздѣльно господствовавшія въ передовой части нашего общества. На сцену, дѣйствительно, выступилъ новый дѣятель—русскій рабочій, который энергично принялся за дѣло, давно уже начатое передовой частью русскаго общества.

Кромѣ лучшихъ чертъ, которыя присущи были революціонной молодежи, пролетаріатъ въ дѣло борьбы за свободу внесъ еще то, чего той не хватало. Кость-отъ-костей трудящихся слоевъ населенія, русскій рабочій, на себѣ самомъ испытывая постоянно всѣ послѣдствія нищеты, безправія и невѣжества, обладаетъ способностью проникать въ самые низы народа и быть тамъ легко понятымъ Неизмѣримо больше, чѣмъ интеллигентнымъ дѣятелямъ, ему, поэтому, удалось широко распространить въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ новыя идеи и стремленія.

Конечно, не пропали совсѣмъ безслѣдно и усилія прежнихъ дѣятелей. Медленно и незамѣтно для современнаго наблюдателя росли брошенныя ими на народную почву сѣмена. Несмотря на продолжительную зиму, сопровождавшуюся жестокой стужей и вьюгами, они все же сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, съ первыми лучами весенняго солнца, дали здоровые ростки.

„Нѣтъ, не долго уже остается ждать того дня, когда въ Россіи дѣйствительно восторжествуетъ свобода, и народъ, гибнущій безсмысленно и безцѣльно, вслѣдствіе господствующихъ у насъ жестокихъ порядковъ, заживетъ новой жизнью“.

Такъ думалъ я, расхаживая въ камерѣ по тропинкѣ, протоптанной на крашеномъ каменномъ полу многими поколѣніями заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости.

Двѣ недѣли прошли со времени перевода меня въ Петропавловскую крѣпость, а мои деньги, хранившіяся въ конторѣ

Одиночной тюрьмы, все же не были доставлены „по мѣсту новаго моего заключенія“. Тогда я отправилъ къ начальнику той тюрьмы заявленіе, въ которомъ спрашивалъ, на основаніи какого закона или чьего устнаго распоряженія мои деньги не были вручены, какъ это полагается, явившемуся за мною старшему конвоиру, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ихъ въ контору Петропавловской крѣпости? Какъ мнѣ хорошо извѣстно, это практикуется даже по отношенію лицъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Спустя еще нѣсколько дней, мнѣ дали прочитать отношеніе, подписанное директоромъ Департамента государственной полиціи къ коменданту Петропавловской крѣпости, въ которомъ сообщалось, что при семъ препровождается столько-то принадлежащихъ мнѣ рублей. Предложенный же мною вопросъ, конечно, былъ оставленъ безъ отвѣта. Но и безъ того было ясно, что это по распоряженію самого директора Департамента полиціи я въ теченіе довольно долгаго времени былъ лишенъ возможности пользоваться своими собственными средствами для улучшенія казенной пищи. Меня не столько огорчало, сколько удивляло это явное стремленіе департаментскихъ героевъ ухудшить мое положеніе.

. . . . . .

. . . . . .

Душевное мое состояніе вначалѣ не было дурнымъ и, во всякомъ случаѣ, не могло идти въ сравненіе съ испытаннымъ мною двадцать съ чѣмъ-то лѣтъ передъ тѣмъ. Но мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, а меня все держали въ крѣпости, несмотря даже на заявленіе юдофоба жандармскаго подполковника объ отсутствіи какихъ-либо уликъ противъ меня. Тогда оторванность отъ всего міра начала понемногу давать себя чувствовать.

Уже одно пребываніе въ одиночномъ заключеніи вызываетъ у многихъ специфическое настроеніе, которое слѣдуетъ отнести къ болѣзненнымъ состояніямъ. Но въ описываемое мною время пребываніе въ тюрьмѣ, и въ особенности въ Петропавловской крѣпости, куда не доходятъ рѣшительно

никакія извѣстія съ воли, являлось временами невыразимо мучительнымъ. Нервы приходили въ неимовѣрно напряженное состояніе, а мысль сосредоточивалась около одного лишь пункта: что-то творится теперь за крѣпостными стѣнами? Особенно тяжело, бывало, чувствуешь себя въ началѣ вечера, вскорѣ послѣ ужина. Малѣйшаго повода въ это время бывало достаточно, чтобы нервы окончательно разстроились.

Въ одинъ изъ такихъ часовъ, въ концѣ марта, вдругъ по всему коридору раздался отчаянный, душу раздиравшій женскій крикъ. Въ воображеніи сейчасъ представилась какая-нибудь катастрофа и вспомнилась исторія несчастной Вѣтровой, которая сожгла себя, облившись керосиномъ въ этомъ же казематѣ. Мысль не въ состояніи была взвѣшивать и соображать, гдѣ ты и что сдѣлаютъ съ тобою за малѣйшее нарушеніе господствующей кругомъ тишины. Бросившись къ двери, я руками и ногами началъ бить въ нихъ. То же, очевидно, дѣлали сосѣди, такъ какъ кругомъ раздавался сильнѣйшій стукъ. Вскорѣ послышались шаги по коридору; стали отворять форточки въ дверяхъ; голосовъ нельзя было разобрать; но не прекращался отчаянный женскій крикъ. Подошли, наконецъ, къ моей двери и открыли форточку,—то оказались дежурные унтеръ-офицеры—жандармскій и изъ крѣпостной команды, которые, согласно инструкціи, всегда подходили вмѣстѣ, чтобы слѣдить другъ за другомъ и тѣмъ предупредить возможность сближенія кого-либо изъ нихъ съ заключеннымъ.

— Что случилось? Почему кричитъ заключенная?— спросилъ я ихъ.

— Не можемъ сказать: намъ запрещено что-нибудь говорить вамъ. Успокойтесь, право, ничего такого!—отвѣтили дежурные довольно вѣжливо.

— Въ такомъ случаѣ позовите полковника; не можемъ же мы оставаться спокойными, когда слышимъ крикъ!

— Теперь уже поздно докладывать ему,—утромъ придетъ онъ.

Поневолѣ пришлось подчиниться. Крикъ продолжалъ раз-

даваться, хотя все слабѣе, глуше, съ перерывами. Долго затѣмъ не могъ я заснуть: все представлялось, что, можетъ быть, несчастная дѣвушка находится въ предсмертной агоніи. Задремавъ предъ разсвѣтомъ, я часто просыпался. Утромъ вновь раздался тотъ же отчаянный крикъ. Позвавъ дежурныхъ, я снова потребовалъ призвать завѣдующаго заключенными, но онъ явился только къ полудню.

Полковникъ Веревкинъ, раненый во время войны въ голову, страдаетъ глухотой, почему пользуется слуховой трубкой. Бесѣда съ нимъ была, поэтому, не изъ легкихъ процессовъ, такъ какъ приходилось выкрикивать слова, и все же выходили недоразумѣнія.

— Вы желали меня видѣть?—обратился онъ, войдя въ камеру съ трубкой, приставленной къ лѣвому уху.

— Я хотѣлъ узнать, какая причина ужаснаго крика, раздающагося со вчерашняго дня? Вы должны понять, что у всѣхъ заключенныхъ нервы и безъ того въ очень напряженномъ состояніи и достаточно незначительнаго повода, чтобы они окончательно разстроились. Мы не можемъ относиться равнодушно къ тому, что кто-то очевидно страдаетъ, а намъ неизвѣстна причина этого.

— Ничего ужаснаго,—сказалъ онъ,—просто психически разстроенный человѣкъ. Вотъ я только-что былъ у него съ докторомъ: больного скоро отправятъ въ лечебницу.

Соблюдая инструкцію, по которой нельзя ничего сообщать заключеннымъ, онъ скрывалъ, что это была женщина. Но тонъ его былъ правдивъ и слова его подѣйствовали на меня успокоительно.

— Вамъ необходимо зайти ко всѣмъ заключеннымъ,—сказалъ я,—чтобы успокоить ихъ.

По шуму отпиравшихся затѣмъ замковъ я могъ понять, что онъ послѣдовалъ моему совѣту.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что психически разстроившаяся была пожилой женщиной О—ой, арестованной вмѣстѣ съ дочерью. Незнаніе, что случилось съ послѣдней, разстроило несчастную мать. Но ее помѣстили не въ лечеб-

объяснить или тѣмъ, что этотъ унтеръ былъ своимъ человѣкомъ и встрѣчается на волѣ съ моими товарищами, или—что Пáрвусъ также арестованъ и сидитъ въ Петропавловской крѣпости.

При слѣдующемъ обходѣ двора, въ отвѣтъ на мой вопросъ, унтеръ подтвердилъ послѣднее мое предположеніе и назвалъ номеръ камеры, въ которой содержался Пáрвусъ. Другихъ подробностей мнѣ не удалось узнать отъ него.

За многіе мѣсяцы заключенія въ крѣпости то былъ единственный у меня случай сообщенія съ одновременно содержавшимся товарищемъ. Впослѣдствіи, изъ бесѣды съ Пáрвусомъ, я узналъ, что этотъ унтеръ не былъ „своимъ“, а только просто добрымъ человѣкомъ, исполнившимъ его просьбу, хотя за эту незначительную услугу онъ подвергался огромному риску.

Несмотря, однако, на взаимное слѣженіе дежурныхъ жандармовъ и крѣпостныхъ унтеровъ другъ-за-другомъ, а также на строгій надзоръ за всѣми ими со стороны „старшаго“, завѣдующаго и всякаго другого начальства,—все же, нѣтъ-нѣтъ, и удавалось завязать короткій разговоръ то съ жандармомъ, то съ крѣпостнымъ, такъ какъ между тѣми и другими попадались очень симпатичные люди, проникнутые сочувствіемъ къ намъ, заключеннымъ. Ихъ служба чрезвычайно тяжела и очень скудно оплачивается. Они, поэтому, также возлагали свои надежды на Государственную Думу.

— Поди сдѣлаетъ что-нибудь и для насъ Дума?—помню, сказалъ мнѣ однажды жандармскій унтеръ-офицеръ.

И вотъ наступило, наконецъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшееся всѣми слоями населенія 27-ое апрѣля. Казалось, въ этотъ день должно произойти нѣчто особенное. Никакъ не вѣрилось, что у насъ въ крѣпости не замѣтно будетъ никакой перемѣны. Но утро прошло, какъ всегда; затѣмъ насталъ полдень, сумерки, — все тѣ же открыванія двери и форточки, приносъ пищи, прогулка, а тамъ и вечеръ. Все тотъ же бой курантовъ и игра до-смерти надоѣвшихъ гимновъ.

„Неужели и на волѣ этотъ день прошелъ такъ же тоскливо? Неужели первое собраніе выборныхъ народа не произвело ни малѣйшей перемѣны въ обычномъ ходѣ дѣлъ? Нѣтъ, тамъ навѣрно вездѣ большое оживленіе,—происходятъ митинги, демонстраціи, народъ привѣтствуетъ депутатовъ, а они обращаются къ нему съ рѣчами... Но, если бы это было такъ, неужели у насъ здѣсь все оставалось бы такъ же, какъ это было въ самыя реакціонныя времена?“ — возникло сомнѣніе.

Въ полномъ невѣдѣніи того, что происходитъ на волѣ, провелъ я нѣсколько дней. Мнѣ даже не было извѣстно, дѣйствительно ли собрались члены Государственной Думы? Легко представить себѣ, поэтому, что мы испытывали въ эти дни, оставаясь замурованными въ каменномъ мѣшкѣ.

Но, недѣли полторы—двѣ спустя, одинъ изъ моихъ сосѣдей простучалъ мнѣ, что Дума собралась и руководящую роль въ ней играетъ конституціонно-демократическая партія. Какимъ путемъ ему удалось это узнать, я не могу здѣсь сообщить. Но далеко не всѣ заключенные были въ этомъ отношеніи столь же счастливы, какъ мой сосѣдъ и я, такъ какъ до многихъ изъ нихъ рѣшительно ничего не дошло о первомъ созывѣ Думы.

Преобладающее значеніе конституціонно-демократической партіи въ Государственной Думѣ и на ряду съ этимъ—непрекращавшееся заключеніе многихъ „государственныхъ преступниковъ“ въ Петропавловской крѣпости, безъ малѣйшаго измѣненія въ режимѣ ихъ содержанія, казалось мнѣ ни съ чѣмъ несообразнымъ, необъяснимымъ противорѣчіемъ. Не зная ничего о дебатахъ по поводу всеобщей амнистіи, я предполагалъ, что члены Думы совершенно забыли о насъ,— заключенныхъ въ тюрьмахъ, и потому находилъ возмутительнымъ, что люди интеллигентные, думающіе и чувствующіе, въ состояніи вести о чемъ-либо дебаты раньше, чѣмъ освобождены всѣ арестованные.

„Не все, однако, сразу дѣлается“, — разсуждалъ я, стараясь быть спокойнымъ и безпристрастнымъ. „Навѣрно вы-

рабатывается сперва новый законъ о государственныхъ преступленіяхъ и раньше его принятія не находятъ возможнымъ объявить общую амнистію".

Но недѣля проходила за недѣлей, а у насъ все оставалось по старому. Нетерпѣніе возростало и напряженное состояніе увеличивалось. Малѣйшій стукъ и движеніе на коридорѣ вызывали надежду, что вотъ идутъ тебя освобождать. Нерѣдко дверь камеры дѣйствительно открывалась, но тутъ же наступало разочарованіе, такъ какъ, оказывалось, жандармъ съ крѣпостнымъ унтеромъ приходили исполнить какую-нибудь обычную свою обязанность. Это обстоятельство, конечно, не уничтожало дальнѣйшаго напряженнаго ожиданія со дня на день, съ часу на часъ.

„Что же они тамъ дѣлаютъ въ Думѣ?"—задавалъ я себѣ вопросъ и самъ отвѣчалъ на него нелестнымъ для членовъ ея образомъ: „поди, зря проводятъ время въ ненужныхъ, безполезныхъ разговорахъ. Наконецъ, до меня случайно дошло извѣстіе, что Дума внесла предложеніе объ амнистіи и о передачѣ земли народу. Случилось это приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ ея созыва.

„Ну, теперь уже навѣрно скоро освободятъ насъ всѣхъ". Повидимому такъ же смотрѣло и крѣпостное начальство, потому что завѣдующій заключенными отказался отправить мои очки въ починку, мотивируя это тѣмъ, что насъ всѣхъ могутъ скоро освободить: „а гдѣ я буду васъ тогда разыскивать, чтобы возвратить ихъ вамъ?", заявилъ онъ.

Но прошелъ май, наступилъ іюнь мѣсяцъ, а мы все продолжали сидѣть въ крѣпости. Только въ серединѣ іюня, однажды послѣ полудня, дверь открылась и появившіеся жандармъ съ крѣпостнымъ унтеромъ принесли всѣ мои вещи изъ цейхгауза, заявивъ при этомъ, чтобы я собирался въ дорогу.

Сбросивъ съ себя все казенное и надѣвъ свое бѣлье и платье, я быстро собрался, предполагая, что меня совсѣмъ освобождаютъ. Въ сопровожденіи жандармовъ, которые несли мои вещи, я вышелъ на коридоръ и, проходя мимо другихъ *камеръ, изъ всѣхъ* силъ закричалъ:

— Прощайте, товарищи! — Я назвалъ при этомъ свою фамилію.

Жандармы пришли въ ужасъ отъ такого нарушенія мною господствующей могильной тишины. Старшій бросился ко мнѣ съ намѣреніемъ зажать мнѣ ротъ, но я успѣлъ еще разъ прокричать свое прощаніе.

— Куда же вы меня везете?—спросилъ я жандармовъ, на этотъ разъ ѣхавшихъ со мною безъ офицера.

— Въ Домъ Предварительнаго Заключенія, — отвѣтили они.—Оттуда уже васъ выпустятъ на волю, такъ какъ прямо изъ крѣпости никогда не выпускаютъ, а сперва переводятъ въ какую нибудь тюрьму.

„Да, моя надежда подтверждается,—подумалъ я,—меня скоро освободятъ! Какъ это хорошо! Какъ пріятно вновь очутиться на волѣ, въ Петербургѣ, во время засѣданій Государственной Думы! Много потерялъ я времени, многое пропустилъ; придется употребить не мало усилій, чтобы познакомиться со всѣмъ, происшедшимъ за истекшее полугодіе“. Отъ этихъ же жандармовъ я узналъ, что въ другой каретѣ, ѣхавшей слѣдомъ за нами, перевозили также и Парвуса, чему я чрезвычайно обрадовался.

Былъ чудный іюньскій день. Погода стояла прекрасная. Я чувствовалъ себя хорошо и съ удовольствіемъ разсматривалъ лица встрѣчавшихся по пути проѣзжихъ и прохожихъ.

Молодой и, повидимому, добродушный помощникъ начальника Дома Предварительнаго Заключенія, принимавшій меня въ конторѣ, на мой вопросъ—„какой у васъ здѣсь режимъ?“—сказалъ:

— А вотъ станьте на стулъ и посмотрите въ окно!

Послѣдовавъ его предложенію, я увидѣлъ человѣкъ сто гулявшихъ вмѣстѣ на дворѣ. Молодые люди въ разнообразныхъ костюмахъ, — въ блузахъ, пиджакахъ, мундирахъ военныхъ и разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, предавались развлеченіямъ, боролись, кричали. Со двора доносился неимовѣрный шумъ.

— Ну что?—спросилъ меня помощникъ, усмѣхаясь.

— Да, режимъ у васъ не строгій!—отвѣтилъ я.—Не то что въ Петропавловской крѣпости.

Лишь только я очутился въ камерѣ, какъ дверь вскорѣ вновь открылась, и ко мнѣ вошелъ господинъ лѣтъ сорока.

— Я староста этого коридора,—сказалъ онъ.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ я.

— Фейтъ.

— А, докторъ Фейтъ! Очень радъ,—я давно слыхалъ о васъ.

— А вы кто?—спросилъ онъ.

Я назвалъ себя, и мы крѣпко пожали руки другъ друга.

Д-ръ Фейтъ, членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, принадлежитъ къ числу довольно испытанныхъ и опытныхъ революціонеровъ, давно участвующихъ въ движеніи. Онъ два раза уже былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь, и лишь незадолго до своего послѣдняго ареста пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ былъ задержанъ на засѣданіи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, 3-го декабря 1905 г.

Послѣ его ухода, одинъ за другимъ, а то и по-двое заявлялись ко мнѣ старые и новые товарищи. Тогда же увидѣлъ Введенскаго, Кнуніанца, Носаря-Хрусталева и Троцкаго, которыхъ я хорошо зналъ съ воли. Они привлекались по дѣлу Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, и въ то время имѣли уже въ своихъ рукахъ обвинительный актъ.

Обмѣну разными свѣдѣніями и впечатлѣніями въ этотъ и въ нѣсколько слѣдующихъ дней не было конца. Со всѣхъ сторонъ притекали извѣстія, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Нахлынувшее сразу обиліе новостей дѣйствовало на меня оглушающимъ образомъ. Совершенно отрѣзанный въ теченіе долгаго времени отъ внѣшняго міра, я многаго вовсе не могъ понять, и потому чувствовалъ себя вначалѣ словно внезапно перенесеннымъ въ громадный, шумный иностранный городъ, безъ знанія мѣстнаго языка.

Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ впечатлѣній и фактовъ необходимо было, уединившись на время, заняться что-

ніемъ періодическихъ изданій, которыхъ я вовсе не видѣлъ много мѣсяцевъ. Товарищъ-библіотекарь доставилъ мнѣ цѣлый ворохъ разрозненныхъ номеровъ газетъ и журналовъ, и я принялся за чтеніе. Но и тамъ мнѣ попадались ссылки и упоминанія объ обстоятельствахъ, о которыхъ я ничего не зналъ. Мнѣ поэтому приходилось обращаться за разъясненіями къ товарищамъ, вызывая тѣмъ иногда крайнее ихъ изумленіе.

— Скажите, кто такая Спиридонова, о которой упоминается въ газетахъ?—спрашиваю я.

— Какъ? Вы ничего не знаете о Маріи Спиридоновой?—удивляется товарищъ, забывая, что въ Петропавловской крѣпости нѣтъ ни газетъ, ни другихъ источниковъ для полученія извѣстій; и они разсказываютъ мнѣ объ ужасной исторіи этой удивительной мученицы.

Особенно блуждалъ я, какъ въ темномъ лѣсу, читая въ разбивку отчеты о думскихъ засѣданіяхъ, длившихся тогда уже цѣлыхъ шесть недѣль. За исключеніемъ нѣсколькихъ давно знакомыхъ мнѣ именъ, большинство остальныхъ депутатовъ, успѣвшихъ пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность, было мнѣ совершенно чуждо. Я также ровно ничего не зналъ о предшествовавшемъ ходѣ дебатовъ, о конфликтахъ съ представителями правительства и пр. Но, мало-по-малу, я освоился со всѣмъ обширнымъ матеріаломъ и, конечно, съ большимъ интересомъ слѣдилъ за отчетами о засѣданіяхъ Государственной Думы.

Тѣмъ же невѣдѣніемъ, вслѣдствіе моей оторванности, отличался я и въ отношеніи партійныхъ вопросовъ. Мнѣ, напримѣръ, ничего не было извѣстно о состоявшемся за границей такъ называемомъ „объединительномъ съѣздѣ“ нашей соціалъ демократической партіи, послѣ котораго разногласія въ ней стали еще острѣе. Взаимная рѣзкая полемика между двумя фракціями раньше уже крайне меня огорчавшая, теперь, во время засѣданій Государственной Думы, казалась мнѣ еще болѣе предосудительной и вредной для дѣла. Извѣстія объ этой братоубійственной войнѣ были, въ сущ-

Пригласивъ посѣтителя сѣсть на желѣзную доску, придѣланную къ стѣнѣ и замѣнявшую табуретъ, что онъ, повидимому, охотно сдѣлалъ, я спросилъ его, продолжаетъ ли онъ еще состоять здѣсь помощникомъ; но оказалось, что то былъ самъ начальникъ Дома Предварительнаго Заключенія. Мы разговорились сперва о давно прошедшемъ времени, о старыхъ порядкахъ и т. п., а затѣмъ перешли къ современнымъ намъ политическимъ событіямъ. Какъ и многіе въ тотъ періодъ, этотъ начальникъ Дома былъ, конечно, очень либерально настроенъ. Онъ также допускалъ возможность у насъ отвѣтственнаго министерства, признавалъ необходимость полной амнистіи и даже передачу земли трудящимся слоямъ населенія.

— Не понимаю одного, — сказалъ онъ, — зачѣмъ члены Думы хотятъ надѣлить всѣхъ землей? Ну, что, напримѣръ, будутъ съ нею дѣлать евреи? Вѣдь они не привычны къ земледѣлію и вовсе не хотятъ имъ заниматься?

На сколько можно было, я постарался разъяснить ему неправильность его представленія о намѣреніяхъ либеральныхъ депутатовъ навязать всему населенію страны равные земельные участки.

Пожелавъ мнѣ поскорѣе выйти на волю и выразивъ увѣренность въ томъ, что это дѣйствительно случится въ ближайшемъ будущемъ,—въ чемъ и я тогда не сомнѣвался,— начальникъ поздно ночью простился со мною.

Только въ Домѣ Предварительнаго Заключенія я узналъ, что именно привлекло на меня вниманіе полиціи и повело къ моему аресту.

Одинъ изъ товарищей по заключенію разсказалъ мнѣ, однажды на прогулкѣ, что 1-го января онъ встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ тѣхъ трехъ рабочихъ, которыхъ Исполнительный Комитетъ второго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ выбралъ делегатами для поѣздки вмѣстѣ со мною за границу. Поравнявшись съ нимъ, они ему сказали, что за ними *слѣдомъ идетъ* шпіонъ, отъ котораго они никакъ не могутъ

отдѣлаться. Сопоставивъ время, я пришелъ къ заключенію, что именно эти делегаты, шедшіе тогда ко мнѣ, дали слѣдовавшему за ними шпіону возможность напасть и на мой слѣдъ.

Ни передъ отправкой изъ Петропавловской крѣпости, ни послѣ перевода въ Домъ Предварительнаго Заключенія, мнѣ не объявляли въ какомъ положеніи находится мое „дѣло". Поэтому, прождавъ нѣсколько дней, я обратился съ запросомъ о причинѣ содержанія меня въ заключеніи къ прокурору Петербургской Судебной Палаты.

Спустя нѣкоторое время отъ него пришла для объявленія мнѣ бумага, въ которой сообщалось, что „дѣло второго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ", по которому я привлекался, прекращено имъ за отсутствіемъ наличности преступленія. Въ это же время изъ жандармскаго управленія были пересланы для меня въ контору Дома Предварительнаго Заключенія деньги, отобранныя у меня при арестѣ.

Послѣ этого, казалось, меня должны были бы освободить. Но этого не случилось. Вскорѣ затѣмъ въ Домъ Предварительнаго Заключенія явился мировой судья для провѣрки документовъ содержавшихся тамъ лицъ. Разсматривая въ конторѣ, въ моемъ присутствіи, бумагу, при которой я былъ переведенъ изъ Петропавловской крѣпости, онъ не нашелъ рѣшительно никакого основанія для дальнѣйшаго содержанія меня подъ стражей. Но освободить меня мировой судья все же не рѣшился. Нѣсколько дней спустя пришла бумага отъ градоначальника о „задержаніи" меня на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Но, разъ въ январѣ мѣсяцѣ я былъ уже арестованъ на этомъ только основаніи и затѣмъ противъ меня возбуждено было обвиненіе въ принадлежности къ тайному обществу, то, съ прекращеніемъ дѣла о послѣднемъ, по здравому смыслу, меня нельзя было вновь „задержать", въ силу того же „положенія", безъ какихъ-либо новыхъ поводовъ съ моей стороны.

Было очевидно, что власти оттягиваютъ лишь время, раньше чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе относительно

многихъ заключенныхъ, и меня въ томъ числѣ. Наша судьба находилась, поэтому, въ самой тѣсной зависимости отъ того, одержитъ ли верхъ освободительное движеніе съ Государственной Думой во главѣ его, или, наоборотъ, побѣдитъ реакціонная клика съ черносотенцами.

Какъ извѣстно, 9-го іюля Государственная Дума была внезапно распущена. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ и нѣкоторымъ другимъ заключеннымъ, противъ которыхъ Департаментъ Полиціи не могъ изобрѣсти никакихъ обвиненій, было объявлено, что насъ отправляютъ административнымъ порядкомъ на три года въ Туруханскій край. Въ началѣ августа я и еще нѣсколько товарищей, въ томъ числѣ Парвусъ, Пескинъ и другіе, были уже на пути въ Восточную Сибирь.

Не буду описывать всѣхъ прелестей этапнаго путешествія въ арестантскихъ вагонахъ, пребыванія въ теченіе восьми дней въ каютѣ буксируемой пароходомъ баржи по рр. Волгѣ и Камѣ, безъ прогулокъ на палубѣ, и пребыванія въ тѣсныхъ, грязныхъ тюремныхъ камерахъ на дневкахъ,— все это уже не разъ описывалось и хорошо извѣстно читающей публикѣ. Для меня, уже шедшаго много лѣтъ предъ тѣмъ по этому же пути, новымъ обстоятельствомъ было чрезвычайно большое число заключенныхъ во всѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ намъ приходилось останавливаться. Преобладающимъ контингентомъ ихъ являлись рабочіе, а между послѣдними громадное большинство составляли соціалъ-демократы. Несмотря на пребываніе многихъ изъ нихъ въ тюрьмѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и на потерю ими заработковъ, всѣ они чувствовали себя очень хорошо и настроены были крайне революціонно.

Пріятно поражало также въ этотъ разъ отношеніе населенія къ ссылаемымъ политическимъ въ мѣстностяхъ, по которымъ намъ пришлось проѣзжать. Несмотря на энергичное вмѣшательство жандармовъ и полиціи, всюду, гдѣ только *представлялась* малѣйшая къ тому возможность, намъ устраи-

вали шумныя встрѣчи и проводы. Особенно выдѣлялось, въ этомъ отношеніи, сочувствіе, проявленное намъ сибирскимъ населеніемъ, начиная отъ Челябинска. Огромными толпами собирались рабочіе, крестьяне и интеллигентная публика на желѣзнодорожныхъ платформахъ и вдоль полотна дороги. Насъ засыпали вопросами о томъ, что происходитъ въ Россіи, на что тамъ надѣются послѣ роспуска Думы и пр., при этомъ нѣкоторые принимали насъ за отправляемыхъ въ ссылку членовъ Государственной Думы. На сколько можно было заключить изъ бесѣдъ со встрѣчавшейся намъ публикой, настроеніе ея въ то время было очень бодрое, приподнятое. Многіе высказывали намъ твердую увѣренность въ томъ, что реакція не долго продержится и скоро наступитъ дѣйствительная свобода. Мы, конечно, поддерживали въ нихъ эти надежды. Карательныя экспедиціи генераловъ Меллера-Закомельскаго и Ренненкампфа немало посодѣйствовали революціонизированію сибирскаго населенія, въ чемъ мы имѣли много случаевъ лично убѣдиться. Имена этихъ усмирителей всюду произносились съ крайнимъ негодованіемъ и объ ихъ дѣяніяхъ намъ передавали всевозможные ужасы.

Въ встрѣчныхъ поѣздахъ намъ часто попадались политическіе, бѣжавшіе обратно изъ ссылки. Иногда такихъ добровольно возвращавшихся мы видали по нѣсколько человѣкъ на день. Свободно подходя къ нашему поѣзду, они разсказывали намъ объ условіяхъ ихъ жизни въ ссылкѣ и способахъ ихъ исчезновенія оттуда. Нѣкоторые изъ нихъ снабжали насъ практическими совѣтами, какъ намъ послѣдовать ихъ примѣру, и надѣляли насъ адресами. Судя по ихъ разсказамъ, вовсе не трудно было уходить изъ ссылки,— необходимо было лишь располагать нужными средствами, хотя нѣкоторые пускались въ обратное путешествіе съ крайне ничтожнымъ количествомъ денегъ. Но всѣ эти обратно возвращавшіяся лица уходили изъ ближайшихъ мѣстъ ссылки—изъ Западной Сибири, и по всему пути мы не встрѣтили ни одного политическаго ссыльнаго, который

убѣжалъ бы изъ Туруханскаго края. Всѣ полученныя нами по пути свѣдѣнія о предназначенномъ намъ мѣстѣ ссылки рисовали крайне безотрадную картину.

Но, каковы бы ни были условія жизни въ Туруханскомъ краѣ, я рѣшилъ бѣжать изъ ссылки еще будучи въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Для этого я заранѣе запасся всѣмъ необходимымъ: деньгами, паспортомъ, адресами и пр. Всѣ эти вещи необходимо было запрятать самымъ тщательнымъ образомъ, чтобы, при предстоявшихъ въ пути многочисленныхъ обыскахъ, не могли ихъ найти у меня, и мнѣ это вполнѣ удалось.

Сколько-нибудь подходящихъ случаевъ бѣжать съ дороги или изъ тюремъ и этаповъ, во время дневокъ, мнѣ не представлялось, и я не могъ придумать ни одного сноснаго плана, хотя нерѣдко напрягалъ все свое вниманіе. Возможно было бы сдѣлать какую-нибудь рискованную попытку, но мое положеніе, какъ административно-ссыльнаго, вовсе не было столь критическимъ, чтобы я долженъ былъ хвататься за первый представлявшійся случай, не соображая, стоитъ ли подвергать свою жизнь и здоровье крайней опасности. Я рѣшилъ, поэтому, выжидать стеченія такихъ благопріятныхъ условій, при которыхъ возможно будетъ убѣжать безъ особеннаго риска.

Какъ я уже упоминалъ, всѣ полученныя нами по пути свѣдѣнія о Туруханскомъ краѣ рисовали тамошнюю жизнь, какъ сплошное мученіе. Расположенный на сѣверномъ полярномъ кругѣ, бѣдный и чрезвычайно слабо населенный, край этотъ лишенъ самыхъ элементарныхъ культурныхъ условій. Въ главномъ и вмѣстѣ единственномъ городѣ Туруханскѣ —всего 195 жителей, помѣщающихся, по словамъ однихъ, въ сорока, а другихъ—всего лишь въ 25 жалкихъ лачугахъ и избушкахъ, напоминающихъ скорѣе скотскія стойки, чѣмъ человѣческія жилища. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находятся и всѣ остальныя условія тамошней жизни. Ссыльнымъ приходится, поэтому, на каждомъ шагу терпѣть всевозможныя лишенія и страданія.

Но всего важнѣе для нихъ то, что изъ этого пустыннаго и отдаленнаго края чрезвычайно трудно убѣжать, такъ какъ чье-либо исчезновеніе, какъ и появленіе, бросается сразу въ глаза. Между тѣмъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія сухопутныхъ дорогъ, необходимо очень долго быть въ пути, чтобы достигнуть болѣе или менѣе населеннаго пункта. Ближайшимъ городомъ является Енисейскъ съ 5—6 тысячами жителей, расположенный болѣе чѣмъ въ тысячѣ верстъ отъ Туруханска, и до него, смотря по времени года, приходится ѣхать отъ десяти до пятнадцати дней.

Въ виду этихъ обстоятельствъ необходимо было совершить побѣгъ съ пути, не доѣзжая до Туруханска.

Не я одинъ, но и всѣ остальные, шедшіе со мною шесть товарищей, среди которыхъ была также высылавшаяся въ Туруханскій округъ молодая дѣвушка, желали бѣжать, если представится къ этому возможность. Одновременный же побѣгъ нѣсколькихъ лицъ казался неосуществимымъ дѣломъ. Приходившіе въ голову тому или другому изъ насъ на этотъ счетъ проекты, въ лучшемъ случаѣ, могли дать возможность убѣжать двумъ-тремъ лицамъ. Остальнымъ же товарищамъ пришлось бы тогда или вовсе отказаться отъ мысли о побѣгѣ или отложить ее въ дальній ящикъ, такъ какъ начальство приняло бы всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы воспрепятствовать осуществленію новой попытки.

Среди моихъ попутчиковъ былъ товарищъ Г—ъ, отличавшійся особенной изобрѣтательностью насчетъ плановъ для побѣговъ. Ѣхалъ ли онъ по желѣзной дорогѣ, на баржѣ или пароходѣ, или сидѣлъ на этапѣ и въ тюрьмѣ,—вездѣ ему приходили въ голову проекты, одинъ другого проще и превосходнѣе. Всегда у него было все наготовѣ для побѣга, не только для него одного, но и еще для кого-нибудь изъ насъ, въ особенности же для меня, такъ какъ онъ считалъ меня достойнымъ пользоваться въ этомъ случаѣ преимуществомъ передъ другими. Но ни я и никто другой, да и онъ самъ, къ счастью, не считалъ возможнымъ на дѣлѣ испро-

бовать пригодность его проектовъ. При всемъ богатствѣ воображенія этого товарища,—въ общемъ, человѣка очень неглупаго, но крайне непрактичнаго и большого фантазера,—все же и онъ не надумалъ плана для одновременнаго побѣга всѣхъ членовъ нашей партіи.

Поэтому, по предложенію другого товарища П—на, нами было принято рѣшеніе, что всякій въ правѣ воспользоваться случаемъ, если таковой ему представится, не считаясь съ тѣмъ, повредитъ ли это остальнымъ, такъ какъ иначе можетъ оказаться, что изъ всей нашей компаніи никто не убѣжитъ. Но во время пребыванія въ одной тюрьмѣ по пути въ Туруханскъ мнѣ удалось имѣть съ однимъ товарищемъ, находившимся на волѣ, офиціальное свиданіе, которое, какъ увидимъ ниже, сослужило намъ большую службу.

Изъ прошлаго я зналъ, что при соотвѣтствующей помощи извнѣ, очень часто оказывается осуществимымъ побѣгъ, который безъ такого содѣйствія былъ бы невозможенъ. Поэтому, я рѣшилъ воспользоваться упомянутымъ свиданіемъ для полученія необходимой намъ помощи. Но такъ какъ оно происходило въ присутствіи тюремнаго чиновника, то намъ пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторымъ уловкамъ, чтобы переговорить объ интересовавшемъ меня дѣлѣ.

Тюремный чиновникъ расхаживалъ по комнатѣ, гдѣ происходило это свиданіе, внимательно прислушиваясь къ нашему разговору. Когда онъ удалялся отъ насъ въ противоположный уголъ, я по-нѣмецки, понизивъ нѣсколько голосъ передавалъ своему посѣтителю о томъ, что мнѣ было нужно. При его приближеніи мы снова говорили по-русски о безразличныхъ предметахъ. Такимъ способомъ мнѣ удалось сообщить товарищу съ воли, котораго назову Яковомъ, чтобы онъ поѣхалъ впередъ и постарался подготовить нужную для побѣга всѣхъ помощь, привлекъ подходящихъ для этого лицъ на мѣстѣ, нанялъ лошадей, устроилъ квартиры и пр.

— Да, но необходимы для этого матеріальныя средства, *а* у меня ихъ нѣтъ,—сказалъ онъ съ грустью въ голосѣ.

Деньги у меня имѣлись, онѣ были, конечно, конспиративно спрятаны такъ, что при обыскахъ въ пути ихъ не нашли у меня. Тутъ же, почти на глазахъ присутствовавшаго при свиданіи чиновника, мнѣ удалось передать товарищу Якову необходимую для его поѣздки сумму, обѣщавъ и впредь уплатить всѣ расходы, которые ему придется сдѣлать.

— Въ такомъ случаѣ,—заявилъ онъ съ видимымъ оживленіемъ,—я убѣжденъ, что планъ нашъ выгоритъ, и всѣмъ вамъ удастся бѣжать. Мнѣ ужасно хочется, чтобы всѣ вы удрали,—пусть позлятся власти, насолимъ же имъ здорово! Представляю себѣ ихъ злость, когда это случится!

Онъ заранѣе ликовалъ. Видя его энтузіазмъ, я былъ убѣжденъ, что онъ сдѣлаетъ все отъ него зависящее для осуществленія нашего общаго желанія. Лучшаго помощника трудно было бы намъ розыскать: умный, энергичный и рѣшительный, Яковъ не остановился бы ни предъ какой жертвой, чтобы довести задуманный нами планъ до конца.

Условившись съ нимъ, гдѣ намъ еще разъ свидѣться уже неофиціальнымъ образомъ, для того, чтобы я могъ узнать о результатахъ сдѣланныхъ имъ первыхъ приготовленій, и обсудить дальнѣйшіе шаги, я возвратился въ камеру. Все вышеизложенное вполнѣ одобрили товарищи, въ томъ числѣ и Г—ъ, который обыкновенно оставался „при особомъ мнѣніи“.

Главнымъ образомъ по желѣзной дорогѣ, а частью на баржѣ и пароходѣ, мы, пробывъ въ пути отъ Петербурга безъ малаго мѣсяцъ, въ началѣ сентября добрались до г. Енисейска. Тамъ въ это время начались уже холода, и оттуда внизъ по теченію р. Енисея на пароходахъ перестали перевозить ссыльныхъ. Намъ, поэтому, предстояло совершить на лодкахъ томительное и долгое путешествіе въ 1100 верстъ до Туруханска, на что, въ лучшемъ случаѣ, могло потребоваться еще 15—20 дней. Принявъ во вниманіе, что намъ необходимо было двигаться къ сѣверу, плаваніе

въ открытыхъ лодкахъ, во время холодныхъ осеннихъ дождей со снѣгомъ и заморозками, не представляло ничего особенно привлекательнаго. Но зато, начиная съ г. Енисейска вплоть до Туруханска, насъ должны были конвоировать уже не солдаты, какъ раньше, а по наряду обыкновенные крестьяне, вмѣстѣ съ двумя-тремя полицейскими, сопровождавшими политическихъ лишь нѣсколько ближайшихъ къ городу станцій. На ночлеги намъ также не нужно было болѣе останавливаться ни въ тюрьмахъ, ни на этапахъ, каковыхъ вовсе нѣтъ въ этомъ мало-населенномъ краѣ, а въ простыхъ деревенскихъ избахъ. Все это, при необходимой внѣшней помощи, дѣлало вполнѣ возможнымъ осуществленіе нашего намѣренія. Товарищъ Яковъ долженъ былъ подготовить все необходимое на одной изъ ближайшихъ къ городу станцій, расположенныхъ по р. Енисею, куда, согласно моему съ нимъ условію, онъ раньше насъ намѣревался отправиться.

Дѣйствительно, когда два дня спустя, по приходѣ нашей компаніи въ г. Енисейскъ, я во второй разъ повидался съ Яковомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что ему все удалось устроить наилучшимъ образомъ. Пунктомъ, гдѣ намъ слѣдовало уйти отъ сопровождавшей насъ стражи, должна была служить первая деревня, лежащая верстахъ въ пятнадцати за г. Енисейскомъ, внизъ по теченію. Но тамъ намъ не предстояла ни ночевка, ни привалъ. Поэтому, отъ насъ зависѣло придумать какой-нибудь предлогъ, чтобы заставить стражу причалить къ берегу и устроить въ этой деревнѣ хотя бы самую короткую остановку. Обсудивъ вмѣстѣ съ Яковомъ весь проектъ, мы подробности его выполненія поставили въ зависимость отъ того или иного стеченія обстоятельствъ.

Какъ ни былъ я увѣренъ въ томъ, что этотъ, отчасти уже налаженный, планъ побѣга можетъ увѣнчаться успѣхомъ, все же, руководствуясь житейскимъ правиломъ, по которому всегда слѣдуетъ ожидать наихудшаго, я не считалъ излишнимъ сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ предстоявшему намъ тяжелому и долгому плаванію на лод-

кахъ, а также и для конечнаго пункта нашего путешествія—Туруханска. Въ виду крайне рѣдкаго населенія обширной мѣстности, мимо которой намъ нужно было плыть, и поздняго времени года, намъ предъ отъѣздомъ изъ г. Енисейска слѣдовало сдѣлать значительный запасъ всякаго рода провизіи, платья, обуви, посуды и пр. Мы, поэтому, обратились къ мѣстному исправнику съ просьбой разрѣшить, какъ это часто практикуется въ такихъ случаяхъ въ Сибири, двоимъ изъ нашей компаніи отправиться въ городъ, конечно, въ сопровожденіи конвоя, для совершенія всѣхъ необходимыхъ намъ покупокъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, мы, наконецъ, получили разрѣшеніе.

Отправиться въ городъ за покупками долженъ былъ я, какъ староста нашей артели, вмѣстѣ съ товарищемъ Скрипникомъ въ качествѣ моего помощника. Хотя я и допускалъ, что подготовленный товарищемъ Яковомъ планъ общаго нашего побѣга можетъ увѣнчаться успѣхомъ, но вполнѣ увѣреннымъ въ такихъ случаяхъ никогда нельзя быть. Поэтому, руководствуясь принятымъ всѣми нами рѣшеніемъ, о которомъ я выше упомянулъ, я имѣлъ въ виду, во время хожденія по городу, воспользоваться случаемъ къ побѣгу, если таковой представится. О такомъ своемъ намѣреніи я сообщилъ нѣкоторымъ товарищамъ и, какъ заранѣе былъ въ томъ увѣренъ, встрѣтилъ съ ихъ стороны полное сочувствіе.

Слѣдующій день, послѣ того какъ мы получили отъ исправника разрѣшеніе, былъ праздничный. Поэтому, за покупками можно было пойти только на третій день утромъ, за нѣсколько часовъ до отправки нашей партіи въ дальнѣйшій путь. Въ теченіе двухъ ночей я мысленно готовился къ предстоявшему побѣгу. Никакого опредѣленнаго плана я не могъ, конечно, заранѣе выработать, совершенно не зная ни города, ни его населенія. Одно для меня было несомнѣнно, что при нѣкоторомъ вниманіи и настойчивости, всегда можно найти способъ, какъ исчезнуть съ глазъ имѣвшихъ сопровождать насъ городовыхъ. Я зналъ также, что не предприму очень рискованной попытки, къ тому же

такой, которая могла бы повредить осуществленію плана побѣга всѣхъ остальныхъ товарищей.

Наступило утро 9 сентября. Едва разсвѣло, какъ появившійся надзиратель сообщилъ, что уже пришли полицейскіе сопровождать тѣхъ изъ насъ, которымъ разрѣшено пойти въ городъ. Наскоро собравшись, мы съ Скрипникомъ отправились за покупками.

По дорогѣ я вступилъ въ разговоръ съ сопровождавшими насъ двумя полицейскими, желая предварительно узнать, что они за люди и можно ли будетъ усыпить ихъ бдительность? Одинъ изъ нихъ произвелъ на меня благопріятное, въ этомъ смыслѣ, впечатлѣніе, другой, наоборотъ, казался подозрительнымъ и человѣкомъ себѣ на умѣ.

Переходя изъ лавки въ лавку, я всегда присматривался, нельзя ли какъ-нибудь скрыться. Но вначалѣ полицейскіе, не спуская съ насъ глазъ, шли за нами по-пятамъ. Вскорѣ въ этомъ небольшомъ городкѣ многимъ стало извѣстно, что двое ссылаемыхъ расхаживаютъ по лавкамъ. Въ одномъ магазинѣ хозяинъ вступилъ со мною въ разговоръ, заявивъ, что онъ слышалъ обо мнѣ и радъ случаю познакомиться. Отвѣтивъ тѣмъ же, я попросилъ его снабдить насъ газетами, которыхъ мы уже нѣсколько дней не видѣли. Онъ направился за ними въ другое отдѣленіе магазина, куда и я послѣдовалъ. Туда же вскорѣ пришелъ одинъ его знакомый, оказавшійся и мнѣ нѣсколько извѣстнымъ, изъ Кіева, и у насъ завязался общій разговоръ.

— Вы, конечно, убѣжите съ дороги? — сказалъ, между прочимъ, кіевлянинъ. — Если вамъ понадобится квартира, можете воспользоваться моей,—я внѣ всякихъ подозрѣній.

— Очень радъ,—отвѣтилъ я,—но, какъ знать, убѣгу ли я съ дороги или, можетъ быть, мнѣ сейчасъ это удастся сдѣлать?

— То есть, какъ?—въ одинъ голосъ воскликнули хозяинъ и его гость.

— А вотъ такъ: сброшу пальто и пойду туда!—сказалъ я, указывая на дверь.—Она, вѣроятно, ведетъ во дворъ?

— Да,—подтвердилъ хозяинъ магазина, рекомендовавшій себя мнѣ больше чѣмъ „кадетомъ“,—почти „соціалъ-демократомъ“.—Но, вѣдь, послѣ вашего отсюда побѣга явится полиція, оцѣпитъ домъ, произведетъ обыскъ, и меня привлекутъ къ отвѣтственности!—замѣтилъ онъ, нѣсколько измѣнившись въ лицѣ.

— Вы, вѣдь, не обязаны слѣдить за тѣмъ, въ какую дверь выходятъ ваши покупателя,—возразилъ я.—А когда полиція оцѣпитъ вашъ магазинъ, меня уже не будетъ здѣсь.

Повидимому, убѣдившись изъ моихъ словъ и интонаціи голоса, что у меня имѣется твердое намѣреніе воспользоваться для побѣга именно его магазиномъ, онъ не нашелъ, что мнѣ отвѣтить и быстро направился въ первое отдѣленіе, куда за нимъ такъ же торопливо послѣдовалъ и его гость. Этимъ маневромъ оба они какъ бы снимали съ себя отвѣтственность, но это привлекло вниманіе того полицейскаго, котораго я характеризовалъ выше, какъ очень подозрительнаго. Пока я бесѣдовалъ съ хозяиномъ и кіевлянином, онъ стоялъ поодаль и лишь сквозь открытую дверь во второе отдѣленіе слѣдилъ за мною. Когда же эти два лица вышли оттуда, и я тамъ одинъ остался, онъ немедленно ко мнѣ приблизился. Увидѣвъ, что попытка моя не выгорѣла, я сдѣлалъ видъ, будто разсматриваю расположенные на полкахъ товары и выбираю нужныя мнѣ вещи.

Но я не отказался окончательно отъ надежды убѣжать во время этого хожденія по лавкамъ. Нужно было только внушить полицейскимъ мысль, что я не имѣю такого намѣренія. Для этого, переходя изъ магазина въ магазинъ, въ теченіе 3—4 часовъ, я иногда заходилъ въ имѣвшіяся въ нихъ вторыя отдѣленія и вскорѣ возвращался изъ нихъ, такъ что даже подозрительный полицейскій кажется убѣдился въ томъ, что я, дѣйствительно, интересуюсь лишь покупками и выборомъ наиболѣе подходящихъ предметовъ.

Во второмъ часу пополудни мы сдѣлали всѣ закупки, и лишь въ одномъ магазинѣ оставалось, расплатившись, взять

уже раньше выбранныя нами вещи. Подходя къ этому магазину, я громко сказалъ товарищу Скрипнику, что мы можемъ уже нанять двухъ извозчиковъ, чтобы ѣхать обратно въ тюрьму. Заявленіе это, въ связи со всѣмъ предыдущимъ нашимъ поведеніемъ, должно было окончательно убѣдить полицейскихъ,—если у нихъ еще оставалось относительно насъ подозрѣніе,—что они глубоко ошибались. Въ самомъ дѣлѣ, люди, намѣревающіеся убѣжать, не дѣлаютъ тщательнѣйшимъ образомъ закупокъ на 150—200 руб.,—сумма громадная въ глазахъ такихъ бѣдныхъ служащихъ, которые получаютъ 10—12 рублей въ мѣсяцъ,—и не собираются везти ихъ въ тюрьму.

На мое счастье, выбранныя нами вещи въ послѣднемъ магазинѣ не были еще вполнѣ готовы, и старшій приказчикъ, сидя за счетами во второмъ отдѣленіи, подводилъ общій итогъ. Заглянувъ къ нему, я вышелъ въ первое отдѣленіе; затѣмъ вновь прошелъ во второе и опять возвратился туда, гдѣ стояли полицейскіе съ товарищемъ Скрипникомъ, какъ бы выражая этимъ шатаніемъ свое нетерпѣніе, что намъ приходится напрасно терять столько времени. Эти маневры, продѣланные мною самымъ естественнымъ образомъ, могли также служить доказательствомъ тому, что я не собираюсь бѣжать. Ни одинъ изъ полицейскихъ болѣе не слѣдовалъ за мною по пятамъ. Убѣдившись въ этомъ, я вновь зашелъ во второе отдѣленіе магазина, какъ бы затѣмъ, чтобы посмотрѣть, не готовъ ли, наконецъ, нашъ счетъ и направился оттуда въ дверь, которая, какъ я предполагалъ, должна была вести во дворъ.

Испытывая сильнѣйшее волненіе, я открылъ эту дверь и затѣмъ очутился на небольшомъ дворикѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ сараями и амбарами. Но мое предположеніе, что изъ двора должны быть открытыя ворота на улицу, не оправдалось. Оглядываясь кругомъ, я увидѣлъ запертую висячимъ замкомъ калитку. Такимъ образомъ, просто выйти на улицу, какъ я полагалъ, было невозможно. Я началъ соображать, нельзя ли перелѣзть черезъ калитку.

Но вскорѣ я отказался отъ этой мысли, такъ какъ кто-нибудь изъ сосѣдей или съ улицы могъ увидѣть сѣдого человѣка, перелѣзающаго среди бѣла дня, и меня бы задержали, какъ заподозрѣннаго въ похищеніи чужой собственности. Вновь осмотрѣвши кругомъ дворикъ, я убѣдился, что въ немъ нѣтъ ватерклозета. Это обстоятельство меня обрадовало. Я вернулся обратно во второе отдѣленіе магазина и подошедши вплотную къ все еще сидѣвшему за составленіемъ счета старшему приказчику, тихо сказалъ ему, какъ это въ такихъ случаяхъ дѣлается:

— Гдѣ у васъ помѣщается извѣстное учрежденіе? Я искалъ его во дворѣ, но не нашелъ.

— Во второмъ дворѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Но калитка заперта!

— Такъ вотъ вамъ ключъ,—сказалъ онъ, ничего, конечно, не подозрѣвая.

Получивъ отъ него ключъ, я вновь вышелъ во дворикъ уже болѣе увѣренной походкой, чѣмъ въ первый разъ, отперъ замокъ и вышелъ въ калитку. Допуская, что кто-нибудь изъ полицейскихъ могъ уже замѣтить мое отсутствіе, такъ какъ прошло относительно довольно много времени, я, закрывъ за собою калитку, отворявшуюся во второй дворъ, подперъ ее еще снаружи валявшимся поблизости бревномъ. Ощущенія, испытанныя мною въ это время, были аналогичны тому состоянію, въ какомъ долженъ находиться человѣкъ послѣ совершеннаго имъ уголовнаго преступленія, когда онъ старается уничтожить слѣды его.

Когда я, вышедши въ калитку, взялъ бревно и подперъ имъ ее, я увидѣлъ дѣвочку лѣтъ 12-ти на видъ, которая, стоя посреди двора, разсматривала меня большими удивленными глазами. Могло казаться, что она понимаетъ, кто я и что дѣлаю. Въ дѣйствительности же, будучи, вѣроятно, жилицей этого двора, она естественно должна была удивиться, увидѣвъ прилично одѣтаго незнакомаго старика, который почему-то заботливо запираетъ за собою калитку, какъ никто этого не дѣлалъ.

Осмотрѣвшись быстро кругомъ, я сообразилъ, гдѣ должны были находиться ворота, такъ какъ изъ-за построекъ ихъ не было видно. Я направился къ нимъ,—они оказались настежь открытыми. Не зная города и лишь руководствуясь полученнымъ маршрутомъ, мнѣ, по выходѣ изъ воротъ, нужно было взять направо. Я, такимъ образомъ, долженъ былъ пройти мимо входной двери и оконъ того самаго магазина, изъ котораго только что ушелъ и въ которомъ еще оставались товарищъ Скрипникъ и двое полицейскихъ.

„А вдругъ кто-нибудь изъ нихъ выглянетъ случайно въ окно, не то покупатель войдетъ или выйдетъ изъ магазина, откроется дверь и меня увидятъ!“—мелькнуло у меня въ головѣ, и это опасеніе, конечно, вызвало непріятное ощущеніе. Все, однако, обошлось благополучно.

Не достаточно уйти отъ конвоя: не менѣе, если не болѣе еще, важно скрыться отъ преслѣдованій. Это всѣмъ извѣстное общее правило имѣетъ большое значеніе, вообще въ глухихъ, провинціальныхъ мѣстахъ, а въ малонаселенныхъ захолустьяхъ Сибири—въ особенности. Тамъ рѣшительно каждый человѣкъ на-виду, и мѣстный житель, послѣ мимолетной встрѣчи съ новымъ лицомъ, можетъ въ точности, со всѣми подробностями, описать его примѣты, костюмъ, походку и пр. Меня же многіе видѣли расхаживающимъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ по базарной площади и главной улицѣ, по которымъ мнѣ приходилось теперь проходить вновь, уже безъ конвоировъ.

Невдалекѣ стояли извозчики. Я хотѣлъ было взять одного изъ нихъ, но не рѣшился, предполагая, что въ такомъ городкѣ, гдѣ вообще малая ѣзда, легче прослѣдить скрывшагося на извозчикѣ, чѣмъ ушедшаго пѣшкомъ.

Квартира, въ которую мнѣ нужно было явиться, была мнѣ указана однимъ знакомымъ, [котораго назову Обломовымъ. Онъ растолковалъ мнѣ, какъ пройти къ ней, никого не спрашивая, и не назвалъ мнѣ ни улицы, гдѣ она находилась, ни именъ владѣльцевъ дома и квартиры.

Стараясь сдерживать свое волненіе и имѣть какъ можно болѣе естественный видъ, я обычной походкой, не торопясь, шелъ впередъ по уже знакомымъ мнѣ улицамъ. Въ отличіе отъ того состоянія, въ которомъ я находился болѣе 30-ти лѣтъ назадъ, когда я также уходилъ отъ конвоя изъ бани въ Кіевѣ, я въ этотъ разъ не испытывалъ ни малѣйшаго стремленія пуститься бѣгомъ; но у меня было сильное желаніе оглянуться назадъ, чтобы убѣдиться, слѣдуетъ ли за мною погоня. Все время мнѣ казалось, что полицейскіе, которые должны были уже замѣтить мое исчезновеніе, нагоняютъ меня по слѣдамъ и вотъ-вотъ схватятъ меня. Но я все же, въ теченіе длиннаго пути, ни разу не повернулъ назадъ головы, чтобы тѣмъ не обратить на себя вниманія немногихъ встрѣчавшихся прохожихъ.

Дошедши, наконецъ, до дома, который вполнѣ походилъ на описанный мнѣ Обломовымъ, я не безъ трепета позвонилъ у параднаго крыльца. Дверь долго не открывалась и пребываніе на-виду на улицѣ вызывало непріятное, нетерпѣливое ощущеніе. Но вотъ послышались тихіе шаги, затѣмъ медленно отпиравшійся замокъ и я, наконецъ, увидѣлъ старую-престарую женщину.

— Я отъ Обломова,—заявилъ я, согласно указанію моего знакомаго.

— Не понимаю, батюшка!—отвѣтила на это старушка.

Я вновь повторилъ условленную фразу, но результатъ получился тотъ же. Тогда, сдѣлавъ предположеніе, что старушка не была посвящена въ конспирацію, но что ея дѣти или внуки условились съ Обломовымъ о моемъ посѣщеніи, я спросилъ ее:

— Имѣется ли у васъ молодежь?

— Какая такая молодежь?—удивилась она.

— Ну, сыновья, дочери, внуки?

— Дочерей не имѣю, внуковъ тоже, а сынъ у меня одинъ. Да что вамъ, батюшка, нужно?

„Ну, вотъ, значитъ, сынъ-то ея, вѣрно, и есть именно тотъ человѣкъ, который долженъ меня скрыть“,—подумалъ я, обрадовавшись.

— Гдѣ же, бабушка, вашъ сынъ?

— Онъ въ гимназіи.

„Такъ и есть!—рѣшилъ я.—Вѣроятно, это ученикъ старшаго класса“.

— Когда онъ вернется?

— Въ два часа.

Посмотрѣвъ на свои часы, я увидѣлъ, что было безъ четверти два.

— Нельзя ли мнѣ дождаться его? У меня къ нему дѣло есть,—объяснилъ я.

Старуха охотно на это согласилась и провела меня въ комнату, чему я чрезвычайно обрадовался, такъ какъ испытывалъ очень непріятное ощущеніе оттого, что приходилось стоять на улицѣ.

— Какое же у васъ дѣло?—спросила она, сѣвъ противъ меня на стулѣ.

Я сказалъ, что Обломовъ просилъ меня зайти къ ея сыну и передать ему поклонъ.

— Что-то не слыхала я отъ сына про Обломова!—замѣтила старуха.

„Мало ли есть людей и вещей, о которыхъ сынъ не говорилъ тебѣ!“—помню, подумалъ я.

— А вы чѣмъ занимаетесь?

„Чѣмъ я занимаюсь?! Не сказать же ей, что вотъ ужъ болѣе тридцати двухъ лѣтъ занимаюсь подготовкой революціи!“

— Я по золотопромышленной части!—быстро отвѣтилъ я, сообразивъ, что въ данномъ районѣ это наиболѣе подходящая профессія.

— Вы, значитъ, не здѣшній?

— Нѣтъ, я изъ Красноярска.

— А, вотъ какъ! Ну, какъ у васъ теперь съ болѣзнью?

„Какая-такая болѣзнь?“—подумалъ я. Просидѣвъ въ красноярской тюрьмѣ меньше сутокъ, я ни о какой болѣзни, очевидно, свирѣпствовавшей въ городѣ, не слыхалъ.

— Да плохо, бабушка: мрутъ люди!—отвѣтилъ я, увѣренный въ томъ, что мое заявленіе ни въ какомъ случаѣ

не противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ и при эпидеміи и безъ нея люди все же умираютъ въ Красноярскѣ.

— То же вотъ, на-дняхъ, пріѣхавшій оттуда знакомый разсказывалъ!—подтвердила старушка.—А насчетъ грабежей?—продолжала она допрашивать.

— Грабятъ, бабушка, бѣда какъ!—заявилъ я, на этотъ разъ исходя изъ того общаго положенія, что у насъ, съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ, всюду занимаются грабежемъ, и Красноярскъ, навѣрно, не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Оказалось, что и этимъ сообщеніемъ я подтвердилъ слова пріѣзжаго изъ Красноярска. Однако, при дальнѣйшихъ разспросахъ старухи мои отвѣты могли оказаться менѣе удачными. Я боялся провраться, а потому сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и часто посматривалъ на часы. Наконецъ, раздался звонокъ. Когда старуха пошла открывать дверь, я почувствовалъ не облегченіе, а еще бо́льшую, чѣмъ въ ея присутствіи, тревогу: „не можетъ быть, чтобы сынъ хозяйки звонилъ,—у него долженъ имѣться свой ключъ отъ входной двери!“—подумалъ я и рѣшилъ, что меня прослѣдили. Вотъ послышался шопотъ въ передней комнатѣ. „Да, это пришла полиція! Надо спасаться! Но куда?“ Въ тревогѣ я сталъ осматриваться кругомъ: комната находилась во второмъ этажѣ; зимнія рамы были уже вставлены. Пока я соображалъ, что предпринять, дверь тихо открылась, и въ комнату вошелъ высокій, худой и сутуловатый господинъ, своимъ внѣшнимъ видомъ очень напоминавшій тотъ типъ провинціальныхъ чиновниковъ, которыхъ изобразилъ Гоголь и которые до сихъ поръ еще сохранились въ сибирскихъ захолустьяхъ.

„Такъ и есть: полицейскій чинъ!“—подумалъ я.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—обратился онъ ко мнѣ.

Я назвалъ первую подвернувшуюся фамилію.

Протянувъ мнѣ руку и произнесши свою фамилію, пришедшій очень вѣжливо спросилъ меня, чѣмъ вызвано мое посѣщеніе?

Было ясно, что этотъ господинъ—сынъ хозяйки. У меня готовъ былъ уже вырваться вздохъ облегченія.

— Я отъ Обломова! — воскликнулъ я, будучи увѣренъ,

что этотъ чиновникъ есть то именно лицо, которое мнѣ нужно.

— Не знаю никакого Обломова,—отвѣтилъ онъ,къ великому моему огорченію.—Да онъ зачѣмъ же васъ послалъ ко мнѣ?

Пришлось вновь повторить то же, что я уже говорилъ его матери и отвѣчать на разные его вопросы.

— Позвольте и мнѣ узнать, чѣмъ вы занимаетесь?— рѣшился я спросить, чтобы понять очевидное недоразумѣніе.

Оказалось, что то былъ учитель гимназіи. Мнѣ стало ясно, что я получилъ невѣрный адресъ. Необходимо было какъ можно скорѣе ретироваться. Объяснивъ, что я, очевидно, зашелъ не въ тотъ домъ, и извинившись за причиненное безпокойство, я, сконфуженный и вмѣстѣ чрезвычайно огорченный этимъ происшествіемъ, направился въ переднюю. Тамъ, схвативъ съ вѣшалки свое пальто, я на-ходу сталъ его одѣвать. Но тутъ со мною едва не случился непріятный казусъ.

— А гдѣ же ваша шапка?—изумился хозяинъ, не замѣтивъ ее ни на вѣшалкѣ, ни въ рукахъ у меня, когда я, надѣвая пальто, сталъ уже спускаться съ лѣстницы.

— Она у меня въ карманѣ,—отвѣтилъ я и досталъ ее оттуда. Но я тутъ же замѣтилъ, что изъ рукава пальто торчитъ вторая моя шапка, которую, засовывая туда руку, я чуть было не выбросилъ на полъ, но во-время удержалъ ее. Учитель, кажется, не замѣтилъ, что у меня при себѣ двѣ шапки: для побѣга я, на всякій случай, захватилъ съ собою запасную шапку, которую положилъ въ карманъ; другую же, находившуюся у меня на головѣ, раздѣваясь, засунулъ въ рукавъ.

„Что же мнѣ теперь предпринять?—задалъ я себѣ вопросъ, когда очутился на улицѣ. Идти обратно по тому направленію, откуда я пришелъ, значило, какъ мнѣ казалось, наткнуться на погоню, которая, по моимъ соображеніямъ, должна была уже явиться. Я рѣшилъ направиться въ противоположную сторону.

Пройдя немного, я вновь увидѣлъ домъ, также вполнѣ походившій на описанный мнѣ Обломовымъ. „Не этотъ

ли?"—подумалъ я. „Но вдругъ опять не тотъ? Къ тому же попаду къ менѣе снисходительнымъ людямъ, чѣмъ учитель съ матерью?" Но, въ концѣ концовъ, я все же рѣшилъ рискнуть и вновь позвонилъ.

Дверь немедленно открылась, и показалась молодая женщина съ симпатичными чертами лица.

— Я отъ Обломова!—повторяю стереотипную фразу, ожидая, какъ и раньше, увидѣть недоумѣвающее выраженіе. Но вдругъ раздается:

— Вы—Дейчъ?

Услышавъ свою фамилію, я сразу почувствовалъ такую усталость, что едва въ состояніи былъ устоять на ногахъ, и мнѣ ужасно захотѣлось спать.

— Да, я Дейчъ, только не называйте меня теперь такъ! Какъ я радъ; вѣдь я, было, попалъ въ чужой домъ, здѣсь по сосѣдству,—отвѣтилъ я торопливо и на радостяхъ готовъ былъ тутъ же расцѣловать милую хозяйку.

— Не бойтесь, у насъ нѣтъ постороннихъ людей. Ну, раздѣвайтесь! Не хотите ли закусить или чаю?—спросила она привѣтливо.

— Мнѣ хочется только спать,—укажите мнѣ, пожалуйста, мѣсто, гдѣ бы я могъ прилечь.

Двѣ ночи, проведенныя почти безъ сна, хожденіе по магазинамъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, различныя ощущенія, вызванныя у меня уходомъ отъ полицейскихъ, волненіе, огорченія и тревоги, пережитыя мною въ квартирѣ учителя и послѣ ухода отъ него, наконецъ радость моя, когда я увидѣлъ себя внѣ опасности,—все это вдругъ смѣнилось полнымъ упадкомъ силъ и однимъ лишь желаніемъ: „спать, и спать!"

Въ отведенной мнѣ уютной комнатѣ, я, наскоро раздѣвшись, повалился въ постель, въ твердой увѣренности, что немедленно засну. Но сперва какая-то неясная мысль мѣшала мнѣ. Я дѣлалъ усилія прогнать ее,—она не оставляла меня и становилась все опредѣленнѣе. Усталость боролась во мнѣ съ какой-то тревогой. Послѣ двухчасовыхъ тщетныхъ

усилій заснуть, я, наконецъ, понялъ, что именно меня безпокоитъ. То было опасеніе, что въ такомъ городкѣ, какъ Енисейскъ, долженъ былъ быстро распространиться слухъ о моемъ уходѣ отъ полицейскихъ и о посѣщеніи учителя какимъ-то страннымъ старикомъ. Отсюда не трудно уже было узнать, куда я направился и гдѣ теперь скрываюсь.

Когда все это мнѣ вполнѣ ясно представилось, усталость вновь прошла, я всталъ, наскоро одѣлся, умылся, остригъ свою длинную бороду и направился въ комнаты хозяевъ. Тамъ я попросилъ, чтобы кто-нибудь изъ домашнихъ сходилъ за Обломовымъ и предупредилъ его о необходимости пріискать для меня другую квартиру.

Спустя немного времени онъ явился. Слегка попрекнувъ его за невѣрно указанный мнѣ домъ и объяснивъ всѣ могущія произойти изъ этого послѣдствія, я попросилъ его обратиться къ тому моему кіевскому знакомому, который самъ предложилъ мнѣ воспользоваться для пріюта его квартирой. Но Обломовъ заявилъ мнѣ, что, идя ко мнѣ, онъ уже повидался съ тѣмъ господиномъ и изъ разговора съ нимъ вывелъ заключеніе, что тотъ струсилъ послѣ моего побѣга, а потому на него нечего разсчитывать.

Во время нашего разговора раздался звонокъ и затѣмъ сообщили Обломову, что его кто-то спрашиваетъ. Послѣдній вышелъ и, вернувшись обратно, сообщилъ, что мои предположенія и опасенія начали уже оправдываться, такъ какъ приходившій къ нему сейчасъ знакомый предупредилъ его, что о моемъ посѣщеніи учителя гимназіи узналъ сосѣдъ послѣдняго, извѣстный въ городѣ хулиганъ, а вскорѣ онъ и другіе сообразятъ также, гдѣ я теперь нахожусь.

Необходимо было немедленно перейти въ другую квартиру, но вполнѣ безопасной Обломовъ не могъ сразу придумать. Положеніе мое становилось довольно критическимъ: я испытывалъ крайне непріятныя ощущенія, не изъ боязни быть вновь арестованнымъ,—къ этому я давно привыкъ, всегда помня, что „отъ сумы и тюрьмы не избавишься“,—а вслѣдствіе досады и обиды, что, уйдя отъ полиціи, я

все же не смогъ затѣмъ укрыться и тутъ же опять попался.

Не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, мы съ Обломовымъ все же рѣшили отправиться вмѣстѣ на поиски.

Въ Енисейскѣ, конечно, не освѣщающемся по ночамъ, была непроглядная темень. Мы шли по окраинамъ; на каждомъ шагу были бугры и провалы. Чтобы не упасть, я держалъ Обломова за руку. Изрѣдка раздавался голосъ пьянаго. Обломовъ шонотомъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь „пошаливаютъ“, грабятъ по вечерамъ. На встрѣчу намъ идетъ кто-то. Изъ предосторожности мы уступаемъ ему дорогу, затѣмъ, нагибаясь, беремъ каждый по камню. Прохожій, вѣроятно, видитъ въ насъ также грабителей.

Наконецъ, мы добрались до одного дома, сквозь закрытыя ставни котораго замѣтенъ свѣтъ. Здѣсь живетъ одна знакомая Обломова, но у нея не совсѣмъ безопасно для меня, такъ какъ недавно у нея уже скрывались двое тоже бѣжавшихъ и объ этомъ, послѣ ихъ отъѣзда, должно быть знаетъ уже весь городокъ. Но, если не здѣсь, придется пойти къ Обломову, у котораго было бы еще менѣе безопасно для меня, такъ какъ онъ на виду у полиціи.

Оставивъ меня на улицѣ одного, съ камнемъ, вмѣсто всякаго другого оружія въ рукѣ, Обломовъ зашелъ въ домъ, и, вернувшись вскорѣ, сообщилъ, что его знакомая согласна меня пріютить, а наши опасенія насчетъ безопасности ея квартиры она считаетъ не существенными. Я рѣшилъ войти.

Дверь открыла сама хозяйка, молодая женщина, сразу произведшая на меня пріятное впечатлѣніе. Мужъ ея также показался мнѣ очень симпатичнымъ. Я рѣшилъ остаться у нихъ.

Между тѣмъ, полицейскіе не скоро меня хватились. Когда же, по прошествіи нѣкотораго времени, они не нашли меня во второмъ отдѣленіи магазина и узнали отъ старшаго приказчика, куда я вышелъ, то отправились меня искать во дворѣ. Дѣвочка, видѣвшая какъ я закладывалъ бревномъ калитку, сообщила имъ, куда я изъ воротъ направился.

Вскорѣ затѣмъ въ магазинъ явился полицейскій чиновникъ, накричалъ, сталъ грозить всякими наказаніями, хотя ни хозяинъ, ни приказчики въ моемъ уходѣ оттуда ничуть не были повинны. Побѣгъ мой не имѣлъ, однако, ни для кого рѣшительно дурныхъ послѣдствій. Онъ нисколько не помѣшалъ также моимъ товарищамъ воспользоваться планомъ, подготовленнымъ Яковомъ.

Въ мою задачу, конечно, не входитъ подробно излагать, какъ удалось убѣжать моимъ попутчикамъ—Парвусу, Пескину, Скрипнику, Петелину и Софьѣ Перлиной,—тѣмъ болѣе, что я могу объ этомъ сообщить только то, что слыхалъ отъ другихъ лицъ. Скажу лишь, что, какъ уже заранѣе было условлено съ Яковомъ, эти товарищи, сопровождаемые тоже двумя или тремя полицейскими, пристали вечеромъ на лодкахъ въ ближайшей деревнѣ. Тамъ имъ уже не трудно было склонить своихъ конвоировъ зайти вмѣстѣ съ ними въ опредѣленную, заранѣе приготовленную Яковомъ, избу, чтобы закусить и выпить. На столѣ, конечно, появилась водка, къ которой усердно прикладывались назябшіеся и проголодавшіеся гребцы, а также, вѣроятно, и полицейскіе. Какъ это водится въ исключительныхъ случаяхъ въ деревняхъ, въ избу стали заглядывать любопытные сосѣди, которыхъ также стали угощать. Въ это время Парвусъ вдругъ исчезъ, какъ бы провалившись сквозь землю. Замѣтивъ это, старшій полицейскій только ударялъ себя кулаками по головѣ, восклицая въ недоумѣніи: „и куда это Толстый, такой-сякой, пропалъ?!“—такъ какъ окна и двери были закрыты.

Между тѣмъ отъ скопленія народа и самоварнаго пара становилось очень душно въ избѣ. Кто-то предложилъ открыть окно, и пока старшій конвоиръ ломалъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ задачи о таинственномъ исчезновеніи Парвуса,—Пескинъ, Перлина и Петелинъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, повыскакали въ открытое окно. Ожидавшій ихъ товарищъ Яковъ съ помощниками немедленно отводилъ каждаго выскакивавшаго въ безопасное мѣсто. Пятый—Скрипникъ вышелъ уже прямо въ дверь мимо полицейскаго. Только

одинъ изъ нашихъ товарищей-попутчиковъ, членъ еврейскаго „Бунда“—Лопатисъ, по какимъ-то совершенно непонятнымъ причинамъ, въ послѣдній моментъ наотрѣзъ отказался бѣжать вмѣстѣ съ остальными. Говорятъ, что даже гребцы и постороннія лица уговаривали его: „Ну, чего остаешься? Уходи и ты!“ Но онъ все же предпочелъ почему-то отправиться въ Туруханскій округъ.

Послѣ ухода моего и пяти названныхъ товарищей, осталась масса всевозможныхъ вещей и продуктовъ. Значительную часть всего этого взялъ себѣ Лопатисъ, а остальную растаскали мѣстные крестьяне. Они были въ восторгѣ отъ этого неожиданнаго случая наживы и вообще отъ всего ночного происшествія въ ихъ деревнѣ. Обращаясь къ товарищу Якову, нѣкоторые крестьяне говорили ему: „Ты, паря, почаще давай намъ такихъ политическихъ!“

Слѣдующій день этимъ пяти бѣглецамъ пришлось провести безъ пищи въ ближайшей тайгѣ. Побродивъ по ней и порастерявъ другъ друга, они вечеромъ были на лодкѣ доставлены обратно въ Енисейскъ, гдѣ Яковъ съ Обломовымъ размѣстили ихъ на разныхъ квартирахъ.

Нелегко было затѣмъ выбраться намъ изъ города: Енисейскъ не пользуется желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ,—изъ него можно уѣхать во время навигаціи на пароходѣ или сухимъ путемъ. Но, въ виду предпринятыхъ властями поисковъ за нами, шестью бѣжавшими, необходимо было прибѣгнуть къ какимъ-нибудь ухищреніямъ, чтобы добраться до желѣзнодорожной станціи, до которой 350 верстъ.

Не такъ просто было сдѣлать это, какъ то можетъ показаться. Рѣдко кто ѣдетъ, во время навигаціи, на лошадяхъ, такъ какъ это стоитъ дороже и менѣе удобно, чѣмъ на пароходѣ. Легко было, поэтому, обратить на себя вниманіе и быть въ пути задержаннымъ, а о нашемъ побѣгѣ всюду могли уже дать знать по телеграфу.

Прбывъ въ квартирѣ симпатичной молодой четы трое сутокъ, я остановился на планѣ отправиться въ дальнѣйшій путь подъ видомъ провинціальнаго актера, на котораго по-

ходилъ, послѣ того какъ снялъ бороду. Мнѣ попался также вполнѣ подходившій къ этому попутчикъ, знавшій, кто я, и мы отправились на вольныхъ лошадяхъ или, какъ еще называютъ въ Сибири, „на дружкахъ“: одинъ ямщикъ передаетъ своихъ пассажировъ другому въ слѣдующей деревнѣ. Проѣздъ совершается безостановочно, какъ и на почтовыхъ.

Выбранная мною себѣ профессія, однако, вскорѣ оказалась совсѣмъ неподходящей. Такъ, когда въ одной изъ ближайшихъ деревень, гдѣ намъ пришлось мѣнять лошадей, мой попутчикъ, въ отвѣтъ на вопросъ одной крестьянки о нашемъ занятіи, сказалъ, что мы артисты, я увидѣлъ на ея лицѣ выраженіе крайняго изумленія, потому что этимъ словомъ низшіе слои населенія обозначаютъ мастеровъ по очисткѣ чужихъ кармановъ и вообще имущества. Я тотчасъ же вмѣшался въ разговоръ и поправилъ моего попутчика, сказавъ, что мы, собственно по пріисковой части, терминъ, вполнѣ понятный въ тѣхъ мѣстахъ. Дальше мы ѣхали уже въ качествѣ служащихъ на золотыхъ пріискахъ.

Долгое время насъ нигдѣ не спрашивали о нашихъ фамиліяхъ. Но въ большомъ селѣ Казачинскомъ, куда мы пріѣхали въ полночь, хозяинъ лошадей, которыхъ мы тамъ наняли, вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, кто я и гдѣ служу? Отвѣтивъ ему, я спросилъ, почему это ему интересно?

— Да, видите ли, — сказалъ онъ, — урядникъ каждый часъ ко мнѣ навѣдывается,—все хочетъ узнать, нѣтъ ли проѣзжающихъ. А становой приказалъ немедленно дать ему знать, коли кто будетъ лошадей нанимать. Кто ихъ знаетъ, что они растеряли! Сказываютъ, въ Енисейскѣ убѣжало много политическихъ.

Это сообщеніе крестьянина было для меня не изъ особенно пріятныхъ: легко могло случиться, что какъ разъ въ то время, какъ мы ожидали пока закладывали свѣжихъ лошадей, вдругъ заявился бы урядникъ или какое-нибудь другое должностное лицо, и неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась для меня подобная встрѣча. Такимъ случайностямъ я подвергался въ каждой деревнѣ. Но мы съ попутчикомъ не дурно разы-

грывали наши роли, отвѣчая на самые подробные вопросы о пріискѣ, на которомъ будто бы служили, о его хозяинѣ и т. д., о чемъ сами вопрошавшіе были хорошо освѣдомлены.

Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда на четвертый день, утромъ, добрался до Красноярска, откуда мнѣ предстояло ѣхать по желѣзной дорогѣ, и я не подвергался уже столь большому риску, какъ раньше.

Во время дальнѣйшаго пути, продолжавшагося цѣлыхъ восемь сутокъ, мнѣ, конечно, приходилось вступать въ бесѣды съ разнообразными пассажирами. Отъ Красноярска я уже ѣхалъ въ качествѣ „присяжнаго повѣреннаго изъ Петербурга“.

Всего двѣ недѣли предъ тѣмъ я проѣзжалъ по тому же желѣзнодорожному пути, только въ обратномъ направленіи и въ качествѣ арестанта. Тогда я встрѣчалъ тамъ иной слой населенія, получалъ другія впечатлѣнія и испытывалъ совсѣмъ не тѣ чувства, что во второй разъ, когда возвращался на западъ. Теперь я ѣхалъ въ обществѣ такъ называемой „чистой публики“, отъ которой, большею частью, приходилось выслушивать сѣтованія на тяжелыя времена, на терроръ правительства въ союзѣ съ черносотенцами, а также и на революціонеровъ. Въ равной мѣрѣ доставалось и тѣмъ, и другимъ. Разсказамъ объ ужасахъ, произведенныхъ разными усмирителями волненій, не было конца. Не мало, повидимому, страха нагнали на средняго, мирнаго обывателя также анархисты, максималисты, экспропріаторы.

— Когда же, наконецъ, все это кончится, когда же дадутъ намъ возможность вздохнуть и жить свободно, спокойно?—спрашивали другъ друга напуганные пассажиры.

Однажды, во время остановки на какой-то станціи, ко мнѣ подошелъ господинъ въ формѣ желѣзнодорожнаго контролера и, протянувъ руку, поздоровался со мною. Я замѣтилъ ему, что онъ, очевидно, обознался. Но незнакомецъ, взглянувъ на меня какъ-то странно, сказалъ:

— Мы съ вами встрѣчались въ Томскѣ!

— Я никогда не бывалъ тамъ,—возразилъ я.

Но онъ съ хитрой усмѣшкой, какъ бы говорившей: „разсказывай, нечего скрывать, знаю, кто ты“—повторилъ, что видалъ меня.

Въ это время я замѣтилъ стоявшаго за его спиной пассажира изъ одного со мною купэ, который дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки. Оставивъ страннаго незнакомца, я подошелъ къ нему.

— Развѣ вы не видите, что это сумасшедшій?—сказалъ онъ и затѣмъ разсказалъ мнѣ объ ужасныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ этотъ несчастный лишился разсудка.

Когда, вскорѣ послѣ 17-го октября и объявленія извѣстнаго манифеста о „свободахъ“, въ Томскѣ въ желѣзнодорожномъ правленіи собралось нѣсколько сотъ служащихъ, отрядъ черносотенцевъ, какъ извѣстно, поджегъ это зданіе. Контролеръ, о которомъ я выше сообщилъ, со своей женой подошелъ къ управленію какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно кругомъ охвачено было пламенемъ, и женщины, дѣти, старики метались въ ужасѣ, издавая отчаянные крики. Мужъ и жена тутъ же лишились оба разсудка. У нихъ четверо дѣтей. Жена вскорѣ оправилась, а онъ оказался неизлечимо-больнымъ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1906 года я вновь былъ уже въ Петербургѣ. На второй день по пріѣздѣ я розыскалъ В. Засуличъ. Сперва она довольно долго не могла узнать меня, но затѣмъ воскликнула: „Смотрите, онъ уже здѣсь!“—такъ мало, показалось ей, прошло времени съ момента моего отъѣзда въ Сибирь. Когда же я разсказалъ ей про свой побѣгъ, она съ улыбкой замѣтила: „Ты всегда очень глупо попадаешься, но молодцомъ убѣгаешь“.

Справедливость первой половины этого приговора я давно самъ призналъ, несмотря на данное себѣ, какъ читатель, вѣроятно, помнитъ, еще въ 1877 году, обѣщаніе впредь не попадаться зря.

Берлинъ.
2 (15) февраля 1907 г.

ИВАНЪ БУНИНЪ.

РУСЬ.

СТИХИ.

ВЪ РОЩѢ.

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ—живые бугорки.
Вдругъ пѣгая лягавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ?—Плетенка съ костеникой!
А на березѣ дѣвочка—и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась—
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалася на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ... Младенчески безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый... Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизнь была, какъ утро, хороша.

СИРОТКА.

Шла сиротка пыльною дорогой,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянулъ строго,
Къ мачехѣ велѣлъ ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангелъ, глянулъ кротко
И потупилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка—стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянулъ милосердно и любовно.

„Не трудись,—сказалъ Онъ,—не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь“—
И увелъ сиротку въ рай небесный.

ПУСТОШЬ.

... Миръ вамъ, въ землѣ почившіе!—За садомъ
Погостъ рабовъ, погостъ дворовыхъ нашихъ:
Двѣ десятины пустоши, волнистой
Отъ бугорковъ могильныхъ. Ни креста,
Ни деревца. Мѣстами уцѣлѣли
Лишь каменныя плиты, да и то
Изъѣденныя временемъ, какъ оспой.
Теперь ихъ скоро выберутъ—и будутъ
Выпахивать то пористыя кости,
То суздальскія черныя иконки...

... Миръ вамъ, давно забытые!—Кто знаетъ
Ихъ имена простыя? Жили—въ страхѣ,
Въ безвѣстности—почили. Иногда
Въ селѣ ковали цѣпи, засѣкали,
На поселенье гнали. Но стихалъ
Однообразный бабій плачъ—и снова
Шли дни труда, покорности и страха.
Теперь отъ этой жизни уцѣлѣли
Лишь каменныя плиты. А пройдетъ
Желѣзный плугъ—и пустошь всколосится
Густою рожью... Кости удобряютъ...

... Миръ вамъ, неотомщенные!—Свидѣтель
Великаго и подлаго, безсильный

Свидѣтель звѣрствъ, разстрѣловъ, пытокъ, казней,
Я, чье чело отмѣчено навѣки
Клеймомъ раба, невольника, холопа,
Я говорю почившимъ: „Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки вашихъ
Владыкъ и повелителей испили
Не меньше васъ изъ горькой чаши рабства!“

БУДНИ.

Бѣгутъ, бѣгутъ листы раскрытой книги,
Бѣгутъ, струятся къ небу тополя,
Гулъ молотилки слышится изъ риги—
Дохнули въ шторы вольныя поля.
Помѣщикъ всталъ и, окна закрывая,
Глядитъ на югъ. Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лѣнь.
Въ горячемъ свѣтѣ весело и сухо.
Вокругъ террасы лоснится сирень.
Зажглась рѣка, какъ зеркало. Старуха
Несетъ сажать махотки на плетень.
Кричитъ пѣтухъ. Въ крапиву за насѣдкой
Спѣшитъ десятокъ желтенькихъ цыплятъ.
И тѣни шторъ узорно-легкой сѣткой
По конскому лѣчебнику пестрятъ.

КРУЖЕВО.

Весь день метель. За дверью, у сосѣда,
Стучатъ часы и каплетъ съ оконъ ледъ.
У барышни-сосѣдки съ мясоѣда
Поетъ щеголъ. А барышня плететъ.

Сидитъ, выводитъ крестики и мушки—
Бѣла, какъ снѣгъ, скромна какъ ленъ въ степи...
Темно въ уѣздной крохотной избушкѣ,
Наскучили гремучія коклюшки,
Весна идетъ... Да какъ же быть? Терпи!

Синѣетъ дымъ метели, вьются галки
Надъ старой колокольней... День прошелъ,
А толку что?—Текутъ съ окна мочалки
И о веснѣ поетъ дуракъ щеголъ.

А. КУПРИНЪ.

УЧЕНИКЪ.

I.

Большой, бѣлый, двухъэтажный американскій пароходъ весело бѣжалъ внизъ по Волгѣ. Стояли жаркіе, томные, іюльскіе дни. Половину дня публика проводила на западномъ наружномъ балкончикѣ, а половину на восточномъ, въ зависимости отъ того, какая сторона бывала въ тѣни. Пассажиры садились и вылѣзали на промежуточныхъ станціяхъ и въ концѣ концовъ образовался постоянный кадръ путешественниковъ, которые уже давно знали другъ друга въ лицо и порядочно другъ другу надоѣли.

Днемъ лѣниво занимались флиртомъ, покупали на пристаняхъ землянику, вяленую воблу, молоко, баранки и стерлядей, пахнувшихъ керосиномъ. Въ продолженіе цѣлаго дня ѣли не переставая, какъ это всегда бываетъ на пароходахъ, гдѣ плавная тряска, свѣжій воздухъ, близость воды и скука чрезмѣрно развиваютъ аппетитъ.

Вечеромъ, когда становилось прохладнѣе, съ береговъ доносился на палубу запахъ скошеннаго сѣна и медвяныхъ цвѣтовъ, и когда отъ рѣки поднимался густой, лѣтній туманъ, всѣ собирались въ салонъ.

Худенькая барышня изъ Москвы, ученица консерваторіи, у которой рѣзко выступали ключицы изъ-подъ низко вырѣзанной блузки, а глаза неестественно блестѣли, и на щекахъ горѣли болѣзненныя пятна, пѣла маленькимъ, но необыкновенно пріятнаго тембра голосомъ романсы Даргомыжскаго. Потомъ немного спорили о внутренней политикѣ.

Общимъ посмѣшищемъ и развлеченіемъ служилъ тридцатилѣтній симбирскій помѣщикъ, розовый и гладкій, какъ іоркширскій поросенокъ, съ бѣлокурыми волосами ежикомъ, съ разинутымъ ртомъ, съ громаднымъ разстояніемъ отъ носа до верхней губы, съ бѣлыми рѣсницами и возмутительно бѣлыми усами. Отъ него вѣяло непосредственной черноземной глупостью, свѣжестью, наивностью и усердіемъ. Онъ только что женился, пріобрѣлъ цензъ и получилъ мѣсто земскаго начальника. Всѣ эти подробности, а также дѣвическая фамилія его матери и фамиліи всѣхъ людей, оказывавшихъ ему протекцію,—были уже давно извѣстны всему пароходу, включая сюда капитана и двухъ его помощниковъ и, кажется,—палубной командѣ. Какъ представитель власти и членъ всероссійской дворянской семьи, онъ пересаливалъ въ своемъ патріотизмѣ и постоянно завирался. Отъ Нижняго до Саратова онъ уже успѣлъ перестрѣлять и перевѣшать всѣхъ жидовъ, финляндцевъ, поляковъ, армяшекъ, малороссовъ и прочихъ инородцевъ.

Во время стоянокъ онъ выходилъ на палубу въ своей фуражкѣ съ бархатнымъ околышемъ и съ двумя значками и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, обнаруживая толстый, дворянскій задъ въ сѣрыхъ панталонахъ, поглядывалъ на всякій случай начальственно на матросовъ, на разносчиковъ, на троечныхъ ямщиковъ въ круглыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями. Жена его, тоненькая, изящная, некрасивая петербургская институтка, съ очень блѣднымъ лицомъ и очень яркими, злыми губами, не препятствовала ему ни въ чемъ, была молчалива, иногда при глупостяхъ мужа улыбалась недоброй, тонкой улыбкой; большую часть дня сидѣла на солнечномъ припекѣ, съ желтымъ французскимъ романомъ въ рукахъ, съ пледомъ на колѣняхъ, вытянувъ вдоль скамейки и скрестивъ маленькія, породистыя ножки въ красныхъ сафьяновыхъ туфляхъ.

Какъ-то невольно чувствовалась въ ней карьеристка,—будущая губернаторша или предводительша, очень можетъ быть, что будущая губернская Мессалина. Отъ нея всегда пахло помадой crème Simon и какими-то модными духами—сладкими, острыми и терпкими, отъ которыхъ хотѣлось чихать. Фамилія ихъ была Кострецовы.

Изъ постоянныхъ пассажировъ былъ еще артиллерійскій полковникъ, добродушнѣйшій человѣкъ, неряха и обжора, у котораго полусѣдая щетина торчала на щекахъ и подбородкѣ, а китель надъ толстымъ животомъ лоснился отъ всевозможныхъ суповъ и соусовъ. Каждый день утромъ онъ спускался внизъ въ помѣщеніе повара и выбиралъ тамъ стерлядку или севрюжку, которую ему приносили наверхъ въ сачкѣ, еще трепещущую, и онъ самъ, священнодѣйствуя, сопя и почмокивая, дѣлалъ рыбѣ ножемъ на головѣ помѣтки во избѣжаніе поварской лукавости, чтобы не подали другую, дохлую.

Каждый вечеръ, послѣ пѣнія московской барышни и политическихъ споровъ, полковникъ игралъ до поздней ночи въ винтъ. Его постоянными партнерами были: акцизный надзиратель, ѣхавшій въ Асхабадъ—человѣкъ совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, сморщенный, со скверными зубами, помѣшанный на любительскихъ спектакляхъ—онъ недурно, бойко и весело разсказывалъ въ промежуткахъ игры во время сдачъ анекдоты изъ еврейскаго быта; редакторъ какой-то приволжской газеты, бородатый, низколобый, въ золотыхъ очкахъ, и студентъ, по фамиліи Држевецкій.

Студентъ игралъ съ постояннымъ счастьемъ. Онъ быстро разбирался въ игрѣ, великолѣпно помнилъ всѣ назначенія и ходы, относился къ ошибкамъ партнеровъ съ неизмѣняемымъ благодушіемъ. Несмотря на сильныя жары, онъ всегда былъ одѣтъ въ застегнутый на всѣ пуговицы сюртукъ, съ очень длинными полами и пре-

увеличенно высокимъ воротникомъ. Спинныя лопатки были у него такъ сильно развиты, что онъ казался сутуловатымъ, даже при его высокомъ ростѣ. Волосы у него были свѣтлые и курчавые, голубые глаза, бритое длинное лицо: онъ немножко походилъ, судя по старинным портретамъ, на 25-ти лѣтнихъ генераловъ отечественной войны 1812 года. Но нѣчто странное было въ его наружности. Иногда, когда онъ не слѣдилъ за собою, его глаза принимали такое усталое, измученное выраженіе, что ему свободно можно было дать на видъ даже и 50 лѣтъ. Но ненаблюдательная пароходная публика этого, конечно, не замѣчала, какъ не замѣчали его партнеры необыкновенной особенности его рукъ: большіе пальцы у студента достигали по длинѣ почти концовъ указательныхъ и всѣ ногти на пальцахъ были коротки, широки, плоски и крѣпки. Эти руки съ необыкновенной убѣдительностью свидѣтельствовали объ упорной волѣ, о холодномъ, не знающемъ колебаній эгоизмѣ студента и о его способности къ преступленію.

Отъ Нижняго до Сызрани какъ-то въ продолженіе двухъ вечеровъ составлялись маленькія азартныя игры. Играли въ двадцать одно, желѣзную дорогу, польскій банчекъ. Студентъ выигралъ что-то рублей около семидесяти.

Но онъ это сдѣлалъ такъ мило, и такъ любезно предложилъ обыгранному имъ лѣсопромышленнику взаймы денегъ, что у всѣхъ получилось впечатлѣніе, что онъ богатый человѣкъ, хорошаго общества и воспитанія.

II.

Въ Саратовѣ пароходъ очень долго разгружался и нагружался. Студентъ съѣздилъ выкупаться и, вернувшись, сидѣлъ въ капитанской рубкѣ—вольность, которая *разрѣшается* только очень симпатичнымъ пассажирамъ

послѣ долгаго совмѣстнаго плаванья. Онъ съ особеннымъ вниманьемъ, пристально слѣдилъ за тѣмъ, какъ на пароходъ взошли порознь три еврея, всѣ очень хорошо одѣтые, съ перстнями на рукахъ, съ блестящими булавками въ галстукахъ. Онъ успѣлъ замѣтить и то, что евреи дѣлали видъ, какъ будто они не знакомы другъ съ другомъ, и какую-то общую черту въ наружности, какъ будто наложенную одинаковой профессіей, и почти неуловимые знаки, которые они подавали другъ другу издали.

— Не знаете—кто это?—спросилъ онъ помощника капитана.

Помощникъ капитана, черненькій, безусый мальчикъ, изображавшій изъ себя въ салонѣ стараго морского волка, очень благоволилъ къ студенту. Во время своихъ очередныхъ вахтъ онъ разсказывалъ Држевецкому непристойные эротическіе разсказы изъ своей прошлой жизни, говорилъ гнусности о всѣхъ женщинахъ, находившихся на суднѣ, и студентъ выслушивалъ его терпѣливо и внимательно, хотя и нѣсколько холодно.

— Эти?—переспросилъ помощникъ капитана.—Несомнѣнно комиссіонеры. Должно быть торгуютъ мукой или зерномъ. Да вотъ мы сейчасъ узнаемъ. Послушайте, господинъ, какъ васъ, послушайте!—закричалъ онъ, перегнувшись черезъ перила.—Вы съ грузомъ? Хлѣбъ?

— Ужѣ!—отвѣтилъ еврей, поднявъ кверху умное, наблюдательное лицо.—Теперь я ѣду для собственнаго удовольствія.

Вечеромъ опять пѣла московская барышня,—„Разстались гордо мы“,—земскій начальникъ кричалъ о пользѣ уничтоженія жидовъ и введенія общей, всероссійской порки, полковникъ заказывалъ севрюжку по-американски съ каперцами. Два комиссіонера усѣлись играть въ шестьдесятъ-шесть—старыми картами, потомъ къ нимъ, какъ будто невзначай, подсѣлъ третій, и они перешли на преферансъ. При окончательномъ расчетѣ

у одного изъ игроковъ не нашлось сдачи,—оказались только крупныя бумажки.

Онъ сказалъ:

— Ну, господа, какъ же мы теперь раздѣлимся? Хотите на черное и красное?

— Нѣтъ, ужъ спасибо, въ азартныя игры не играю,— отвѣтилъ другой.—Да, это пустяки. Пускай мелочь останется за вами.

Первый какъ будто бы обидѣлся, но тутъ вмѣшался третій:

— Господа, кажется мы не пароходные шулера и находимся въ порядочной компаніи. Позвольте, сколько у васъ въ банкѣ?

— Однако, какой вы горячій,—сказалъ первый.— Шесть рублей 20 копѣекъ.

— Ну, вотъ... Иду на все.

— Ой, какъ страшно!—сказалъ первый и началъ метать.

Онъ выигралъ. Второй удвоилъ ставку. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ между этими тремя людьми завязалась оживленная, азартная игра въ польскій банчекъ, въ который банкометъ сдаетъ всѣмъ партнерамъ по три карты и отъ себя открываетъ для каждаго по одной.

Не прошло и получаса, какъ на столѣ ворохами лежали кредитные билеты, столбики золота и груды серебра. Банкометъ все время проигрывалъ. При этомъ онъ очень правдоподобно разыгрывалъ удивленіе и негодованіе.

— Это вамъ всегда такъ везетъ на пароходахъ?— спрашивалъ онъ съ ядовитой усмѣшкой партнера.

— Да. А особенно по четвергамъ,—отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

Неудачный игрокъ потребовалъ новую талію. Но онъ опять сталъ проигрывать. Вокругъ ихъ стола столпились пассажиры перваго и второго класса. Игра

понемногу разожгла всѣхъ. Сначала вмѣшался добродушный артиллерійскій полковникъ, потомъ акцизный чиновникъ, ѣхавшій въ Асхабадъ, и бородатый редакторъ. У м-мъ Кострецовой загорѣлись глаза, и въ этомъ сказалась ея пылкая, нервная натура.

— Ставьте же противъ него,—сказала она злымъ шопотомъ мужу.—Развѣ вы не видите, что его преслѣдуетъ несчастье.

— Mais, дорогая моя... Богъ знаетъ съ кѣмъ,—слабо протестовалъ земскій начальникъ.

— Идіотъ!—сказала она злымъ шопотомъ. — Принесите изъ каюты мой ридикюль.

III.

Студентъ давно уже понялъ, въ чемъ дѣло. Для него было совершенно ясно, что эти три человѣка составляютъ обыкновенную компанію пароходныхъ шулеровъ. Но, очевидно, ему нужно было кое-что обдумать и сообразить. Онъ взялъ въ буфетѣ длинную, черную сигару и усѣлся на балконѣ, слѣдя какъ тѣнь парохода скользила по желтой водѣ, игравшей солнечными зайчиками. Помощникъ капитана, увидѣвъ его, сбѣжалъ съ рубки, многозначительно смѣясь.

— Профессоръ, хотите я вамъ покажу одного изъ самыхъ интересныхъ людей въ Россіи.

— Да?—сказалъ равнодушно студентъ, стряхивая ногтемъ пепелъ съ сигары.

— Посмотрите, вонъ тотъ господинъ, съ сѣдыми усами и съ зеленымъ шелковымъ зонтикомъ надъ глазами. Это—Балунскій, король шулеровъ.

Студентъ оживился и быстро посмотрѣлъ направо.

— Этотъ? Да? Въ самомъ дѣлѣ Балунскій?

— Да. Этотъ самый.

— Что же, онъ теперь играетъ?

— Нѣтъ. Совсѣмъ упалъ. Да если бы онъ и сѣлъ играть, такъ, вѣдь, вы знаете, мы обязаны предупредить

публику... Онъ только торчитъ за столами, смотритъ, и больше ничего.

Въ это время Балунскій проходилъ мимо нихъ и студентъ, съ самымъ живымъ интересомъ, проводилъ его глазами. Балунскій былъ высокій, прекрасно сложенный старикъ съ тонкими, гордыми чертами лица. Студентъ многое увидалъ въ его наружности: давнишнюю привычку держать себя независимо и увѣренно на глазахъ большой публики, выхоленныя, нѣжныя руки, наигранную, внѣшнюю барственность, но также и маленькій дефектъ въ движеніи правой ноги, и побѣлѣвшія отъ времени швы когда-то великолѣпнаго, парижскаго пальто. И студентъ съ неослабнымъ вниманіемъ и съ какимъ-то страннымъ смѣшаннымъ чувствомъ нѣжной жалости и беззлобнаго презрѣнія слѣдилъ за всѣми этими мелочами.

— Былъ конь, да изъѣздился,—сказалъ помощникъ капитана.

— А внизу идетъ игра,—сказалъ спокойно студентъ.

Потомъ, вдругъ повернувшись къ помощнику капитана, и глядя ему каменнымъ взглядомъ въ самые зрачки, онъ сказалъ такъ просто, какъ будто заказывалъ себѣ завтракъ или обѣдъ:

— Вотъ что, mon chèr ami, я къ вамъ приглядываюсь уже два дня и вижу, что вы человѣкъ неглупый и, конечно, стоите выше всякихъ старушечьихъ предразсудковъ. Вѣдь мы съ вами сверхъ-люди, неправда ли?

— Да, вообще... И по теоріи Ницше, вообще,—пробормоталъ важно помощникъ капитана.

— Ну, ладно. Подробности письмомъ. — Студентъ отвернулъ полу сюртука, досталъ увѣсистое портмонэ и вынулъ изъ него двѣ бумажки, по сто рублей каждая.—Держите, адмиралъ! Это ваши.

— За что?—спросилъ помощникъ капитана, *захлопавъ* глазами.

— За вашу за прекрасную за красоту,—сказалъ серьезно студентъ.—И за удовольствіе поговорить съ умнымъ человѣкомъ, не связаннымъ предразсудками.

— Что я долженъ сдѣлать?

Теперь студентъ говорилъ отрывисто и вѣско, точно полководецъ передъ сраженіемъ:

— Во-первыхъ: не предупреждать никого о Балунскомъ. Онъ мнѣ нуженъ будетъ, какъ контроль и какъ лѣвая рука. Есть?

— Есть!—отвѣтилъ весело помощникъ капитана.

— Во-вторыхъ: укажите мнѣ того изъ офиціантовъ, который можетъ подать на столъ мою колоду.

Морякъ немножко замялся.

— Развѣ Прокофій?—сказалъ онъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собой?

— Ахъ, это тотъ, худой, съ тараканьими усами? Да?

— Да. Этотъ.

— Ну, ну... У него подходящее лицо. Съ нимъ у меня будетъ особенный расчетъ. Затѣмъ, мой молодой, но пылкій другъ, я вамъ предлагаю слѣдующую комбинацію. Два съ половиной процента съ валового сбора.

— Съ валового сбора?—захихикалъ восторженно помощникъ капитана.

— Да-съ. Это составитъ, приблизительно, вотъ сколько: у полковника своихъ, я думаю, рублей тысяча и, можетъ быть, еще казенныя—скажемъ, кругло двѣ. Земскаго начальника я тоже цѣню въ тысячу. Если удастся развертѣть его жену, то эти деньги я считаю какъ въ своемъ карманѣ. Остальные всѣ—мелочь. Да еще у этихъ сморкачей я считаю сотенъ около шести-восьми... вмѣстѣ...

— У кого?

— А у этихъ пароходныхъ щулеришекъ. У этихъ самыхъ молодыхъ людей, которые, по вашимъ словамъ, торгуютъ зерномъ и мукой.

— Да развѣ? Да развѣ? — спохватился помощникъ капитана.

— Вотъ вамъ и развѣ. Я имъ покажу, какъ нужно играть. Имъ играть въ три листика на ярмаркахъ подъ заборомъ. Капитанъ, кромѣ этихъ двухсотъ, вы имѣете еще сто обезпеченныхъ. Но уговоръ: не дѣлать мнѣ страшныхъ гримасъ, не соваться, когда васъ не спрашиваютъ, не держать за меня и—главное—что бы со мной ни случилось, даже самое худшее, не обнаруживать своего знакомства со мной. Помните—вы не мастеръ, не ученикъ, а только статистъ.

— Статистъ!—хихикнулъ помощникъ капитана.

— Дуракъ,—сказалъ спокойно студентъ и, бросивъ окурокъ сигары черезъ бортъ, онъ быстро всталъ навстрѣчу проходившему Балунскому и фамильярно просунулъ ему руку подъ руку. Они поговорили не больше двухъ минутъ и когда окончили, Балунскій снялъ шляпу съ льстивымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

IV.

Поздно ночью студентъ и Балунскій сидѣли на пароходномъ балконѣ. Лунный свѣтъ игралъ и плескался въ водѣ. Лѣвый берегъ, высокій, крутой, весь обросшій мохнатымъ лѣсомъ, молчаливо свѣшивался надъ самымъ пароходомъ, который шелъ совсѣмъ близко около него. Правый берегъ лежалъ далекимъ плоскимъ пятномъ. Весь опустившись, сгорбившись еще больше, студентъ небрежно сидѣлъ на скамейкѣ, вытянувъ впередъ свои длинныя ноги. Лицо у него было усталое, и глаза тусклые.

— Сколько вамъ можетъ быть лѣтъ?—спросилъ Балунскій, глядя на рѣку.

Студентъ промолчалъ.

— Вы меня извините за нескромность, — продолжалъ, немного помявшись, Балунскій. — Я отлично по-

нялъ, для чего вы меня посадили около себя. Я также понимаю, почему вы сказали этому фушеру, что вы его ударите по лицу, если колода, послѣ провѣрки, окажется вѣрной. Вы это произнесли великолѣпно, я любовался вами. Но, ради Бога, скажите—какъ вы это дѣлали?

Студентъ, наконецъ, заговорилъ черезъ силу, точно съ отвращеніемъ:

— Видите ли, штука въ томъ, что я не прибѣгаю ни къ какимъ противозаконнымъ пріемамъ. У меня игра на человѣческой душѣ. Не безпокойтесь, я знаю всѣ ваши старые пріемы. Накладка, передержка, наколка, крапленыя колоды—вѣдь такъ?

— Нѣтъ,—замѣтилъ обидчиво Балунскій.—У насъ были и болѣе сложныя штучки. Я, напримѣръ, первый ввелъ въ употребленіе атласныя карты.

— Атласныя карты?—переспросилъ студентъ.

— Ну, да. На карты наклеивается атласъ, треніемъ о сукно ворсъ пригибается въ одну сторону, на немъ рисуется валетъ. Затѣмъ, когда краска высохла, ворсъ переворачиваютъ въ другую сторону и рисуютъ даму. Если ваша дама бита, вамъ нужно только провести картой по столу.

— Да, я объ этомъ слышалъ,—сказалъ студентъ.— Одинъ лишній шансъ. Но, вѣдь, зато и дурацкая игра—штоссъ.

— Согласенъ, она вышла изъ моды. Но это было время великолѣпнаго расцвѣта искусства. Сколько мы употребили остроумія, находчивости... Полубояриновъ подстригалъ себѣ кожу на концахъ пальцевъ; у него осязаніе было лучше, чѣмъ у слѣпого. Онъ узнавалъ карту однимъ прикосновеніемъ. А крапленыя колоды? Вѣдь это дѣлалось цѣлыми годами.

Студентъ зѣвнулъ.

— Примитивная игра.

— Да, да. Поэтому-то я васъ и спрашиваю. Въ чемъ

— Какимъ образомъ?

— Просто. Напримѣръ: земскій начальникъ тщеславный и глупый дуракъ, простите за плеоназмъ. Жена дѣлаетъ съ нимъ все, что хочетъ. А она женщина страстная, нетерпѣливая и, кажется, истеричная. Мнѣ нужно было обоихъ ихъ втравить въ игру. Онъ дѣлалъ глупости, а она на зло вдвое. Такимъ манеромъ они пропустили тотъ моментъ, когда имъ шло натуральное счастье. Они имъ не воспользовались. Они стали отыгрываться тогда, когда счастье повернулось къ нимъ спиной. Но за десять минутъ до этого они могли бы меня оставить безъ штановъ.

— Неужели это возможно разсчитать?—спросилъ тихо Балунскій.

— Конечно. Теперь другой случай. Это полковникъ. У этого человѣка широкое, неистощимое счастье, котораго онъ самъ не подозрѣваетъ. И это потому, что онъ широкій, небрежный, великодушный человѣкъ. Ей-Богу, мнѣ было немножко неловко его потрошить. Но уже нельзя было остановиться. Дѣло въ томъ, что меня раздражили эти три жидочка.

— Не вытерпѣлъ — зажглося ретивое? — спросилъ стихомъ изъ Лермонтова старый шулеръ.

Студентъ заскрипѣлъ зубами, и лицо его оживилось немного.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ онъ презрительно.— Именно, не вытерпѣлъ. Судите сами: они сѣли на пароходъ, чтобы стричь барановъ, но у нихъ нѣтъ ни смѣлости, ни риска, ни хладнокровія. Когда онъ мнѣ передавалъ колоду, я сейчасъ же замѣтилъ, что у него руки холодныя и трясутся. Эге, голубчикъ, у тебя сердце прыгаетъ. Игра-то ихъ была для меня совершенно ясна. Партнеръ слѣва, тотъ, у котораго бородавочка на губѣ заросла волосами, дѣлалъ готовую накладку. Это было ясно, какъ апельсинъ. Нужно было ихъ разсадить и поэтому-то—тутъ студентъ заговорилъ скороговоркой,—

я и прибѣгнулъ, chèr maître, къ вашему просвѣщенному содѣйствію. И я долженъ сказать, что вы вполнѣ корректно выполнили мою мысль. Позвольте вамъ вручить вашу долю.

— О, зачѣмъ такъ много?

— Пустяки. Вы мнѣ окажете еще одну услугу.

— Слушаю.

— Вы твердо помните лицо земской начальницы?

— Да.

— Такъ вы пойдете къ ней и скажете: деньги ваши были выиграны совершенно случайно. Вы даже можете ей сказать, что я шулеръ. Да, но, понимаете, въ этакомъ возвышенномъ Байроновскомъ духѣ. Она клюнетъ. Деньги она получитъ въ Саратовѣ, въ Московской гостиницѣ, сегодня въ шесть часовъ вечера, отъ студента Држевецкаго. Номеръ первый.

— Это, стало быть, сводничество?—спросилъ Балунскій.

— Зачѣмъ такія кислыя слова? Не проще ли: услуга за услугу.

Балунскій всталъ, потоптался на мѣстѣ, снялъ шляпу. Наконецъ, сказалъ неувѣренно:

— Это я сдѣлаю. Это, положимъ, пустяки. Но, можетъ быть, я вамъ понадоблюсь, какъ машинистъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ студентъ.—Это старая манера дѣйствовать скопомъ. Я одинъ.

— Я вамъ удивляюсь,—сказалъ Балунскій тихо.—Вы—новое поколѣніе. У васъ нѣтъ ни робости, ни жадности, ни фантазіи... Какое-то презрѣніе ко всему. Неужели въ этомъ только и заключается вашъ секретъ?

— Въ этомъ. Но также и въ большомъ напряженіи воли. Вы мнѣ можете вѣрить или не вѣрить,—это мнѣ все равно,—но я сегодня разъ десять заставлялъ усиліемъ воли, чтобы полковникъ ставилъ маленькіе куши, когда ему слѣдовало ставить большіе. Мнѣ это не легко... У меня сейчасъ чудовищно болитъ голова.

Однако...—студентъ дѣланно зѣвнулъ и протянулъ Балунскому руку усталымъ движеніемъ,—однако, до свиданія, генералъ. Вижу, у васъ глаза смыкаются...

— Всего лучшаго, — сказалъ почтительно старый шулеръ.

Балунскій ушелъ спать. Студентъ, сгорбившись, долго глядѣлъ усталыми, печальными глазами на волны, игравшія, какъ рыбья чешуя. Среди ночи вышла на палубу Кострецова. Но онъ даже не обернулся въ ея сторону.

ШОЛОМЪ АШЪ.

СЪ ВОЛНОЙ.

ПЬЕСА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РЕБЪ-ЗОРАХЪ, раввинъ.

ГИНДЛЬ, его жена.

РОХЕЛЕ, ихъ дочь.

ДАВИДЪ, ея мужъ.

ІЕХЕЗКЕЛЬ, малютка, сынокъ Рохеле и Давида.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: Большая пріемная комната у раввина. Съ правой стороны дверь, черезъ которую входятъ со двора. Она выходитъ въ сѣни сосѣдней молельни (откуда все время доносится черезъ нее на сцену шумъ и говоръ молящихся и изучающихъ Св. Писаніе евреевъ). Съ лѣвой стороны другая дверь ведетъ въ комнату молодыхъ (Давида и Рохеле). Насупротивъ — третья дверь, ведущая во внутренніе покои. У стѣнъ шкафы съ книгами и фоліантами. По обѣ стороны двери, находящейся противъ суфлера, два небольшихъ окошка, завѣшенныхъ занавѣсками. Посрединѣ комнаты—длинный столъ, на которомъ лежатъ большіе фоліанты и книги. Въ восточномъ углу комнаты помѣщается небольшой алтарь, завѣшенный шелковой занавѣской. На немъ два подсвѣчника со свѣчами. Большая висячая лампа надъ столомъ освѣщаетъ комнату.

Вечеръ, послѣ одиннадцати часовъ.

Изъ-за оконъ доносится безпрестанный шумъ воды, ломающей на себѣ ледяную кору. Шумъ раздается то тише, то громче.

ЯВЛЕНІЕ I.

Рохеле и Гиндль.

РОХЕЛЕ (сидитъ на одной изъ скамеекъ, держа на рукахъ маленькаго Іехезкеля и тихонько убаюкиваетъ его пѣсенкой:

Подъ твоей повозочкой
Стоитъ козликъ съ козочкой...
Козочка на базаръ пошла...

(Тихо) Заснулъ...

ГИНДЛЬ (пожилая еврейка, съ очками на носу, сидитъ рядомъ съ ней и вяжетъ чулокъ). Слава Богу... Охо-хо... Чего

только ни напроказитъ за день. (Осторожно снимаетъ съ ребенка башмачки) Да хранитъ тебя Богъ, дитя, чтобъ отъ тебя радости дождались... Мать, отецъ...

РОХЕЛЕ (вздыхаетъ). О, да, его отецъ дождется радости...

ГИНДЛЬ. Эхъ, дочка, выкинь ты эти глупости изъ головы; ничего нѣтъ, ничего, Богъ дастъ, не будетъ.

РОХЕЛЕ. Ты бы слышала, какъ онъ стонетъ ночью. (Почти плачетъ) Точно ножомъ меня рѣжетъ по сердцу.

ГИНДЛЬ. Правду сказать... твой отецъ тоже говоритъ, что не нравится онъ ему что-то за послѣднее время.

РОХЕЛЕ (придвигается поближе къ матери). Вы знаете, мама... (Серьезно) Вчера ночью лежу я такъ въ постели и слушаю, вдругъ слышу это я — (Тише) стонетъ онъ, да такъ, мама, будто проситъ кого-то, о чемъ-то молитъ... Встала я потихоньку, подхожу къ нему,—вижу: лежитъ онъ, уткнувшись лицомъ въ подушку, и плачетъ... Испугалась я ужасно... зову его: Давидъ, Давидъ... Онъ проснулся, спрашиваетъ: „Это ты, Рохеле?“ Страшно мнѣ стало, мама... (Пауза).

ГИНДЛЬ. Еврейская дочь должна всегда знать, что па умѣ у мужа, всегда должна знать, что онъ думаетъ, потому что...

РОХЕЛЕ. Да какъ, мама? Я спрашиваю у него: „Давидъ, что съ тобой?“ А онъ меня унимаетъ лаской: „Ничего,—говоритъ—Рохеле, ничего“.

ГИНДЛЬ. Видишь ли, дочка, это не слова. Еврейка, ссли должна знать... такъ она ужъ узнаетъ... Когда твоему отцу не хотѣлось послѣ нашей свадьбы оставаться на содержаніи въ домѣ тестя и онъ ходилъ, какъ въ воду опущенный, ни съ кѣмъ слова не говорилъ, я тогда сразу догадалась о чемъ онъ думаетъ. Слова онъ не сказалъ, а я знала. Жена знаетъ...

РОХЕЛЕ. Такъ что же мнѣ дѣлать, мама, скажи *мнѣ... Я* хожу за нимъ, какъ тѣнь, хочу уловить изъ

его устъ, въ глаза ему заглядываю, хочу прочесть въ его глазахъ... А онъ говоритъ мнѣ, мама, говоритъ мнѣ такія слова, что я ничего изъ нихъ не пойму. (Плачетъ, ребенокъ начинаетъ певелиться).

ГИНДЛЬ (унимаетъ ее). Не плачь, чего ты плачешь? Ребенка еще разбудишь, дай его мнѣ. (Беретъ изъ ея рукъ ребенка) Ты должна знать, что твой мужъ не простой человѣкъ, онъ очень большой и важный человѣкъ. Гордость народа! Не знаю, дочка, понимаешь ли ты меня, но ты должна знать, что ты много взяла на себя, ставъ его женой... Ты должна быть достойной, чтобъ быть его женой... Твой отецъ велѣлъ мнѣ это сказать тебѣ... Онъ не долженъ заставлять свой духъ опускаться до тебя, а напротивъ, твой духъ долженъ быть легокъ, чтобъ онъ могъ его поднять до себя... (Пауза) Скажи мнѣ, дочка, онъ любитъ тебя?

РОХЕЛЕ (тихонько закрываетъ лицо руками).

ГИНДЛЬ. Скажи, дочурка, передъ матерью нечего стыдиться. Здѣсь нѣтъ никакого грѣха, — напротивъ, еврейская женщина должна стараться, чтобъ мужъ любилъ ее...

РОХЕЛЕ (съ рыданіемъ). Я не знаю, мама... Я не знаю.

ГИНДЛЬ. Что значитъ, ты не знаешь? Кто же долженъ знать? Скажи, дочка, кто? (Тихо, на ухо Рохеле) Давно онъ былъ у тебя?

РОХЕЛЕ (прячетъ лицо на груди матери). Вчера ночью онъ пришелъ ко мнѣ... Онъ положилъ голову мнѣ на сердце... Онъ цѣловалъ меня только въ сердце, а слезы его текли по моимъ грудямъ...

ГИНДЛЬ. Говорю я тебѣ, не тревожься! Положись на Бога. Съ Его помощью все хорошо будетъ! А теперь иди спать... уложи Іехезкеля тоже. (Встаетъ и передаетъ ребенка Рохеле) Ну, ступай ложись спать, уже поздно. Отецъ проснется сейчасъ къ заутренней молитвѣ.

РОХЕЛЕ (беретъ ребенка изъ рукъ матери). Давидъ еще въ синагогѣ.

ГИНДЛЬ (проводитъ дочь до дверей). Уже поздно, ступай, дочурка, ложись спать. (Смотритъ на ребенка) Какъ онъ глазенки-то закрываетъ... ахъ, ты, плутишка... ты... ты... ты... (Цѣлуетъ ребенка. Тише) Давида я ужъ подожду.

РОХЕЛЕ (въ дверяхъ). Когда меня нѣтъ, онъ не хочетъ кушать. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Гиндль, потомъ Давидъ.

ГИНДЛЬ (вынимаетъ скатерть, накрываетъ на столъ, ставитъ солонку, кладетъ хлѣбъ, вилку, ложку, ножъ). Вообразила себѣ: безъ меня не будетъ кушать,—дай имъ Богъ жизни и здоровья. (Вспоминаетъ что-то) Съ моимъ старикомъ бывала такая же исторія, когда онъ былъ еще молодъ. Придетъ, бывало, домой изъ синагоги и сидитъ себѣ ждетъ. Зорахъ, ступай помыть руки передъ ѣдой! Онъ сидитъ. Что ты сидишь, Зорахъ? Ага, Гиндль нѣту... Ахъ, эти мужчины, всѣ они таковы.. всѣ... (Слышатся чьи-то шаги) Ага, идетъ уже.

ДАВИДЪ (высокій молодой мужчина, лѣтъ двадцати съ лишнимъ, съ блѣднымъ, грустнымъ лицомъ,—входитъ, снимаетъ шубу и вѣшаетъ на дверь). Добрый вечеръ!... (Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

ГИНДЛЬ (торопливо). Добрый вечеръ—добрый годъ! Хорошо, что ты уже пришелъ,—я хотѣла уже ложиться спать. Пойди, помой руки, поскорѣе, кушанье стынетъ. (Сердясь на него, съ материнскою нѣжностью) Какъ это сидятъ такъ долго въ синагогѣ! Молодой человѣкъ, у котораго есть жена и ребенокъ, не долженъ сидѣть такъ долго внѣ дома... чтобъ жена сидѣла дома одна и поджидала его.

ДАВИДЪ (останавливается на секунду). Гдѣ Рохеле?

ГИНДЛЬ. Рохеле я велѣла лечь спать. Ну, ступай *же, помой* руки.

ДАВИДЪ. Нѣтъ, мнѣ не хочется кушать, я не голоденъ. Доброй ночи, мать.

ГИНДЛЬ (съ улыбкой). Какъ она сразу угадала... Хорошо такъ... отлично... (Уменьшаетъ немного огонь въ лампѣ) Хорошій признакъ... хорошій признакъ...

(На сценѣ воцаряется полумракъ. Гиндль тихонько уходитъ. Пауза... Изъ сосѣдней комнаты слышится голосъ Гиндль, читающей ночную молитву. На дворѣ тихій плескъ воды... на сценѣ становится мало-по-малу все темнѣе и тише...)

ЯВЛЕНІЕ III.

Давидъ, потомъ Рохеле.

ДАВИДЪ (выходитъ обратно изъ дверей своей комнаты, подымаетъ свѣтъ въ лампѣ, садится на скамейку у стола, облокотивъ голову на руку, думаетъ съ минуту... Встаетъ, подходитъ къ окну... Со двора слышится плескъ воды, ломающей ледъ). Какъ все знаетъ свое время... Вода ломаетъ и сбрасываетъ съ себя свою ледяную кору, свою зиму... и свободно вырывается наружу, въ свѣтъ... Мое сердце тоже рвется изъ-подъ ледяной коры... Скоро настанетъ весна—а я не готовъ къ своей веснѣ... (Ходитъ по комнатѣ.—Пауза.—Подходитъ къ столу, беретъ одинъ изъ фоліантовъ, и, покачиваясь надъ нимъ, безъ словъ, начинаетъ читать печальнымъ голосомъ, сначала тихимъ, потомъ все громче и громче...)

РОХЕЛЕ (тихонько отворяетъ дверь, стоитъ секунду, подходитъ чуть слышно къ Давиду). Давидъ!

ДАВИДЪ. Это ты, Рохеле? Зачѣмъ ты встала?

РОХЕЛЕ. Я сама не знаю. (Пауза) — Я не могу сегодня заснуть.

ДАВИДЪ (нѣжно, съ безпокойствомъ). Почему, Рохеле, что съ тобой?

РОХЕЛЕ. Я проснулась вдругъ, не знаю почему... Какой-то страхъ напалъ на меня почему-то вдругъ. Я звала тебя, ты мнѣ не отвѣтилъ. Мнѣ показалось, будто тебя уже нѣтъ.

ДАВИДЪ. Дитя, отчего ты испугалась? Ты развѣ не знала, что я здѣсь? (Пауза) Пойди, Рохеле, пойди назадъ къ себѣ спать.

РОХЕЛЕ. Пойдемъ ты тоже, я боюсь.

ДАВИДЪ. Пойди, Рохеле, возьми къ себѣ ребенка въ кровать. (Подходитъ къ ней) Я сейчасъ приду тоже. Мнѣ надо что-то просмотрѣть. (Подводитъ ее къ двери) Іехезкель спитъ?

РОХЕЛЕ (въ дверяхъ). Да, Давидъ, мнѣ жалко будить его. Щечки у него такъ раскраснѣлись, а глазенки закрыты... Онъ улыбается губками, какъ будто ангелъ учитъ съ нимъ библію. Пойдемъ, Давидъ, пойдемъ... (Уходитъ)

ДАВИДЪ. Иди... иди... Рохеле... Я сейчасъ приду...

(Пауза.—Давидъ стоитъ съ минуту посреди комнаты и думаетъ... подходитъ къ окну и выглядываетъ черезъ него... Тихонько подходитъ къ дверямъ Рохеле и прислушивается... Подходитъ къ шкафу съ книгами, вынимаетъ изъ-за фоліантовъ нѣсколько штукъ бѣлья, завязываетъ ихъ вмѣстѣ съ нѣсколькими маленькими книжками въ платокъ)

РОХЕЛЕ (вбѣгаетъ съ плачемъ). Я все знаю, Давидъ, я все знаю.

ДАВИДЪ (испугавшись). Что ты знаешь, Рохеле, что?

РОХЕЛЕ. Я знаю, что ты хочешь сдѣлать, ты хочешь уйти куда-то—я не знаю куда. (Длинная пауза. — Она плачетъ тихонько на шеѣ у Давида) Я сама не знаю, я сама не знаю. (Пауза)

ДАВИДЪ (нѣжно отнимаетъ ее отъ своей груди, ходитъ взволнованными шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, не глядя на Рохеле).

РОХЕЛЕ (едва сдерживая рыданія). Ты думалъ... я сплю... я все слышала... все слышала... (Пауза)

ДАВИДЪ (подходитъ къ ней и смотритъ на нее).

РОХЕЛЕ. Когда ты положилъ голову мнѣ на грудь—(*Пауза*) ты думалъ, что я сплю и не чувствую... ты мол-

чалъ... ты смотрѣлъ на меня... ты точно просилъ меня о чемъ-то. Да, я это видѣла очень хорошо. Я не спала, сердце у меня такъ стучало... я думала... и мнѣ начало становиться такъ хорошо. Мнѣ не хотѣлось открывать глазъ, чтобы ты не испугался. Я позвала тебя только по имени: Давидъ, Давидъ—тихонько, въ душѣ и ты не слышалъ. Я тебя тихонько звала въ душѣ... ты наклонился ко мнѣ поближе и сказалъ мнѣ что-то, я не слышала что... Мнѣ кажется, Давидъ, будто ты прощался со мной... да, Давидъ, сердце говоритъ мнѣ что-то, что мнѣ кажется, будто ты прощался со мной... (Садится безъ силъ на скамью, тихонько плачетъ.—Пауза.—Утирая слезы на глазахъ) Ты не слышалъ, что я зову тебя... Когда я открывала глаза, я увидала, что ты стоишь возлѣ ребенка. Ты смотрѣлъ на него, ты какъ будто обѣщалъ ему что-то, я не слышала что... Давидъ, сердце говоритъ мнѣ... Что ты хочешь сдѣлать, Давидъ? Что ты хочешь сдѣлать?

ДАВИДЪ (подходитъ къ ней ближе, садится возлѣ нея, опускаетъ голову на ея колѣни, молчитъ) (Пауза)

РОХЕЛЕ. Ты носишь въ своей душѣ какую-то страшную тайну! Ты постоянно молчишь. Ты прячешься отъ меня. Развѣ я не жена тебѣ? Почему ты прячешься отъ меня? (Пауза). — Мнѣ все кажется, будто что-то плачетъ въ тебѣ. Сегодня утромъ я слышала, какъ ты читалъ Св. Писаніе. Твой голосъ былъ полонъ скорби. Мнѣ много разъ показалось, что твое чтеніе, твое ученіе — не ученіе... что ты читаешь, учишься лишь затѣмъ, чтобы освободиться отъ чего-то другого, что ты хочешь что-то отогнать отъ себя, забыть... Когда ты забывалъ, твой голосъ становился такъ чистъ... потомъ вдругъ снова становился грустнымъ... такимъ дрожащимъ. Боже мой Единый! Твой голосъ рѣзалъ мнѣ сердце, словно ножомъ. Ты молилъ о чемъ-то... ты хочешь что-то сказать своимъ голосомъ... Что-то такое, чего ты не можешь выразить словами,—хочешь ты сво-

имъ голосомъ впѣть мнѣ въ душу... Мнѣ хотѣлось понять тебя, но я не могла... я не умѣла понять... Я глупая еврейка. Давидъ, я не могу тебя понять. Что съ тобой, Давидъ? Скажи мнѣ, что съ тобой?

ДАВИДЪ (встаетъ, отходитъ отъ нея, ходитъ кругомъ по комнатѣ, останавливается на минуту передъ Рохеле). Я хочу уйти изъ дому!

РОХЕЛЕ. Уйти, куда? Домой къ своимъ родителямъ?

ДАВИДЪ. Нѣтъ, и отъ моихъ родителей тоже.

РОХЕЛЕ (въ испугѣ). Чѣмъ тебѣ плохо тутъ, у насъ?

ДАВИДЪ. Нѣтъ, у меня здѣсь все есть... и ничего нѣтъ.

РОХЕЛЕ (думаетъ съ минуту;—скрывая тайный страхъ). Я тебѣ... опротивѣла... Давидъ?

ДАВИДЪ. Нѣтъ. Рохеле, я не хочу тебя обманывать... я не хочу обманывать себя самого тоже, я хочу быть чистымъ и искреннимъ... искреннимъ передъ тобой... чтобы ты меня поняла... Нѣтъ, ты должна... Я не могу здѣсь больше оставаться... Я долженъ уйти отсюда!

РОХЕЛЕ (подходя къ нему поближе). Ты говоришь что-то сегодня такъ странно. Что случилось съ тобой, Давидъ?

ДАВИДЪ (садится съ нею рядомъ на скамейку). Ты не можешь меня понять. Мнѣ ни въ чемъ нѣтъ недостатка У меня все есть, но мнѣ здѣсь тѣсно, тѣсно мнѣ здѣсь! (Встаетъ) Здѣсь мертвые зимніе люди... Но есть такіе, которые не хотятъ продолжать ихъ мертвой жизни изъ поколѣнія въ поколѣніе... Къ чему? Какую надежду можемъ мы дать нашимъ молодымъ поколѣніямъ? Я хочу страдать вмѣсто своего сына. Для своего сына хочу я пойти странствовать по міру, чтобы найти для него дорогу, для того, чтобы, когда подростетъ юное поколѣніе, чтобы оно могло зажить новой жизнью... Чтобы она была ему живою пѣсней. Я хочу страдать за него, для него...

РОХЕЛЕ. Я не понимаю тебя, Давидъ, я чувствую только какъ холоднымъ вѣтромъ обдаетъ меня, сердце во мнѣ дрожитъ отъ страха .. и мнѣ становится такъ тоскливо... Куда ты хочешь уйти, Давидъ?

ДАВИДЪ (указывая пальцемъ на окно). Ты слышишь, какъ вода бурлитъ тамъ за окномъ... какъ она рвется изъ-подъ льда и пролагаетъ себѣ свой путь въ широкій свѣтъ... Туда съ этой рѣчной волной... Моя душа словно замерзшая рѣка. Весна пробудилась во мнѣ и сердце мое рвется изъ-подъ водяныхъ оковъ... Да, я чувствую въ себѣ весну... Теперь пробуждается во мнѣ жизнь. (Съ силой) Я хочу искать, я хочу найти и принести вамъ жизнь, я не хочу, чтобы мой сынъ былъ жалкимъ сыномъ и рабомъ чужбины; ты слышишь, Рохеле,—я человѣкъ, у меня есть душа и эта душа хочетъ имѣть что-нибудь, что бы она могла любить, во что могла бы вѣрить. Я хочу, чтобы мой сынъ тосковалъ по чемъ-нибудь, стремился къ чему-нибудь, за что-нибудь страдалъ, чему-нибудь служилъ... Я хочу дать ему Бога. Я хочу создать Бога для своего сына.

РОХЕЛЕ (въ испугѣ). Я не могу тебя понять, Давидъ, что ты говоришь, Давидъ, ты кощунствуешь... Что съ тобой? (Возбужденно) Это мой сынъ также, какъ и твой, я не допущу этого, я не хочу... это мое дитя... Что съ тобой, Давидъ? (Закрываетъ лицо руками и горько плачетъ)

ДАВИДЪ (медленно ходитъ по комнатѣ, подходитъ къ Рохеле... Нѣжно) Ты меня не поняла, Рохеле, я не говорю никакихъ кощунствъ, Боже сохрани... Я далекъ отъ этого! Я хочу служить Единому Живому Богу, который есть въ мірѣ.

РОХЕЛЕ. Ты говоришь что-то такое... Вѣдь ты служишь Единому Богу. Ты изучаешь по цѣлымъ днямъ Его Священное Писаніе и твое пѣніе возносится къ Нему въ небеса... это твоя хвала Ему.—(Пауза) А мнѣ

вѣдь тоже хотѣлось бы поскорѣе дождаться, чтобы услышать, какъ молится, какъ учится нашъ сынъ, увидѣть, какъ онъ сидитъ вмѣстѣ съ тобой и изучаетъ свою библію... У него будетъ твой голосъ... Увидишь, Богъ дастъ!

(Длинная пауза)

ДАВИДЪ (скрываетъ свое лицо въ ея рукахъ). Ты не понимаешь меня, дитя, ты не можешь меня понять, я долженъ оставаться чужимъ для того, для чего я не хотѣлъ бы быть чужимъ..

РОХЕЛЕ (смотритъ на него съ мольбой). Давидъ, отгони отъ себя дурныя мысли... На что онѣ тебѣ? Увидишь, Богъ намъ поможетъ, ты все забудешь... Къ тебѣ опять вернется твой голосъ... Прогони отъ себя дурныя мысли, Давидъ.

ДАВИДЪ. Спящіе поютъ прекрасную пѣснь. Кто изъ нихъ проснется, тотъ раздираетъ свою тихую пѣснь...

РОХЕЛЕ. Дай я схороню тебя, спрячу въ себѣ... я хочу отогнать отъ тебя твои мысли... Ты увидишь, Іехезкель вырастетъ, ты будешь учить его... (Изъ сосѣдней комнаты слышится голосъ Іехезкеля: Мама, мама!) Слышишь, какъ кричитъ нашъ ребенокъ, онъ навѣрно открылъ глазки, онъ зоветъ: Мама!—слышишь? Твой голосъ, это твой голосъ! Увидишь, Богъ намъ поможетъ... Нашъ сынъ будетъ учиться Священному Писанію. (Подходя къ двери) Точь въ точь, какъ ты когда-то. (Уходитъ)

ДАВИДЪ (одинъ). Въ тебѣ еще измѣнится его голосъ: онъ будетъ плакать, рыдать, тосковать... и молить... Изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе... (Пауза). Иногда мнѣ кажется, что я обманываю самъ себя... Моя душа... тамъ, въ моей душѣ живетъ иной міръ... я не могу подойти къ нему...

РОХЕЛЕ (входитъ, держа малютку Іехезкеля на рукахъ, садится и напѣваетъ, какъ будто убаюкивая ребенка). Уѣхалъ, *уѣхалъ* твой отецъ далеко... за лѣса, за горы въ свѣт-

лый край, найти, принести тебѣ свѣта лучъ... Останется отецъ твой въ свѣтломъ краю, а мать твоя здѣсь, въ темной странѣ... а ты, мой сынъ, гдѣ будешь ты?— Разъ у отца, разъ у меня... Разъ въ свѣтломъ краю, разъ въ темномъ краю! (Лампа догораетъ, за окномъ слышно какъ вода струится все тише и тише...) Будетъ сидѣть мать у окна, въ темномъ краю, въ темномъ краю... Темно вокругъ, всюду темно... А гдѣ-то тамъ свѣтлый берегъ вдали, свѣтлый берегъ вдали... Тамъ на томъ берегу свѣтлый край, свѣтлый край... (Пауза) — Будетъ сидѣть твой отецъ у окошка, въ свѣтломъ краю, въ свѣтломъ краю... свѣтло кругомъ, свѣтло кругомъ... Издали виденъ темный край, сумрачный край... А ты, мой сынъ, будешь вѣчно жить на границѣ межъ свѣтлой страной и темной страной... и не будешь ты знать, куда пойти.. куда пойти... Въ свѣтломъ краю живетъ твой отецъ, а въ темномъ краю живетъ твоя мать.

(Длинная пауза, свѣтъ гаснетъ,—на сценѣ совсѣмъ темно. Изъ отдаленной комнаты слышится печальный, тихій голосъ)

ГОЛОСЪ ЗА СЦЕНОЙ (читаетъ молитву). Хвала тебѣ, Господи Боже нашъ и Богъ нашихъ предковъ, за то, что Ты ниспосылаешь сонъ на мои очи, и да будетъ воля Твоя, дабы Ты съ миромъ усыпилъ меня, чтобъ, сохрани Боже, не тревожили меня дурные сны и дурныя мысли.

(Голосъ стихаетъ, на сценѣ темно и тихо; слышно, какъ вода за окномъ льется медленно и тихо)

ГОЛОСЪ ДАВИДА (сдавленный, иногда рыдающій). Миръ, покой... И Ты даруй ее мнѣ... (Пауза—тише) Быть совсѣмъ спокойнымъ... забыть обо всемъ. (Еще тише) Молчать... спать... Пѣть про себя тихую пѣснь...

(Длинная пауза, слышно, какъ Рохеле молится)

ГОЛОСЪ РОХЕЛЕ. Пойдемъ, Давидъ. — (Пауза) — Пойдемъ... (Пауза)—Пойдемъ...

(На сценѣ слышны шаги, слышно, какъ дверь открывается, потомъ закрывается). (Пауза)

(Передъ окномъ появляется вдругъ проходящій съ фонаремъ въ рукѣ синагогальный служка)

ГОЛОСЪ СЛУЖКИ (поющій уныло и внушительно)

Вставайте
Вставайте
Евреи
Честные евреи
Праведные евреи
Вставайте
Вставайте
Восхвалить Творца!

(Голосъ стихаетъ вдали, въ переулкѣ) (Пауза)

(Дверь насупротивъ сцены вдругъ отворяется и въ ней появляется Ребъ Зорахъ, высокій, старый еврей, въ бѣлыхъ носкахъ, съ посыпанной пепломъ головой, въ длинномъ черномъ кафтанѣ. Въ рукахъ у него свѣча и толстый молитвенникъ. Онъ садится въ углу комнаты, у шкафа съ книгами, на землю, ставитъ свѣчу передъ собой и читаетъ по книгѣ унылымъ, но увѣреннымъ тономъ, подчеркивая каждое слово)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ребъ-Зорахъ (сидитъ, потомъ Давидъ).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. На рѣкахъ Вавилонскихъ сидѣли мы и плакали, вспоминая о Сіонѣ. Свои арфы повѣсили мы на вѣтви ивъ. Вспомни, Господи zu Exemin день Іерусалима... Онъ сказалъ: мы пойдемъ и разрушимъ все до основанія... Дочери Вавилона! Благосло-

венъ будетъ тотъ, кто заплатитъ за то, что ты намъ сдѣлалъ. Благословенъ тотъ, кто возьметъ твоихъ дѣтей и разобьетъ ихъ о скалы...

ДАВИДЪ (быстро подходитъ къ двери, врывается въ комнату; видно, какъ Рохеле силой удерживаетъ его). Пусти меня... Пусти меня... (Вырывается отъ нея и подходитъ къ старику) Отецъ!

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (продолжаетъ). Чужіе люди пришли въ твой станъ... Осквернили храмъ...

ДАВИДЪ (громче). Отецъ! тесть! я долженъ вамъ что-то сказать.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (подымаетъ голову и смотритъ на Давида). Давидъ? Что случилось?

ДАВИДЪ (внушительно, но мягко). Я ухожу отсюда.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (снимаетъ очки съ носа, смотритъ ему глубоко въ глаза съ безпокойствомъ и недоумѣніемъ). Что случилось, Давидъ?

ДАВИДЪ. Я ухожу отсюда. (Пауза)

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Куда?

ДАВИДЪ. Мнѣ нѣтъ больше мѣста среди васъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Что?.. (Встаетъ съ земли) Что ты говоришь?

ДАВИДЪ (твердо). Ученіе, которому я здѣсь учился, не можетъ питать меня больше. Я долженъ идти искать новаго ученія.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (почти съ крикомъ). Что? что ты говоришь, Давидъ?

ДАВИДЪ. Вы слишкомъ мертвы для меня, вы убили во мнѣ мою душу... Я хочу жить, я хочу, чтобы мой сынъ могъ жить. Я хочу дать ему живую Тору!

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (прислоняется къ шкафу съ книгами, смотритъ безъ словъ, съ болью на Давида).

ДАВИДЪ. Ваша Тора это—мертвая пѣснь... И вы хотите свою старую, унылую пѣсню продолжать пѣть вмѣстѣ съ веселыми живыми пѣснями живыхъ людей? (Спокойнымъ тономъ) Гдѣ у васъ ученіе для молодыхъ?

для тѣхъ, кто придетъ послѣ васъ? Есть ли у васъ для нихъ свѣтлый лучъ надежды на что-нибудь? Вы хотите свѣтить имъ попрежнему все тѣмъ же вашимъ закопченнымъ ночникомъ, въ то время, какъ все небо расточаетъ струи яркихъ лучей и освѣщаетъ ими міръ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (качая головою). Ты ли это, Давидъ?

ДАВИДЪ. Ахъ, въ потемки промежъ вашихъ фоліантовъ вы заперли мой духъ, задавили и задушили его... Міръ, который заглядываетъ сюда черезъ окно нашей комнаты, вы сдѣлали для меня чужимъ и далекимъ... Спросите у волнъ... я стоялъ у окна по цѣлымъ часамъ, и открывалъ свою душу струящимся водамъ... Каждая волна ловила слово и плыла съ нимъ дальше... несла мою пѣснь въ далекій міръ, въ далекій свѣтъ... Довольно. Я больше не въ силахъ. Я не хочу больше обманывать себя.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (перебиваетъ его). Да, довольно... Ступай, куда хочешь. Мы не удерживаемъ такихъ евреевъ... Нашему Богу не нужны такіе евреи, мы ко всему привыкли...

ДАВИДЪ. Я хотѣлъ бы уйти отъ васъ не какъ воръ. Нѣтъ, я хочу уйти открыто и свободно. Изъ потемокъ къ свѣту... (Пауза) Да, я чувствую, что гдѣ-то ждетъ меня счастье... Я иду искать по міру Бога и Тору...

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (отступаетъ въ сторону, холодно). Бога, котораго ты хочешь создать, ты самъ убьешь, и на его могилѣ поставишь другого Бога и убьешь Его тоже... Какъ рубашки на тѣлѣ будешь ты мѣнять своихъ боговъ... Но ни при одномъ изъ нихъ ты не останешься надолго...

ДАВИДЪ. Нѣтъ, я хочу любить своего Бога. Онъ долженъ быть моимъ духомъ, содержаніемъ моего „Я“. Ни одинъ духъ не можетъ быть убитъ, ни одно серд[illegible] не можетъ быть убито...

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Ты потерялъ свое „Я“; то, что т[illegible]

чтилъ, чему поклонялся, ты пересталъ чтить. Ты будешь хотѣть, ты будешь хотѣть,—но не сможешь...

ДАВИДЪ. Мой Богъ долженъ быть моимъ „Я".

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (перебиваетъ его). Ты утратилъ небо надъ головою и землю подъ ногами. Словно тѣнь, будешь ты блуждать и искать Бога... Будешь поклоняться тому, что въ душѣ твоей давно будетъ мертвымъ... Ты будешь искать себѣ боговъ и будешь мѣнять ихъ... и будешь торговать ими... За каждаго Бога ты будешь хвататься, будешь проповѣдовать его вѣру, самъ уже больше не вѣря въ него.. Чувствами будешь ты торговать... Свое сердце будешь ты носить на своихъ рукахъ изъ страны въ страну... Но, довольно. Ты хочешь создать себѣ Бога,—на какомъ фундаментѣ, на какой почвѣ? Гдѣ твоя вѣра?

ДАВИДЪ. Я хочу вѣрить. Я чувствую, что надо мной просіяетъ свѣтъ...

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Ступай, ты потерялъ своего Бога!..

ДАВИДЪ (уходитъ твердыми шагами, Рохеле появляется въ дверяхъ съ ребенкомъ—бѣжитъ за Давидомъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Рохеле.

РОХЕЛЕ. Давидъ, Давидъ, куда ты уходишь?

ДАВИДЪ (останавливается на порогѣ двери).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (удерживаетъ Рохеле). Остановись. У тебя нѣтъ больше мужа. Твой мужъ умеръ.

ДАВИДЪ (захлопываетъ за собой дверь).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Давида, потомъ Гиндль.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Дайте я разорву на васъ ваши одежды! (Беретъ ножъ и разрѣзываетъ на Рохеле кофту, рубашонку на малюткѣ, а потомъ на себѣ самомъ) Когда умираетъ

великій еврей, всѣ евреи должны разорвать на себѣ одежды. (Садится на полъ;—дочери) Садись на землю въ знакъ траура по своемъ мужѣ.

РОХЕЛЕ (садится на землю, крѣпко прижимаетъ къ груди ребенка и начинаетъ громко плакать; ребенокъ дрожитъ у нея на рукахъ и тоже плачетъ).

ГИНДЛЬ (показывается въ дверяхъ, закутанная въ черный платокъ, только что вставъ, спросонокъ смотритъ съ недоумѣніемъ кругомъ, спрашиваетъ дрожащимъ голосомъ). Что здѣсь случилось?

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (беретъ въ руки молитвенникъ и продолжаетъ, сидя на землѣ). Помни, Господи, что сталось съ нами. Воззри на нашъ позоръ. Нашъ щитъ перешелъ въ чужія руки. (Растягивая каждое слово) На-ши дѣ-ти въ чу-жихъ ру-кахъ.

(Длинная пауза)

(Занавѣсъ падаетъ; изъ-за занавѣса слышенъ еще голосъ Ребъ-Зораха: Си-ро-та-ми мы оста-лись, безъ от-ца...)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

(Спустя семь лѣтъ)

(Та же комната, что и въ первомъ дѣйствіи. Ранняя зима. День близится къ вечеру. Черезъ окна видна полузамерзшая Висла)

ЯВЛЕНІЕ I.

Ребъ-Зорахъ и Гиндль.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (сильно постарѣвшій, сидитъ задумавшись и сгорбившись въ своемъ прадѣдовскомъ креслѣ надъ открытымъ фоліантомъ).

ГИНДЛЬ (стоитъ у печки и грѣется; открываетъ дверцу печки, наливаетъ стаканъ чаю для старика и подаетъ ему). Что будетъ, Зорахъ? Что будетъ? (Пауза.—Про себя) Какое ему дѣло, ему ни до чего нѣтъ дѣла!

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (не отрывая глазъ отъ книги). Ты говоришь со мной, Гиндль?

ГИНДЛЬ. Я знаю?

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (недоумѣвая). О чемъ же ты, Гиндль

ГИНДЛЬ. О чемъ? Тебя это совсѣмъ не тротаетъ. Ты сидишь себѣ надъ своей книгой, забывъ обо всемъ, что дѣлается на свѣтѣ. А тамъ, въ комнатѣ (Указываетъ пальцемъ на дверь справа) сидитъ себѣ молодое существо, одинокая покинутая женщина. Семь лѣтъ, семь долгихъ, безрадостныхъ лѣтъ!

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (просящимъ тономъ). Что же мнѣ дѣлать, Гиндль?

ГИНДЛЬ. Вамъ, мужчинамъ, хорошо. У васъ есть Тора. Случится, тяжело станетъ на душѣ, берешь, читаешь святое ученіе. А мы, бѣдныя женщины, — что намъ-то дѣлать?

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (встаетъ съ мѣста, оставляетъ свой носовой платокъ и тавлинку съ нюхательнымъ табакомъ на раскрытыхъ страницахъ фоліанта и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ).

ГИНДЛЬ (тихонько слѣдуетъ за нимъ). Сидитъ себѣ одинокая, покинутая, двадцать шесть лѣтъ ей всего, бѣдняжкѣ... Лучшіе годы уходятъ въ одиночествѣ. Тебѣ этого не понять, Зорахъ! Ты вѣдь только отецъ. Но я-то, вѣдь, мать. А она не говоритъ ни словечка, точно нѣмая, молчитъ отъ стыда... Стыдно ей. (Съ большею силой) Но глаза ея говорятъ! Взяли юное деревцо и вырвали изъ родимой почвы... Деревцу хочется рости, а оно, бѣдное, сохнетъ и хирѣетъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (ходитъ взадъ и впередъ).

ГИНДЛЬ (слѣдуя за нимъ по стопамъ). И знаешь. Мнѣ кажется, будто она тоскуетъ по немъ! Да, да, ни на минуту она не забыла его. Я это знаю, знаю навѣрно. Материнское сердце чувствуетъ это.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (останавливается въ смущеніи). Откуда ты это знаешь? Она говорила тебѣ?

ГИНДЛЬ. Она не говоритъ... Она не произноситъ его имени. Но глаза ея, глаза говорятъ. Стоитъ кому-нибудь назвать при ней его имя, какъ ее бросаетъ въ жаръ и въ холодъ... Тоскуетъ она по немъ... Молодая женщина, молодое деревцо, хочетъ цвѣсти, хочетъ жить.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (останавливается, держа руки въ карманахъ жилета). Но что же мнѣ дѣлать?

ГИНДЛЬ (какъ прежде). Иной разъ припадаетъ она ко мнѣ на грудь и начинаетъ плакать; сердце у меня рвется на части тогда—по немъ, вѣдь, это она плачетъ.

(Пауза)

Сердце рвется на части! Молодая женщина, былинка... Иной разъ, въ субботу, сидитъ она у окошка и глядитъ въ него, на улицу глядитъ... Дѣвушки, женщины проходятъ, гуляютъ, нарядныя, веселыя... радуются празднику... Она одна сидитъ дома, у окошка. Слыханное дѣло! Молодая женщина...

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (сердито). Но что мнѣ дѣлать? Что я могу сдѣлать? Я писалъ тогда, послѣ несчастья, въ Варшаву, даену *), рабби Іозелю... Онъ знаетъ его. Онъ былъ вѣдь у насъ въ домѣ, гостемъ. Я просилъ его—разузнать, гдѣ онъ... позвать къ себѣ, поговорить съ нимъ о разводѣ. Такъ онъ ему отвѣтилъ — знаешь что?—Онъ дастъ разводъ, если она, Рохеле, захочетъ развода! Если она сама своей рукой напишетъ ему... Ты же говорила съ ней?!

ГИНДЛЬ. Не хочетъ. Слышать не хочетъ. Я говорю ей: еврейкѣ нельзя такъ... Нельзя сидѣть точно незамужней... Это большой грѣхъ. А она молчитъ. Молчитъ, да плачетъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Что же дѣлать? Нельзя уговаривать; большой грѣхъ вмѣшиваться между мужемъ и женой. Нельзя вмѣшиваться между мужемъ и женой...

ГИНДЛЬ (въ безпомощномъ отчаяніи). Какой же этому будетъ конецъ? Вѣдь проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей, а она сидитъ, печальная, одинокая. Какой конецъ этому будетъ?

(Въ комнатѣ начинаетъ смеркаться; съ улицы слышно какъ шамесъ **) стучитъ, созывая къ вечерней молитвѣ)

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Мнѣ пора пойти молиться, Гиндль... Скажи Рохеле, чтобъ пришла ко мнѣ послѣ молитвы, мнѣ нужно поговорить съ нею. (Уходитъ)

*) Духовный судья у евреевъ.

**) Синагогальный служка.

ГИНДЛЬ (стоитъ съ минуту посрединѣ комнаты. Утираетъ платкомъ глаза и громко зоветъ въ дверь направо) Іехезкель, Іехезкель! Пора опять въ хедеръ собираться. Темнѣетъ. (Идетъ въ комнату, что посрединѣ, насупротивъ рампы. Проходя, поправляетъ нѣкоторые стоящіе на дорогѣ предметы)

ЯВЛЕНІЕ II.

Іехезкель и Рохеле.

ІЕХЕЗКЕЛЬ (мальчикъ лѣтъ одиннадцати, высокій, стройный съ длинными, вьющимися локонами надъ ушами, въ бархатной шапочкѣ и бѣлой застегнутой шубкѣ, вбѣгаетъ изъ двери направо, капризно крича). Я не хочу одѣваться, на улицѣ не холодно, я не смерзну!

РОХЕЛЕ (выросшая за это время, вполнѣ развившаяся входитъ съ платкомъ въ рукѣ). Подойди сюда, когда мама зоветъ!

ІЕХЕЗКЕЛЬ (идетъ обратно къ матери, капризно надувъ губки). Чего хочетъ мама?

РОХЕЛЕ (съ материнской нѣжностью). Глупенькій, ты вѣдь замерзнешь, на дворѣ холодно.

ІЕХЕЗКЕЛЬ. Совсѣмъ нѣтъ, мамочка, на дворѣ со всѣмъ не холодно.

РОХЕЛЕ (одѣвая ему платокъ на шею). Молчи, глупенькій, молчи. Будешь слушаться мамы, такъ будешь здоровъ, Богъ дастъ, сильный будешь, сможешь учиться и понимать святую Тору!

ІЕХЕЗКЕЛЬ (съ дѣтской гордостью). А теперь я будто не понимаю! У насъ начали новый урокъ. Я знаю лучше всѣхъ товарищей! Хочешь послушать, мама? Хочешь?

РОХЕЛЕ (оглядываясь, нѣтъ ли кого-нибудь въ комнатѣ). Вотъ, такъ мама любитъ тебя. А когда хорошенько будешь знать, тогда пріѣдетъ твой отецъ и станетъ спрашивать тебя обо всемъ, что ты знаешь.

ІЕХЕЗКЕЛЬ (вдругъ задумавшись). А отецъ гдѣ?

РОХЕЛЕ (съ грустью). Твой отецъ ушелъ куда-то далеко, въ чужіе края, чтобъ для тебя... для тебя, сыночекъ... (Останавливается вдругъ)

ІЕХЕЗКЕЛЬ. Мой отецъ — раввинъ, мамочка? Не правда ли, раввинъ, съ длинными пейсами. О, я буду хорошо учиться... Для отца, мама. (Подходитъ къ шкафу съ книгами и фоліантами) Гдѣ тутъ Гемара „Бово миціонъ“... Ага! Вотъ она. (Подпрыгиваетъ на цыпочкахъ и достаетъ книгу) Сейчасъ! (Подходитъ къ столу) Сейчасъ я найду эту страницу. (Перелистываетъ и находитъ) Вотъ, послушай, мама! (Читаетъ нараспѣвъ, переводя тутъ же) Шнаимъ ойхзинъ б талис — двое держатъ платье. Вээ омар: аани мацойси — одинъ говоритъ: я его нашелъ; В зэ-э омаръ: аани мацойси — а другой говоритъ: я его нашелъ.

РОХЕЛЕ (про себя). Его голосъ! Въ его годы онъ, навѣрно, тоже такъ читалъ. Вотъ такъ онъ тоже... читалъ и учился, тогда... когда я бывало стою за дверью... (Точно забывъ, гдѣ она) Гдѣ ты? подойди, послушай, какъ читаетъ твой сынъ...

ІЕХЕЗКЕЛЬ (съ испугомъ). Съ кѣмъ ты говоришь, мама?

РОХЕЛЕ. Нѣтъ, нѣтъ! (Бросается къ нему съ поцѣлуями) Мой мальчикъ, мой дорогой, милый мальчикъ!

ІЕХЕЗКЕЛЬ (вырвавшись снова и обтирая поцѣлуи,—съ упрекомъ). Ребе *) сказалъ, что нельзя позволять цѣловать себя женщинѣ.

РОХЕЛЕ (продолжая насильно цѣловать его). Глупенькій, мама вѣдь не „женщина“... Она, вѣдь, мама! Мамѣ можно, глупенькій.

ІЕХЕЗКЕЛЬ (вырывается). Мамѣ тоже нельзя,—нельзя, нельзя!

*) Учитель.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Гиндль.

ГИНДЛЬ (возвращается съ ломтемъ хлѣба, намазаннаго гусинымъ жиромъ и подаетъ его Іехезкелю). На, возьми. Да поторопись, Іехезкель, уже поздно. Уже читаютъ вечернюю молитву, скорѣй!

ІЕХЕЗКЕЛЬ. Ребе велѣлъ принести три копѣйки на керосинъ.

ГИНДЛЬ (ищетъ въ карманѣ). Охъ, эти ребе!

ІЕХЕЗКЕЛЬ. А для меня—копѣйку на яблочки!

ГИНДЛЬ (даетъ ему трехкопѣечную и копѣечную монеты).

РОХЕЛЕ. Подожди, подожди! (Убѣгаетъ къ себѣ въ комнату и приноситъ оттуда яблоко. Застегиваетъ на немъ шубку и даетъ ему въ руки фонарикъ и хлѣбъ)

ГИНДЛЬ. Ну, будетъ уже, будетъ, ступай себѣ на здоровье. Да не ходи посрединѣ улицы, а то еще, Боже упаси, тебя переѣдутъ,—слышишь? И не смѣй кататься по льду, слышишь?

ІЕХЕЗКЕЛЬ. Слышу, слышу. (Береть въ ротъ яблоко и откусываетъ)

ГИНДЛЬ. А благословился ты передъ ѣдой?

ІЕХЕЗКЕЛЬ (въ дверяхъ съ полнымъ ртомъ). Буагосуовиуся... Буагосуовиуся... (Исчезаетъ за дверью)

ГИНДЛЬ. Пусть идетъ себѣ съ Богомъ! (Уходитъ, провожая его)

РОХЕЛЕ (со слезами въ глазахъ). Дитя мое, жизнь моя... (Въ комнатѣ уже почти темно; видно лишь, какъ на дворѣ сверкаетъ бѣлый снѣгъ; Рохеле подходитъ къ окну, выглядываетъ на улицу. Послѣ долгаго молчанія, про себя) Рѣка сбирается ко сну... Тихо, тихо! Скоро уснетъ она... Бурлятъ, пѣнятся еще волны... но морозъ вѣетъ надъ ними.—Стихаютъ воды, засыпаетъ рѣка... Вѣтеръ баюкаетъ ее ко сну... свищетъ, несется надъ нею, обсыпаетъ ее легкимъ пухомъ, легкимъ пухомъ—бѣлыми *снѣжинками*... Одѣваетъ ее, словно въ бѣлый саванъ.

Утихнетъ она, перестанетъ катить свои волны — изъ одного края свѣта—къ другому краю свѣта... Тихонько, тихонько будетъ она спать подъ холоднымъ льдомъ, подъ своей бѣлой пеленой... Бурлитъ она, ропщетъ еще, ломаетъ тонкую ледяную кору, не хочетъ уснуть,—мятется, бурлитъ... Но вѣтеръ все вѣетъ, вѣетъ, падаетъ бѣлый снѣгъ... Тише, слабѣе ропщетъ рѣка, смиряется передъ суровой зимой... Тихо, тихо катятся, усыпая, волны... Усыпаетъ рѣка... Тсс... Засыпаетъ рѣка... Тссс...

ГИНДЛЬ (возвращается, зажигаетъ лампу и подходитъ грѣться къ печкѣ). Холодно. (Пауза) Суровая будетъ зима въ этомъ году, жалко бѣдныхъ людей. (Стучитъ. Черезъ стѣну въ сосѣднюю комнату) Хана, Хана, подложи еще дрова въ печку,—холодно...

(Изъ сосѣдней комнаты слышно, какъ колютъ дрова)

(Продолжительная пауза)

(Изъ-за сцены, изъ прилегающей молельни доносится вдругъ голосъ кантора, произносящаго нѣвучимъ голосомъ молитву. Гиндль и Рохеле встаютъ, оборачиваются лицомъ къ востоку и повторяютъ вслѣдъ за кантором слова молитвы, больше глазами, чѣмъ губами)

ГИНДЛЬ (послѣ долгой паузы). Отойди, Рохеле, отъ окна, простудишься еще, не дай Богъ! (Садится поближе къ лампѣ и начинаетъ вязать чулокъ) Отецъ хочетъ поговорить съ тобой послѣ молитвы.

РОХЕЛЕ (точно очнувшись). Что нужно отцу?

ГИНДЛЬ. Не знаю. Ему нужно о чемъ-то поговорить съ тобой. (Пауза) А знаешь, Рохеле, если Богъ захочетъ, Онъ можетъ сдѣлать, чтобъ все было хорошо. Все въ рукѣ Божіей. (Долго тщетно ждетъ отвѣта) Онъ—Творецъ міра, Онъ все можетъ. (Какъ прежде—съ упрекомъ—) А ты, Рохеле, только и знаешь, что молчать да вздыхать; смотри, дочка, большой грѣхъ ты можешь взять

на душу передъ Богомъ. (Обрываетъ и смотритъ сердито на дочь) Ты ничего не отвѣтишь, ни слова?

РОХЕЛЕ. Что мнѣ тебѣ отвѣтить?

ГИНДЛЬ. Развѣ я не мать тебѣ, что?

РОХЕЛЕ. Что мнѣ сказать тебѣ? что?

ГИНДЛЬ. Что? Я тоже не знаю, что. Если захочешь, такъ будешь знать, что... Тяжелый грѣхъ берешь ты на душу, дочка. (Послѣ паузы) Ты думаешь, я ничего не понимаю? Вотъ, сидишь ты такъ, да молчишь. А у меня сердце рвется на части... Точно нѣтъ ужъ въ небѣ Творца милосерднаго. Точно безъ него нѣтъ ужъ для тебя другого суженаго. Крышка захлопнулась... И сегодня читала я объ этомъ въ святыхъ книгахъ. Царь Соломонъ захотѣлъ однажды испытать, дѣйствительно ли судьба сама рѣшаетъ кому съ кѣмъ жить. Взялъ онъ ребенка, дѣвочку, отнялъ ее отъ груди и услалъ въ пустыню... куда не ступала еще человѣческая нога... Куда не долетала еще ни одна птица... Посадилъ онъ эту дѣвочку въ хрустальный домикъ и велѣлъ птичкѣ каждый день приносить этой дѣвочкѣ пищу съ царскаго стола. И росла такъ дѣвочка въ своемъ хрустальномъ домикѣ одна-одинешенька... одна-одинешенька!.. Но вотъ, случилось, проѣзжалъ разъ корабль по морю... И наслалъ Богъ на море бурю... Корабль разбился вдребезги... И одинъ юноша, ѣхавшій на кораблѣ, схватился за одинъ изъ обломковъ... Вѣтеръ пригналъ его вмѣстѣ съ бревномъ къ тому острову, гдѣ стоялъ хрустальный домикъ, гдѣ жила маленькая дѣвочка! И былъ онъ ея суженымъ...

РОХЕЛЕ. И у меня былъ мой суженый, а теперь нѣтъ его...

(Въ дверяхъ показывается Ребъ-Зорахъ)

ГИНДЛЬ. Пусть онъ говоритъ съ тобой, онъ лучше сумѣетъ...

(Уходитъ, Рохеле за ней)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ребъ-Зорахъ, Рохеле.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (входитъ, садится за столъ, раскрываетъ фоліантъ, заглядываетъ въ него, потомъ закрываетъ снова. Стучитъ пальцемъ въ дверь). Пойди ко мнѣ, Рохеле.

РОХЕЛЕ (выходитъ къ отцу).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Садись.

РОХЕЛЕ (садится).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Я хочу поговорить съ тобой кой о чемъ.

РОХЕЛЕ (молчитъ).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Я хочу переговорить съ тобой. Ты прячешься отъ меня... Всѣ семь лѣтъ... Точно ты боишься меня... Мнѣ кажется, будто ты сердишься на меня?

РОХЕЛЕ. Я—на тебя, отецъ? За что?

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Ты сама, можетъ быть, не знаешь объ этомъ, дитя мое, но тамъ, глубоко въ душѣ... Ты думаешь, что я не страдаю съ тобой вмѣстѣ?.. Я страдаю... И не только съ тобой,—ты жъ мнѣ дитя,—но и съ нимъ—онъ мнѣ тоже дитя. Въ Святыхъ книгахъ сказано: кто учитъ кого-нибудь Торѣ, тотъ словно отецъ тому... А я вѣдь училъ Давида Торѣ. Много надеждъ вложилъ я въ него.

РОХЕЛЕ (закрываетъ лицо руками).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. И ты должна знать, Рохеле, что тутъ никто не виноватъ—ни я, ни ты, ни онъ самъ. Ты слышишь—онъ самъ тоже нѣтъ! Онъ началъ думать, разныя мысли стали бродить у него въ головѣ... а Богъ (да будетъ благословенно Его имя) хочетъ вѣры... А вѣра—въ душѣ, въ сердцѣ—а не въ мозгу... А вопросовъ есть много... Вотъ онъ и пустился въ свѣтъ искать отвѣта... (Встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ) Поэтому-то ему здѣсь стало тѣсно, темно ему здѣсь стало... Намъ свѣтло, а ему стало темно...

РОХЕЛЕ (разражается рыданіями). Но что мнѣ сказать Іехезкелю, когда онъ спрашиваетъ меня, гдѣ его отецъ? У каждаго ребенка въ хедерѣ есть отецъ, у него одного—нѣтъ...

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Я говорю не объ этомъ. Это предоставь мнѣ. Я скажу ему это. Или нѣтъ, наоборотъ, лучше ты скажи ему, скажи ему правду. Лучше, чтобъ мать сказала... Онъ ушелъ... А когда Іехезкель станетъ старше, тогда онъ самъ пойметъ. (Пауза) (Съ минуту Ребъ-Зорахъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ) Но я не объ этомъ хотѣлъ говорить. (Останавливается передъ Рохеле) Скажи мнѣ, Рохеле... Скажи мнѣ правду: ты еще любишь его? Любишь ты еще Давида, твоего мужа?

РОХЕЛЕ (съ плачемъ). Я сама не знаю.

РЕВЪ-ЗОРАХЪ (послѣ долгой паузы). Я не хочу уговаривать тебя развестись съ нимъ. Боже сохрани! Ты знаешь, онъ писалъ объ этомъ. Я ни тогда, ни теперь не принуждаю тебя. Но мнѣ жаль твоихъ юныхъ лѣтъ. Скажи, Рохеле, еслибъ Давидъ пришелъ сюда, пришелъ и сказалъ: Рохеле, жена моя, пойдемъ со мной... Ты бы пошла?

РОХЕЛЕ (продолжая плакать). Я не знаю.

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Или если онъ придетъ и захочетъ взять Іехезкеля, взять съ собой, въ далекіе края... сдѣлать съ нимъ, что ему захочется?.. Ты отдашь ему его?

РОХЕЛЕ (рѣшительно). Нѣтъ! это нѣтъ! Я не отдамъ его, ни за что... Это мое дитя... мое дитя...

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Слава Богу, хоть одна душа спасена!

(Изъ сосѣдней комнаты доносится стукъ. Кто-то стучится въ дверь. Ребъ-Зорахъ и Рохеле переглядываются съ удивленіемъ и испугомъ. Дверь слѣва открывается. Входитъ Давидъ и останавливается на порогѣ. На немъ поношенный костюмъ, короткаго, еврейскаго покроя. Лицо, нѣсколько дней небритое, обросло небольшой бородой. Онъ выглядитъ постарѣвшимъ и усталымъ)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Давидъ, потомъ Гиндль.

ДАВИДЪ. Добрый вечеръ!

РОХЕЛЕ (съ минуту глядитъ на него и убѣгаетъ въ дверь направо съ плачемъ и крикомъ). Мама, мама, мама!

(Пауза)

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (подходитъ къ Давиду и пристально смотритъ ему въ глаза). Давидъ?

ДАВИДЪ. Да, это я!

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (отходитъ назадъ и садится). Это ты? Если ты вернулся—къ своей женѣ и сыну, (Указывая на дверь справа),—они тамъ!

ДАВИДЪ. Не только къ женѣ и сыну, но и къ вамъ тоже, отецъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Какъ, ко мнѣ тоже? А гдѣ ты оставилъ свою мастерскую, гдѣ лѣпятъ боговъ?

ГИНДЛЬ (появляясь въ дверяхъ). Давидъ, это ты?

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Гиндль, намъ нужно поговорить кой о чемъ.

ГИНДЛЬ (уходитъ).

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Ты пришелъ за сыномъ? Какой же путь нашелъ ты для него? Какую вѣру дашь ты ему?

ДАВИДЪ. Не мой долгъ дать ему какую-нибудь вѣру. Я хочу ему передать лишь то, что я знаю, а остальное пусть онъ самъ ищетъ для себя.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Какъ? Неужели ты не можешь дать ему вѣры, которую ты самъ нашелъ?

ДАВИДЪ. Я бродилъ по всему бѣлому свѣту. Я служилъ всѣмъ кумирамъ... Свою душу я раздробилъ на мелкіе кусочки; каждому кусочку далъ я имя. Имя—имя лишь ярлыкъ, но не чувство, не мысль, которую оно означаетъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. И это ты хочешь передать своему сыну?

ДАВИДЪ. Увы, нѣтъ ничего другого, что бъ можно было передать...

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Нѣтъ; мы не позволимъ; мы—евреи, наша дочь—еврейское дитя, она не пойдетъ съ тобой. Она не отдастъ тебѣ сына.

ДАВИДЪ. Посмотримъ...

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Она убѣжала отъ тебя... Ты обманулъ ее, она не хочетъ знать тебя, она не пойдетъ съ тобой.

ДАВИДЪ (подходитъ къ двери, черезъ которую ушла Рохеле и громко зоветъ). Рохеле, твой мужъ вернулся къ тебѣ... Я здѣсь, жду тебя.

(Пауза)

РЕВЪ-ЗОРАХЪ. Она не отвѣчаетъ тебѣ.

ДАВИДЪ (спокойно). Я долженъ уйти? Рохеле, Давидъ, твой мужъ, вернулся и ждетъ тебя.

РОХЕЛЕ (появляется на порогѣ, медленно пріоткрываетъ дверь, становится въ сторонѣ и ждетъ, потупивъ глаза въ землю).

ДАВИДЪ (Ребъ-Зораху). Отецъ, мнѣ нужно поговорить съ моей женой.

РЕВЪ-ЗОРАХЪ (строго). Да, она твоя жена... Но я—еврей. Я стою на стражѣ и не допущу, чтобъ еврейская душа погибла въ еретическихъ рукахъ.

ДАВИДЪ. Рохеле... Настало время... Тебѣ нужно выбрать между мной и отцомъ... Здѣсь, у отца, передъ тобой лежитъ прямой путь—путь, по которому шли наши отцы и дѣды, завѣщая его, со смертью, одинъ другому... одинъ другому—вѣра еврейскаго народа. Я не дамъ тебѣ ея... Я сокрушилъ ее въ себѣ самомъ... Я бродилъ и искалъ иного пути, иного, чѣмъ можно бы жить—но не нашелъ...

Въ книгахъ искалъ я то, что потерялъ здѣсь въ книгахъ же. Книги,—вѣдь это мертвые ярлыки—каждый изъ нихъ означаетъ тѣ или другія чувства, тѣ или другія мысли—но сами они—не мысли, не чувства. Я торговалъ ярлыками, между тѣмъ какъ въ душѣ моей давно уже нечѣмъ было оплатить ихъ...

Зачѣмъ искать, Рохеле, зачѣмъ гнаться?—Кто заслонилъ отъ нашихъ глазъ скупо-отсчитанныя намъ минуты жизни, кто околдовалъ нашъ взоръ маревомъ вѣчности, понукая насъ вѣчно, безъ устали, приносить свою настоящую жизнь въ жертву какому-то туманному будущему! Сбросить бы съ себя разъ навсегда тяжелое бремя исканій, сомнѣній, и научиться радоваться маленькимъ радостямъ, которыя жизнь бросаетъ намъ подъ ноги...

Вотъ, такимъ я являюсь къ тебѣ, Рохеле, утомленный жизнью, утомленный исканіями. Въ твоихъ нѣжныхъ объятіяхъ хочу я найти отвѣтъ на свое заблудшее существованіе, въ глазахъ твоихъ увидѣть свѣтъ того мрачнаго „ничто“, что я нашелъ за окнами нашего дома, въ напѣвѣ Гемары хочу я услышать баюкающую пѣсню, которая усыпила бы во мнѣ жизнь. (Рохеле) Ты пойдешь со мной, Рохеле?..

РОХЕЛЕ (тихо, боязливо). Нѣтъ, Давидъ, слишкомъ долго, слишкомъ далеко ты былъ отъ меня... Что-то умерло во мнѣ, что было твоимъ, что было тобой, Давидъ. (Съ неожиданной силой) Чѣмъ-то чуждымъ вѣетъ на меня отъ твоего тѣла... Межъ твоихъ пальцевъ я чувствую волосы другой... Слишкомъ далеко ты былъ отъ меня. (Отступаетъ и прячется отъ него за спину отца)

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. Отецъ небесный, что случилось съ твоимъ народомъ, Израилемъ? Словно овцы безъ пастырей стали мы... (Давиду) Чего пришелъ ты искать съ пустымъ сердцемъ у насъ? Развѣ мы—мертвыя души, наши дома — могилы, а наши книги (Указываетъ на фоліанты)—лишь памятники по мертвымъ словамъ, что ты пришелъ со своей больной душой къ намъ, чтобъ усыпить ее напѣвомъ Гемары? Нѣтъ, намъ не нужно, чтобъ ты умиралъ среди насъ. Свою жизнь ты понесъ въ иныя мѣста, ступай, неси туда и свою смерть. (Беретъ Рохеле за руку) Слава Богу, ты—еврейка, ты еврейка...

ДАВИДЪ (спокойнымъ шагомъ направляется къ двери одинъ).

РОХЕЛЕ (печально глядитъ ему вслѣдъ, вырывается вдругъ изъ рукъ отца). Пусти меня, пусти меня пойти за нимъ. Давидъ, я люблю тебя, я люблю тебя такимъ, какой ты есть, останься со мной, пойди ко мнѣ. (Бросается ему на шею)

РЕБЪ-ЗОРАХЪ (подбѣгаетъ къ ней). Вспомни Бога!

РОХЕЛЕ. Пусть Онъ накажетъ меня, пусть Онъ покараетъ меня. Я иду за нимъ, я хочу идти съ нимъ.

РЕБЪ-ЗОРАХЪ. А твой сынъ, Рохеле?

ІЕХЕЗКЕЛЬ (обсыпанный снѣгомъ, съ фонарикомъ въ рукѣ, кричитъ еще за дверью). Мама, мама, ребе сказалъ... (Входитъ въ комнату, замѣчаетъ „чужого человѣка", застѣнчиво подходитъ къ матери и смотритъ на нее съ недоумѣніемъ)

РОХЕЛЕ (беретъ его за руку и, указывая на Давида, говоритъ тихонько). Вотъ твой отецъ, Іехезкель.

ІЕХЕЗКЕЛЬ (вскидываетъ глазами на Давида, прячется за передникъ матери и плачетъ). Я не хочу такого отца.

ДАВИДЪ (одинъ уходитъ твердыми шагами).

ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ.

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

КАКЪ БЫЛО.

Было странно, почти невѣроятно, что такая маленькая тщедушная старушка могла выплакать такъ много слезъ.

Цѣлыя недѣли она не ложилась спать, задремывая на минутку передъ зарей, прислонившись головой къ стѣнѣ. Что бы ни дѣлала, прибирала ли по дому, ходила ли по безконечнымъ учрежденіямъ и вліятельнымъ лицамъ, одно—слезы, слезы, слезы...

Была она у всѣхъ: у губернатора, у полицмейстера, у приставовъ, у предсѣдателя судебной палаты, у знаменитыхъ адвокатовъ, ходила въ канцелярію вѣдомства императрицы Маріи, къ попечителю учебнаго округа, была въ обществѣ покровительства животнымъ, и вездѣ было одно и то же:

— Что вамъ угодно?

Она глотала слезы, глядѣла измученными глазами, которые умоляли.

— Сы... сыночекъ у меня...

Но не выдерживала и рыдала неудержимыми, неподавимыми рыданіями. И, дрожа, что ее не дослушаютъ, не дадутъ досказать, била земной поклонъ, уже не въ силахъ сдерживать рвущихся рыданій.

— Одинъ... о-динъ онъ у меня... Ванюшечка...

Люди разомъ смолкали, смотрѣли на нее, потомъ долго какими-то другими голосами уговаривали:

— Матушка, мы вѣдь ничего не можемъ сдѣлать... вы не туда попали... обратитесь туда-то и туда-то...

Потомъ сторожа бережно и осторожно выводили на подъѣздъ, и говорили:

— Иди, иди, мать... иди... ничего тутъ не помогутъ...

И она шла и плакала неудержимо слезами, которыхъ никогда не выплакать, и тащилась въ другое учрежденіе.

Она не помнитъ, прошелъ ли съ тѣхъ поръ мѣсяцъ или день, отворилась низенькая дверь, и въ комнату шагнулъ высокій съ ражимъ отъѣвшимся лицомъ городовой въ темной шинели.

Такъ и кинулась къ нему, такъ и залилась.

— Матвѣичъ, рòдный мой... ты бы узналъ, что...

Они были изъ одной деревни, но городовой уже давно служилъ, и городъ, и полиція, и казарменная жизнь по своему обработали его лицо, фигуру, душу.

— Постой... вишь ты...—и сталъ отстегивать, долго возясь, саблю, а старушка рыдала у него на груди, выговаривая сквозь слезы:

— Ванюшечка... родной мой... сы-нокъ мой...

Тотъ отстегнулъ саблю, поставилъ въ уголъ, снялъ шинель, не торопясь и оттягивая время. Помолился на уголъ.

— День ноньче слободный... дай, думаю, зайду... Эхъ, служба наша!..

И онъ присѣлъ на лавку за столъ.

— Родимый мой, чѣмъ мнѣ тебя попотчевать... не варила я... съ тѣхъ самыхъ поръ не варила... о-о-о-о!..

Городовой крякнулъ, почесалъ за ухомъ:

— Мозоль у меня... вотъ до чего... стоять на посту нельзя,—и, помолчавъ, опять добавилъ:—эхъ, служба наша!..

— Самоварчикъ либо наставить... постой, родимый, я заразъ...

Она возилась у печки, щепля лучину, а слезы капали и городовой лазалъ глазами по потолку, проводилъ ладонью по усамъ, то собиралъ, то распускалъ кожу надъ переносицей.

— Хочь бы однимъ глазкомъ... что тамъ съ нимъ дѣлаютъ...

Тотъ откашлялся, поскребъ подъ мышкой, повозился на лавкѣ, какъ будто было колко сидѣть.

— Трудно въ деревнѣ, грязно и необразованность, чаю до дѣла напиться не умѣютъ, а, ей-Богу, въ иной чередъ снялъ бы саблю, ливорвертъ, бросилъ приставу: вотъ тебѣ хомутъ и дуга, а я тебѣ больше не слуга! и махнулъ бы въ деревню. Вотъ какъ передъ Истиннымъ!.. И харчъ, и помѣщеніе тебѣ въ казармѣ, одежа казенная и при господахъ завсегда: приставъ, полицмейстеръ пріѣзжаетъ, прокуроръ,—хорошій господинъ, домъ свой трехъэтажный на Воловьей, а то и самъ жандаръ, полковникъ ихній,—все при господахъ, а вотъ иной случай все бы бросилъ, прямо въ деревню залился. Ей-Богу. Скажемъ, къ примѣру, политику нужно али депламатію, ну трудно мнѣ насчетъ депламатіи, инда взопрѣешь... Какая тутъ веселость...

Онъ откусилъ сахару, подулъ, сложивъ губы дудочкой, и съ шумомъ втянулъ воздухъ съ дымящимся чаемъ.

— Позавчера въ нарядѣ былъ. Теперь у насъ подъ *это* сарай отвели; прежде пожарныя лошади стояли, такъ очистить велѣно,—за городъ далече господамъ ѣздить. Да. Ночью часа въ три ввели насъ. Сарай здоровенный, конца не видать, и крыши не видать, темь, только что фонарь на стѣнкѣ возлѣ дверей, да посередкѣ у стола. На столѣ, стало быть, черная скатерть, чернильница, перья, весь причендалъ. За скатертью—прокуроръ, возлѣ—попъ, о. Варсонофій, а этакъто—докторъ. Фонарь надъ ними. Докторъ какъ сѣлъ, закрылся руками, локти поставилъ на столъ, такъ и сидитъ, ни разу не глянулъ. Батюшка все цѣпь крутитъ съ крестомъ на груди, вотъ, думаю, перекрутитъ, разсыпется. Серебряная, золоченая. Нда-а, стоимъ. Четверо насъ. Да отъ охраны человѣка три стоятъ

поодаль въ темнотѣ. Ну... На каланчѣ къ пожару прозвонили; слыхать во дворѣ забѣгали, зазвонили, выкатываютъ и загремѣли въ ворота. Стихло. Стоимъ, дожидаемъ. Прокуроръ все ногти чиститъ. Ножичекъ такой, тамъ чего, чего хочешь: и ножички, и подпильники, и уховертка, и въ зубахъ ковырять, и гребеночка усы расчесывать... Спрячетъ, посидитъ, опять достанетъ, опять чиститъ, такъ думаю, наскрозь прочистилъ. И время-то много, и стоять скучно, и боишься, что скоро пройдетъ. Крыша худая, подымѣшь голову,— звѣзды пробиваются.

Вошли двое. Глянулъ, такъ на сердцѣ заскребло: замѣстъ лица маски черныя, только что видать бороду да усы, да глаза ворочаются. Гдѣ потемнѣй прошелъ одинъ, потомъ другой. Тутъ я увидалъ двѣ веревки въ темнотѣ спущаются отъ самой отъ крыши, а подъ кажной, подъ веревкой, по табуреткѣ. Одинъ взялся, подтянулся—крѣпко; другой— крѣпко. Стали, дожидаются.

Гляжу я на нихъ, и сволочь жадная! У одного дома на Березовой за мостомъ аккуратъ противъ богадѣльни, какъ передъ Истиннымъ!.. такъ мало ему, суды лѣзетъ, еще хругваносецъ... Тьфу, прости Господи!.. За кажнаго они по сту цѣлковыхъ получаютъ. Мы ужъ подавали начальству, чѣмъ имъ платить, такъ мы сами... все одно, не мы, такъ другіе, конецъ одинъ, а намъ на брата по четвертной придется, — четверо насъ. Ну, пока отвѣта нѣту еще... Ффу-у!.. жарко... взопрѣлъ!.. али еще стакашекъ... Ну, вотъ, стоимъ, ноги отстояли. Прокуроръ было спряталъ, опять досталъ, опять зачалъ чистить... Только загремѣло по мостовой. Думали, пожарные назадъ, анъ нѣтъ, у самыхъ у дверей остановились. Шибко застучали; глухо по всему сараю, какъ въ гробу... Сразу двери распахнулись, ввалились двое городовыхъ, а промежду ихъ человѣкъ, бородатый, подъ руки его крѣпко держатъ; впереди, сзади

городовые съ ружьями; чиновникъ за ними, портфель подъ мышкой. Подошелъ къ прокурору, рапортуетъ: такъ и такъ молъ, доставилъ изъ дома заключенія арестанта за номеромъ. Прокуроръ поднялся, взялъ бумаги, расписался.

„Вы, говоритъ, господинъ Ушаковъ?“

„Да“.

„Вы имѣете полное право на послѣдокъ распоряженіе сдѣлать“.

„Я хочу письмо женѣ написать“.

„Можно, можно“.

Прокуроръ заспѣшилъ, подалъ ему бумаги. Энтотъ сѣлъ къ столу, макнулъ, сталъ писать. И те-емь такая въ сараѣ стала, просто темь. Долго писалъ, листъ кругомъ исписалъ.

„Дайте мнѣ, говоритъ, конвертъ“.

„Да зачѣмъ конвертъ?“—прокуроръ-то.

„А какъ же я адресъ напишу?“

Прокуроръ забезпокоился,—да, адресъ, дѣйствительно, негдѣ. Порылся, досталъ конвертъ. „Извольте“. Взялъ конвертъ, лизнулъ, запечаталъ, сталъ писать адресъ, долго писалъ, какъ будто и конца этому не будетъ. Опять загремѣло по мостовой, остановились и опять ввалились городовые, и двое держутъ. Молоденькій, ни усовъ, ни бороды, я его и не призналъ спервоначалу. Зиркъ, зиркъ во всѣ стороны... Какъ увидалъ, какъ забьется у нихъ въ рукахъ.

„Вы, говоритъ прокуроръ, господинъ Никалюкинъ?“

Какъ завизжитъ, какъ закричитъ не своимъ голосомъ:

„Нѣ-ѣтъ!.. нѣ-ѣтъ!.. нѣ-ѣтъ!.. Я—не Никалюкинъ... я—не Никалюкинъ... я—не Никалюкинъ... я—Николаевъ“...

„Какъ Николаевъ?“

Прокуроръ ажъ вскочилъ... Такъ по всему сараю шелестъ шопота: шшу... шшу... шшу... Докторъ даже

руки отнялъ, впервòй глянулъ. Охранники, и тѣ повеселѣли...

„Я—не Никалю-укинъ... я—Николаевъ!“

Прокуроръ прытко побѣжалъ къ телефону. Дзинь, дзинь, дзинь!.. „Вы, говоритъ, прислали къ намъ по ошибкѣ арестанта... подъ фамиліей Никалюкинъ, а онъ—Николаевъ“... Помолчалъ. Всѣ притаились. И опять кричитъ въ телефонъ: „Николаевъ... онъ самъ заявляетъ“... Опять помолчалъ. Тихо. Никто не дышетъ... „Да какъ же такъ!..“ сердится, значитъ, не хочетъ отойтить, — „тутъ недоумѣніе... я пришлю вамъ его назадъ...“ Опять послушалъ, потомъ потемнѣ-ѣлъ съ лица, положилъ трубку и къ столу. А къ энтому, къ первому-то попъ подошелъ, крестъ зажалъ. „На послѣднихъ твоихъ минутахъ, говоритъ, принеси покаяніе передъ Господомъ, Онъ облегчитъ...“ А онъ его легонечко такъ за плечи обернулъ и такъ: „иди, иди, батюшка, иди...“ Отецъ Варсонофій пригнулся, крестъ прижалъ, оглядывается, бокомъ, этакъ бокомъ поспѣшаетъ, благословляетъ его, самъ скорѣй къ столу. Докторъ лицо закрылъ. Тихо, и опять те-емь!.. Прокуроръ стоитъ, бородку крутитъ. И слышимъ: „Бороду петлей прихватилъ... больно... выпростай!..“ И опять: „сними съ меня пальто... неловко... не тебѣ висѣть...“ И ахнуло въ сараѣ: полетѣла на полъ табуретка... А по сараю ажъ въ ушахъ узжитъ:

„Я—не Никалюкинъ... я—Николаевъ... у меня мать... спросите у матери... у ма-атери... у ма-атери... у ма-атери...“ — покеда голосъ не захлестнуло... — Ну вó!.. вотъ она ваша бабья сословія... Что мнѣ теперь съ тобою дѣлать... Эхъ, служба!.. Куда шинель то положилъ?.. Ну чего?.. не вернешь... а сама спрашивала... лучше бъ не приходилъ... Вотъ она депламатія!.. Пойдемъ, что ль, могилку покажу...

L BOOKBINDING CO.
3152
TROL MARK

Stanford University Libraries
3 6105 015 005 957

MG3221
S33
V. 34
21

DATE DUE			

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305